

**ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИСТОРИЯ
НАРОДОВ РОССИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
И ДОКУМЕНТАХ**

Выпуск 8

**К 50-летию Центра истории народов России
и межэтнических отношений ИРИ РАН**

**Москва
2018**

Б 042(02)1

История народов России в исследованиях и документах. Вып. 8 / отв. ред. В.В. Трепавлов. М.: Институт российской истории РАН, 2018.

В восьмом выпуске периодического издания Центра истории народов России и межэтнических отношений опубликованы материалы, которые отражают различные аспекты истории народов Кавказа, Украины, Казахстана, Молдавии, Европейской части России в XVI–XX вв. В центре внимания авторов находятся вопросы этнической политики и положения этнических сообществ в России и СССР; отражения истории народов России в историографии и исторической памяти; малоисследованных исторических сюжетов истории народов России; публикации текстов источников с комментариями. Выпуск приурочен к 50-летию Центра, публикуются материалы о начале работы этого подразделения Института в 1970-е годы.

Ответственный редактор

доктор исторических наук *В.В. Трепавлов*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Н.М. Rogozin*,
доктор исторических наук *Д.В. Лисейцев*

На обложке: Исток Волги у дер. Волговерховье Осташковского у. Тверской губ.
Фото С.М. Прокудина-Горского. 1910 г.

ISBN 978-5-8055-0336-9

© Институт российской истории
РАН, 2018 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восьмой выпуск сборника посвящен 50-летию работы Центра истории народов России и межэтнических отношений, который был образован в 1969 г. в Институте истории СССР АН СССР, первоначально как Отдел общих проблем истории народов СССР.

Наш Центр изучает проблемы межэтнических отношений; историю народов России, их политическое и культурное взаимовлияние; проблемы вхождения различных народов и территорий в состав России; национальную политику и управление национальными регионами в XVI–XX вв.

Центр поддерживает связи с научными учреждениями национальных республик России и постсоветских государств, особенно активно с Казахстаном (участие в конференциях, публикации работ сотрудников в региональных изданиях, публикация работ историков из регионов в изданиях Центра, оппонирование диссертаций, консультирование и др.).

Важной частью работы Центра является составление экспертных заключений по запросам правительственных инстанций относительно различных аспектов истории народов России (трактовка исторических событий, оценка обоснованности празднования различных годовщин, обзоры состояния исторической науки в национальных регионах и постсоветских государствах).

Результаты работы Центра представлены в индивидуальных и коллективных монографиях. В 1997–2003 гг. была выпущена серия коллективных трудов: «Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления» (М., 1998), «Русское население национальных окраин России XVII–XX вв.» (М., 2000), «Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия» (М., 2003), «Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтнической среде» (М., 2008), «Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.)» (М.; Тула, 2011); «Этнические элиты в национальной политике России» (М., 2017).

Начиная с 2004 г. каждые два года Центр выпускает сборник «История народов России в исследованиях и документах», в котором печатаются исследования и документальные публикации главным образом сотрудников Центра, а также приглашенных коллег из научных учреждений России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Из работ, помещенных в настоящем сборнике, юбилею Центра посвящены статьи К.С. Дроздова и Э.П. Федосовой.

В других статьях традиционно представлен широкий хронологический и территориальный охват проблем, которые отражают разнообразие тематики, связанной с изучением прошлого народов России – как современной Российской Федерации, так и тех, что входили в состав Российского государства в прошлом. Авторы освещают актуальные и сложные вопросы истории Кавказа (А.А. Ганич, Л.С. Гагагова, Ю.М. Идрисов, И.А. Каяев, Дж.Я. Рахаев), Казахстана и Средней Азии (Д.А. Аманжолова, Т.В. Котюкова), Украины (А.В. Марчуков), народов Поволжья и Южного Урала (С.З. Ахмадуллин, В.В. Трепавлов), этнической политики в СССР (Дж.Я. Рахаев).

К ЮБИЛЕЮ ЦЕНТРА

К.С. Дроздов

«... Эти 20–25 человек должны состоять из генералов и офицеров исторической науки ...»: Отдел общих проблем истории народов СССР в 1969–1971 гг.

В статье впервые рассматривается история создания в 1969 г. в структуре Института истории СССР нового Отдела – Отдела общих проблем истории народов СССР. На основе анализа многочисленных архивных документов разъясняются причины и цели создания Отдела, показаны основные задачи и направления научно-исследовательской деятельности Отдела в области изучения истории национальных отношений в России/СССР, рассмотрен процесс становления и развития научного коллектива Отдела в первые годы после его создания.

Ключевые слова: историческая наука; Отдел общих проблем истории народов СССР; Институт истории СССР; изучение национальных отношений.

K.S. Drozdov

«...THESE 20–25 MEN SHOULD CONSIST OF GENERALS AND OFFICERS OF HISTORICAL SCIENCE...»: THE DEPARTMENT OF GENERAL PROBLEMS OF THE HISTORY OF THE PEOPLES OF THE USSR IN 1969–1971

The paper for first time examines the history of the establishment in 1969 in the Institute of history of the USSR a new Department – the Department of General issues of the history of the peoples of the USSR. Based on the analysis of numerous archival documents, the article explains the reasons and objectives of the Department, shows the main tasks and directions of scientific research activities of the Department in the field of studying the history of national relations in Russia/USSR, as well as the process of formation and development of the scientific staff of the Department in the first years after its establishment.

Key words: historical science; Department of General issues of the history of the peoples of the USSR; Institute of history of the USSR; the study of ethnic relations.

В 2019 г. Центру истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН исполняется 50 лет – в марте 1969 г. в структуре тогдашнего Института истории СССР был образован Отдел общих проблем истории народов СССР. За полвека своего существования Центр прошел длительный и сложный путь. Руководство и сотрудники Центра всегда стремились быть не только максимально объективными, высокопрофессиональными экспертами в области национальных отношений, но, вместе с тем, крепким, дружным коллективом единомышленников, объединенных любимым делом. В данной статье мы впервые расскажем о том, как и почему был образован Отдел общих проблем истории народов СССР, как выработывалась/формировалась проблематика Отдела, как шло становление его научного коллектива, какие важнейшие направления научно-исследовательской деятельности разрабатывались в первые годы существования Отдела.

7 февраля 1969 г., вскоре после того, как во второй половине 1968 г. Институт истории АН СССР был разделен на два новых самостоятельных научно-исследовательских учреждения – Институт истории СССР и Институт всеобщей истории АН СССР, было принято Постановление ЦК КПСС «Об основных направлениях научно-исследовательской работы Института истории СССР и Института всеобщей истории Академии наук СССР». Согласно постановлению на Институт истории СССР была возложена координация научно-исследовательской деятельности в области отечественной истории, а также оказание научно-методической помощи институтам истории Академии наук союзных республик. В постановлении ЦК КПСС был обозначен ряд проблем исторической науки, на разработке которых должен был сосредоточить основное внимание Институт истории СССР. Среди этих проблем была обозначена и национальная тематика: «ленинская национальная политика и национально-государственное строительство в СССР», «борьба народных масс за социальное и национальное освобождение в дореволюционной России», «межнациональные связи и отношения народов России»¹.

В результате в марте 1969 г. «с целью усиления научной работы по исследованию общих закономерностей исторического развития советских народов, обобщения достижений историков союзных и автономных республик и установления с ними более тесных связей, в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 7 февраля 1969 г.» в структуре Института истории СССР был создан специальный отдел – Отдел общих проблем истории народов СССР². Новый отдел был закреплен в структуре Института постановлением Президиума АН СССР от 21 марта 1969 г.³

На основании распоряжения № 6 по Институту истории СССР от 4 марта 1969 г. в образованный Отдел общих проблем истории наро-

дов СССР «впредь до избрания на новый срок и переаттестации» были распределены следующие восемь сотрудников Института⁴:

1. Аполлова Н.Г.⁵ – доктор исторических наук.
2. Мочалов В.Д.⁶ – доктор исторических наук.
3. Смирнов Н.А.⁷ – доктор исторических наук.
4. Неупокоев В.И.⁸ – кандидат исторических наук.
5. Лифшиц Н.Е.⁹
6. Михеева Э.П.¹⁰
7. Носачева М.М.¹¹
8. Трапезников Г.Е.¹²

Заместителю директора П.В. Волобуеву было поручено курировать деятельность вновь образованного Отдела¹³.

11 марта 1969 г. состоялось первое заседание сотрудников Отдела, на котором присутствовали: В.Д. Мочалов – первый руководитель Отдела, научные сотрудники Н.А. Смирнов, В.И. Неупокоев, Г.Е. Трапезников, Э.П. Михеева (Федосова) и научно-технический сотрудник М.М. Носачева. Первым вопросом в повестке заседания была информация зав. отделом В.Д. Мочалова о задачах Отдела. В своем выступлении он обозначил несколько проблем, которые в связи с решением дирекции института о задачах Отдела выдвигаются на передний план:

1. Экономические и культурные связи народов СССР в канун Октябрьской революции.
2. Экономическое развитие народов России (сер. XVII – нач. XX в.).
3. Развитие национальной культуры и формирование национальной интеллигенции.
4. Национально-освободительное движение. Формирование буржуазных партий.
5. Решение национального вопроса в условиях советской власти.

В.Д. Мочалов попросил сотрудников Отдела в связи с указанной проблематикой определить свои интересы и по возможности в краткие сроки доложить о них на предстоящих заседаниях¹⁴.

Через два дня, 13 марта прошло второе заседание Отдела, на котором были утверждены первые плановые темы сотрудников. Первым было предоставлено слово Н.А. Смирнову. В своем выступлении известный историк рассказал о плановой теме «Политика России на Северном Кавказе в эпоху империализма (XIX в. и до Первой мировой войны)» общим объемом 20 п.л.¹⁵ Как сообщил Смирнов, в его работе раскрывается специфика колониальной политики на Кавказе, вопросы административного управления царизма на Северном Кавказе; военно-народная система управления; роль терского и донского казачества, как проводника политики царизма на Кавказе; суды и юридическое

устройство царской администрации; поземельный вопрос и карательная политика в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, борьбе народных масс.

После выступления Смирнова слово для обсуждения взяла Н.Г. Аполлова, сотрудник отдела, которая отметила, что тема Смирнова необычайно актуальна и соответствует направлению работы Отдела. Мочалов также сказал о большом значении темы, которая согласуется с тематикой научного направления Отдела. В заключении Смирнов говорил о том, что кроме указанной темы, он готов взять на себя руководство аспирантами по тематике, связанной с Кавказом¹⁶.

Затем выступал В.И. Неупокоев, который рассказал о том, что работает над монографией «Аграрный вопрос в Литве XIX в.»¹⁷. Мочалов высказал мнение, что тема актуальна и представляет большой интерес для Отдела: «Ее нужно поддержать и включить в план работы Отдела»¹⁸.

Так как младшим научным сотрудникам Г.Е. Трапезникову и Э.П. Михеевой (Федосовой) предстояла в ближайшее время защита диссертационных исследований¹⁹, то Мочалов справедливо заключил, что тематика их будущей работы на данном этапе еще не совсем четко определилась.

Последней выступала Н.Г. Аполлова, которая рассказала о своей работе над темой русско-иранских торговых связей в первой пол. XVIII – начале XIX в. Поскольку ее тема обширна, она предложила «повернуть освещение вопросов с выходом на Среднюю Азию», вместе с тем автор готов был рассматривать это исследование под углом зрения научного направления Отдела. В ходе обсуждения Мочалов сказал о значимости темы Аполловой, но одновременно заявил, что та формулировка, которая есть сейчас, может вызвать нарекания при рассмотрении ее на заседании дирекции, так как она не соответствует профилю проблематики созданного Отдела. Тогда Смирнов внес рациональное предложение. Так как в работе есть все вопросы, связанные с торговлей народов России, а также с началом формирования национальной буржуазии у народов Кавказа, то тему стоит сформулировать следующим образом: «Торговля на юго-восточной России в первой пол. XIX в. и роль в ней народов СССР». Аполлова согласилась с новой формулировкой темы и просила утвердить ее. Одновременно она поставила вопрос о необходимости командировок в архивы г. Казани и других городов. Мочалов соглашается и утверждает тему с новой формулировкой²⁰.

В конце заседания Мочалов информирует сотрудников о том, что Г.Е. Трапезников назначен ученым секретарем Отдела²¹.

На одном из заседаний Отдела Мочалов заявил о необходимости поездок сотрудников Отдела на совещания и симпозиумы в различ-

ные республики Советского Союза, так как «это расширяет наши знания о том, что делается в республиках»²².

Как свидетельствуют документы тех лет, В.Д. Мочалов видел главные задачи Отдела в том, чтобы заняться разработкой проблемы истории национальных движений в России/СССР. Не случайно на заседании Отдела 1 июля 1969 г. он сообщил, что «намеченный нами по пятилетнему плану сборник статей и небольших монографий по проблеме “Истории национальных движений в СССР” составляет одну из важнейших теоретических проблем», которую необходимо разрабатывать сотрудникам Отдела²³.

В отчете о деятельности Отдела за 1969 г. также были сформулированы основные направления его работы на ближайшую пятилетку (1970–1975 гг.). Этим направлением должна была стать разработка истории национальных движений (1861–1922 гг.) и проблема борьбы с пережитками национализма в период социалистического и коммунистического строительства в СССР. Причем реализация этого замысла должна была осуществляться с привлечением научных сотрудников союзных и автономных республик²⁴.

О задачах Отдела в области изучения национальных движений в России говорилось и в годовом отчете Института за 1969 г.: «Его задачи вытекают из постановления ЦК КПСС об основных направлениях научно-исследовательской работы и задачах Института истории СССР АН СССР. В качестве основного научного направления на ближайшее время Институт запланировал разработку истории национальных движений в России и проблемы развития советских наций в период социалистического и коммунистического строительства в СССР. Реализация этого замысла будет осуществлена с привлечением научных сотрудников союзных и автономных республик»²⁵.

Но наиболее детально и подробно вопрос о задачах и основных направлениях научно-исследовательской работы Отдела рассматривался на заседаниях Дирекции Института 11–12 декабря 1969 г., на которых был заслушан доклад заведующего Отделом В.Д. Мочалова, а затем состоялось его активное обсуждение. «Можно попытаться наметить те центральные проблемы, которыми в последующем должен заниматься, в первую очередь, Отдел, по мере разворачивания его работы и пополнения кадрами (...) Проблемы эти таковы: 1) Присоединение отдельных народов к России. Исторические предпосылки и последствия – политические, экономические, культурные; 2) Генезис капитализма в национальных регионах СССР; 3) Формирование наций.

Уже для наличного состава работников Отдела общих проблем истории народов СССР основным направлением работы является глубокое изучение историографии национальных республик, по крайней мере, по некоторым из названных выше проблем. Круг изучаемых

проблем все более будет расширяться по мере пополнения Отдела новыми работниками (...)

Крупной исследовательской задачей, которую предстоит выполнить, когда Отдел войдет в полную силу, а также силами местных историков – это написание истории национальных движений в СССР.

Буржуазно-демократические революции, как отмечал Ленин, везде в мире сопровождалась и сопровождаются национальными движениями. То же самое имело место и в нашей стране. Буржуазно-национальное движение в России зарождалось в период первой революционной ситуации и продолжалось до 20-х гг. XX в.

Нельзя сказать, что история национальных движений в СССР совсем не освещалась в нашей литературе и, в частности, в литературе республик. Но литература на национальных языках не доступна большинству советских историков. Не получила достаточного освещения история национальных движений и в многотомной истории СССР. Всей картины истории буржуазно-национальных движений в СССР мы не имеем до сих пор (...)

Эту работу для начала можно было бы выполнить в виде серии научно-исследовательских статей, публикуемых в журнале “История СССР”, а затем в виде сборника». – «Известно, что значительная часть исторической литературы в таких республиках, как Латвия, Армения, Грузия, частично Узбекистан и некоторые другие, издается на национальных языках. Из-за языкового барьера мы этой литературы не знаем. Задачей Отдела является историографическая информация, обзоры исторической литературы, выходящей на языках народов СССР»²⁶.

По мнению Мочалова, одна из задач, которая стоит перед новым Отделом – это популяризация истории народов СССР. «По договоренности с издательством “Мысль” будет выпускаться серия книг историко-публицистического характера, посвященных истории каждого народа. Авторами книг будут местные историки. Общее наблюдение над изданием ложится на Отдел. Подобно географической серии, посвященной республикам Советского Союза, предстоит создать такую же историческую серию. Уже есть первоначальная договоренность об этом с 6–7 республиками. Откликнутся на это дело, видимо, и остальные»²⁷.

Отвечая на многочисленные вопросы членов дирекции по поводу важнейших задач научно-исследовательской деятельности, которые стоят перед Отделом, и перспектив его дальнейшего развития, Мочалов, в частности, отметил следующее: «Вы спросите, в чем же задачи Отдела? Я представляю себе, что задачи эти двоякого рода.

Первое. Отдел должен быть вспомогательным отрядом в составе Института. Он должен приходить на помощь в тех случаях, когда литература соответствующих регионов из-за языкового барьера недос-

тупна. А такой литературы будет становиться все больше и больше. Это обстоятельство связано с особенностями нашей страны.

Второе. Проблематика отдела затрагивает три исторических периода: поздний феодализм, капитализм и социализм. Есть темы, которые очень важны, как сквозные, при вертикальном их рассмотрении. Например, коллективизация, скажем, в Средней Азии. Там мы к коллективизации подошли, минуя капиталистическую стадию развития. Особенности крестьянского вопроса в Средней Азии очень велики. Здесь был ряд переходных ступеней и их нельзя понять без учета специфики феодализма в Средней Азии»²⁸.

Затем началось обсуждение доклада Мочалова. Л.Г. Бескровный²⁹ в своем выступлении отметил, что когда стоял вопрос о реорганизации Института истории, объединявшего русскую и всеобщую историю, тогда раздавались голоса о том, что мы должны перейти к новым формам отношений с союзными республиками. «Если прежде необходимо было отдать каждому Институту истории союзных республик всю сумму вопросов разработки национальной истории союзных республик, то теперь мы подошли к такому этапу, когда необходимо перейти к разработке общих проблем. А поскольку общие проблемы требуют объединенных усилий, то, очевидно, нужно отобрать такие сюжеты, решения которых покажут общность исторических судеб народов. Только при этом условии можно будет правильно решить вопрос о профиле работы данного Отдела»³⁰.

Н.Г. Аполлова в ходе своего выступления сказала о том, что в Отделе должны разрабатываться «большие принципиальные вопросы», «тут надо наметить целый ряд задач, которые республики сами решить не могут». «Если мы попросим дать историографию рабочего класса всей Средней Азии или Прибалтики, то таких специалистов нет. Такого рода специалистов хорошо было бы иметь в Отделе института»³¹.

С.И. Якубовская³², говоря о предстоящем изучении сотрудниками Отдела проблем, связанных с историей национального движения в России, отметила, что в данном случае огромное значение будет иметь то, каким образом это будет осуществляться на практике: «Если это будет реализовываться в форме отдельных работ монографического характера – это не то, что требуется. Должны быть работы сводного, обобщающего характера, основанные на понимании сходства и различия тех или иных моментов данного исторического процесса»³³.

Г.А. Куманев³⁴ озвучил мнения скептиков в отношении созданного Отдела, которые имелись, как на местах, так и в стенах самого Института. «Нет четкого представления о задачах Отдела: или он будет осуществлять контроль за литературой на местах, или, как говорили мне, например, историки Грузии, он будет писать, скажем, новую ис-

торию Грузии, или будет давать рекомендации, как нужно историю разрабатывать и т.д.»³⁵.

К.Ф. Шацилло³⁶ также поделился своими размышлениями по поводу того, каким образом следует комплектовать новый Отдел научными кадрами, какими должны быть его задачи. Он высказал мнение, что в этот отдел «должны поступать люди, которые уже проявили себя в широком плане, в плане разработки основных проблем». По его мнению, в новый Отдел необходимо брать людей со стопроцентной уверенностью, что они способны работать в области исследования и разработки такой широкой проблемы. Шацилло сказал, что дирекция должна проявить настойчивость и привлечь к работе в Отделе хорошо зарекомендовавших себя людей из союзных республик, проживающих пока не в Москве. «У них есть большие возможности роста, в ведущих республиках десятки и сотни человек. В этом секторе не может быть десятков человек, здесь может быть максимум 20–25 человек. Но эти 20–25 человек должны состоять из генералов и офицеров исторической науки, а не из рядовых»³⁷.

По поводу проблем научно-исследовательской деятельности Отдела Шацилло заявил: «Никогда нельзя добиться такого положения, чтобы в нашем институте разрешались и исследовались те проблемы, которыми по праву должны заниматься союзные республики. Но ни в одной союзной республике не может быть создан такой отдел, а у нас он создан и основная его задача, он так и называется, общие проблемы. Так что локальные проблемы должны иметь какое-то второстепенное, третьестепенное место в работе сектора. Основная работа – работа по исследованию и разработке больших проблем (...) Основная работа должна идти в плане общих проблем»³⁸.

Ю.А. Тихонов³⁹: «Говоря о взаимоотношениях Отдела с союзными и автономными республиками, не надо пугать себя какими-то контрольными функциями. Речь должна идти о координации научно-исследовательской работы согласно постановлению Президиума, не больше»⁴⁰.

Последним выступил директор Института П.В. Волобуев⁴¹, который сказал, что полной ясности в отношении того, над чем будет работать Отдел, у нас еще нет. «Сейчас мы не можем дать вполне обоснованный ответ на этот вопрос. Практика – учитель жизни – в общем, скорректирует, подскажет, и я думаю, что в ближайшие 1–2 года, примерно, мы получим представление об основных задачах, основных направлениях и о структуре этого Отдела»⁴².

Он также высказал свои соображения насчет того, какие научно-исследовательские задачи должны стоять перед руководством и сотрудниками нового Отдела. «Хотел бы обратить ваше внимание на два обстоятельства. Когда обсуждался вопрос о создании Института

отечественной истории, то представители союзных республик почти единодушно требовали, чтобы он назывался Институтом народов СССР, и некоторые из них прямо говорили о необходимости этому Институту заняться проблемами истории отдельных народов.

Мне представляется, что это объясняется тем, что наиболее дальновидные историки национальных республик, в общем, видят, что это вполне правильная линия на изучение истории национальных республик, на создание национальных историй. Дальнейшая разработка национальных историй все-таки в отдельных своих частях начинает исчерпывать себя.

В республиках уже сознают необходимость выхода за национальные рамки и создания работ синтезирующего характера по регионам, а также в рамках Союза в целом. Это наиболее дальновидными представителями союзных республик чувствуется.

Второе. Отдел не сразу явится Отделом, но все же он называется Отделом общих проблем народов СССР. Это при разработке структуры было сделано не случайно. Мы исходили из того, что Отдел должен заниматься общими проблемами и не должен дублировать темы, которыми занимаются в республиках. Могут быть случаи, когда допускаются исключения по разным соображениям, но, в основном, должны быть общие проблемы.

Задача Отдела, как правильно сформулировал Василий Дмитриевич в докладе, это информационно-координационная функция и, второе, исследовательская функция – разработка общих проблем»⁴³.

Говоря о будущей структуре Отдела, Волобуев высказался за то, что это должен быть единый Отдел, в котором, однако, будут созданы и отдельные группы по крупным национальным регионам, включая в дальнейшем и группу по Украине и Белоруссии. «Поэтому, я думаю, нужно исходить из перспективы создания групп по регионам и одной группы историко-теоретического характера, которая должна быть мозговым центром Отдела»⁴⁴.

«Теперь о некоторых главных проблемах. Все-таки главные проблемы, определенные Постановлением ЦК об основных направлениях научно-исследовательской деятельности Института, прямо относятся к этому Отделу, а именно: это проблемы национальных взаимоотношений и связей, вторая – ленинская национальная политика, третья – национально-государственное строительство в СССР. Вот эти три проблемы плюс [проблема] национально-освободительное движение, которая сформулирована в общем плане борьбы народов России за национальное освобождение. Вот, примерно, три крупнейших направления»⁴⁵. – «В общем, задача Отдела заключается в том, чтобы оказать воздействие на направления и характер исследовательской работы в союзных и автономных республиках», – такой итог дискуссии о зада-

чах и направлениях научно-исследовательской деятельности Отдела общих проблем истории народов СССР подвел Волобуев⁴⁶.

В заключении своего выступления он сказал несколько слов о кадрах для нового Отдела. «Корнелей Федорович правильно сказал, что это должны быть люди квалифицированные. Не знаю, должны ли быть они генералами от науки, генералов трудно заполучить, но то, что они должны быть офицерами и отнюдь не младшими лейтенантами, – это правильно». – «Не позднее понедельника мы пойдем в Президиум с предложением, чтобы нам предоставили возможность взять всех тех людей с периферии, которых мы наметили, в частности, из союзных республик. Затем мы собираемся вновь этот вопрос поставить перед Комитетом по науке и технике. Отдел науки ЦК обещает нам в этом отношении помощь (...) Мы сейчас возьмем на учет каждую способную голову, способную работать над этими проблемами, постепенно будем стараться привлечь их для работы в Институте»⁴⁷.

В протоколе по итогам заседания Дирекции отмечалось, что намеченные Отделом основные направления работы отвечают задачам, поставленным перед Институтом истории СССР решением ЦК КПСС. «Отдел должен развертывать научную работу по истории народов СССР в хронологических рамках – от присоединения отдельных народов к России до наших дней. Основным содержанием работы Отдела должна быть систематическая информация в форме научных докладов и обзоры литературы, выходящей на русском и национальных языках, о важнейших направлениях историографии в советских национальных республиках (в первую очередь, Прибалтики, Кавказа, Средней Азии и Казахстана). Это направление работы должно сочетаться с научно-исследовательской работой сотрудников Отдела истории народов СССР соответствующих национальных регионов.

Отдел должен всю свою работу проводить в тесном контакте с другими отделами и секторами Института путем привлечения к обсуждению актуальных проблем истории народов СССР дооктябрьского и послеоктябрьского периодов научных сотрудников соответствующих секторов, а также путем налаживания текущей историографической информации по национальной проблематике, совместных выездов на места и т.п.

Дирекция считает необходимым в течение одного-полутора лет укомплектовать Отдел квалифицированными кадрами и молодыми историками, владеющими языками народов СССР, с тем, чтобы, в первую очередь, иметь группы специалистов-историков по дооктябрьскому и послеоктябрьскому периодам истории советских республик Прибалтики, Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Это является главным условием выполнения Отделом его роли в осуществлении возложенной на Институт истории СССР задачи координации научно-ис-

следовательской работы в области Отечественной истории и оказания научно-методической помощи Институтам национальных республик.

По мере пополнения кадрами Отдел должен устанавливать все более тесные связи с Институтами истории национальных республик путем приглашения местных историков для прочтения научных докладов в Институте, выездов сотрудников Отдела на места, устройства сессий для обсуждения общих проблем истории народов СССР, обмена стажерами и т.д.

Для систематической подготовки в Институте кадров историков, знающих языки и историю народов СССР, желательно ежегодно Отделу предоставлять не менее 2-х аспирантских мест»⁴⁸.

Парадоксально, но факт. Решение бюро Московского городского комитета партии от 17 апреля 1968 г. по отчету парткома Института истории АН СССР, на основании которого был расформирован институтский партком во главе с В.П. Даниловым⁴⁹, сыграло в дальнейшем положительную роль для вновь организованного Отдела общих проблем истории народов СССР. Дело в том, что на основании этого решения МГК КПСС руководству Института истории АН СССР следовало укрепить состав кадров научных сотрудников в идейно-политическом отношении «за счет специалистов высокой квалификации, работающих на периферии» или «прошедших подготовку через аспирантуру Института». Когда был образован новый Отдел, то дирекция уже Института истории СССР, для того чтобы укомплектовать Отдел соответствующими специалистами из союзных и автономных республик, «вспомнила» об этом решении. И благодаря ему смогла ходатайствовать перед Президиумом Академии наук о выделении для Института новых ставок, а для вновь принимаемых сотрудников Отдела, которые переезжали в Москву из других республик Советского Союза, руководство смогло решить вопрос о предоставлении им жилья и московской прописки. Именно этим способом удалось оформить и организовать приглашение и переезд в Москву для работы в Отделе таким специалистам, как Ш.Ф. Мухамедьяров⁵⁰, Н.Е. Бекмаханова⁵¹, С.Г. Агаджанов⁵².

Так, например, в личном деле Мухамедьярова Ш.Ф. сохранился второй экземпляр письма вр.и.о. директора Института истории СССР П.В. Волобуева на имя вице-президента АН СССР академика М.Д. Миллионщикова от 23 декабря 1969 г., в котором Волобуев просит выделить Институту истории СССР 6 ставок старшего научного сотрудника для зачисления новых историков, среди которых значатся Ш.Ф. Мухамедьяров и Н.Е. Бекмаханова. В письме, в частности, говорилось следующее: «При обсуждении доклада парткома Института истории СССР АН СССР на заседании бюро Московского Городского Комитета КПСС 17 апреля 1968 г. было предложено руководству Ин-

ститута укрепить состав кадров Института в идейно-политическом отношении путем привлечения квалифицированных специалистов, работающих на периферии или прошедших подготовку через аспирантуру Института.

В связи с реорганизацией Института истории это указание не могло быть своевременно выполнено. Однако теперь дирекция Института истории СССР считает необходимым вернуться к этому вопросу и привлечь для работы в Институте специалистов по истории советского общества и истории народов СССР, в которых Институт испытывает наиболее острую нужду»⁵³.

В отчете Отдела за 1969 г. о проделанной научно-исследовательской работе сообщалось следующее: «Приступая к практической деятельности, Отдел общих проблем истории народов СССР обратил главное внимание на состояние исторических исследований в 3-х основных регионах страны: Прибалтике, Закавказье, Средней Азии и Казахстане. С этой целью было осуществлено тщательное изучение библиографии. На ее основе подготовлены рекомендательные списки для аспирантов, специализирующихся по профилю Отдела.

В порядке подготовки материалов для Отделения истории Отдел подготовил 2 записки: одну о развитии научных исследований в области истории на Украине, в Белоруссии и в Молдавии, и вторую по тому же вопросу – в Узбекистане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении и Казахстане. Вытекающие из записок выводы учтены Отделом и положены в основу его практической деятельности по оказанию республиканским институтам научно-методической помощи и координации их научно-исследовательской работы»⁵⁴.

Как следовало из отчета, в текущем году сотрудники Отдела установили контакты с институтами республик Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и Казахстана. Кроме того, в течение 1969 г. Отдел возглавлял организационную работу по подготовке популярной серии очерков по истории союзных республик»⁵⁵.

К концу года в Отделе числилось 8 научных сотрудников и 3 аспиранта»⁵⁶.

С докладом о работе Отдела общих проблем истории народов СССР В.Д. Мочалов выступил 16 декабря 1969 г. на заседании бюро Отделения истории АН СССР. А уже 13 января 1970 г. Отделением истории было принято специальное постановление «О задачах и перспективах работы Отдела общих проблем истории народов СССР», которое на ближайшие годы определило конкретные направления научно-исследовательской работы сотрудников Отдела. Одним из них стала подготовка сотрудниками Отдела записок о состоянии и перспективах исследований в области истории в союзных и автономных республиках. Для этого следовало уже в ближайшее время заняться

изучением и систематизацией библиографии и историографии, выделяя наиболее важные общие проблемы истории народов СССР.

На заседании Отдела 21 апреля 1970 г., на котором рассматривался вопрос о реализации постановления Отделения истории «О задачах и перспективах работы Отдела общих проблем истории народов СССР», В.И. Неупокоев, который к тому времени (в связи с болезнью, а затем и смертью В.Д. Мочалова) стал и.о. заведующего Отделом, заявил, что особое значение приобретает усиление контактов с местными институтами истории, полная осведомленность об их планах и ходе научных исследований. «Только в этом случае координация и научно-историческая помощь со стороны Отдела могут иметь эффективное значение». В ходе обсуждения Н.А. Смирнов высказался о том, что необходимо обратить внимание на изучение научной критики, которая позволит Отделу глубже понимать и анализировать состояние исторической науки в республиках. Новый сотрудник Отдела Ш.Ф. Мухамедьяров сказал о том, что начинать работу необходимо с подготовки записок о состоянии и перспективах исторических исследований в союзных и автономных республиках. Он предложил выработать и обсудить общую схему записок, а также поставил вопрос о публикации Отделом ежегодных историографических обзоров общего или проблемного характера⁵⁷.

В отчете о научно-исследовательской работе Отдела за 1970 г. подчеркивалось, что на основании постановления бюро Отделения истории АН СССР от 13.01.1970 г. Отделу было рекомендовано сосредоточить свое внимание на систематическом изучении историографии истории народов СССР: «В соответствии с этим в текущем году в Отделе развернулась работа по изучению состояния исторической библиографии по основным регионам нашей страны (Прибалтика, Кавказ, Средняя Азия и Казахстан) с целью обобщения ее в виде историографических обзоров»⁵⁸.

Еще одним направлением научно-исследовательской деятельности Отдела, которое было обозначено в постановлении бюро Отделения истории АН СССР от 13.01.1970 г., стала организационная деятельность и руководство работой по созданию и публикации серии научно-популярных очерков по истории народов СССР. Этот вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях Отдела в течение всего 1970 г.⁵⁹ Но наиболее детально он был рассмотрен на заседании Дирекции Института 15 сентября 1970 г. Свое выступление В.И. Неупокоев начал с того, что напомнил присутствующим о встрече в 1969 г. дирекции Института и руководства Отдела с представителями издательства «Мысль», на которой впервые обсуждался вопрос об издании серии очерков по истории народов Советского Союза. Неупокоев сообщил, что эта серия задумывается, как подписное издание, приуроченное к

50-летию образования СССР. Отделу общих проблем истории народов СССР была поручена подготовительная работа: необходимо было связаться с союзными республиками, запросить их мнение, скомплектовать в первоначальном составе авторские коллективы и подготовить основные документы, определяющие характер серии, основные принципы издания серии, разработать и подготовить типовую схему тома очерков. «Эта работа проделана. Со всеми союзными республиками мы связались, получили одобрение на издание такой серии, получили сообщения об авторских коллективах. Мы рекомендовали не расширять авторские коллективы (1–3 человека). Это условие выполнено всеми союзными республиками, кроме Украины, которая считает необходимым иметь авторский коллектив в количестве 6 человек (...) Таким образом, вся подготовительная работа закончена», – заключил Неупокоев⁶⁰.

«Мы предварительно (и это поддержано) считаем, что серия должна издаваться таким образом – каждый том по каждой республике, под общим грифом “История народов СССР”. Каждой республике предполагается отвести один том – 16–18 авторских листов, не считая иллюстраций и справочного материала. Издательство также одобряет этот принцип. Отдельно выделяется Российская Федерация. Здесь вопрос сложнее. Предполагается выпустить 5 выпусков, но вопрос в том, как эти выпуски будут построены, остается открытым: то ли регионально – история народов Северного Кавказа, Сибири, Крайнего Севера и прочее, или по-другому. Этот вопрос нами не решен.

Вся серия будет иметь 20 томов и около 400 печатных листов; 5 выпусков по РСФСР и заключительный том с материалами общесоюзного значения. Мы мыслим выпустить 3–4 книги в конце 1972 г., к 50-летию образования СССР. В этом плане мы вели переговоры с республиками. От 4-х республик получено согласие в том, что такие тома будут подготовлены – Академией наук Армянской, Белорусской, Туркменской и Киргизской республик. Остальные тома по 3–4 в год будут выпускаться на протяжении 5–6 лет. Завершиться все должно в 1977 г.»⁶¹.

В своем выступлении Неупокоев подчеркнул, что на Отдел общих проблем истории народов СССР возлагается полное научное руководство серий очерков, непосредственное руководство изданием и вся редакционно-подготовительная работа. «Мне кажется, что у Отдела есть все возможности приступить к работе, которая ему поручена дирекцией и одобрена Отделением истории. Сейчас состав отдела несколько расширился, и в ближайшее время предполагается обеспечение его научным руководством и пополнить его соответствующими кадрами», – сказал в заключении Неупокоев⁶².

По мнению директора Института П.В. Волобуева, работа над серией научно-популярных очерков по истории народов СССР даст возможность установить тесные контакты и сотрудничество сразу со всеми институтами истории союзных и автономных республик: «Это не будет делом легким, но, тем не менее, работа сразу позволит нам подключиться и подключить научные силы республик»⁶³.

В ходе обсуждения доклада Неупокоева Е.Н. Городецкий⁶⁴ высказал мысль о том, что в перспективе Институту необходимо «создать историю народов страны в их взаимосвязи»⁶⁵. Эту мысль Городецкого поддержал в своем заключительном слове Волобуев: «Что касается соображения Е.Н. Городецкого о дальнейшем, более высоком этапе научно-исследовательской работы в Институте, это надо иметь в виду, ибо, действительно, надо иметь в виду, что наш Отдел общих проблем истории народов СССР призван перейти от локальных историй, которые мы создали в республиках, (их разработка будет продолжаться), к синтезированию этой работы на более высоком уровне. Над этим предложением руководству Отдела надо подумать»⁶⁶.

В результате в постановлении дирекции от 15 сентября 1970 г. было зафиксировано следующее: а) принять информацию В.И. Неупокоева к сведению; б) предложить Отделу общих проблем истории народов СССР сосредоточить основное внимание на работе по обеспечению выпуска серии очерков по истории союзных республик; в) рекомендовать руководству отдела учесть в перспективном плане научную разработку наиболее актуальных комплексных проблем истории народов СССР⁶⁷.

Именно с разработки общих, комплексных проблем истории народов СССР начнет свою деятельность в качестве нового заведующего Отделом В.П. Шерстобитов⁶⁸. Эта тема будет очень подробно обсуждаться на заседаниях Отдела в течение 1971 г. Так, например, на заседании Отдела 22 апреля 1971 г. В.П. Шерстобитов сделал доклад на тему «Итоги XXIV съезда КПСС и задачи Отдела общих проблем истории народов СССР». Он заявил о необходимости разработки перспективного плана научной работы Отдела на ближайшие пять лет с выделением основных проблем по истории народов СССР. В докладе он обратил внимание на необходимость уточнения вообще понятия «общие проблемы» и необходимость конкретизировать перечень таких общих проблем. «В отношении общих проблем относительно до октября периода еще нет единого мнения». – «Гораздо лучше положение складывается с уточнением общей проблематики по Отделу в части, касающейся советского периода. В качестве такой проблемы надо выдвинуть – “Формирование и развитие многонационального советского народа – новой исторической общности людей”. Сделать эту проблему общеинститутской»⁶⁹.

В ходе обсуждения доклада Шерстобитова сотрудник Отдела В.С. Долгов⁷⁰ сказал следующее: «В Институте имеются превратные суждения о характере и направлении [работы] нашего Отдела. Одна крайность – Отдел должен заниматься сугубо национальными проблемами. Другая крайность – курирование Отделом, вернее отдельными сотрудниками Отдела, разработкой тех или иных проблем в национальных республиках. А сейчас надо обязать каждого сотрудника, занимающегося составлением историографических справок, сосредоточить свое внимание на формулировании, выделении этих общих проблем и тем»⁷¹. В своем заключительном слове Шерстобитов выразил надежду, что сотрудники смогут «общими усилиями составить список общих проблем по Отделу»⁷².

На заседании Отдела 18 ноября 1971 г., когда В.П. Шерстобитов выступал с докладом «О формах координации деятельности Отдела общих проблем истории народов СССР с научно-исследовательскими учреждениями Академий наук союзных республик», вновь был поднят вопрос о том, что такое «общие проблемы», и как необходимо сотрудникам Отдела выстраивать взаимоотношения с коллегами-историками из союзных и автономных республик в ходе координации научно-исследовательской деятельности. Во время обсуждения доклада Шерстобитова В.Я. Гросул⁷³ задался вопросом: «Что понимать под термином “общие проблемы истории народов СССР”»? По его мнению, под общими проблемами надо понимать, в первую очередь, работы на стыке нескольких республик, т.е. работы об истории связей. Иначе под общие проблемы можно подвести все, что угодно. По мнению Гросула, работа сотрудников может быть представлена и должна строиться из трех частей: 1) выявление и анализ литературы по республикам; 2) выявление и анализ литературы о связях между республиками; 3) работа по конкретной теме каждого исследователя»⁷⁴.

Г.Е. Трапезников заметил, что в республиках к деятельности Отдела присматриваются очень пристально. «Идет расширение прав союзных республик, а тут появляется Отдел общих проблем истории народов СССР, который должен что-то координировать и давить». Трапезников полагает, что критика в адрес Отдела имеет основания, тем более, что малые народы очень болезненно реагируют на все. «У нас не хватает еще высококвалифицированных специалистов по целым регионам, например, по Прибалтике. Надо поставить вопрос о срочной подготовке аспирантов, хорошо знающих язык и культуру того или иного народа. Иначе нас всегда будут справедливо критиковать. Возможно, следует брать аспирантов из республик, чтобы подготовить специалистов по истории народа какой-либо республики». По его мнению, хорошей формой координации усилий сотрудников Отдела и историков из союзных и автономных республик может явиться специ-

альное обсуждение каких-то тем, затрагивающих общие судьбы народов нескольких республик⁷⁵.

Н.А. Смирнов в своем выступлении подчеркнул исключительную важность поставленного на обсуждение вопроса. «Прежде всего, каково место отдела в рамках института, надо найти это место и уточнить проблематику: что должно сближать Отдел с другими секторами и что должно их разъединять. Надо выйти за пределы нашей комнаты и добиться активного участия в работе других секторов по своему профилю», – сказал он. – «Основное внимание мы должны сосредоточить на информации – что делается в республиках, какие там дискуссии, точки зрения, каковы новые книги и их проблематика. Мы наметаем сборники, а может быть, на местах многие из этих проблем уже разрабатываются. Надо прежде изучить то, что уже делается, искать проблемы, которые не разрабатываются, а не вмешиваться во все проблемы. Нельзя и невозможно конкурировать со всеми институтами истории на местах. Такой параллелизм даже вреден. Не менее важная задача состоит в том, чтобы помочь республикам делать обзоры. Выступать с рецензиями и критическими статьями на исторические журналы республик, которые практически никогда не рецензируются. На основе таких критических обзоров можно делать интересные обсуждения (...) Мы не должны избегать рецензирования диссертаций. Нам еще не присылали, даже на внешний отзыв, ни одной диссертации (...) Пора устраивать более широкие заседания с участием местных историков»⁷⁶.

Как следует из отчета о научно-исследовательской работе Отдела за 1971 г., численность сотрудников Отдела в конце года была уже 14 человек⁷⁷. В текущем году ими было составлено 12 историографических обзоров о состоянии и перспективах развития исторической науки в союзных и автономных республиках. «Опыт составления историографических обзоров показывает, что по-прежнему подавляющей частью исследований (по истории народов СССР), выходящих на местах в республиках, присущ узколокальный характер. Многие вопросы по истории той или иной союзной или автономной республики и области рассматриваются подчас вне исторической взаимосвязи этих народов с народами соседних республик и областей, хотя, как в прошлом, так и в настоящем, в их исторических конкретных судьбах было и есть много общего», – к такому заключению приходят составители отчета в лице руководителей Отдела⁷⁸. – «Важной формой укрепления творческих связей историков отдельных республик между собой и с учеными головного Института истории СССР должна явиться совместная работа над созданием фундаментальных многотомных трудов, типа пятитомной “Истории Сибири”, по истории отдельных крупных регионов нашей страны, таких, как Средняя Азия и

Казахстан, Поволжье, Северный Кавказ и Закавказье, Прибалтика и т.д., а также совместное издание обобщающих коллективных трудов, посвященных отдельным проблемам, охватывающим тот или иной регион»⁷⁹.

Как мы видим, в первые два-три года существования Отдела его сотрудниками была проделана довольно плодотворная работа, которая заложила прочный фундамент в основание Отдела и определила основные направления его научно-исследовательской деятельности на ближайшее будущее. Подготовка историографических обзоров о состоянии и перспективах развития исторической науки в союзных и автономных республиках, которой занимался Отдел в эти годы, позволила «определить основные проблемы истории народов СССР, требующие разработки в ближайшие годы»⁸⁰. В результате руководство Института выступило с инициативой созвать в 1972 г. координационное совещание руководителей Института истории СССР и Институты истории Академии наук союзных республик для рассмотрения вопросов совместной творческой деятельности, в том числе и в области разработки актуальных проблем истории ленинской национальной политики и национально-государственного строительства в СССР⁸¹.

В июне 1971 г. Ученый совет Института рассмотрел и одобрил основные направления научно-исследовательской работы Отделов и секторов на 1971–1975 гг. Центральным направлением для всего Института стала разработка «истории социалистического и коммунистического строительства». В связи с этим для сотрудников Отдела общих проблем истории народов СССР, во всяком случае, для тех, кто специализировался на советском периоде, основной научно-исследовательской проблемой стала разработка проблемы «Формирование и развитие многонационального советского народа, как новой исторической общности людей». Они должны были подготовить и опубликовать ряд работ по отдельным вопросам данной проблемы, тем более, что впереди был 50-летний юбилей образования СССР⁸². Возглавил эту работу В.П. Шерстобитов. (И уже в 1973 г. Отдел одобрил к печати коллективную монографию «Советский народ – новая историческая общность людей (становление и развитие)»⁸³).

Поскольку дирекция Института рекомендовала коллективу «сосредоточить внимание на важнейших комплексных проблемах, например, экономическая политика Советского государства, развитие классовых, национальных отношений»⁸⁴, то и в плановых темах сотрудников Отдела, которые занимались дореволюционным периодом, также должны были найти отражение вопросы, связанные с общей исторической судьбой народов, проживавших на окраинах Российской империи, и русским народом, их общим революционным про-

шлым. Так, например, Д. Исмаил-Заде⁸⁵ в декабре 1972 г. рассказывала о проделанной работе по теме «Россия и народы Закавказья во второй половине XIX – нач. XX в.»; Н.Е. Бекмаханова о работе «Формирование многонационального состава населения Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX – нач. XX в.»; Э.П. Михеева (Федосова) о работе «Революционные связи народов Прибалтики с Россией в XIX – нач. XX в.»⁸⁶.

К сожалению, так получилось, что изучение истории национальных движений на окраинах Российской империи, история становления наций в Закавказье, Прибалтике, Средней Азии и Казахстане, все эти проблемы, о которых говорил в 1969 г., и которые хотел исследовать первый заведующий Отделом В.Д. Мочалов, оказались не актуальными, «неудобными» в начале 1970-х гг., в первую очередь, для высшего партийного руководства и чиновников из отделов ЦК КПСС, курировавших научно-исследовательскую деятельность институтов Академии наук СССР. Трендом, идеологической парадигмой в канун 50-летия образования Советского Союза стал другой нарратив – «советский народ, как новая историческая общность людей». Наверное, определенную роль сыграл и субъективный фактор – болезнь и смерть в июне 1970 г. В.Д. Мочалова, который сам был специалистом по Закавказью второй половины XIX в. и активно продвигал идею изучения национальных движений на окраинах Российской империи. На смену ему пришел в 1971 г. В.П. Шерстобитов, специалист по советской истории, который видел иные приоритеты в качестве основных направлений научно-исследовательской деятельности Отдела.

Кроме того, негативную роль здесь сыграл, по-видимому, и тот факт, что в 1972 г. серьезной критике со стороны партийных идеологов из ЦК КПСС подверглись представители, так называемого «нового направления» в советской историографии (П.В. Волобуев, К.Н. Гарновский, А.А. Аврех, Л.М. Иванов, В.В. Абрамов и др.), которые в своих исследованиях приходили к выводу, что степень зрелости и материальных предпосылок российской революции 1917 г. были явно завышенными, а движущие силы революции, блок/союз совершивших ее политических и классовых сил первоначально был значительно более широким, и включал в себя не только пролетарские и крестьянские массы, но и представителей буржуазно-демократической интеллигенции и др. социальные группы. В их системе доказательств фигурировало положение о многоукладности экономики России в начале XX в., которое явилось основным объектом критики партийных функционеров от науки. В работе «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» (М., 1970) представители «нового направления», кроме того, подняли вопрос о том, были или не были материальные предпосылки для социалистической революции на отсталых

национальных окраинах. В результате на заседании бюро Отделения истории АН СССР в июле 1972 г. было принято соответствующее постановление, в котором, в том числе, было указано, что такая неправильная постановка данной проблемы «не способствует целенаправленной разработке действительно важных с политической и научной точек зрения вопросов». Дирекции Института было предложено при подготовке мероприятий, приуроченных к 50-летию образования СССР, «неизменно руководствоваться положениями и оценками, сформулированными в постановлении ЦК КПСС “О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических республик”»⁸⁷. Все это, конечно же, ни коим образом, не способствовало тому, чтобы начать объективную разработку проблемы истории национальных движений на окраинах Российской империи.

К началу 1972 г. определился и основной состав сотрудников Отдела, которые будут определять его «лицо» в последующие несколько десятилетий. Интересно отметить, что об этом говорили и сами сотрудники на одном из заседаний Отдела в январе 1972 г. Так, Н.Е. Бекмаханова, оценивая итоги научно-исследовательской деятельности Отдела в 1971 г., сказала, что «Отдел хорошо справился со своими заданиями и полнокровно работает, несмотря на то, что не хватает специалистов по тем или иным регионам». В.П. Шерстобитов высказал мнение, что «Отдел уже сформировался», но «конечно, пополнение будет продолжаться»⁸⁸.

К этому времени в Отделе трудились: Виктор Павлович Шерстобитов – заведующий Отделом, Шамиль Фатыхович Мухамедьяров – ученый секретарь, Николай Александрович Смирнов (консультант Отдела), научные сотрудники – Эльмира Петровна Михеева (Федосова), Наиля Ермухановна Бекмаханова, Диляра Ибрагим Кызы Исмаил-Заде, Владислав Якимович Гросул, Сегвард Вагаршахович Хармандарян⁸⁹ и др. В 1973–1974 гг. Отдел пополнится еще двумя новыми научными сотрудниками, которые будут долго и успешно трудиться в нем. Это – Леонид Усманович Юсупов⁹⁰ и Эбба Эриковна Январк⁹¹. И, наконец, в феврале 1976 г. в Москву из Ашхабада переезжает член-корреспондент АН Туркменской ССР Сергей Григорьевич Агаджанов, который будет участвовать «в подготовке региональной истории Средней Азии и Казахстана, одного из важнейших объектов Института в предстоящем пятилетии». Руководство Института истории СССР еще в 1974 г. приглашало его для работы в Отделе, но в силу ряда обстоятельств тогда это сделать не удалось⁹². А в декабре 1976 г. на должность старшего научного сотрудника будет принят Рамазан Гамидович Маршаев⁹³. С этого времени можно говорить о том, что процесс формирования научного коллектива Отдела успешно завершился.

Эти люди на протяжении многих десятилетий будут самоотверженно и добросовестно работать в Отделе общих проблем истории народов СССР на благо отечественной исторической науки, вполне справедливо и заслуженно став ее «генералами и офицерами».

-
- ¹ См.: Вопросы истории. 1969. № 4. С. 4.
  - ² Архив Российской Академии Наук (РАН). Ф. 1841. Оп. 1. Д. 41. Л. 86.
  - ³ Там же. Л. 68.
  - ⁴ Там же. Д. 39. Л. 36, 48.
  - ⁵ Аполлова Наталия Геннадьевна (1898–1993) – доктор исторических наук (1963), специалист в области русско-казахских отношений XVIII–XIX вв. Была сотрудником Отдела общих проблем истории народов СССР менее года. Уволена с 1 января 1970 г. в связи с выходом на пенсию.
  - ⁶ Мочалов Василий Дмитриевич (1902–1970) – доктор исторических наук (1960), специалист в области социально-экономической истории народов Закавказья второй половины XIX в. Первый заведующий Отделом общих проблем истории народов СССР (1969–1970), который сыграл большую роль в его организации, подборе научных кадров, выработке важнейших направлений научно-исследовательской деятельности Отдела.
  - ⁷ Смирнов Николай Александрович (1896–1983) – доктор исторических наук (1942), востоковед, автор ряда крупных работ по истории стран Ближнего Востока, народов Кавказа XVII–XVIII вв., специалист в области истории средневекового ислама. С 1948 г. по 1964 г. в Институте истории АН СССР был сначала научным сотрудником, а затем заведующим Сектора истории религии и атеизма. В Отделе общих проблем истории народов СССР работал в качестве старшего научного сотрудника-консультанта с 1969 г. до конца 1973 г.
  - ⁸ Неупокоев Валентин Иванович (1912–?) – доктор исторических наук (1973), специалист в области истории крестьянства, аграрной политики царского правительства в Литве в XIX в. С апреля 1969 г. был научным секретарем Отдела общих проблем истории народов СССР. В 1970 г. после болезни и смерти В.Д. Мочалова возглавил всю организационную работу Отдела и был и.о. завотделом до марта 1971 г., а затем перешел в Сектор истории СССР периода капитализма.
  - ⁹ Лифшиц Н.Е. – по всей видимости, технический сотрудник Отдела в 1969 г.
  - ¹⁰ Михеева (Федосова) Эльмира Петровна (1934 г.р.) – доктор исторических наук (1988), специалист в области истории общественно-политических и культурных связей России и народов Прибалтики в XIX – начале XX в. Старейший сотрудник Отдела общих проблем истории народов СССР/Центра истории народов России и межэтнических отношений, где работала на протяжении почти пятидесяти лет: с марта 1969 г. по май 2018 г.

- ¹¹ Носачева Мария Михайловна (1916–?) – старший научно-технический сотрудник Отдела общих проблем истории народов СССР с 1969 г. по 1975 г.
- ¹² Трапезников Георгий Евгеньевич (1933 г.р.) – советский и российский историк. В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Развитие национальных культур республик Средней Азии (1959–1965)». Работая в Отделе общих проблем истории народов СССР (до 1988), занимался вопросами изучения взаимовлияния и взаимодействия национальных культур советских республик Средней Азии, разрабатывал вопросы, связанные с формированием общих черт культуры новой исторической общности – советского народа.
- ¹³ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 39. Л. 34.
- ¹⁴ Там же. Д. 136. Л. 1.
- ¹⁵ Рукопись, по всей видимости, не была завершена, поэтому книга не была опубликована.
- ¹⁶ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 136. Л. 2–3.
- ¹⁷ Монография была опубликована. См.: *Неупокоев В.И.* Крестьянский вопрос в Литве во второй трети XIX века. М.: Изд-во «Наука», 1976.
- ¹⁸ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 136. Л. 3.
- ¹⁹ Защиты кандидатских диссертаций Г.Е. Трапезникова и Э.П. Михеевой (Федосовой) состоялись в 1970 г.
- ²⁰ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 136. Л. 3–4. Рукопись Аполловой не была завершена, поэтому книга не была опубликована.
- ²¹ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 136. Л. 4. Трапезников будет ученым секретарем Отдела чуть больше месяца, а затем (с апреля 1969 г.) на эту должность будет назначен Неупокоев.
- ²² АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 136. Л. 8.
- ²³ Там же. Л. 22.
- ²⁴ Там же. Д. 135. Л. 1.
- ²⁵ Там же. Д. 41. Л. 12.
- ²⁶ Там же. Д. 45. Л. 147–149.
- ²⁷ Там же. Л. 150.
- ²⁸ Там же. Л. 161.
- ²⁹ Бескровный Любомир Григорьевич (1905–1980) – доктор исторических наук (1950), специалист в области истории армии и флота Российской империи, археограф и источниковед. В декабре 1969 г. заведующий Отделом историографии и источниковедения истории СССР, заведующий сектором исторической географии.
- ³⁰ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 45. Л. 163–164.
- ³¹ Там же. Л. 164–165.
- ³² Якубовская Софья Иосифовна (1914–1988) – доктор исторических наук (1963), специалист в области национально-государственного строительства в СССР, источниковед. В декабре 1969 г. старший научный сотрудник Института истории СССР.
- ³³ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 45. Л. 173.
- ³⁴ Куманев Георгий Александрович (1931 г.р.) – советский и российский историк, специалист в области истории Великой Отечественной вой-

- ны, академик РАН (2011). В декабре 1969 г. – ученый секретарь Института истории СССР по координации научно-исследовательских работ.
- ³⁵ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 45. Л. 177.
- ³⁶ Шацилло Корнелий Федорович (1924–1998) – доктор исторических наук (1968), специалист по истории флота и истории либерализма в России конца XIX – нач. XX вв. В декабре 1969 г. старший научный сотрудник сектора истории СССР периода капитализма, ученый секретарь научного совета «Закономерности и особенности развития России в период империализма», секретарь партийного бюро Института.
- ³⁷ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 45. Л. 180–182.
- ³⁸ Там же. Л. 181.
- ³⁹ Тихонов Юрий Александрович (1925 г.р.) – доктор исторических наук (1973), специалист в области экономической истории России XVII–XVIII вв., дворянского землевладения, усадебной культуры. В декабре 1969 г. ученый секретарь Института истории СССР, ученый секретарь Ученого совета Института.
- ⁴⁰ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 45. Л. 186.
- ⁴¹ Волобуев вступил в должность врио директора Института истории СССР с 1 декабря 1969 г.
- ⁴² АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 45. Л. 187.
- ⁴³ Там же. Л. 187–188.
- ⁴⁴ Там же. Л. 189.
- ⁴⁵ Там же. Л. 190.
- ⁴⁶ Там же. Л. 191.
- ⁴⁷ Там же. Л. 191–192.
- ⁴⁸ Там же. Д. 43. Л. 130–131.
- ⁴⁹ Данилов Виктор Петрович (1925–2004) – советский и российский историк-аграрник, доктор исторических наук (1982), руководитель группы по истории советского крестьянства в Институте истории/Институте истории СССР АН СССР в 1958–1969 гг.
- ⁵⁰ Мухамедьяров Шамиль Фатыхович (1923–2005) – кандидат исторических наук (1951), исследователь средневековой истории тюркских народов Поволжья. Трудился в Отделе общих проблем истории народов СССР/Центре истории народов России и межэтнических отношений с 1970 г. по 1996 г.
- ⁵¹ Бекмаханова Наила Ермухановна (1940 г.р.) – доктор исторических наук (1979), специалист в области истории народов Казахстана и Центральной Азии в XVIII–XIX вв. В Отделе общих проблем истории народов СССР/Центре истории народов России и межэтнических отношений работала с июля 1970 г. по декабрь 2017 г.
- ⁵² Агаджанов Сергей Григорьевич (1928–1997) – доктор исторических наук (1970), член-корреспондент АН Туркменской ССР (1973), специалист в области средневековой истории народов Средней Азии и Закавказья. В Институте истории СССР/Институте российской истории С.Г. Агаджанов трудился на протяжении двух десятилетий – с февраля 1976 г. по февраль 1997 г. С апреля 1983 г. он был заведующим Сектором общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода (в составе Отдела общих проблем истории народов СССР), с октября 1988 г. по сентябрь 1996 г. –

заведующий Отделом общих проблем истории народов СССР/Центром истории народов России и межэтнических отношений.

⁵³ Научный архив ИРИ РАН (НА ИРИ РАН). Личное дело Мухамедьярова Шамиля Фатыховича.

⁵⁴ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 135. Л. 1–2.

⁵⁵ Там же. Л. 3, 5.

⁵⁶ Первыми аспирантами Отдела с ноября 1969 г. по ноябрь 1972 г. были Ш.Б. Ахмадов, В.А. Ржаницына и А.А. Лааст.

Ахмадов Шарпудин Бачуевич (1941–2016) – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Чеченской Республики (2003). В 1974 г. в Институте истории СССР АН СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Народное движение в Чечне в конце XVIII века». Его научным руководителем был Н.А. Смирнов. Ахмадов стал крупным специалистом в области средневековой истории народов Северного Кавказа, автор более чем 130 научных работ по истории Чечни и Ингушетии. Ржаницына Вера Алексеевна (1942 г.р.) одновременно с поступлением в аспирантуру в ноябре 1969 г. была принята на работу в качестве младшего научного сотрудника в Отдел общих проблем истории народов СССР, где проработала на этой должности четверть века, до января 1994 г. Несмотря на то, что она не защитила кандидатской диссертации, Вера Алексеевна долгие годы будет плодотворно заниматься изучением историографии народов России и межнациональных отношений, станет автором ряда работ по историографии Кавказа, а владение армянским языком позволит Ржаницыной использовать в своей работе армянские источники и литературу.

Лааст Артур Артурович (1944–?) – известный эстонский историк, тюрколог-востоковед, дипломат, переводчик. В 1969 г. окончил Институт восточных языков (ныне – Институт стран Азии и Африки) МГУ им. Ломоносова. В 1969–1972 гг. обучался в аспирантуре Института истории СССР, где под руководством В.И. Неупокоева занимался разработкой темы «Антинародная сущность политики эстонской буржуазии в годы первой русской революции». После окончания аспирантуры в 1972–1975 гг. учительствовал в Киргизии. Вернувшись в Таллинн, долгое время работал редактором в издательстве «Ээсти раамат», затем – в журнале «Радуга». С 1992 г. работал в МИДе: в 1993–1994 гг. был советником-посланником Эстонской Республики в Российской Федерации, в 1995–1998 гг. – постпредом Эстонии в ЮНЕСКО, советником посольства ЭР во Франции. В 2000-е гг., живя в Таллинне, сделал краткий перевод киргизского эпоса «Сказания о Манасе» на эстонский язык.

⁵⁷ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 245. Л. 22–23.

⁵⁸ Там же. Д. 244. Л. 1; Д. 141. Л. 65.

⁵⁹ Там же. Д. 245. Л. 25–28.

⁶⁰ Там же. Д. 144. Л. 154–155.

⁶¹ Там же. Л. 156.

⁶² Там же. Л. 157, 160.

⁶³ Там же. Л. 164.

⁶⁴ Городецкий Ефим Наумович (1907–1993) – доктор исторических наук (1965), специалист в области истории советского общества, историко-

- графини Октябрьской революции. В сентябре 1970 г. старший научный сотрудник, заместитель руководителя сектора истории исторической науки и заместитель председателя научного совета по истории исторической науки.
- ⁶⁵ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 144. Л. 172.
- ⁶⁶ Там же. Л. 183.
- ⁶⁷ Там же. Д. 143. Л. 29–30.
- ⁶⁸ Шерстобитов Виктор Павлович (1929–?) – доктор исторических наук (1966), специалист в области советской истории Киргизской ССР. В Институте истории СССР проработал более двадцати лет: с марта 1971 г. по сентябрь 1984 г. Шерстобитов В.П. был заведующим Отдела общих проблем истории народов СССР. (С апреля 1983 г. по сентябрь 1984 г. еще и заведующий Сектором истории национальных отношений в СССР в составе Отдела общих проблем истории народов СССР). Одновременно с июня 1974 г. по июнь 1982 г. он занимал должность заместителя директора по научной работе. Возглавляя Отдел общих проблем истории народов СССР, В.П. Шерстобитов занимался разработкой проблемы формирования многонационального советского народа, как новой исторической общности людей.
- ⁶⁹ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 352. Л. 36.
- ⁷⁰ Долгов Вячеслав Семенович (1941–?) – кандидат исторических наук (1976). В Институте истории СССР разрабатывал проблемы, связанные с историей советской колхозной деревни послевоенного периода. В январе 1971 г. был приглашен из редакции журнала «Вопросы истории» для работы во вновь организованном Отделе общих проблем истории народов СССР, где работал до января 1975 г., занимаясь, в основном, редакторской работой подготовленных к печати сборников статей и составлением историографических обзоров.
- ⁷¹ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 352. Л. 37–38.
- ⁷² Там же. Л. 40.
- ⁷³ Гросул Владислав Якимович (1939 г.р.) – доктор исторических наук (1976), специалист в области истории России и балканских стран в новое время, молдавистики, военной истории. Трудился в Отделе общих проблем истории народов СССР с января 1971 г. по ноябрь 1988 г. (С мая 1983 г. по ноябрь 1988 г. – в Секторе общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода).
- ⁷⁴ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 352. Л. 93.
- ⁷⁵ Там же. Л. 94.
- ⁷⁶ Там же. Л. 94–95.
- ⁷⁷ Вот фамилии 14 человек, которые являлись сотрудниками Отдела в конце 1971 г.: Шерстобитов В.П., Михеева (Федосова) Э.П., Смирнов Н.А., Трапезников Г.Е., Носачева М.М., Ржаницына В.А., Мухамедьяров Ш.Ф., Бекмаханова Н.Е., Гросул В.Я., Исмаил-Заде Д., Хармандарян С.В., Долгов В.С., Мавлеева Д.А., Никонов А.В.
- Мавлеева Дилара Абдуллоевна (1936–?) – младший научный сотрудник Отдела с января 1971 г. по май 1980 г. В отделе занималась изучением современной зарубежной историографии истории народов СССР.
- Никонов Александр Васильевич (1946–?) – младший научный сотрудник Отдела с января 1971 г. по март 1979 г. Специализировался в об-

ласти изучения национальных отношений в СССР в послевоенный период. В 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию «Экономическое и научно-техническое сотрудничество советских республик в условиях развитого социализма. По данным межреспубликанских связей Белорусской ССР 1959–1970 гг.».

⁷⁸ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 351. Л. 20.

⁷⁹ Там же. Л. 22.

⁸⁰ Там же. Д. 252. Л. 70.

⁸¹ Там же. Д. 254. Л. 41; Д. 278. Л. 6.

⁸² Там же. Д. 252. Л. 52, 53.

⁸³ Там же. Д. 587. Л. 27.

⁸⁴ Там же. Д. 254. Л. 13.

⁸⁵ Исмаил-Заде Дилера Ибрагим Кызы (1931–2009) – доктор исторических наук (1984), специалист в области истории народов Закавказья и истории России XVIII – начала XX в. Трудилась в Отделе общих проблем истории народов СССР/Центре истории народов России и межэтнических отношений с июня 1970 г. по декабрь 2008 г.

⁸⁶ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 468. Л. 49, 51.

⁸⁷ См.: Вопросы истории. 1972. № 8. С. 144–145.

⁸⁸ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 468. Л. 3–4.

⁸⁹ Хармандарян Сегвард Вагаршахович (1919–?) – доктор исторических наук (1971), специалист в области советской истории народов Закавказья. Трудился в Отделе общих проблем истории народов СССР с апреля 1971 г. по февраль 1986 г. (С апреля 1983 г. по февраль 1986 г. – в Секторе истории национальных отношений в СССР).

⁹⁰ Юсупов Леонид Усманович (1926–?) – доктор исторических наук (1980), специалист в области советской истории, разрабатывал проблемы, связанные с раскрытием роли средств массовой информации в интернациональном воспитании трудящихся масс Советского Союза, межнациональными отношениями в условиях развитого социализма. Трудился в Отделе общих проблем истории народов СССР с 1973 г. по 1989 г. (С апреля 1983 г. по сентябрь 1989 г. – в Секторе истории национальных отношений в СССР).

⁹¹ Янвярк Эбба Эриковна (1930–?) – кандидат исторических наук (1962), специалист в области истории советского рабочего класса прибалтийских республик, исследовала социальные аспекты этно-национальных отношений в СССР. Трудилась в Отделе общих проблем истории народов СССР с апреля 1974 г. по февраль 1990 г. (С апреля 1983 г. по февраль 1990 г. – в Секторе истории национальных отношений в СССР).

⁹² НА ИРИ РАН. Личное дело Агаджанова Сергея Григорьевича.

⁹³ Маршаев Рамазан Гамидович (1929–?) – кандидат исторических наук (1954), специалист в области истории народов Северного Кавказа XVI – первой половины XIX в. Трудился в Отделе общих проблем истории народов СССР с декабря 1976 г. по октябрь 1978 г., а затем с мая 1983 г. по 1991 г. – в Секторе общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода (в составе Отдела общих проблем истории народов СССР).

Постановление

**Бюро Отделения истории АН СССР о задачах и перспективах работы
Отдела общих проблем истории народов СССР Института истории
СССР АН СССР**

13 января 1970 г.

Заслушав сообщение заведующего Отделом общих проблем истории народов СССР В.Д. Мочалова, Бюро Отделения истории считает одной из важнейших задач Отдела изучение состояния разработки истории народов нашей страны и оказание научно-методической помощи в проведении этих исследований, а также содействие в улучшении координации научной работы в области истории народов СССР.

Бюро Отделения истории постановляет:

1. Исходя из основных направлений научно-исследовательской работы Института истории СССР, Отделу общих проблем сосредоточить внимание на систематическом изучении историографии истории народов СССР и содействовать координации научно-исследовательской работы в этой области.

2. Рекомендовать укомплектовать Отдел общих проблем квалифицированными научными сотрудниками, в первую очередь специалистами по истории Прибалтики, Кавказа, Средней Азии и Казахстана, хорошо знающих соответствующие языки. Особое внимание при этом уделить подготовке кадров через аспирантуру.

3. В целях содействия развитию научных исследований в союзных и автономных республиках значительно усилить научно-методическую помощь АН союзных республик (рецензирование и редактирование работ, посылка консультантов).

4. Институту истории СССР обратить особое внимание на оказание помощи республикам в подготовке кадров (через целевую, очную и заочную аспирантуру).

5. Поддержать инициативу Института истории СССР об издании серии популярных очерков по истории народов союзных республик в издательстве «Мысль», выпускаемых под общей редакцией Отдела общих проблем истории народов СССР совместно с учеными союзных республик.

6. Поручить Отделу подготовить в течение 1970–1971 гг. сводные записки о состоянии и перспективах исследований в области истории советских союзных и автономных республик, обратив особое внимание на нерешенные и дискуссионные проблемы.

АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002 гг.). Д. 577. Л. 4–5. Машинопись.

Литература

- В Центральном Комитете КПСС [Текст] // Вопросы истории. 1969. № 4. С. 3–4.
Постановление Бюро Отделения истории АН СССР [Текст] // Вопросы истории. 1972. № 8. С. 141–145.

Из истории Центра истории народов России и межэтнических отношений

В статье излагается краткая история первых лет работы Отдела общих проблем истории народов СССР Института истории СССР АН СССР. Он был создан в 1969 г., исходя из необходимости научной разработки истории народов СССР и оказания научно-методической помощи институтам союзных и автономных республик. В этой связи Институт испытывал особую острую нужду в специалистах, владеющих языками народов СССР и специализирующихся по их истории. Рассказывается о первых сотрудниках и руководителях Отдела, тематике их работы, участии в сотрудничестве Института с коллегами-историками в союзных республиках СССР.

Ключевые слова: *Отдел общих проблем истории народов СССР; Институт истории СССР АН СССР; сотрудники, союзные республики.*

Е.Р. Fedosova

FROM THE HISTORY OF THE CENTRE FOR THE HISTORY OF THE PEOPLES OF RUSSIA AND INER-ETHNIC RELATIONS

The article presents a brief history of the first years of work of the Department for the History of the peoples of General Problems of the USSR, Institute of USSR History, the Academy of Sciences of the USSR. It was created in 1969 based on the need of scientific research of history of the peoples of the USSR and rendering scientific-and-methodical assistance to institutions of the Union and Autonomous republics. In this regard, the Institute was experiencing a particularly acute need for specialists who spoke the languages of the peoples of the USSR and specialized in their history. The author tells of the first employees and heads of the Department, subjects of their works, participation in cooperation of the Institute with fellow historians in the Union Republics of the USSR.

Key words: *Department of General Problems for the History of the Peoples of the USSR; Institute of USSR History; USSR Academy of Sciences, employees; Union Republics.*

17 апреля 1968 г. вышло Постановление бюро КПСС об укреплении кадров Института истории АН СССР в идейно-политическом отношении. Институт был разделен на два института: Институт всеобщей истории АН СССР и Институт истории СССР АН СССР, в котором в этой связи произошли структурные и кадровые изменения. В частности в 1969 г. был создан новый Отдел общих проблем истории

народов СССР. В его задачу входила научная разработка истории народов СССР и оказание научно-методической помощи институтам союзных и автономных республик. В этой связи институт испытывал особо острую нужду в специалистах, владеющих языками народов СССР и специализирующихся по их истории. Необходимо было привлечь квалифицированных специалистов, работающих на периферии или прошедших подготовку через аспирантуру Института истории АН СССР. С этой целью в нескольких московских газетах («Московская правда», «Вечерняя Москва» и др.) был объявлен конкурс. Помимо этого Отделом общих проблем истории народов СССР велись переговоры с институтами истории республик и отделений АН СССР.

Переговорами занимался по поручению дирекции новый сотрудник Отдела общих проблем истории народов СССР – Г.В. Трапезников, который был в тот момент назначен ученым секретарем Отдела. Он был родом из Средней Азии (г. Стерлитамак), владел персидским и узбекским языками и в 1964–1967 гг. окончил аспирантуру Института истории АН СССР. В 1968 г. после разделения Института был принят на работу в Институт истории СССР младшим научным сотрудником (кандидатскую диссертацию он защитил в 1970 г.). Его научные интересы были связаны с вопросами интернационального воспитания молодежи.

Таким образом, в течение 1970–1973 гг. в отдел были приняты шесть новых сотрудников из национальных республик, пятеро из которых в разное время окончили аспирантуру Института истории АН СССР: В.Я. Гросул (Молдавия), Ш.Ф. Мухамедьяров (Татарстан), Д.И. Исмаил-Заде (Азербайджан), Э.Э. Яанвярк (Эстония). По конкурсу поступил на работу В.И. Шерстобитов (Киргизия).

Кроме приглашенных лиц в Отдел общих проблем истории народов СССР вошла часть сотрудников сектора по написанию досоветской серии многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», когда в 1968 г. вышли ее последние тома V и VI: В.Д. Мочалов – автор и главный редактор V тома, Н.А. Смирнов, М.М. Носачева, Э.П. Федосова.

С огромной любовью и грустью вспоминается самый первый (блестящий!) состав Отдела общих проблем истории народов СССР. Воспоминания связаны с замечательными именами лучших представителей из республик – ученых, имевших прекрасное образование, говоривших на языках многих республик. Они были настолько нам интересны, азартны и амбициозны, что как-то быстро мы все сдружились. Нас, «детей разных народов», объединила общая энергия, цели и задачи совсем еще нового коллектива. Все были относительно молодыми (душой – однозначно), озорными и веселыми. Между нами сразу сложились настоящие товарищеские отношения.

В 1970 г. в Институт истории СССР АН СССР, в Отдел общих проблем истории была принята на работу Наиля Ермухановна Бекмаханова, которая приехала из Казахстана. Область ее научных интересов составляли история народов России, Казахстана и Центральной Азии, проблемы социально-экономической и политической истории, международных отношений, исторической географии, демографии, картографии, истории права, историографии, источниковедения. В то время она была автором монографии «Участие казахов в Крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева в 1883–1775 гг.: (Легенда о Невидимке)» (Алма-Ата, 1968).

В том же 1970 г. в Отдел был принят на постоянную работу в качестве старшего научного сотрудника к.и.н. Шамиль Фатыхович Мухамедьяров. В 1950 г. он закончил аспирантуру в Институте истории АН СССР у академика М.Н. Тихомирова, после чего работал в Казанском филиале АН СССР и в Институте востоковедения АН СССР. Позднее Шамиль Фатыхович возглавлял в Казанском университете кафедру истории СССР, которая стала одним из ведущих научных центров исторической науки в Поволжье. При его ближайшем участии была возобновлена деятельность старейшего в стране Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете, на учредительном съезде которого он был избран вице-председателем Общества.

Научные интересы Ш.Ф. Мухамедьярова отличались широким диапазоном. Он являлся крупным специалистом по средневековой истории тюркских народов. Им был разработан ряд основных вопросов истории Поволжья периода феодализма (общая характеристика процесса исторического развития народов Поволжья, история Казанского ханства, проблемы развития земледелия и др.). Ему принадлежат также работы по источниковедению и историографии, по государственно-правовым и национальным отношениям. Автор более 50 печатных работ, основное внимание он уделял истории татар и их предков.

Широта образования, знание тюркских языков дали возможность Ш.Ф. Мухамедьярову критически проработать литературу и источники. Его привлекали для работы в больших коллективных изданиях. Он состоял членом авторских коллективов «Очерков истории СССР» и «Истории Татарской АССР», в качестве редактора-консультанта принял активное участие во втором издании Большой советской энциклопедии, где опубликовал более 100 статей и заметок по истории тюркских народов Сибири, Средней Азии и Кавказа.

К моменту поступления в Отдел общих проблем истории народов СССР Ш.Ф. Мухамедьяров стал уже крупным специалистом по средневековой истории тюркских народов и казанских татар. На тюркских языках он мог объясняться, читать тексты, в том числе написанные

арабской и латинской графикой. Его научные интересы отличались широким диапазоном.

С 1965 г. по 1970 г. он работал старшим научным сотрудником в Институте языка, литературы Якутского филиала (г. Якутск) Сибирского отделения АН СССР.

С 1971–1976 гг. был ученым секретарем Отдела. Активно участвовал и координировал работу сотрудников, участвовал в подготовке аспирантов: М.М. Батмаева из Калмыкии, Н.А. Томилова по истории сибирских татар, А.М. Леонтьева по истории Чувашии.

Шамиль Фатыхович был очень эрудированным ярким, жизненным, обаятельным и доброжелательным человеком. Помню его громогласным, веселым, шумным, располагающим к себе, и когда он делал доклад на заседании или даже просто говорил о чем-нибудь, это было слышно далеко за пределами Отдела.

Диляра Ибрагимовна Исмаил-Заде (из Азербайджана) в 1954–1958 гг. была аспиранткой Института истории АН СССР. В Отдел общих проблем истории народов СССР была зачислена на работу в 1970 г. В круг ее научных интересов входили история Закавказья, аграрных отношений и область социально-экономических проблем. Работая в Отделе, она зарекомендовала себя серьезным исследователем – эрудированным историком, компетентным, высококвалифицированным специалистом в области истории народов Кавказа. Ее работы отличаются глубоким научно-исследовательским анализом и свидетельствуют о широте ее научных интересов.

Диляра Исмаил-Заде была очень доброжелательна, с чувством юмора.

В 1973 г. в Отдел был зачислен Леонид Усманович Юсупов из Узбекистана, участник Великой Отечественной войны. Его научные интересы были весьма разнообразны: историк социалистического строительства, раскрытия роли творческой инициативы масс в нем, интернационализма советского народа в период «развитого социализма» в Узбекистане.

Л.У. Юсупов проявил себя трудолюбивым и грамотным сотрудником, который имел заслуженный деловой авторитет в Отделе. Запомнился очень собранным и спокойным человеком, очень сдержанным, но добрым. Всегда призывал всех решать какие-то споры или мелкие недоразумения мирно и по-хорошему.

Эбба Эриковна Яанвярк из Эстонии поступила к нам в Отдел 1974 г. Она – бывшая аспирантка Института истории АН СССР. Занималась исследованием истории рабочего класса и развитием промышленности в послевоенной Советской Эстонии, а также социальными аспектами национальных отношений. Была очень дисциплини-

рованной и педантичной, всегда пользовалась заслуженным авторитетом у коллег.

Рамазан Гамидович Маршаев из Дагестана в 1976 г. поступил к нам в Отдел по конкурсу. До этого, кроме преподавательской и научной работы в Дагестанском университете в Махачкале, работал в НИИ истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, с 1965 по 1967 гг. являлся старшим инструктором Совета по делам религии при Совете министров СССР, в 1967–1968 гг. – научным сотрудником Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1968–1969 гг. – старшим научным сотрудником НИИ национальных школ Академии педагогических наук СССР.

Круг его научных интересов был разнообразным: история Дагестана в XVI–XVII вв., его экономическое и политическое положение, Казикухумское шамхальство, русско-турецкие и русско-персидские отношения. В то же время его интересовали такие вопросы, как особенности атеистического воспитания учащихся национальных школ, он помогал своими советами и предложениями по изучению состояния мусульманского культа в СССР. Р.Г. Маршаев отличался легким и веселым характером, расположенным ко всем окружающим.

Севгард Вагаршахович Хармандарян – участник Великой Отечественной войны, к.и.н., в 1971 г. стал старшим научным сотрудником Института истории СССР АН СССР, а с 1972 г. был переведен в Отдел общих проблем истории народов СССР. До этого он с 1966 г. работал в Ереване в армянском филиале Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК КПСС специалистом по истории Советской Армении. Вдумчивый и добросовестный сотрудник, он участвовал активно во всех секторских коллективных работах, особенно над темой «Советский народ – новая историческая общность людей» (советское Закавказье).

Отделом общих проблем истории народов СССР всегда руководили известные, видные и авторитетные ученые.

Первым руководителем Отдела общих проблем истории народов СССР был назначен доктор исторических наук, профессор Василий Дмитриевич Мочалов. Начиная с 1938 г. он много работал в области печати: 1931–1935 гг. в газете «Правда», был ответственным секретарем журнала «Пролетарская революция», ответственным редактором газеты «Молодой большевик», редактором издательства «Московский рабочий». В 1938–1947 гг. работал в Институте Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б), где с 1940–1945 гг. заведовал кабинетом произведений И.В. Сталина, готовил к изданию I и II тт. его сочинений. В 1939 г. В.Д. Мочалов написал и издал биографию И.В. Сталина, выдержавшую два издания, а также его краткую биографию.

С 1942 по 1944 гг. был ученым секретарем ИМЭЛ. В ноябре 1945 г. Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был переведен на работу в Институт истории АН СССР.

Научные интересы В.Д. Мочалова были сосредоточены вокруг проблем истории Закавказья XIX – начала XX в. и общественно-политического движения в России в конце XIX в.

В.Д. Мочалов в течение шести лет являлся ответственным редактором журнала «История СССР» и членом редколлегии «Исторических записок», одним из авторов и редакторов «Истории Москвы». В 1958 г. была опубликована его монография «Крестьянское хозяйство в Закавказье в конце XIX в.».

В.Д. Мочалов вел большую педагогическую работу в Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1947 г. он являлся профессором кафедры истории КПСС, где им подготовлено большое число научных работников высокой квалификации.

Именно им была начата работа Отдела общих проблем истории народов СССР по подбору кадров, составлению планов и определению направлений предстоящей работы, по подготовке серии «История народов СССР». На заседаниях Отдела обсуждались основные принципы подготовки серии, была составлена записка с общей характеристикой серии и написан примерный проспект очерков по истории народов союзных республик. Основные принципы проспекта были предварительно согласованы с издательством «Мысль». Были составлены письма в 14 институтов истории АН союзных республик о сроках подготовки рукописей очерков и об уточнении состава авторских коллективов.

Работа началась по предложению В.Д. Мочалова с изучения библиографии и историографии в республиках СССР и подготовки записок о состоянии и перспективах исследований в области истории в республиках, которые обсуждались на заседаниях Отдела. Первыми были обсуждены доклады сотрудников: Э.П. Федосовой «О состоянии советской историографии по истории Советской Прибалтики за 1945–1970 гг.» и Г.Е. Трапезникова «Социальная значимость двуязычия и историография культурного строительства в республиках Средней Азии».

Такая практика работы продолжалась и в последующие годы, вплоть до 1980-х годов.

К сожалению, летом 1970 г. В.Д. Мочалова не стало. Я вспоминаю о нем с большой теплотой. Мне приходилось много с ним общаться, т.к. я была бригадиром V тома многотомной «Истории СССР», и ко мне стекались все материалы, варианты авторских глав тома и другие документы, которые приходилось часто возить ему на дом для подписи. Меня всегда поражала удивительная личная скромность его и его

семьи. Они жили в двухэтажном деревянном доме, по-моему, даже с печным отоплением. У них была небольшая квартира на первом этаже. В ней была обычная для того времени обстановка: стол, стулья, диван, никаких излишеств. Все было очень просто. Полки с большим количеством книг, а на стене вырезанный из газеты «Правда» портрет И.В. Сталина, без рамки, просто газетный лист, а рядом всегда две живые гвоздики, независимо от времени года.

В 1969–1971 гг. сотрудник Отдела общих проблем истории народов СССР Валентин Иванович Неупокоев был назначен на общественных началах одновременно ученым секретарем и заведующим, он участвовал в написании «Истории Литовской ССР» и пользовался большим авторитетом у историков-аграрников страны.

Круг его научных интересов сосредоточивался вокруг вопросов аграрно-крестьянской политики правительства в первой половине XIX в., в частности, в Прибалтике (книга «Крестьянский вопрос в Литве XIX века». (М., 1976)).

В 1970–1972 гг. под руководством В.Д. Мочалова, В.И. Неупокоева и В.П. Шерстобитова по заданию дирекции Института, в Отделе была проделана большая работа по дальнейшему укомплектованию кадров и определению основных направлений его научно-исследовательской и координационной деятельности.

В эти годы сотрудники Отдела продолжали заниматься проблемой выявления и обзором библиографии по истории народов. Некоторые сотрудники выезжали с этой целью в республики. Например, Э.П. Федосова в 1970 г. была направлена в Прибалтику, где объехала все три республики, побывала в институтах истории Латвийской ССР, Литовской ССР и Эстонской ССР.

Должна отметить, что в те годы нас очень хорошо принимали во всех республиканских институтах истории, в том числе и в Прибалтике, помогали, делились знаниями и материалами, относились очень доброжелательно, даже, можно сказать, душевно. В первый же день моего приезда в Ригу известный латышский историк А.К. Бирон подарил мне только что вышедшую фундаментальную книгу «Советская историография Латвии»¹. Она послужила всем сотрудникам Отдела неким образцом в написании впоследствии проспектов предполагаемых очерков. Эти очерки потом постепенно преобразовались в «региональные истории», которые иногда между собой мы называли «многотомными историями народов СССР». (В.И. Неупокоев долго и пристально изучал книгу А.К. Бирона и написал на нее рецензию в один из журналов).

На одном из первых заседаний Отдела были обсуждены итоги командировки Э.П. Федосовой. Заседания Отдела проходили интересно и плодотворно, т.к. мы, слушая своих коллег, узнавали, что они пи-

шут, что уже написали, что запланировали к написанию на ближайшее будущее. Особенно это относилось к историографическим обзорам, т.к. изучение не только историографии своего региона, но и знание о том, что делается по этой проблематике в других регионах, безусловно, расширяло научный кругозор сотрудников отдела, давало представление об изучении истории народов СССР в стране в целом.

Все доклады и сообщения на заседаниях принимались тепло и доброжелательно, со стремлением помочь, подсказать, посоветовать... Таким образом, в 1970–1972 гг. Отделом была проведена большая работа по выявлению библиографии и составлению историографических обзоров по республикам, результаты которой были обобщены в большой историографической справке, которая также была обсуждена на заседании Отдела.

В этот же период времени по заданию дирекции разрабатывались проспекты истории народов СССР в период капитализма, которые согласовывались с институтами республик. Например, проспект «Истории Прибалтики в период капитализма», авторами которого были В.И. Неупокоев и Э.П. Федосова, дважды обсуждался в Латвии и Эстонии.

В 1971 г. В.И. Неупокоев вернулся в сектор капитализма.

В 1971 г. Отдел общих проблем истории народов СССР возглавил Виктор Павлович Шерстобитов – член-корреспондент Киргизской АН, крупный ученый, известный специалист по истории народов СССР, профессор, заслуженный деятель науки Киргизской ССР, лауреат Госпремии Киргизской ССР.

В.П. Шерстобитов имел большой опыт в научно-организационной работе, т.к. в течение 16 лет работал в должности заместителя директора Института истории АН Киргизской ССР, где показал себя хорошим руководителем. К моменту поступления в Институт истории СССР им было опубликовано 164 статьи общим объемом 300 п.л. и отредактировано 60 монографий, сборников статей, документов, коллективных трудов в качестве ответственного редактора или члена редколлегии объемом 800 п.л. В 1964 г. был опубликован его фундаментальный труд «Новая экономическая политика в Киргизии» объемом 38 п.л. 18 июня 1974 г. Президиум АН СССР назначил В.П. Шерстобитова заместителем директора по научной работе Института истории СССР. В 1984 г. он вернулся в Киргизию, где в сентябре 1984 г. стал академиком и членом Президиума Киргизской АН.

В.П. Шерстобитов отличался необыкновенным трудолюбием, удивительной скромностью и дисциплинированностью, своей увлеченностью, трудоспособностью, редкой тщательностью и добросовестностью. Требовательностью к себе он подавал пример сотрудникам Отдела (и не только), вдохновлял их на серьезную работу, его глубоко

уважали и любили. Это был чуткий человек, деликатный, умеющий понять и проявить внимание к человеку. Неудивительно, что он пользовался большим уважением и доверием со стороны коллег.

Работа сектора велась по следующим основным направлениям: историография народов СССР дооктябрьского периода; экономические и революционные связи народов Прибалтики, Закавказья, Казахстана с Россией; проблемы истории и культуры народов СССР эпохи феодализма и нового времени; исторические связи с зарубежными странами.

Сотрудники сектора работали в соответствии с утвержденными графиками над коллективными трудами, – была подготовлена коллективная публикация «Библиографический указатель работ по историографии народов СССР (дооктябрьский период) 1970–1980» (отв. состав. В.А. Ржаницына). В указатель включены книги и статьи на русском языке и на языках народов СССР, опубликованные с 1970 г. до начала 1980-х годов. Библиография включает в себе работы сугубо историографического характера, которые распределены по соответствующим рубрикам: монографии «Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС» (1982 г.), «Исторические связи народов СССР» (1983 г.); Изучение истории СССР дооктябрьского периода в советской историографии» (1985 г.); 1980–1982 гг. – подготовка коллективной монографии «Новейшая историография народов СССР (1970–1980 гг.). Дооктябрьский период». Общий объем (20 а.л.); коллективный сборник статей «Изучение отечественной истории между XXIV и XXV съездами КПСС»; «Национальные отношения в СССР» – историография.

Кроме работы над коллективными темами каждый сотрудник работал над индивидуальными планами.

В секторе всегда велась большая работа по рецензированию опубликованных книг, а также диссертаций и рукописей на русском и национальных языках из Прибалтики, Украины, Белоруссии, Молдавии, Поволжья, Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Отрецензировано более 10 книг по истории Сибири, Дальнего Востока, союзных и автономных республик Закавказья, Северного Кавказа, Поволжья. Даны заключения на рукописи обобщающих трудов по истории Киргизской ССР, Чечено-Ингушетии, Адыгеи, Северной Осетии, Тувы, справочно-энциклопедические издания «Страны и народы», «Отечественная история», учебные пособия по истории республик Прибалтики, Молдавии, Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Отрецензировано 7 докторских и более 10 кандидатских диссертаций, написаны отзывы на исторические романы, сценарии кинофильмов, даны заключения на исторические карты и планы редподготовки по отечественной истории АН союзных и автономных республик и т.д. Общая совокупность

отрецензированных изданий и рукописей в 1983–1984 гг. составляла около 2000 а.л.

Этот факт вызвал неадекватное восприятие у некоторых сотрудников института. Помню такой случай. Когда на годовом общем собрании института в отчете прозвучала эта цифра, то в некоторых секторах это вызвало негодование и подозрения – этого не может быть никогда! Была даже устроена какая-то проверка... Но специфика Отдела была такова, что из всех республик к нам присылали различные материалы – видимо, рецензии и заключения Отдела были наиболее авторитетными.

Сотрудники Отдела принимали активное участие в подготовке и работе всесоюзных, региональных и научно-практических конференций.

В 1970 г. в Москве в здании МГУ на Ленинских горах состоялся XIII Международный конгресс исторических наук, в работе которого принимали непосредственное участие все сотрудники Отдела общих проблем истории народов СССР, как и института в целом.

В частности Э.П. Федосова работала в секретариате конгресса, а Г.Е. Трапезников заведовал машбюро и ротапринтом.

По заданию дирекции Института, Отделения истории АН СССР сотрудники Отдела составляли различные справки для директивных органов.

Большая работа проводилась по осуществлению руководства аспирантов из республик.

В 1984 г. Отделом общих проблем истории народов СССР и сектором национальных отношений руководил директор Института российской истории АН СССР Семен Спиридонович Хромов – доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ, где он преподавал с 1949 г. С.С. Хромов был известен как специалист по истории социалистического строительства в СССР. Являлся опытным организатором научных исследований, проводимых большими коллективами ученых. В 1971–1979 гг. он был заведующим науки и учебных заведений в ЦК КПСС.

В 1979 г. С.С. Хромов был назначен директором Института СССР АН СССР. В то же время он являлся научным редактором многотомной «Истории Москвы», заместителем главного председателя Главного редакционного совета по изданию многотомной истории СССР с древнейших времен до наших дней (советская серия).

За разработку экономических и социально-экономических проблем Второй мировой войны во 12-томной «Истории Великой Отечественной войны 1939–1945 гг.», опубликованной в 1983 г., С.С. Хромов был удостоен звания лауреата Госпремии СССР.

После разделения Отдела общих проблем истории народов СССР на две структуры по хронологическому принципу – сектора советский

и досоветский (дооктябрьский) Николай Федорович Бугай был ученым секретарем сектора национальных отношений, замещал С.С. Хромова, а затем стал руководителем Группы по истории национальных отношений Российской Федерации, в которую вошли сотрудники Отдела общих проблем истории народов СССР, специалисты по истории народов советского периода д.и.н. Л. Усманов, С.В. Хармандарян, к.и.н. Э.Э. Январк, м.н.с. Е.Н. Балашова, а также сотрудники Института Л.П. Беленчук, Г.П. Макарова, В.И. Котов, М.М. Кудюкина и др.²

Н.Ф. Бугай окончил аспирантуру в Институте истории СССР АН СССР (в настоящее время главный научный сотрудник, д.и.н.). Область научных интересов – национальные отношения в СССР, национально-государственное строительство, казачество, депортация и реабилитация народов.

Н.Ф. Бугай работает в Институте истории СССР с 1971 г. Он являлся сотрудником Отдела общих проблем истории народов СССР, и вел работу по плановой монографии «Чрезвычайные органы Советской власти. 1918–1921 гг.» (опубликована в 1990 г.).

Позднее оба сектора досоветского и советского периода были снова объединены в Отдел общих проблем истории народов СССР, который возглавлял Сергей Григорьевич Агаджанов³ – член-корреспондент АН Туркменской ССР – крупный и высококвалифицированный специалист по средневековой и новой истории народов Средней Азии и Казахстана и особенно по истории Туркмении, а также сопредельных стран Ближнего и Среднего Востока.

Став руководителем Отдела, он не только продолжил традиционные работы по историографии, но предложил план дальнейших исследований общетеоретических и актуальных методологических проблем исторического прошлого народов СССР.

После распада СССР Отдел стал называться Центром истории народов России и межэтнических отношений. Этнонациональная история входит в разряд приоритетных исследований. Центру предстояло приступить к исследованию межнациональных взаимодействий и других актуальных проблем⁴.

С.Г. Агаджанов ушел из жизни полным творческих планов и остался незримым участником жизни нашего Центра и нашей работы. Он был душой Центра. В памяти коллег и учеников он сохранился как неизменно доброжелательный и отзывчивый человек, который пользовался глубоким уважением, авторитетом и любовью.

С.Г. Агаджанов был очень добрым, мягким, отзывчивым человеком. При нем в секторе была очень комфортная творческая обстановка. Он был человеком с юмором, иногда мог очень удачно пошутить, разрядить обстановку. Мы помним его добрую, слегка лукавую улыбку.

ку, глубокое благородство души и сердечность, теплое душевное отношение к сотрудникам Центра.

Он был прекрасным рассказчиком, его увлекательные рассказы и доклады мы всегда слушали с большим интересом. Его суждения всегда были глубоки и оригинальны. Мягкий и внимательный, он прекрасно знал возможности каждого из нас и умело направлял каждого в наших дальнейших планах, оказывал помощь и давал мудрые советы.

С.Г. Агаджанов отличался скромностью, гуманностью, интеллигентностью, порядочностью, доброжелательностью и терпимостью. Среди коллег он пользовался высоким нравственным авторитетом, т.к. они видели в нем своеобразное олицетворение совести в науке.

После ухода С.Г. Агаджанова Центр уже 20 лет возглавляет его любимый и талантливый ученик Вадим Винцерович Трепавлов, который достойно продолжает руководить нашим многонациональным коллективом, сохраняя и приумножая комфортный творческий климат, добрые товарищеские отношения между коллегами.

---

¹ *Бирон А.К.* «Советская историография Латвии». Рига: Издательство «Зинатне», 1970. 498 с.

² Подробнее см.: *Бугай Н.Ф.* Метеоролог, историк: штрихи к портрету. Воспоминания. М.: Акварис, 2017.

³ См.: *Трепавлов В.В.* Сергей Григорьевич Агаджанов (К 80-летию со дня рождения) // История и историки 2007. Историографический вестник. М.: Наука, 2009. С. 309–314.

⁴ Там же. С. 312–313.

Литература

Бирон, А.К. «Советская историография Латвии» [Текст] / А.К. Бирон, В.В. Дорошенко. Рига: Издательство «Зинатне», 1970. 498 с.

Бугай, Н.Ф. Метеоролог, историк: штрихи к портрету. Воспоминания [Текст] М.: Акварис, 2017. 404 с.

Трепавлов, В.В. Сергей Григорьевич Агаджанов [Текст]: (К 80-летию со дня рождения) // История и историки, 2007: Историографический вестник. М.: Наука, 2009. С. 309–314.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Д.А. Аманжолова

«...Все-таки я думаю, Вы на это письмо что-нибудь и ответите ...»: обращения крестьян Казахстана во власть, 1925–1926 гг.

Публикуются 5 писем и обращений из Казахской АССР руководителям СССР. Крестьяне освещают противоречия и конфликты в связи с аграрными реформами и политикой утверждения национального равенства. Обращается внимание на амбивалентный характер советской этнополитики и проблемы ее реализации в многонациональном регионе в середине 1920-х гг.

Ключевые слова: Казахская АССР; власть; крестьянство; землеустройство; национальная политика; коренизация.

D.A. Amanzholova

«...STILL, I THINK YOU WILL ANSWER SOMETHING ABOUT THIS LETTER...»: APPEALS OF THE PEASANTS OF KAZAKHSTAN TO THE AUTHORITIES, 1925–1926

The author publishes the five letters from the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic to the leaders of the USSR. The Peasants cover the contradictions and conflicts in frames of agrarian reforms and policies for the establishment of national equality. Attention is given to the ambivalent character of Soviet ethnopolitics and the problem of its implementation in a multinational region in the mid-1920's.

Key words: Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic; power, peasants; national policy; korenizatsiya.

Относясь к категории «писем во власть»¹, публикуемые обращения крестьян из разных регионов Казахской АССР к руководству страны имеют характерную для таких документов «простонародную» стилистику. В них оказались неразрывно сплетены доверие к носителям и представителям высшей власти, обида и недовольство практическим разрывом между декларациями, правовыми основами

советской власти и местной реальностью, надежда на справедливость, которую могут и должны восстановить недостатки информированные, как предпочитали считать корреспонденты, их адресаты. Сочный и образный язык, конкретные и показательные примеры, обращенные к руководителям страны требования и предложения, содержащиеся в данных документах, демонстрируют достаточно активную гражданскую позицию крестьянства периода новой экономической политики.

Обращения объединяет также то, что авторы представляют настроения русского (русскоязычного) крестьянства, жившего в Казахстане с дореволюционных времен или переселившегося в связи с голодом из других областей РСФСР. Содержательно каждый документ посвящен тяжелым проблемам, с которыми столкнулось некоренное население республики с началом советских преобразований в 1920-е гг. Главным образом это были националистические проявления в отношении «европейцев» со стороны представителей титульного этноса, в т.ч. носителей власти, в социально-политических и хозяйственных вопросах. Корреспонденты ярко описывают конкретные ситуации, связанные с неприемлемыми нарушениями социальных, правовых, экономических и хозяйственных прав и потребностей со стороны рядовых граждан и сотрудников местных органов власти и управления, злоупотреблениями чиновников и национальной дискриминацией. Прежде всего это касалось землеустройства и противоречий, рожденных борьбой против «великодержавного шовинизма» и «колониаторства».

Проблемы землепользования между коренным населением Степного края и Туркестана и переселенцами из европейских регионов страны, численность которых существенно выросла в ходе столыпинской реформы, последовательно нарастали к началу XX в. Они вылились в масштабное восстание 1916 г., хотя формальным поводом к нему послужило Высочайшее повеление Николая II о призыве коренных жителей центральноазиатского региона к тыловым работам².

Вплоть до начала 1920-х гг. земельный вопрос продолжал оставаться в центре общественного внимания, а его решение теперь тесно увязывалось с заявленными партией большевиков принципами социальной справедливости и национального равенства. Но ожидания как коренного населения, так и переселенцев, по поводу устранения властью причин и последствий жестоких взаимных расправ 1916 г., равноправного доступа к рычагам самоуправления, уважительного отношения к заслугам победивших в страшной гражданской войне, социальной защиты пострадавших и превращения власти в истинно народную по составу и модели поведения обернулись разочарованием.

Разрушенная экономика восстанавливалась не так быстро, как хотелось, местная бюрократия быстро усвоила дореволюционную манеру пренебрежения к народным нуждам и несправедного обогащения, а лозунг национального равенства обернулся обвинениями простых крестьян в «колониализаторстве» и «великодержавном шовинизме», сопровождаясь разнообразными способами мести со стороны приведенных большевиками к власти представителей титульных этносов.

Впрочем, радикально настроенные «европейские» представители партии большевиков нередко давали повод для отчуждения коренного населения от новой власти и межэтнического напряжения. Так, в 1921 г. секретарь Бухтарминского укома партии Семипалатинской губернии Надеждин, председатель уездного исполкома советов Титов, командир полка ЧОН³ Овчинников, заведующий земельным отделом Шипицын и некоторые другие уездные руководители отказались проводить землеустройство казахского населения и направили в губком партии ультиматум, угрожая вооруженным сопротивлением, если «против бухтарминцев будут приняты какие-либо меры». Уездные бунтовщики были арестованы и преданы суду военного трибунала. Аналогичная ситуация сложилась и в Зайсанском уезде той же губернии. В Кустанайской губернии в 1922 г. часть членов губкома партии во главе с секретарем Шафетом потребовала выделения Кустанайского уезда, где проживало русское население, из состава автономии и включения его в Челябинскую область. Шафет обратился с письмом в ЦК РКП(б), обвинив казахов – руководителей губернской парторганизации в национализме. После обследования работы губкома партии и совместного заседания Кирбюро ЦК РКП(б) и Киробкома партии Шафет и его сторонники в губкоме (Сараев, Фисак, Виенко и др.) были освобождены от работы и отозваны из Кустаная. В разъяснительном письме Киробкома партии коммунистам губернии подчеркивалось, что отделение «русской части» Кустанайской губернии вызовет изоляцию автономии от одного из «немногочисленных административно-хозяйственных и культурных центров земледельческого района», что прямо противоречит сути национальной политики, прежде всего в отношении национальной бедноты⁴.

Недовольство нарушением прав коренного населения до революции и драматические последствия восстания дополнились новыми противоречиями в связи с волной вынужденных переселенцев в годы гражданской войны. 5 конференция Компартии Туркестана в январе 1920 г. своей резолюцией подчеркнула, что русское крестьянство «в главном своем составе представляет кулачество», и русская деревня республики должна примириться с тем, чтобы «быть одинаковыми в правах с местным населением». В июне 1920 г. Политбюро ЦК

РКП(б) приняло постановление о задачах партии в Туркестане, предписав оставить переселенцам участки в размере трудового надела, уравнивая землевладение русских крестьян и местных жителей, «разбить, выселить и подчинить себе кулаков русских энергичнейшим образом»⁵.

На I Казахской областной партконференции в 1920 г. было принято решение «сравнять в экономическом отношении русских и киргиз», в частности, «предоставить оседающим киргизам оставшийся свободным переселенческий фонд и неиспользованные оброчные земли». На основе декретов 1921 г. свободные земельные участки выделялись в Акмолинской, Кустанайской, Тургайской, Семипалатинской и Уральской областях⁶, откуда исходили публикуемые письма. В 1920–1922 гг. в Семиречье была проведена земельная реформа, призванная социально-экономическими мерами снизить напряжение, сохранявшееся в межэтнических отношениях. Однако на деле комиссия под руководством заместителя председателя ЦИК Туркестана и члена ЦК КПТ С. Ходжанова (1894–1938) по сути инициировала «наказание» русских и украинских крестьян, потребовав их выселения. В Семиреченской области было ликвидировано 43 поселка, 229 заимок, из них выселены 2544 крестьян-старожилов. 143 десятины освобожденных земель были переданы 4,5 тыс. батраков, представлявших коренное население. Аналогичные меры проводились в Сырдарьинской и Ферганской областях. Решением ЦК РКП(б) комиссия была отозвана, Средазбюро ЦК партии было предложено привлечь к партийной ответственности виновных. Ходжанов в июле 1922 г. был также отозван в Москву, но в 1923 г. утвержден наркомом земледелия ТАССР. В сентябре 1924 г., став секретарем Казкрайкома партии, он по-прежнему настаивал на необходимости избавиться от русских «колонизаторов», дабы обеспечить «господствующее положение» казахскому населению⁷.

Многочисленные жалобы крестьян из Туркестана и Казахстана заставили главу правительства СССР А.И. Рыкова инициировать расследование, и Президиум ВЦИК в ноябре 1924 г. направил в ТАССР специально образованную комиссию во главе с А.С. Енукидзе. Но ее решение имело декларативный характер и не возымело должного действия⁸. В феврале 1925 г. 2-й пленум Казкрайкома партии принял резолюцию, согласно которой землеустройство казахского населения должно было происходить не только за счет занимаемых ими земель, но и за счет земли, освобожденной в результате добровольного переселения переселенческих и захваченных самовольно участков земли. Нарком внутренних дел республики А. Айтиев в письме секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу от 14 марта 1925 г. свидетельствовал, что выселявшиеся в 1922–1923 гг. целыми поселками крестьяне были вы-

нуждены уезжать на Украину, но «из-за превышения земельной емкости» там их не приняли, и разоренные крестьяне, вернувшись в Уральскую и другие губернии, находятся под угрозой гибели. «Как Наркомвнудел я два раза вышел с представлением в КЦИК и Кирнаркомзем, указывая, что КССР лишается огромной производительной силы и что неорганизованное движение может катастрофически отразиться на хозяйствах переселенцев. Эти органы остались глухими, и я тогда писал об этом А.П. Смирнову»⁹.

11 апреля 1925 г. ЦИК КАССР по инициативе сторонников С. Ходжанова принял постановление, запрещающее переселение и внутриреспубликанские миграции всему неказахскому населению. Право на землеустройство получали лишь те из «нетитульных», кто был прописан в регионе до 19 февраля 1918 г., когда ВЦИК РСФСР принял закон о социалистическом землеустройстве. Более того, все переселившиеся в Казахстан позже этой даты подлежали «немедленному выдворению в принудительном порядке». Инициаторы дискриминационного решения настаивали: интенсивное вытеснение титульного этноса со своих территорий переселенцами из других регионов России началось с 1920 г., что противоречило фактам¹⁰. А. Айтшев писал по поводу трактовок выдвинутого ЦК партии лозунга «Лицом к деревне»: «...националисты радовались, потому что они видели в этом лозунге ключ разрешения всего восточного вопроса – предварительным условием которого является благоустройство киргиз за счет др. национальностей». Далее он писал: «Беда конечно не в этом, а в том, что поставленная партией задача стоит перед неизбежным провалом. ... необходимо оздоровить сгущенную атмосферу в деревнях и в аулах, где господствует вековая национальная вражда. ... В этом отношении обнаружилась полная неспособность наших руководителей сочетать и согласовать интересы целого интересами частей. ... теперь уже ясно взят курс, который можно характеризовать чрезвычайно шадким и череватым (так в тексте. – Д.А.) своим последствием»¹¹.

Решение КазЦИК не только противоречило Конституции СССР, законодательству о земле и объективным потребностям социально-экономического развития автономии, но и провоцировало обострение межэтнических отношений, что весьма наглядно подтверждают публикуемые документы. Опротестованное Федеральным комитетом по земельному делу и ВЦИК СССР, 14 сентября 1925 г. оно было отменено. В краевая партконференция (1–7 декабря 1925 г.), с одной стороны, осудила «национал-уклонистов» С. Ходжанова и С. Садвокасова, но в вопросе об очередности землеустройства за основу взяла этнические критерии. Приоритет было решено отдать коренному населению, и лишь вслед за этим могли устраиваться русские, укра-

инцы, уйгуры и т.д. В резолюции «Регулирование межнациональных отношений землепользования» значилось: «Земельный вопрос в Казахстане в его практической постановке партия решает, прежде всего, в интересах казахского населения (самоопределяющегося как отдельная нация, в советских формах, экономически отсталого, угнетавшегося царизмом и ни от кого никогда не получившего поземельного устройства)». Законодательного воплощения данная установка все-таки не получила¹².

За 1920–1923 гг. количество крестьянских хозяйств сократилось почти на треть (с 857 480 до 600 683), посевная площадь – в 3 раза, валовый сбор зерна – в 5 раз¹³. В целом этнический состав населения КАССР постепенно менялся в пользу коренных жителей. По переписи 1920 г. в автономии насчитывалось 5 970 800 чел. населения, в том числе казахов 53,6%, русских (в их число входили и украинцы) – 31,5%. В 1927 г. все население составляло 6 305 000 чел., в том числе казахи – 57,8%, русские – 31,8% (в т.ч. украинцы 13%)¹⁴.

В феврале 1926 г. Президиум ВЦИК отменил резолюцию V казахстанской партконференции и постановление СНК КАССР по данному поводу. 30 августа Президиум ВЦИК постановлением «Об урегулировании отношений между русским и коренным населением Казахской АССР» потребовал от властей автономии обеспечить равноправие коренного и «пришлого» населения при землеустройстве. Казкрайком ВКП(б) 3 октября 1926 г. своим решением признал необходимость землеустройства не только казахов, но и крестьян других национальностей. 8 февраля 1927 г. Президиум ВЦИК РСФСР уравнял в правах на землепользование коренное население и крестьян-переселенцев. Однако 8 июля 1928 г. бюро Казкрайкома ВКП(б) опротестовало это решение и не приняло предложение руководителя республиканской парторганизации Ф.И. Голощекина о равных правах на землепользование всех граждан республики, независимо от национальности, но в соответствии с классовым подходом¹⁵. Это было сделано, несмотря на то, что VI Всеказахская конференция ВКП(б) в ноябре 1927 г. отменила решение предыдущего форума партийцев КАССР. На данной конференции Голощекин, в частности, признал, что «чем больше мы на практике проводим землеустройство казахского населения, тем больше другие национальности видят, что государство в это вкладывает большие деньги, а у них (представителей меньшинств. – Д.А.) – перенаселение и безземелье, они начинают роптать и говорить, что у Советской власти есть сынки и пасынки... Если мы этого вопроса не решим и не устроим (русское население. – Д.А.), оно само возьмется за решение этого вопроса»¹⁶. Члены бюро Казкрайкома партии С. Садвокасов, Ж. Мынбаев и Ж. Султанбеков были обвинены в «национальном уклоне» и выведены из бюро. О кон-

фликтных взаимоотношениях в руководстве республики свидетельствовал и тот факт, что нарком земледелия Султанбеков продолжал настаивать на своем, называя решения последней партконференции колонизаторскими¹⁷. В конечном счете, усилиями центра ситуацию удалось исправить, в феврале 1929 г. Президиум ВЦИК постановлением «О земельных взаимоотношениях в Казахской АССР» одобрил и утвердил решения ЦИК Казахстана о равноправии в очередности землеустройства населения республики независимо от этнической принадлежности¹⁸. Впрочем, начавшаяся вскоре коллективизация ввергла крестьян всей страны в куда более трагические обстоятельства.

Другая важная проблема, которой уделяют большое внимание авторы писем и обращений, обнажилась в процессе коренизации. Реализация принципов национального равенства и самоопределения народов бывшей империи требовала насыщения органов власти и управления представителями титульных этносов. Это составляло одну из наиболее сложных задач в силу острого дефицита в составе последних образованных кадров. По переписи 1920 г. из 3 903 000 лиц обоего пола в республике грамотных было 683 700, в т.ч. от 14 и старше 40 лет. 95,1% казахов были неграмотными¹⁹. Коренизация получила терминологическую конкретику (украинизация, казахизация и т.п.) и специфические формы. Включение в состав руководящих кадров националов из числа представителей рабочего класса и крестьянства планировалось осуществить по двум основным направлениям: через выдвижение на более ответственную работу с менее ответственной и через выдвижение непосредственно «от станка» или «от сохи». Постепенно складывалась система пропорционального представительства национальностей в органах власти, управления, общественных организациях в соответствии с этническим составом населения каждой республики.

В январе–мае 1924 г. комиссия ЦК РКП(б) по проверке выполнения советскими, кооперативными и хозяйственными органами директив XII съезда РКП(б) и IV совещания по национальному вопросу, в частности, постановила: «Добиться максимального укомплектования сов[етского] аппарата в уездах и деревнях (аулах и кишлаках) местными низовыми работниками – крестьянами, дехканами (вытесняя оттуда чиновников, аксакалов, волостных управителей, не гоняясь при подборе обязательно за партийностью выдвигаемых, вовлекая и беспартийных, руководствуясь честностью и деловитостью последних»²⁰. Впрочем, последнее замечание оказалось выполнить значительно труднее, чем добиться на местах численного перевеса национальных кадров.

В 1925/26 г. начался переход от т.н. процентной нормы насыщения национальными кадрами органов власти и управления к функциональной, что должно было обеспечить рост числа представителей титульного этноса не в общей численности служащих, а прежде всего на ответственных должностях. Как указывалось в обзоре Орграспредела ЦК ВКП(б), к 1926 г. коренизация партийного аппарата в Казахстане была проведена, но при этом повсеместно фиксировались «перегиб к местному национализму, формальное и механическое отношение к выращиванию кадров», сохранение партийных ячеек по родовому признаку, когда в аулах секретарями партийных ячеек становились беспартийные, муллы²¹. Как свидетельствовал А. Айтиев, секретарь Казкрайкома партии С. Ходжанов «декларативно заявил, что он считает достойным коммунистом только тех киргиз коммунистов, которые сохранили значительный %% националистической идеологии. В развитие этой теории, которая начинает быть господствующей, один из видных деятелей Алаш-Орды б[ывший] председат[ель] Акмолин[ского] ГИК, ныне председат[ель] КЦСНХ Кулумбетов заявил, что 90% членов РКП(б) в КССР должны состоять из киргиз (по данным переписи 1920 г. киргизы в КССР составляют 48%, а остальные русские и др., в том числе и промышленный пролетариат, которым намечалось предоставить 10% в партии).

Эта параллельная с РКП(б) платформа усиленно укрепляется, ради чего, начиная с осени, произведено около 20% перебросок с передачей власти на местах в руки сторонников этой идеологии. Наконец, эта самая идеология (националистическая) начинает быть неофициальным, но фактическим уставом многих товарищей, оказывая свое отрицательное влияние на малодушных товарищей и молодежь, успевших раньше зарекомендовать себя в других условиях воспитания стойкими коммунистами.

Таково в общих чертах направление у нас в КССР, которое по нашему мнению, сильно затемнило основные интересы партии. Это течение теперь не встречает никаких сопротивлений, а наоборот поощряется одним из фактических руководителей деятельности Крайкома т. Ежовым»²².

Бюро Казкрайкома ВКП(б) 8 мая 1926 г. утвердило директивное письмо о коренизации госаппарата и практические предложения по ее проведению. «В основу всей дальнейшей работы, – говорилось в решении, – положить принцип функциональной коренизации, проводимой методами, указанными в директивном письме». Одной из проблем признавался пессимизм части «европейцев», которые иронически или прямо отрицательно относились к коренизации, «рассматривая ее как дань моде и неминуемую уступку, не берут всерьез». Особо болезненно реагировали на коренизацию участники гражданской вой-

ны, выдвигая вопрос о своем праве на труд, когда механическое замещение низового персонала приводило к потере места работы. В то же время казахские работники иногда «превышали темп», заданный директивно²³.

В выборных партийных органах уездных и областных парторганизаций (укомы и обкомы) казахи в 1925 г. составляли 33,3%, в 1926 г. – 36,8%. Пленумы деревенских и городских райкомов насчитывали в 1925 г. – 37,7% казахов, 1926 – 44%. В губернских аппаратах КАССР среди заведующих и заместителей заведующих учреждений казахов насчитывалось 22,6%, заведующих отделами и их заместителей – 13,6%, заведующих подотделами и их заместителей – 21,8%, технического персонала – 8,5%, специалистов – 4,4%. В 1926 г. среди ответственных работников судебных губернских учреждений казахи составляли 33,5%²⁴. К 10-летию Октябрьской революции (1927 г.) из 9 председателей губернских исполкомов казахов было 8, из 9 заведующих губернскими земельными управлениями – 8, из 9 заведующих отделами народного образования – 9, из 9 председателей губернских судов – 8, из 8 прокуроров – 6. В волисполкомах казахи составляли 67%, в уездных исполкомах – 70, в губисполкомах – 53,5%. Среди ответсекретарей губкомов партии казахов было 33,3%, заворграспредами – 55,5%, секретарей уездных комитетов – 54,8%, пленума крайкома – 53,8%, бюро крайкома – 63,6%, или 7 из 11. В составе пленумов губкомов казахи составляли 44,1%, бюро губкомов – 50%, пленума КрайКК – 59,3% или 16 из 27 чел., среди инструкторов укомов и горрайкомов – 40%, или 22 из 55²⁵. Но качество управленческой культуры оставляло желать лучшего и достаточно противоречиво отражалось на межэтнических отношениях.

В документе № 1, в частности, автор акцентирует внимание на том явлении, которое в 1920-е годы характеризовалось как «засоренность» советских учреждений представителями «бывших» и «комчванство», на избирательном отношении представителей власти к реализации принципов социальной справедливости. Формальное отношение новой местной бюрократии к собственным обязанностям и практическим нуждам людей, ради которых эта бюрократия призвана на государственную службу, как и этноориентированный перекос в составе и поведении чиновников, находят в центре внимания и других корреспондентов. Документы № 2 и 3, исходящие почти одновременно из Семиреченской (Джетысуйской) области, посвящены националистическим проявлениям в отношении русского крестьянства в ходе земельной реформы и неспособности местной власти обеспечить защиту его имущественных и иных прав, независимо от национальности. Завершающие публикацию документы № 4 и 5 ярко представляют отношение крестьян, в т.ч. коммунистов, к неодно-

значным проявлениям политики коренизации на примере конкретных ситуаций в органах власти и управления Семипалатинской и Акмолинской областей.

Документы хранятся в РГАСПИ, фонд 17 – ЦК РСДРП(б)–РКП(б)–ВКП(б). В основу структуры публикации положен хронологический принцип. Заголовки даны составителем. Обнаруженные опечатки исправлены, устранены выявленные интонационные ошибки в расстановке знаков препинания и в согласовании. Сокращения раскрываются в квадратных скобках. Орфография и стилистика документов сохраняются.

№ 1

Письмо крестьянина Семипалатинской губернии М.И. Ветки Председателю ЦИК СССР М.И. Калинин

Пос. Подстепное
Семипалатинской губернии

25 декабря 1925 г.

1925 года декабря 25 дня²⁶.
Уважаемый Михаил Иванович.

Я извиняюсь перед тобой за то, что дерзнул писать тебе и отвлекать твое внимание от работы более важной, чем это мое письмо, но грязь нашей деревенской жизни и несправедливость, которую я вижу на каждом шагу, натолкнули меня на мысль написать тебе обо всем, что я нахожу несправедливым в нашей жизни и чего, быть может, тебе неизвестно. Я думаю, что ты, как крестьянин, прочтешь это мое письмо и подумаешь над тем, еще трудно темному крестьянину искоренить зло и несправедливость, и дашь какой-нибудь совет. Жизнь в деревне, особенно в нашей глухой Сибири, темна, а несправедливости хоть отбавляй. Посмотри[шь] иногда на то, что творится кругом, возьмет обида, что делается не так, как должно быть, да грешным делом и подумаешь: «Где же правда и равенство, которое крестьянство завоевало. Для кого же мы завоевали право на жизнь. Не для себя ли. Да, для себя. А зачем же опять нас крутят бывшие “благородия”»?²⁷ Зачем же опять оне²⁸ сидят выше нас и нам «предлагают». За что берут с нас налог и куда он идет, если нам не дают ни больниц, ни школ, ни приютов. Почему крестьянину трудно попасть в Партию Р.К.П.(б), или в профсоюз.

Причин думать так много, приведу некоторые²⁹ из них: много у нас сирот беспризорных, у которых нет никаких родственников, многие из них к нам привезены в 1921–22 г. из голодающих губерний.

Был в уезде приют, где их держали, а в нынешнем году растолкали по деревням. Комитеты взаимопомощи³⁰ бедны, ничего почти не имеют, а граждане детей этих не берут, своих хоть отбавляй, и ходят эти сироты, питаюсь подаванием, в грязных лохмотьях, заедаемые паразитами.

Неужели нельзя их было бы содержать до совершенных лет в приютах за счет Республики. С крестьянина берут с[ельско] / [хозяйственный] налог и говорят, что деньги эти пойдут на школы, больницы, приюты и т.д., но на деле этого не видно, вот пример: наша волость занимает территорию в 6000 кв. верст, имеет 28 поселков с 10000 душ, а фельдшерских пунктов всего один, да и на том кроме йода да касторки ничего нет. И приходится крестьянину ехать за сотни верст в Уездный город, где с него за каких-нибудь 15 капель сдерут 3 шкуры. Даже оспу у нас в волости не прививали 2 года. Школ в волости в 1924 году было 9, а в 1925 году стало 7; 2 сократили, уезд говорит – нет средств. Есть 3 сельсовета таких, которые с начала существования с 1907 года не имеют школ, дети растут в темноте, как называется, гоняют собак, плохие же с них будут строители жизни, а если общество захочет открыть школу на свои средства, то У.О.Н.О.³¹ требует поручительства ячейки РКП(б), а их у нас на 28 пос[елков] 1, а если нет поручительства, то не разрешают.

Работники из уезда посещают нас редко, да и то пользы с них, как с кота молока. Заявится какой-нибудь в галифе с бриллиантами в пальцах, соберет сход, наговорит каких-нибудь закультяпистых слов, попьет чайку у какого-нибудь кулачка, т.к. к бедняку не зайдет, боится, чтоб не замарать свои галифе, и укатит, а мужики разбирают сказанное им, для них непонятное, придут к заключению, что оратор из «благородий» и, послав ему вслед несколько матерей в скобках, разойдутся. Зайдешь в уездное какое-нибудь учреждение, там увидишь и бывших «благородий», и бывших чиновников, и барышень в шелку и шляпках, которые начнут гонять тебя, как соленого зайца, от стола к столу, а сами все посматривают на часы, скоро ли 3½ часа, чтобы шабашить, и если стрелка дошла до желанных 3½ ч., то тогда уж не проси, упорхнет, как бабочка. Больше 6...²³² не работают, а жалованье 100–80 руб. в месяц, а потом расспроси, да узнаешь, что оне и члены РКП(б) и члены профсоюза, а если крестьянин захочет вступить в профсоюз, так его начнут шпиговать и опросами, и анкетами, а если узнают, что у него есть 2 лошади и 1–2 коровы, то не примут, ты де, паши землю, а со свиным рылом в пшеничную муку не суйся (такой случай был лично со мной).

Если крестьянин вздумает вступить в ряды Р.К.П.(б), то его тоже начнут шпиговать, давай поручителей, а если их нет, то не примут. Найдешь поручителей, кто-нибудь из личных счетов подаст какое-нибудь ложное заявление, тогда без проверки указанного в заявлении

(хотя бы это была и ложь), отказывают в приеме (со мной был такой случай), и думаешь: «Да как же так, мне, крестьянину, нельзя, а бывшим благородиям можно». Про работников ВИКа³³ и с[ельско-го]с[овета]: работают эти работники по 18–20 часов в сутки, а получают 12 р. 50 к. в месяц, и гонят их в хвост и гриву и «б[ывшие]/благородия» предлагают, приказывают в суточный срок, да еще поугивают 118 ст. Угол[овного] кодекса³⁴. Нельзя ли этих «благородий» и барышень несколько повытряхнуть³⁵, а на их места посадить таких работников из крестьян, которые бы соответствовали. Нельзя ли снять с работников в уезде и губернии несколько процентов с зарплаты и прибавить работникам деревни³⁶, а то одним жирно, а другим сухо. На 12 р. 50 к. работник в деревне, да еще если у него есть 5–6 чел. семьи, существовать не может, и работы от него ждать нельзя.

Перевыборы у нас проходят тоже неправильно, почему-то беспартийных оббегают. Приедет какой-нибудь уполномоченный от уезда делать перевыборы и начнет крутить вол[остной] съезд, да и крутит до тех пор, пока не проведет того, кого ему хочется, из коммунистов, хотя бы он получил и меньше голосов, чем беспартийный, а если делегаты съезда начнут протестовать³⁷, то он тех из них, кто постелее, на время перевыборов посадит в кутузку (чтобы не мешали) и окажется после, что съезд собирали для блезира³⁸, а дело обделал он один, и останутся делегаты съезда в дураках. ПредВИКи³⁹ в нашем уезде почти все чужие, «выписные» и меняют их, как барышня перчатки⁴⁰, гоня с места на место. Землеустройство у нас тянется 2 года, и ничего с него не получается. У русского населения отбирают лучшие кусочки земли, а киргизам⁴¹ отдают, а если русские начнут протестовать, то дело пойдет по мытарствам, по разным комиссиям, и в результате все-таки спорное остается в пользу киргиз. У них, т.е. у киргиз, в этих комиссиях сидят свои люди, которые каким-то образом туда пролезли, несмотря на то, что не спецы, а обиднее всего то, что эти «свои люди» все баи, имеют по 1000–2000 скота⁴² (один из таких Дженилдинов сидит в Сем[ипалатинском] ГубЗУ⁴³ как контролер по землеустройству, хотя в нем ничего не понимает).

Воровство, особенно скотопродавство, развилось донельзя, а если поймать вора и направить куда нужно, то на второй же день его выпустят, и он опять ворует. Был у нас такой случай: поймали вора, отправили его, в уезде отпустили (вор был киргиз и судья, который отпустил, тоже киргиз), поймали этого вора в другой раз (через неделю после того, как его выпустили), взяли крестьян, да не стали отправлять в уезд, говорят – опять выпустят, да и ухлопали.

Насчет газет тоже плохо дело обстоит. Явился весной 25 г. к нам уполномоченный от «Крестьянской газеты» собирать подписку, му-

жички пошли охотно; собрал денежки, сказал, что через 2–3 недели получим газету, и уехал. Вот уже 10 месяцев, а газеты нет. Слыхали, будто бы что этот уполномоченный сидит в тюрьме, приезжали после него и другие уполномоченные, но мужики уже им не верят. Агронома мы в своей волости еще не видали ни разу, семена весною УЗУ выдавало дрянные, сорные, на 50% не взошли, а сейчас дерут за них по 1 руб. – 70 коп. за пуд, да еще в прибавок и пени. Были у нас летом 2 инструктора из Ц.К. Р.К.П.(б) тт. Ибрагимов и Лурье⁴⁴, спрашивали про наши нужды, мы их написали на бумаге, обещали оне пожелания передать в Москве кому следует, да до сих пор ни слуху, ни духу⁴⁵.

Уважаемый Михаил Иванович. Много я тебе написал, что считаю ненормальностями, но это не все, есть много и других. Я знаю, что у тебя работы много, но я слышал, что ты человек добрый, думаю, что ты мне что-нибудь ответишь, разъяснишь, посоветуешь, может быть, я по своей темноте заблуждаюсь, может быть, то, что я здесь указал и что я считаю неправильным, не так уж неправильно, как я думаю и пишу. Я был бы счастлив, получив от тебя разъяснение, я бы его прочел своим мужикам, я бы, а со мной и мои односельчане, уверились твоими разъяснениями.

Крестьянин беспартийный бедняк Ветка Марк Иванович.

Пос. Подстепное Крестьянской волости Павлодарского уезда Семипалатинской губернии К.С.С.Р.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 19–20 об. Заверенная машинописная копия.

№ 2

Заявление крестьян Джетысуйской губернии⁴⁶ наркомму земледелия⁴⁷

12 июня 1926 г.

Москва⁴⁸

Народному комиссару земледелия

Граждан селения Обакинского
Саркандской волости Лепсинского уезда
Джетысуйской губ[ернии]
Киргизск[ой] респ[ублики]

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы, прирожденные хлебопашцы Семиречья, с незапамятных времен пользовались наделами земли и, так или иначе, но существовали с[о] своими семьями до черных для нас дней, которые настали с 24, 25

и особенно с 26 годами. С народившейся Советской властью над страдавшей Россией зажглась эра новой жизни, а с ней родился и суд новый, строгий, но справедливый. Мы, темные хлебопашцы, статей закона не знаем, но мы уяснили себе одно, что при Власти Рабочих и Крестьян не должно быть допустимо то, что могло иметь место в дни канувшего в вечность, прогнившего царизма, а следовательно – насилия, издевательства и произвола на территории родной нам России не должно быть и в помине. Но как ни грустно, как ни обидно, но на деле не все обстоит так.

Свободные семьи вольных степей и гор Семиречья – киргизы, до сих пор понимают превратно свободу, дарованную им Великой Революцией. Эти почтенные граждане Автономной Свободной Киргизской Республики не могут примириться с уважением частной собственности, а произвол и насилие над русскими считают неотъемлемыми их правами и в настоящее время дошли до апогея. Воровство нашего скота с каждым днем принимает все более и более ужасающие размеры⁴⁹. Но одно это их не удовлетворяет, в нынешнем году они в своей наглости пошли дальше. Аулы киргизов, которые сейчас тесным кольцом окружают наш поселок и которых насчитывается с добрых полтора десятка – не признают никакой грани наших наделов. 17 мая по нашему настоянию особой Центральной Земельной Комиссией вновь проверены и восстановлены эти грани, но и это не помогло. Аулы киргизов уничтожают эти грани, не признают никаких межевых столбов и тумб. Столбы и тумбы уничтожаются, и на их месте ставятся юрты. Они своим скотом уничтожают и травят наши посева и сенокосы. На покосных участках ставятся юрты. Все наши доводы, споры и ссоры с представителями аулов не принесли нам хоть сколько-нибудь полезных результатов. Весь этот произвол и насилие творится, конечно, потому, что киргизу, как бы он ни был виноват – ни суд, ни милиция не страшны. Пойманный конокрад разгуливает на свободе, продолжая развивать свою плодотворную работу, уличенный в потраве наших посевов и сенокосов – чувствует себя превосходно, распивая ханжу⁵⁰ и есть барана с представителями Киргизской власти волости и уезда.

Особенной наглостью отличаются следующие аулы: Сальпульмульки, Наурызбай Мамона, Тер Кара, Бек Темира, Акчарра Чапа, Кульдей, Тевке, Теленгут, Кулумбека и др. Один из этих диких представителей племен – Наурызбай Мамон заявлял неоднократно во всеуслышание, не стесняясь даже присутствием власти уезда и волости, что он не успокоится, пока русских отсюда не выживет.

Испытав на месте все средства борьбы с вопиющей незаконностью и насилием, оббив пороги всем представителям местной власти, и измученные в конце издевательством киргиз – мы решили обратиться к

Вам и к Народному Комиссару Юстиции, как к высшим дистанциям⁵¹ права и справедливости. Ведь должно же где-нибудь быть право и справедливость и для нас – хлеборобов Семиречья. Мы не допускаем мысли, что Советская Власть для иных мать родная, а для других злая мачеха. Придя к нам своевременно на помощь, Вы избавите нас от нежелательных результатов, которые могут породить все эти недоразумения.

В 20 году на Лепсинский уезд налетела саранча, и мы с этим несчастьем находим исход бороться, но с таким бедствием, как воровство, наглость и произвол киргизов – мы опускаем руки. Помогите нам, и мы научим наших детей благословлять Власть Советов. К Вам обращается сорок семейств Обакумовского поселка⁵², список которых при сем прилагается⁵³, надеясь, что их мольба не останется гласом вопиющего в пустыне.

12 июня 1926 г.

(Подписи)

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 190–190 об. Машинописная копия.

№ 3

Письмо крестьянина Семиреченской области И.И. Ковалева Председателю ЦИК СССР М.И. Калинин

Дер. Петропавловка
Семиреченской области

1 июля 1926 г.

Всероссийскому старосте г. Михаилу Ивановичу Калинин⁵⁴

Уважаемый товарищ Калинин. Прошу Вас, поместите в «Крестьянской газете»⁵⁵ мое письмо. Я житель дер. Петропавловской, бедняк, приехал из гор. Барнаула по случаю голода и бедности, в Семиреченской области. Я ехал очень бедно, по моей бедности бандиты семиреченцы не могли принять во внимание, разорили на пути следования, отняли последнюю лошадь и также все мое отрепье и избили как меня, также и семейство. Семейство мое 7 душ мал мала меньше. Я обращался к властям, чтобы дали помощь как для розыска моего ограбленного имущества, но со стороны властей села Андреевки Лепсинского уезда Семиреченской области этого сделано не было, а почему, да просто потому, [что] ограбили меня киргизы, а власть тоже кирги-

зы⁵⁶, сколько ни ходи, толков не найдешь. Я бы хотел узнать Ваше мнение на мое письмо, и думаю, что Вы не дадите власть в Семиречье находиться в таком состоянии, или ей просто разрешил ЦИК. Так работает и грабит нас, крестьян, каковые едут, как прожить свое скудное время. Киргизы производят сильные истязания над крестьянами, и воровство сильное, нельзя выпустить никуда никакую скотину, даже днем, а ночью ходят как хорошие палачи и подходят к дому, начинают бить и брать, что им надо, потом на утро к местной власти заявляешь, что происходил грабеж, только и услышишь ласкового слова: «Сделал бы хорошие двери и повесил бы пудовые замки, тогда к тебе и не попали бы воры». Вот и все наши надежды на власть. Вы всегда говорили, что крестьянство обижать нельзя, но это только я скажу прямо: у вас, т.е. у всех партийцев, на языке, как привыкли хорошо управлять – один рассказ. Я знаю, что вам, т. Калинин, мое письмо будет не по сердцу, но я пишу и плачу, я всегда шел за властью и не нахожу лучше советской власти, но она оказалась обманщицей пролетариата. Везде, но более всего в Семиреченской области, где полнейшее состояние, т.е. власть бандиты, но и подчиненные им киргизы – самые наилучшие бандиты, так [как] грабят и больше ничего не делают.

Не знаю, за что напало такое несчастье на долю крестьян вся Россия. Власть у нас сидит, как начать с высшего и до низшего, только набивают себе галифе, и все с каждым годом их шьют все шире и шире, а то не помещаются крестьянские труды. Вы говорили, что царь, капиталисты и помещики всех нас проживали и жили на самую широкую ногу, а теперь свергли власть капитала, и что же – наши комиссары стали жить в три раза шире буржуев. Это верно. Раньше была самая малая доля безработных, теперь куда ни взгляни, там полно безработных, а в особенности в Семиречье, и за кусок хлеба не надо, потому что всех середняков власть обобрала начистую, и мы теперь постигнули на произвол судьбы. Соввласть говорила, что не должно быть в республике воров, но это только на словах. В настоящее время советская власть столько наделала воров в Республике, и нельзя даже выговорить, никак нельзя никуда выехать, сейчас ограбят. Не запер скотину на дворе – уведут. Просто при советском законе жить никак невозможно. Я приведу пример, как Семиреченская власть работает. Поймала какого-нибудь вора, привели его в милицию, и что же, думаешь, что его посадят, но наоборот, посадят того, у кого он сделал кражу, и дадут хорошую порку, чтобы никогда не приводил воров к милиции. Нечто это правильно. Это правительством назвать нельзя.

Я пишу уже третье это письмо и никак не могу увидеть его в «Крестьянской газете», или, я думаю, что письма не доходят до Вас, тов. Калинин, или вы покровительствуете таким бандитам, или быть может, правду вы не любите, не могу я знать, но все-таки думаю, Вы на

это письмо что-нибудь и ответите, а если не ответите, то я буду знать, что и высший орган такой же, как в нашей Семиреченской области управители. Я думаю, что если бы я написал заметку, что поймал кого-либо с самогоном, это вы с великой радостью поместили в газету и украсили несколько раз. Я только и прошу поместить мое письмо, как оно мною средактировано. Я думаю и надеюсь на Вас. Вы что-нибудь да и поможете для нас своим приказом на Семиреченскую область. Нас, приезжих, выгоняют на все четыре стороны, а все пожитки оставляют у себя и отдают батраку киргизу, а он берет, продает, и конечно. Все описать в письме невозможно, сколько сделано вреда для крестьян.

Адрес мой: дер. Петропавловка Черкасской вол[ости] Лепсинского уезда Семиреченской области, Илья Иванович Ковалев.

1 июля 1926 г.
Дер. Петропавловка.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 189–189 об. Заверенная машинописная копия.

№ 4

Письмо бывшего красноармейца, крестьянина Семипалатинской губернии А. Кондрашова Председателю ЦИК СССР М.И. Калинину⁵⁷

Без даты

Дорогой товарищ Михаил Иванович, скажите, угнетается ли русский народ мелкими национальностями, или нет. Для чего существует русский народ, когда я был в армии, мне говорили, что нет наций угнетающих и угнетенных, и я верил и передавал другим, а когда мне возражали, то я говорил, что неправда, и старался убедить товарища, говорившего это. Придя из армии, я не верил глазам своим – Кирреспублика угнетает наше русское население; прямо скажу, распределение земли – сначала удовлетворить киргизское население, потом что негодное – русскому, сенокосные угодья: в первую очередь снабжается киргизское население и бесплатно, а негодное – русскому населению, и рубль за десятину, а за десятину пашни 3 рубля, распределять сенокосы имеет право только Киргизский ВИК, а русский – нет, судить киргиза русские нарзаседатели не могут, а киргизские русских – имеют право⁵⁸.

Может, тов. Калинин скажет – лжете, приведу пример. Подходит время сенокоса, ждут распоряжения о распределении сенокоса и дач Дубровного лесничества, лесничий говорит, что нет распоряжения на распределение сенокоса из лесных дач, проходит июль месяц, приехал предгуб. Земкомиссии⁵⁹, народ к нему чуть ли не с поклонами, как к царю Романову, сказал, приезжайте на кордон Турбис, создадим комиссию по распределению сенокоса. Наши гр[ажда]не с радостью бросаются ехать к нему на указанный кордон, приезжают, спрашивают, [им] говорят, что такого нет; как я узнал потом от объездчика, что его там и не было, говорят, уехал в Кул-Рамазан, туда едут, там говорят – поехал в Теренгульский ВИК (к киргизам), едут и туда. Предвика говорит, что уехал в город Иртышск, потому что и там киргизы, надо узнать, надо их удовлетворить, а русские – черт с ними; издает устное распоряжение лесничему, мол, создай комиссию по распределению сенокосов, а лес[ной]/п[од]/отдел издает распоряжение Кир-ЦИКа – никаких комиссий по распределению сенокосов не создавать, а дать на это полное Теренгульскому вику (киргизскому), а русских, ну их к черту, их нам, мол, не надо. Теренгульский вик, получивший полное право из гублесподотдела, начинает распределять так, как ему хочется, в первую очередь киргизское население, отдав им на аул хозяев в 10 – 75 дес[ятин] самого лучшего сенокоса, а гражданам русских селений, как примером приведу пос[елок], в котором я живу, домохозяев 100, и для них хватит 56 дес[ятин] самого негодного, а лесничий, получая 65 руб. жалования, тоже берет себе дачу и отдает богатому гр[аждани]ну, мол, выкоси и убери здесь, мол, хватит тебе и мне. Лесная стража – то же самое, а поселок Церковный, или вернее, гр[ажда]не указанного поселка, волком воют, где брать сенокосу, кто будет покупать скотину, ибо кормить нечем, а смотреть на скот, как он будетдохнуть от голода – жалко. Вот вам равенство и братство, служите, ребята, свои интересы защищаете, да где ж, – они, оказывается, не свои, а киргизские, потому что киргизы являются хозяевами. Киргизский вик имеет право распределять какие бы то ни было угодья, так, как ему хочется, кирсуд может судить русского, а для чего существуют у нас русские вики – неужели для того, чтобы содрать налога побольше с своих гр[ажда]н для того, чтобы зерно смотреть, чтоб крестьянин не оставил одной лишней десятины пашни в объект обложения по с[сельско]х[озяйственному] налогу, над которой он проливает пот целое лето, дожидая[сь] от нее урожая, чтоб хоть немножко существовать, хотя получеловеческой жизнью.

Для чего все русское население, живущее в Кирреспублике, неужели для того, что стоять где-то на границе Китая, Бурмонголии, Туркестана и других, защищать Кирреспублику, чтобы киргизы жили роскошно, неужели кр[естьяни]н должен существовать, чтоб отдавать

свою жизнь на перекопах⁶⁰ против Врангеля, на полях Сибири против Колчака, на полях Украины против Петлюры, Махно, Пилсудского и др., на полях Дальнего Востока против Семенова, Унгерна, иностранной интервенции и других мелких бандитов, и лишь за то, чтобы мелкая национальность киргиз роскошествовала, а ты рабствовал, чтоб киргиз наживал до 100 штук лошадей, и лежит это в своей юрте, разглаживает брюхо, и пил кумыс, а кр[естьяни]н продавал бы ему последнюю скотинку, которая все равно должна погибнуть от бескормицы, которого негде достать, а в особенности беднякам, а говорят – больше внимания беднякам и середнякам. А на деле этого нет, богатый все-таки имеет. Вот, поднимайте сельское хозяйство при таких условиях. Верно, киргиз поднимает, а мы за то, что стоишь где-то на границе, готов всегда в любую минуту броситься на верную смерть, сиди, терпи такое рабство и защищай какого-то киргиза.

Когда Чжанзо-лин⁶¹ вылез на китайской железной дороге, чтобы отнять ее, то ни один киргиз и затылка не почесал о том, мы же поехали с необученными красноармейцами 1903 года, которых подсаживали на коня, которые не только что могли воевать, но даже и на коне сидеть. А ведь у Чжан-Зо-Лина, мы знали, что есть белогвардейцы, которые уже воевали не один год, обстрелянные птицы, а мы не посчитались на то, что нам многим оттуда не вернуться, а теперь смотри из рук киргиза, который наживает до 1000 голов разного скота и пользуется всеми угодиями, а ты ничем, даже каких-то несчастных 3–4 скотины нечем прокормить. Разве это справедливо, пусть скажет тов. Калинин, пусть ответит через газету «Новая деревня», или же «Крестьянскую газету» прошу ответить.

Демобилизованный красноармеец Кондрашев.

Адрес: Семипалатинская губерния, Павлодарский уезд, Урлютюпское почтовое отделение Урлютюпской волости, пос. Церковный, А. Кондрашеву.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 191 об.–192. Заверенная машинописная копия.

№ 5

**Обращение коммунистов г. Петропавловска Казахской АССР
в ЦК ВКП(б), генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину,
члену Политбюро ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарину, Председателю
ВЦИК СССР М.И. Калинину, Председателю СНК СССР
А.И. Рыкову**

Петропавловск

1 октября 1926 г.

В ЦК ВКП(б) товарищу Сталину и Бухарину.
ВЦИК СССР тов. Калинину.
Совнаркому СССР тов. Рыкову⁶²

Дорогие товарищи!

В сфере партийных и советских кругов нашей губернии, особенно в его русской части, кишмя кишит разговор недовольства против неразумных правителей казак-киргиз, которые у нас, к сожалению, имеют особые преимущества и почти исключительные права против русских и нацменов⁶³ (в силу того они получили у нас кличку «неразумные хозяева»), где только им как бы предоставлено право на существование, и только они в порядке выдвижения (и задвижение русской и нацменовской части населения) становятся на ответственные должности, тогда как в деле они почти решительно ничего не понимают.

В силу этого какое бы то ни было выдвижение казаков⁶⁴ (как правило) производится вопреки воле и желанию на то абсолютного большинства населения, что, естественно, после этого вызывает натянутость в отношениях между русскими и казаками; кроме этого, в еще более резкой форме эта натянутость проявляется во взаимоотношениях между руководителями учреждений (завами и их замами⁶⁵) европейцами и казаками, в результате всего дело кончается тем, что европеец, приложив максимум усилий на ходатайство перед соответствующими организациями (под разными предложениями), выхлопывает себе право на выезд из Казакстана и уезжает на территорию РСФСР (русских волостей), чего и нам, оставшимся членам партии в Казакстане, не миновать.

После этого, из приведенных нами примеров, невольно напрашивается мысль, что благодаря искусственному насаждению (в порядке казакизации⁶⁶) киргиз на разные должности, мы этим самым всякую советскую демократию превращаем (формальную бюрократию) в пустой звук разговора и обман широких масс населения.

Об этом национальном безобразии у нас говорит решительно вся организация, конечно, не на собраниях и официальных заседаниях

(ибо за это начальство не полюбит), а на службе, у себя дома и там, где только время и возможность позволяет, иногда даже не считаясь для этого и тратой дорогого времени.

Среди рабочих и служащих средней квалификации на почве национальных взаимоотношений более всего обнаруживается вражда между европейцами и казаками, потому что эта часть населения в большей мере испытывает прелесть казакских правителей и больше, чем какая бы то ни было группа населения, подвергается сокращению, не считаясь с их долголетним стажем службы, приобретенным навыком и знаниями в данном учреждении или предприятий, ради казакизации, ради представления (уступки) места для пришлого казака, приехавшего в город за тысячи верст и не имеющего никакого представления о русском народе, тем более навыков им править – руководить, и приехавшего в город не ради того, чтобы честно работать, а исключительно ради получения приличного во всех отношениях теплого местечка.

Среди крестьян национальная вражда в связи с проходящим землеустройством чувствуется особенно остро, а иногда последняя оканчивается массовым переселением русских крестьян из территории Казакстана на территорию русских волостей, потому что при проходящем землеустройстве казаков (киргиз) наделяют землей в три-четыре, а то и пять раз больше, чем русских крестьян, тогда как на наделенной земле казак серьезно не работает, а по-прежнему ее сдает в аренду русским крестьянам для эксплуатации.

Теперь спрашивается, при таком принципе землеустройства соблюдает ли Советская власть в Казакстане принцип справедливого дележа трудового землепользования среди трудящихся крестьян? Отвечаем, что в глазах русских крестьян, населяющих Казакстан, конечно, нет. Поэтому неслучайно нам кажется, что крестьяне казакский образ правления для себя считают во много раз хуже николаевского (потому что при Николае подобных притеснений для него не было).

Причина всему этому национальному недоразумению являются:

1) Отсутствие казак в данной местности, как коренного населения (хотя казаки у нас и называются коренным населением).

2) Наличие казаков во главе руководящих учреждений.

Например: в городе Петропавловске казаков до революции насчитывалось примерно, но не больше одного-двух процентов, а сейчас их насчитывается до семи процентов к общему составу населения, тогда как руководящих постов ими занято около пятидесяти процентов.

При этом считаем необходимым оговориться, что процентное возращание наличия казаков в городе Петропавловске главным образом произошло: 1) за счет стихийного наплыва казаков в город как губернский центр (без какого бы то ни было приглашения, вызовов),

2) за счет служащих, приехавших в город в порядке переброски (казакизации), вызовов и т.д. 3) За счет учащейся молодежи, приехавшей в город согласно предданных местам разверсток в разные вузы и собственного желания.

Теперь после всего выше приведенного в настоящем письме, спрашивается: может ли такой строй с абсолютным преобладанием русского народа управляться казакским, решительно не понимающим условий, нужд и запросов русского населения? Конечно, нет, потому что всякому искусству есть свой предел, так и в этом случае искусству поддерживать подобный порядок (общественный строй) мы должны поставить предел, иначе с течением времени он потерпит неудачу, если только мы не примем своевременно соответствующих мер. Которое может быть достигнуто лишь при условии отделения территорий, абсолютно населяющих⁶⁷ русскими, к русским волостям.

Конкретно только это мы и просим сделать, потому что только этого абсолютно все рабочие города Петропавловска и крестьяне его окрестностей от союзного правительства и ожидают (наш настоящий довод может быть проверен через опрос нашего населения), потому что только это способно положить конец всяческому конфликтам и национальным недоразумениям⁶⁸, возникающим между европейцами и казаками, с одной стороны, и нацмен и казаками, с другой.

Зная наперед, что, сделавши это отделение, мы тем самым положим конец всяческим притеснениям русского и нацменовского населения со стороны казаков, которые последним чинится через законодательство центральных органов и практическую деятельность местных органов, во главе которых стоят казаки.

В заключение мы, коллектив единомышленников, членов партии Петропавловской организации, убедительно просим к нашему далеко не полному (по информации, характеризующей факты) письму отнестись вполне критическим и по-деловому, а не с насмешкой и по казенному, потому что данное письмо мы не выдумали из головы, а целиком его взяли из конкретной действительности, в которой переживает наше население.

Поэтому нам кажется, что наше письмо именно и должно послужить для Вас соответствующим материалом к размежеванию.

Данное письмо нами написано совершенно секретно и без подписей не потому, что мы в своих фактах видим их несостоятельность, неправоту и ложь, а потому только, чтобы не подвергнуться (за совершенную правду) разным партийным репрессиям, которые у нас очень дешево расцениваются, ибо для нас дорога наша партия, защитница интересов рабочих, трудящихся крестьян, поэтому мы не можем с ней расстаться на вопросах почти практического порядка, тогда как

с программой, уставом и политикой партии мы решительно согласны и целиком их разделяем.

Наше непосредственное обращение с данным письмом в Москву мы просим объяснять исключительно нашим недоверием казакским волостям, которые питаем мы и население нашей губернии, поэтому в случае необходимости собирания соответствующих материалов по данному письму, мы просим таковое произвести через представителей РСФСР.

За проявленную в некоторых местах резкость в нашем письме мы просим нас простить, потому что эта резкость есть безусловный результат – следствие того, что наболело в нашей душе и что раздражает наше сознание при одном лишь воспоминании «казака», среди которых рабское низкопоклонство, кумовство, чиновничество (взятничество и разного рода уголовные преступления) развиты до наивысших пределов, поэтому не случайным явлением мы имеем, что казаков, стоящих во главе разных учреждений, насчитывается около 50%, тогда как безработных казаков, исключая только приехавших, почти нет.

В заключение наш коллектив еще раз заявляет, что при условии дальнейшего существования подобного общественного строя, существующего у нас, национальная вражда по размерам и по ее глубине значительно расширится и может принять угрожающие размеры и привести нас к нежелательным последствиям.

О принятых Вами мерах уведомите нас через прессу (хотя бы местную)⁶⁹.

С коммунистическим приветом члены партии
Петропавловской организации.
Город Петропавловск Акмолинской губернии.
1-го октября 1926 года.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 193–194 об. Машинописная копия.

---

¹ В качестве примеров см.: Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998; Письма во власть в эпоху революций и гражданской войны (март 1917 – ноябрь 1919 г.). Сб. документов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2014; Письма во власть в эпоху революций и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). Сб. документов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2015.

² Подробнее см.: *Котюкова Т.В.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // *Обозреватель = Observer.*

2011. № 8. С. 98–126; *Брежнева С.Н.* Кризис власти в Российской империи на примере восстания 1916 года в Туркестане // Грамота. 2015. № 2 (52). Ч. II. С. 47–51; Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2016; Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). Колл. монография / Ред.-сост. Т.В. Котюкова. М., 2017. 528 с.
- ³ ЧОН – часть особого назначения.
- ⁴ *Григорьев В.К., Джагфаров Н.Р., Осипов В.П.* Идеино-политическая работа партийных организаций Казахстана (1917–1925 гг.). Алма-Ата, 1989. С. 93–94.
- ⁵ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. Ташкент, 1988. С. 74, 75; В.И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1982. С. 364.
- ⁶ Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1962. С. 279–284.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 307. Л. 52–58.
- ⁸ См.: *Чеботарева В.Г.* Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 511–512.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 56 об., 53 об–54.
- ¹⁰ Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. Алма-Ата, 1981. С. 120–121.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 52.
- ¹² *Григорьев В.К., Джагфаров Н.Р., Осипов В.П.* Указ. соч. С. 102; Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1963. С. 242; Казахская областная (краевая) партийная организация в резолюциях и решениях конференций и пленумов обкома и крайкома. Т. 1. 1921–1927. Алма-Ата, 1987. С. 33.
- ¹³ Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 1. С. 120–121.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 30.
- ¹⁵ Там же. Оп. 25. Д. 10. Л. 111. Детали см.: *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 520–524.
- ¹⁶ VI Всеказахская конференция ВКП(б). 15–23 ноября 1927 г. Стенографический отчет. Кзыл-Орда, 1927. С. 99–100.
- ¹⁷ *Койгельдиев М.К.* Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алматы, 2009. С. 329.
- ¹⁸ *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 558.
- ¹⁹ *Заволжская М.* Ликвидация неграмотности в Кирреспублике // Советская Киргизия. 1924. № 7 (10). С. 12.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 189. Л. 35–36.
- ²¹ Там же. Д. 104. Л. 116–118.
- ²² Там же. Оп. 67. Д. 82. Л. 53.
- ²³ Там же. Оп. 25. Д. 2. Л. 91–97.
- ²⁴ Там же. Оп. 85. Д. 206. Л. 4, 31, 9–10.

- ²⁵ В братском единстве народов СССР. Государственное строительство Советского Казахстана. Документы и материалы. 1920–1937 гг. Алма-Ата, 1972. С. 252–256, 262; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 7. Л. 158–159.
- ²⁶ В верхнем левом углу № 1224, рукописная помета, автограф: «Тов. Молотову. Для сведения. 29/1–26 г. М. Калинин».
- ²⁷ Подчеркнуто при чтении.
- ²⁸ Так в тексте.
- ²⁹ Так в тексте.
- ³⁰ КОВ – крестьянские общества взаимопомощи, созданы в сентябре 1924 г. вместо ККОВ – крестьянских комитетов взаимопомощи (кресткомов), которые были созданы в рамках новой экономической политики декретом СНК РСФСР от 14 мая 1921 г. для оказания помощи бедным крестьянам, инвалидам, сиротам, вдовам, семьям красноармейцев. Прекратили деятельность с созданием колхозов, преобразовавшись в кассы взаимопомощи.
- ³¹ У.О.Н.О. – уездный отдел народного образования.
- ³² Пропуск в тексте.
- ³³ ВИК – волостной исполнительный комитет
- ³⁴ По Уголовному кодексу РСФСР в редакции от 5 марта 1926 г., статья 118 гласила: «Дача взятки и посредничество во взяточничестве – лишение свободы на срок до пяти лет» (Уголовный кодекс РСФСР. Редакция 5 марта 1926 г. Опубл.: СУ РСФСР 1926. № 80. Ст. 600. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 22.11.2017)).
- ³⁵ Подчеркнуто при чтении слева вертикальной чертой.
- ³⁶ Подчеркнуто при чтении.
- ³⁷ Подчеркнуто при чтении слева и справа вертикальной чертой.
- ³⁸ Блезир – (от французского plaisir удовольствие) – простонародное и шуточное, означает сделать что-либо для забавы, видимости.
- ³⁹ ПредВИКи – председатели волостных исполнительных комитетов.
- ⁴⁰ Подчеркнуто при чтении.
- ⁴¹ До 1925 г. казахов называли киргизами, казак-киргизами.
- ⁴² Очевидно, традиции этносоциальной иерархии и сложившиеся до революции модели поведения играли немаловажную роль. Как констатировал Н.Я. Коншин, в степи «богатство и сила давно уже стали синонимами права». Цит. по: *Коншин Н.* Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Том 5. Сессия 2. Семипалатинск, 1901. С. 163.
- ⁴³ ГубЗУ – губернское земельное управление. Подчеркнуто при чтении слева по вертикали. УЗУ – управление землеустройства.
- ⁴⁴ Ибрагимов Ш.М. – ответственный инструктор ЦК РКП(б) и Лурье Б.С. – инструктор организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б) в июне-июле 1925 г. обследовали Семипалатинскую партийную организацию (Ибрагимов был командирован решением Секретариата ЦК РКП(б) от 6 мая 1925 г.). В докладе в ЦК РКП(б) по результатам обследования они фактически подтвердили наличие описанных в письме проблем, в т.ч. в работе волысполкомов, отношении местной бюрократии к крестьянству и др. В Подстепном, где проживал автор письма, инструкторы констатировали уступки председателя волысполкома – коммуниста «контрреволюционно-му» казачеству. Подотдел местной информации Информационного отдела

ЦК РКП(б) в справке о Семипалатинской парторганизации от 11 августа 1925 г. также подтвердил наличие названных проблем, в т.ч. «неуравновешенность» межнациональных отношений. 10 августа 1925 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло резолюцию по докладу об обследовании Семипалатинской парторганизации. Особое внимание было обращено на взаимоотношения между казачеством, крестьянством и казахским населением, устранение Казкрайкомом партии «извращений» в землеустройстве в кочевых районах и в районах со смешанным составом населения. 27 ноября 1925 г. бывший секретарь Павлодарского уездного комитета РКП(б) Мочагов доложил Ш.М. Ибрагимову, что среди населения Семипалатинской губернии «наступило временное удовлетворение» в связи с отменой ошибочных решений 1924 года по землеустройству, прежде всего 10-верстной Прииртышской полосы. Наряду с констатацией улучшения отношения казачества к власти, он также отметил рост требований русских крестьян об отделении от Казахстана с присоединением к Сибири. Это объяснялось тем, что более бедные казахские волости финансировались в 1925/26 г. за счет почти 80% доходов волостей с русским населением, а не субвенций центра. См.: ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 295–297, 300–304, 351–352.

⁴⁵ Подчеркнуто при чтении слева вертикальной чертой.

⁴⁶ Джетысуйская – Семиреченская область, губерния. Образована как Семиреченская в 1867 г., с октября 1922 г. Джетысуйская (Жетысу – пер. с казахского Семиречье).

⁴⁷ Вероятно, имеется в виду нарком земледелия РСФСР в июле 1923 – феврале 1928 гг. А.П. Смирнов (1878–1938). Одновременно заместитель председателя СНК РСФСР (июль 1925 – февраль 1928 гг.), член Оргбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) (июнь 1924 – июнь 1930 гг.), генеральный секретарь Крестьянского Интернационала (1923–1928 гг.).

⁴⁸ В верхнем углу справа штамп Секретного отдела ЦК ВКП(б) о регистрации от 1 сентября 1926 г., входящий № 27832/с.

⁴⁹ Здесь и далее подчеркнуто при чтении.

⁵⁰ Ханжа – китайская хлебная водка желтого цвета (ханшин).

⁵¹ Так в тексте.

⁵² Имеется в виду станица Абакумовская.

⁵³ Список в деле отсутствует.

⁵⁴ Слева в верхнем углу № 024949, справа штамп Секретного отдела ЦК ВКП(б) о регистрации от 1 сентября 1926 г., входящий № 27832/с.

⁵⁵ «Крестьянская газета» – массовая газета, издание ЦК РКП(б)-ВКП(б), выходила с 25 ноября 1923 по 28 февраля 1939 г. О реакции редакции «Крестьянской газеты», наркоматов РСФСР, ВЦИК на обращения крестьян см.: *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 527–533.

⁵⁶ Здесь и далее подчеркнуто при чтении.

⁵⁷ Слева в верхнем углу № 028054, справа штамп Секретного отдела ЦК ВКП(б) о регистрации от 1 сентября 1926 г., входящий № 27832/с.

⁵⁸ Здесь и далее подчеркнуто при чтении.

⁵⁹ Предгуб. земкомиссии – председатели губернской земельной комиссии.

⁶⁰ Имеется в виду Перекопский перешеек между полуостровом Крым и материком, где в конце 1920 г. Красная армия разгромила армию П.Н. Врангеля.

- ⁶¹ Чжан Цзолинь (1875–1928) – военный и политический деятель Китая. В 1926–1927 гг. главнокомандующий армией, боровшейся с революционной армией Национального (Гуанчжоуского, а потом Уханьского) правительства. В апреле 1927 г. отдал приказ о нападении полиции на советское посольство в Пекине, аресте и казни 25 китайских коммунистов во главе с Ли Да-чжао. В июне 1928 г. разбит войсками Чан Кайши, Чжан Цзолинь отступил от Пекина к Шэньяну и вскоре погиб в результате подрыва поезда. Скорее всего, в письме речь идет о событиях, в которых участвовали эмигрировавшие в Китай белогвардейцы. В составе армии Чжан Цзолиня под командованием генерала (позднее маршала) Чжан Цзучана была Русская бригада, возглавляемая участником Сибирского ледяного похода корпуса В.О. Капеля генералом К.П. Нечаевым, получившим чин полковника китайской службы. В январе–марте 1925 г. нечаевцы одержали ряд побед в районе Нанкина–Шанхая, сделав Чжан Цзолиня главным кандидатом в правители Китая. СССР с 1925 г. оказывал Чан Кайши и коммунистам Китая разную военную и пр. поддержку. См.: URL: <https://topwar.ru/19373-russkie-v-borbe-s-bolshevizmom-v-kitae.html> (дата обращения: 15.11.2017).
- ⁶² В верхнем углу справа штамп Секретного отдела ЦК ВКП(б) о регистрации от 4 декабря 1926 г., входящий номер не читается.
- ⁶³ Сокращенное «нацмен» – национальное меньшинство – получило в обиходе уничижительный смысл.
- ⁶⁴ Имеются в виду казахи.
- ⁶⁵ Зав (сокр.) – заведующий, зам (сокр.) – заместитель.
- ⁶⁶ Казакизация (казахизация) – политика коренизации, проводившаяся РКП(б)-ВКП(б) для обеспечения национальными кадрами органов власти и управления. В разных национальных регионах получала название по этнониму.
- ⁶⁷ Правильно – населенных.
- ⁶⁸ Здесь и далее подчеркнута при чтении.
- ⁶⁹ Вписано от руки.

Литература

В братском единстве народов СССР. Государственное строительство Советского Казахстана [Текст]: Документы и материалы. 1920–1937 гг. Алма-Ата: Казахстан, 1972. 690 с.

Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном [Текст]: (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): Колл. монография / Ред.-сост. Т.В. Котюкова. М.: Русский импульс, 2017. 528 с.

Григорьев, В.К. Идеино-политическая работа партийных организаций Казахстана (1917–1925 гг.) [Текст] / В.К. Григорьев, Н.Р. Джагфаров, В.П. Осипов. Алма-Ата: Казахстан, 1989. 176 с.

Заволжская, М. Ликвидация неграмотности в Кирреспублике [Текст] // Советская Киргизия: Ежемес. сов.-экон. журн. Орган КЦИК и КСНК. Кзыл-Орда, 1924. № 7 (10). С. 11–19.

Казахстанская областная (краевая) партийная организация в резолюциях и решениях конференций и пленумов обкома и крайкома [Текст], 1921–1927. Алма-Ата: Казахстан, 1987. 418 с.

Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК [Текст] / Редкол.: Х.Ш. Абдрашитов (рук.). Т. 1. Алма-Ата: Казахстан, 1981. 275 с.

Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций [Текст] / Ин-т истории партии при ЦК Компартии Узбекистана – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ташкент: Узбекистан, 1988. 312 с.

Коншин, Н. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. [Текст]. Т. 5. Сессия 2. Семипалатинск: Б.и., 1901. 183 с.

Койгельдиев, М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов [Текст]. Алматы: Зерде, 2009. 448 с.

В.И. Ленин о Средней Азии и Казахстане [Текст]: [Сборник]. Ташкент: Узбекистан, 1982. 744 с.

Очерки истории Коммунистической партии Казахстана [Текст] / Редкол.: С. Баишев, С. Бейсембаев, Н. Джандильдин, Т. Жангельдин, П. Пахмурный. Алма-Ата: Кагиз, 1963. 671 с.

Письма во власть в эпоху революций и гражданской войны (март 1917 – ноябрь 1919 г.) [Текст]: Сб. документов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2014. 279 с.

Письма во власть в эпоху революций и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.) [Текст]: Сб. документов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск: Автограф, 2015. 421 с.

Письма во власть, 1917–1927 [Текст]: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 1998. 664 с.

Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.) [Текст]: Сб. документов и материалов / Сост.: М.Х. Абилова, Б.Н. Абишева, Е.Л. Виленский, Ю.И. Романов. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1962. 594 с.

Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии) [Текст]: Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г. / Ист. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова [и др.]; [сост. и науч. ред. Т.В. Котюкова]. М.: [б. и.], 2016. 211 с.

ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос [Текст]. Кн. 1: 1918–1933 гг. / Сост.: Л.С. Гагагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.

VI Всеказахская конференция ВКП(б). 15–23 ноября 1927 г. Стенографический отчет [Текст]. Кызыл-Орда: Казкрайком ВКП(б), 1927. 387 с.

Чеботарева, В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. [Текст]. М.: ГУ МДН, 2008. 832 с.

Вклад академика А.М. Панкратовой в историческую науку Казахстана

Статья освещает роль А.М. Панкратовой в развитии исторической науки в Казахской ССР и судьбе ведущих казахских историков XX в. Она также отражает основные тенденции в изменениях казахстанской историографии после 1991 г., пересмотр ряда прежних оценок исторических событий и личностей в национальной памяти и общественном сознании Казахстана.

Ключевые слова: История Казахской ССР; СССР; историография, наука.

M.Kh. Asylbekov

CONTRIBUTION OF ACADEMICIAN A.M. PANKRATOVA IN THE HISTORICAL SCIENCE OF KAZAKHSTAN

The article highlights the role of A.M. Pankratova in the development of historical science in the Kazakh SSR and in the fate of leading Kazakh historians of the 20th century. It also reflects the main trends in the changes of Kazakhstani historiography after 1991, the revision of some previous views, opinions on historical events and personalities in the national memory and public consciousness of people of Kazakhstan.

Key words: The history of the Kazakh SSR; the USSR; historiography; science.

Наша сегодняшняя научно-практическая конференция посвящена памяти академика Анны Михайловны Панкратовой², сделавшей многое для развития исторической науки в Советском Союзе вообще, в Казахстане, в частности. А.М. Панкратова стояла вместе со своим учителем М.Н. Покровским во главе первого поколения советских историков и поэтому активно помогала формированию и развитию высококвалифицированных кадров историков в национальных республиках и регионах Советского Союза. Здесь надо особо указать, что первое поколение советских историков, в большинстве своем состоявших из партийно-советских и хозяйственных работников, не имевших профессиональной подготовки, было подвергнуто политическим репрессиям из-за обвинений в контрреволюционной деятельности. В их числе были С. Асфендияров, Т. Рыскулов, Г. Тогжанов, П.Г. Галузо и др. В конце 1930-х гг. образовался из-за этих репрессий вакуум в исторической науке Казахстана. Возникла острая необходимость под-

готовки новых кадров историков – второго их поколения. Эта задача была выполнена А.М. Панкратовой, М.П. Вяткиным, Н.М. Дружининым и другими выдающимися советскими историками, благодаря им в историческую науку пришла казахская молодежь, окончившая учебу в Москве, Воронеже, Ташкенте, Алмате и других научных центрах Советского Союза. К этому, второму, поколению историков Казахстана относятся А.Н. Нусупбеков, С.Б. Бейсембаев, Б.С. Сулейменов, Е.Б. Бекмаханов, А.Б. Турсынбаев, Н.К. Кийкбаев, Г.Ф. Дахшлейгер, Т.Е. Елеуов и др., которые воспитали следующее, третье, поколение историков. Это: академики НАН РК Р.Б. Сулейменов, Б.А. Тулепбаев, О.И. Исмагулов, М.К. Козыбаев, К.Н. Нурпеис, Б.Е. Кумек, доктора исторических наук Т.Б. Балакаев, С.Б. Нурмухамедов, Х.А. Аргынбаев, С.К. Жакупбеков, Д.И. Дулатова, А.С. Такенов, М.С. Муканов и др. Третье же поколение советских историков подготовило кадры высшей квалификации, которые успешно работают в условиях суверенитета Республики Казахстан, это доктора исторических наук, профессора Е.Б. Сыдыков, М.К. Абусейтова, Х.М. Абжанов, С.К. Игибаев, М.Н. Сдыков, А.Т. Толеубаев, К.С. Каражанов, М.К. Койгелдиев, Т.О. Омарбеков, К.А. Атабаев, А.Ш. Алтаев, Т.Т. Толебаев, А.Б. Галиев, С.Е. Ажигали, А.У. Токтабаев, А.Б. Калыш, Б.А. Аяган, Г.Х. Халидуллин, М.Г. Ескендилов, С.Ф. Мажитов, М.К. Тулекова, А.Т. Капаева, А.И. Кудайбергенова, Б.К. Калшабаева и др. Вот так преемственность поколений историков Казахстана, которая берет свое начало с 1920–1930-х гг., сохранилась и развивается и в наши дни.

Анна Михайловна Панкратова – выдающийся советский ученый – историк, крупный политический деятель. Вместе со своим учителем, ректором Института красной профессуры М.Н. Покровским являлась одним из основателей советской исторической науки, вышла из этой школы и стала непримиримым историком-марксистом. Родилась она 16 февраля 1897 г. в Одессе, член КПСС с 1919 г., член ЦК КПСС (1952–1957 гг.), делегат XIX и XX съездов КПСС, депутат Верховного Совета 4 созыва, член Президиума Верховного Совета Союза ССР. Вышла из семьи рабочего, бывшего крестьянина Калужской губернии, участника и инвалида русско-японской войны. Успешно окончив народную школу и гимназию, поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов, которые в 1917 г. были слиты с Одесским (Новороссийским) университетом. Активная участница Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны, большевистского подполья и партизанского движения в Одессе во время французской оккупации. Была на партийной работе в Одессе, на Урале и т.д.³

В мае 1922 г. Екатеринбургский губком партии большевиков направляет А.М. Панкратову для работы в Агитпроп ЦК РКП(б), а

осенью ЦК командирует ее в Институт красной профессуры (ИКП). Его ректор М.Н. Покровский утверждал, что речь идет «отнюдь не просто о подготовке марксистски образованных преподавателей... Нам нужна молодежь, глубоко проникающая принципами революционного марксизма». А.М. Панкратова свою учебу в ИКП связывала с задачей большевистской партии «подготовить себя, как марксистски выдержанную профессуру, для наших советских вузов, где орудовали враждебные нашему делу старые буржуазные профессора, либо саботировавшие, либо вредившие в то время нам, не желающие принимать ни нашего строя, ни нашей идеологии»⁴. После окончания ИКП А.М. Панкратова работала и в Ленинграде, и в Москве, и в Саратове, вела преподавательскую и научную работу в крупнейших вузах страны, а с 1939 г. – в Институте истории АН СССР, тогда же избрана членом-корреспондентом, а в 1952 г. – академиком АН СССР.

А.М. Панкратова по праву считается крупнейшим советским историком твердого большевистского характера и глубокого интернационалистического направления. Ее главные труды посвящены изучению формирования пролетариата в России, его революционному движению, деятельности профсоюзов, в особенности фабрично-заводских комитетов, особое внимание ею уделялось революции 1905–1907 гг. в России. Изучала также историю западноевропейского пролетариата. А.М. Панкратова готовила четырехтомный труд по истории пролетариата, но, к сожалению, был издан только первый том, и то через шесть лет после ее смерти. По своим фундаментальным трудам она завоевала международный авторитет, представляла советскую историческую науку на международных конгрессах историков в Варшаве (1933–1934 гг.), Будапеште (1953 г.) и Риме (1955 г.), являлась председателем Комитета историков СССР (1955–1957 гг.), председателем Ассоциации содействия ООН в СССР. Избрана членом-корреспондентом Германской АН в Берлине, Академиком наук Румынской Народной Республики, почетным членом Венгерской академии наук⁵.

Наша сегодняшняя конференция, посвященная 115-летию со дня рождения А.М. Панкратовой, должна, по моему глубокому убеждению, подчеркнуть ее вклад и в историческую науку Казахстана. Этот вклад, на наш взгляд, заключается: во-первых, в подготовке для Казахстана историков высшей квалификации; во-вторых, в разработке исследований крупных и актуальных проблем истории Казахстана, на базе которых созданы два обобщающих труда по истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: 1943 г. под редакцией А.М. Панкратовой и М. Абдыкалыкова и 1949 г. под редакцией А.М. Панкратовой и И. Омарова (в двух томах)⁶.

Что касается подготовки А.М. Панкратовой кадров историков высокой квалификации для Казахстана, то следует отметить ее консультации Санджара Асфендиярова еще в 1930-е годы, а в годы Великой Отечественной войны и после нее она помогала и являлась научным руководителем Е.Б. Бекмаханова, С.Н. Покровского, А.Б. Турсунбаева, поддерживала весьма тесную научную связь с Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН Казахской ССР, в особенности с его руководством – нашими наставниками А.Н. Нусупбековым и Г.Ф. Дахшлейгером. Примечательно, что наш учитель – Г.Ф. Дахшлейгер в 1974 г., которому А.М. Панкратова посоветовала взять историю строительства Туркестано-Сибирской магистрали в качестве темы кандидатской диссертации, в статье ее памяти назвал академиком «старшим другом историков Казахстана»⁷. Об искренней заботе, поддержке и помощи А.М. Панкратовой выдающемуся казахскому историку Е.Б. Бекмаханову, который считал ее своей второй матерью, известно многим.

Разумеется, наиболее ценным вкладом А.М. Панкратовой в развитие исторической науки Казахстана являются вышеназванные обобщающие труды по истории нашей страны с древнейших времен до Великой Отечественной войны включительно. Ценность этих фундаментальных и обобщающих трудов, в особенности первого, 1943 г. издания, заключается, главным образом, в том, что они являются первыми научными исследованиями по истории Казахстана с древнейших времен до 1940-х гг. В этом их основное значение, определившее далее, более глубокое изучение наиболее актуальных проблем отечественной истории, ибо периодизация истории Казахстана, характеристика источников и определение степени изученности наиболее крупных событий в жизни казахского народа, данные во введении 1943 г. издания более чем на 20 страницах, сыграли огромную роль в дальнейшем развитии исторической науки Казахстана. Да и структура тома, состоящая из трех разделов по трем крупным эпохальным периодом («Народы Казахстана в период независимости», «Казахстан – колонизация» и «Казахстан – социалистический»), стала впоследствии отправной точкой или примером для последующих двухтомника и пятитомника советского периода, а также пятитомника периода суверенитета. Мы уверены, что эти стороны двух изданий «Истории Казахстана» 1943 г. и 1949 г. будут учтены и при подготовке Институтом истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова десятитомной (из 20 книг) истории Казахстана с древнейших времен до наших дней.

Несомненным достоинством этих трудов, в особенности первого издания (1943 г.) являются объективность, всесторонность и глубокий интернационализм в сочетании, не боюсь подчеркнуть, с классовым подходом в освещении таких узловых вопросов, как возникновение и

развитие государственности у казахов, начиная с т.н. дофеодалных государств до образования Казахского ханства, и далее, об образовании казахской народности, борьбе казахского народа не только против джунгарских завоевателей, но и против подданства царской России, а также национального освободительного движения казахов против колониальной политики царизма, как убийство Абулхаира, восстания Срыма Датова, Каратая, Исатая Тайманова, Кенесары Касымова, Жанхожи Нурмухамедова, Есета Котибарова и др. В этих трудах впервые были обобщены исследования о казахской культуре с древнейших времен до 1940-х г., разделы о ней были написаны М.О. Ауэзовым, С.М. Мукановым, Г.М. Мусреповым, А.Х. Маргуланом, Б.К. Кенжебаевым, Е.С. Исмаиловым и другими выдающимися деятелями Казахстана. Необходимо особо подчеркнуть, что вопросы присоединения Казахстана к России и национально-освободительного движения казахов освещались в первом (1943 г.) издании с глубоко марксистско-ленинских, классовых позиций, которые характеризовали Россию, как «тюрьму народов», «жандарма Европы», страну военно-феодалного империализма и колониальную державу, проводившую русификаторскую политику на своих окраинах, как Польша, Финляндия, Прибалтика, Украина, Белоруссия, Кавказ, Средняя Азия, Казахстан, Сибирь, Алтай и т.д. В труде поэтому особое внимание уделялось освещению борьбы казахов как против завоеваний и колониального гнета России, так и Хивы, Бухары и Коканда.

А.М. Панкратова была не только одним из ответственных редакторов этих двух обобщающих трудов по истории Казахстана, но сама активно участвовала в их написании, в частности, она являлась автором XX главы («Казахстан в первой русской революции, столыпинской реакции и нового революционного подъема») первого (1943 г.) издания (с. 339–358) и XVIII главы второго издания (1949 г.) на ту же тему.

Но в силу ряда сложных и противоречивых обстоятельств, начало которых относится к 1930-годам, как первое, так и второе (исправленное и дополненное) издания (1943 и 1949 гг.) попали под идеологическую репрессию, были изъяты из обращения и попали в засекреченные или редкие фонды библиотек, а многие из авторов и ответственные редакторы были строго наказаны, вплоть до уголовного преследования.

В чем причины этих трагических последствий? Труд готовился в Алматы, в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. алматинской группой научных работников Института истории Академии наук СССР во главе с заместителем директора этого института А.М. Панкратовой, сотрудниками Института истории, языка и литературы Казахского филиала АН ССР и Казахского филиала Института Маркса, Энгельса и Ленина.

Академик Н.М. Дружинин в своих воспоминаниях о А.М. Панкратовой в связи с подготовкой «Истории Казахской ССР» писал: «В октябре 1941 г. большая группа сотрудников института была эвакуирована в Среднюю Азию. Мы встретились с А.М. Панкратовой спустя месяц в столице Казахской ССР Алма-Ате. Город был переполнен эвакуированными, людям не хватало помещения, и нас хотели отправить в Джамбул. А.М. Панкратова и тут проявила инициативу и энергию: она убедила республиканские органы, что мы можем быть полезны Казахскому филиалу Академии в создавшихся военных условиях своими знаниями и работой. ... А.М. Панкратова выдвинула перед руководящими органами Казахстана новое предложение – общими усилиями приезжих и местных историков написать научное пособие по истории Казахской ССР (эта задача уже была намечена в Казахстане, но не могла быть осуществлена за недостатком научных сил). Предложение А.М. Панкратовой было принято. Начались заседания авторов, привлеченных из числа молодых казахских историков, приехавших москвичей, эвакуированных работников из Харькова, местных руководителей.

А.М. Панкратовой принадлежала главная организующая роль в составлении плана издания, в распределении его глав между авторами и в формулировке его основных принципиальных положений. ... Так как в Москве оставалась группа сотрудников, А.М. Панкратова была отозвана из Алма-Аты в столицу и передала руководство группой А.П. Кучкину. Работа над книгой продолжалась в течение целого года. После завершения авторского текста начался этап редактирования, причем не раз возникали разногласия между членами авторского коллектива. А.М. Панкратова еще раз приезжала в Алма-Ату и вместе с руководящим партийным работником Казахстана М. Абдыкалыковым окончательно отредактировала книгу.

Местные органы высоко оценили работу А.М. Панкратовой и присвоили ей звание “Заслуженный деятель науки Казахской ССР”. На специально устроенном банкете было сказано много горячих слов с выражением признания и благодарности А.М. Панкратовой и всему авторскому коллективу. Когда летом 1943 г. мы возвращались из Алма-Аты в Москву, в наших руках были только что выпущенные экземпляры “Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней”. Это была первая попытка советских ученых дать цельную и научно обоснованную историю отдельной республики, входящей в состав Советского Союза»⁸.

Таким образом, это были суровые годы Второй мировой войны, в которую вынужденно вступил и Советский Союз после вероломного нападения (без объявления) фашистской Германии 22 июня 1941 г. Это коренным образом изменило направления не только массовой

агитационно-пропагандистской работы Компартии (большевиков) в стране, на фронтах и в тылу, но и научно-исследовательских работ по истории СССР в стране и национальных республиках.

Начало этим изменениям было положено, как уже отмечалось, еще в 1930-е годы, когда советские идеологи начали занимать более русскоцентристскую позицию, привлекая образы русских царей и полководцев к агитации и пропаганде. В 1937 г. началось возвеличивание Петра I, Александра Невского и других любимых героев из русского национального прошлого. В 1938 г. было введено обязательное обучение русского языка в национальных школах и т.д. Во время празднования 24-й годовщины Октябрьской революции 1941 г. И.В. Сталин (7 ноября) обратился к народу и Красной Армии с призывом: «Пусть вдохновляют вас в этой войне мужественные образы наших великих предков, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский, Александр Суворов и Михаил Кутузов». Были учреждены ордена в честь А.В. Суворова, А.Я. Невского и М.И. Кутузова. Восхвалялись царские адмиралы П.С. Нахимов и Ф.Ф. Ушаков⁹. Тем самым русскоцентристский большевизм становился во главе идеологической работы Компартии СССР в годы войны и после нее, а русский народ стал главным среди других равных народов («во главе других народов»), тем самым смазывалась разница между Российской империей и Советским Союзом. О других национальностях речи не было, тем не менее, в национальных республиках также начали искать мужественные образы «своих» великих предков, но они не должны были противопоставляться «великим предкам» великороссов.

Непрофессиональные историки написали статьи о царских генералах А.П. Ермолове и М.Д. Скобелеве, сыгравших большую роль в завоевании и колонизации Кавказа и Средней Азии. Известные ученые по новой истории А.Е. Ефимов и А.И. Яковлев готовили историографическое издание с более четкой патриотической, т.е. русскоцентристской направленностью. Они же подумывали о реабилитации трудов П.М. Милюкова, В.О. Ключевского и других дворянских и буржуазных историков. С.К. Бушуев, наряду с А.Е. Ефимовым, А.И. Яковлевым, Х.Г. Аджемяном, один из ярких оппонентов А.М. Панкратовой, а также «Истории Казахской ССР» 1943 г. издания, издал биографию М.Д. Горчакова (МИД России), которая номинировалась на Сталинскую премию. С.К. Бушуев призывал к уходу от «национального нигилизма» 1930-х гг., что означало переоценки таких одиозных фигур, как генерал А.А. Аракчеев, издатель М.Н. Катков и К.П. Победоносцев (поверенный¹⁰ Синода)¹¹. А.И. Яковлев же в 1944 г. пошел еще дальше, требуя пересмотреть учебники по истории СССР для общеобразовательных школ с точки зрения русского великодержавного шовинизма. Он писал: «Мне представляется необходи-

мым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. И, мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве – что существовало с этой точки зрения для успехов русского народа, для его развития, для понимания перенесенных им страданий и для характеристики его общего пути ... Этот мотив национального развития, который так блистательно проходит через курс истории Соловьева, Ключевского, должен быть передан всякому составителю учебника. Совмещать с этим ее интерес к 100 народностям, которые вошли в наше государство, мне кажется неправильным. ... Известная общая идея: мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях. И радоваться, что киргизы вырезали русских в свое время, или, что Шамиль сумел противостоять Николаю I, мне кажется, неудобно в учебнике»¹².

Если Бушуев и Яковлев, игнорируя классовый анализ и дружбу народов, открыто проповедовали великодержавный шовинизм или русскоцентризм, П.П. Смирнов и Е.В. Тарле выступили с оправданием территориальных экспансий царской России и призвали, что наступило время признать достижения тех, кто сделал Россию сверхдержавой, благодаря чему приобретение новых территорий в дореволюционный период позволяет Советскому Союзу оказать достойное сопротивление фашистской Германии в условиях Великой Отечественной войны¹³. Таким образом, апологетов царской России становилось все больше и больше. Во главе их стоял Агитпроп ЦК ВКП(б), которыми руководили Г.Ф. Александров, П.Н. Федосеев и П.Н. Поспелов. Этот идеологический русскоцентристский прессинг усиливался и проводил ранее неслыханное давление на пролетарский интернационализм, классовую солидарность трудящихся и дружбу народов Советского Союза. Критика империалистической, колониальной, великодержавной политики царской России начала давать сбой, а впоследствии подверглась гонениям. Начало этим гонениям ознаменовалось разгромом в середине – конце 1930-х гг. т.н. «школы» М.Н. Покровского – старейшины советской марксистской науки в 1920-е годы (умер в 1932 г.). М.Н. Покровский, его ученики и последователи особо отличались резкой критикой царской колониальной политики и великодержавного шовинизма русского народа. А.М. Панкратова, будучи ученицей М.Н. Покровского, вынуждена была выступить со своей статьей «Развитие исторических взглядов М. Покровского» в сборнике «Против исторических концепций М.Н. Покровского (М.; Л., 1939). Такой поступок А.М. Панкратовой был вынужденным из-за Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 января 1937 г., по которому развернулась критика «антимарксистских, антиленинских, по сути

дела ликвидаторских, антинаучных взглядов на историческую науку», распространявшихся так называемой «исторической школой Покровского»¹⁴.

Советско-большевистская идеология дала окончательную победу русскоцентризму, положению русского народа во главе других народов СССР в результате тоста И.В. Сталина за русский народ на приеме для командования Советской Армии в Кремле, где он сказал буквально следующее: «Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, прежде всего русского народа.

Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение...»¹⁵.

В такой обстановке – перехода партийно-советской идеологии от классового-пролетарского интернационализма к русскоцентристской, в целом великодержавному шовинизму русского народа, особенно усилившейся в условиях Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии, и появился обобщающий научный труд по «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» в 1943 г. Вскоре он был выдвинут на Сталинскую премию, ее рецензентом стал член-корреспондент АН СССР А.И. Яковлев. Он дал этому труду в целом положительную оценку, но добавив «ложку дегтя в бочку меда», а именно он выступил против критики завоеваний и колониальной политики царской России в Казахстане и Средней Азии, утверждая, что она носила оборонительный, законный, прогрессивный характер. Особо жесткой критике подвергся раздел Е.Б. Бекмаханова о национально-освободительной борьбе казахского народа во главе с Кенесары Касымовым (XIV, с. 217–241). А.Н. Яковлев сомневался в необходимости освещения национально-освободительной борьбы казахов, обвинял авторов труда в отсутствии благожелательности не только к политике Российской империи, но и к русскому народу. А.М. Панкратова обратилась в Агитпроп ЦК ВКП(б) с просьбой о повторном рецензировании, на что Александров ответил, что этот труд антирусский и в нем не учитывается, что Казахстан стоял вне истории и только Россия поставила его в ряд исторических народов¹⁶. Вот такой ученый человек возглавлял Агитпроп ЦК ВКП(б)!

Этим было положено начало долгой, трудной и противоречивой борьбе двух исторических направлений, борьбе между А.М. Панкратовой, М.П. Вяткиным, Н.М. Дружининым и другими советскими историками интернационалистского, подлинно классового направления, с одной стороны, и с А.И. Яковлевым, А.В. Ефимовым, С.К. Бушуевым, Е.В. Тарле, П.П. Смирновым и др. русскоцентристского, великодержавно-шовинистического направления, с другой стороны. Развернулась острая дискуссия, стороны стали непримиримы, кипели страсти, доносы, клеветы и др. не только в Москве, Ленинграде, в Академии наук СССР, но и в Казахстане, Татарии, Башкирии и на Кавказе, ибо начались гонения на местных ученых, опубликовавших исследования об Едиге, Шамиле и др.¹⁷

После неоднократных обращений А.М. Панкратовой в ЦК ВКП(б), в особенности в мае 1944 г. к И.В. Сталину, А.А. Жданову, Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову (на 20 страницах машинописи), ЦК партии, ввиду того, что Агитпроп во главе с Г.Ф. Александровым потерял контроль над развитием идеологической борьбы среди историков страны, созвал собственное совещание историков в начале лета 1944 г. Но и это совещание не привело к соглашению противоборствующих направлений исторической науки. Такое крупное совещание закончилось принятием небольшого постановления, публикацией речей, а также рецензий в следующем, 1945 г.¹⁸

И на этом совещании А.И. Яковлев, как апологет колониальной политики Российской империи, не только отказывал угнетенным ею народам в праве на национально-освободительную борьбу в XVIII–XIX вв., но выступил и против освещения восстания казахов в 1916 г. под руководством Амангельды Иманова, которое якобы помешало успеху наступления царских войск Юго-Западного фронта под командованием генерала А.А. Брусилова в мае–июне 1916 г. Он в своем выступлении на Совещании по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) 10 июня 1944 г. сказал буквально следующее (по стенограмме): «Что касается пресловутого вопроса об истории Казахстана, скажу только два-три слова. Вопрос этот имеет глубокий смысл. Когда в «истории Казахстана» развертываешь страницы с похвалами восстанию Амангельды, происходившему как раз тогда, когда развертывалось Брусиловское наступление на нашем Юго-Западном фронте, это не сможет не вызвать протеста. Амангельды – герой с точки зрения казахов, но хвалить его подвиги с нашей, русской, точки зрения едва ли удобно (голос с места: он – большевик!) Кто? (Голос с места: Амангельды! Голос: А ему какое дело?!). В 1916 г. среди восставших никаких большевиков не было. В то время мы еще не были уверены, что революция восторжествует так блистательно, немцы были еще сильны, а два русских корпуса должны были сражаться с казахами»¹⁹. Вот

такой ученый решал судьбу «Истории Казахской ССР» 1943 г. издания! Вот до какого абсурдного вывода дошел историк-ученый, отказавшись от классового и интернационалистского принципов, перейдя на великодержавно-шовинистический подход апологета колониальной политики царской империи.

Не последнюю роль в дальнейших гонениях А.М. Панкратовой, ее сторонников и авторов «Истории Казахской ССР» 1943 г. издания сыграл Агитпроп ЦК ВКП(б) во главе с Александровым, он обвинил А.М. Панкратову в разглашении секретных материалов совещания и групповщине из-за рассылки их ею своим студентам. А.М. Панкратова была вызвана к Жданову и Щербакову в сентябре 1944 г. и снята с должности заместителя директора Института²⁰.

После длительной борьбы двух направлений в исторической науке СССР, 26 декабря 1950 г. главная газета страны «Правда» опубликовала статью Х. Айдаровой, Т. Шоинбаева и А. Якунина «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана»²¹, которая положила начало политическим репрессиям в Казахстане. Е.Б. Бекмаханов – один из организаторов подготовки «Истории Казахской ССР» 1943 г. издания и авторов (XIV главы о восстании казахов во главе с Кенесары Касымовым) был осужден на 25 лет за «контрреволюционную деятельность», в дальнейшей судьбе которого живое участие принимала А.М. Панкратова и добилась его освобождения вскоре после смерти И.В. Сталина. Явным парадоксом явилось осуждение другого выдающегося казахского советского историка Бекежана Сулейменова как агента международного империализма, ибо он в начале был одним из критиков Е. Бекмаханова²². Здесь, видимо, сыграло свою роль его выступление против первого секретаря ЦК КП Казахстана Ж. Шаяхметова из-за того, что в годы Великой Отечественной войны в письме к фронтовикам-казахам он обратился с призывом, чтобы их вдохновляли мужественные образы наших великих предков, в числе которых он называл и Кенесары Касымова. Удивительно и то, что Б. Сулейменов был арестован не только раньше Е. Бекмаханова (17 июля 1952 г. и 5 сентября 1952 г. соответственно), хотя они были вместе в лагерях, но и освобожден из заключения позднее его (3 мая 1954 г. и 21 октября 1953 г. соответственно). Я был свидетелем неоднократных их дружеских встреч и бесед в 1960-е гг. Е. Бекмаханов был официальным оппонентом докторской диссертации Б. Сулейменова. Он дал положительный отзыв, но не смог поехать в Ташкент из-за тяжелой болезни.

Тем не менее, А.М. Панкратова в 1953 г. была избрана действительным членом АН СССР, тогда же она стала главным редактором журнала «Вопросы истории». В годы т.н. хрущевской оттепели, развенчания культа личности Сталина вновь обострилась борьба в исто-

рической науке, развернулась критика журнала «Вопросы истории», началась идеологическая травля под лозунгами верности марксизму-ленинизму. Обвиняли журнал в «буржуазном объективизме», «либеральном толковании политики партии», «обелении позиции меньшевиков» и др. Все это происходило в условиях непоследовательности и ограниченности хрущевской либерализации духовной жизни и нараставшего сопротивления сторонников сталинского направления историков. Для А.М. Панкратовой эти гонения явились особенно тяжелыми, ибо они исходили из самого ЦК партии. 9 марта 1957 г. ЦК КПСС принял постановление «О журнале “Вопросы истории”», 21 мая 1957 г. А.М. Панкратова подписала к печати третий номер журнала, а через четыре дня, 25 мая 1957 г. ее не стало²³. Вот так трагически закончилась полная научных успехов, признаний и заслуг, всемирной славы, неудач и гонений, жизнь крупнейшего советского историка – подлинного интернационалиста, сделавшего многое и для развития казахстанской исторической науки.

Как вспоминает академик Л.В. Черепнин, 21 февраля 1957 г. академик А.М. Панкратова на торжественном заседании Академии наук СССР, посвященном ее 60-летию, сказала: «Вечное третиrowание людей одной нации людьми другой нации меня всегда глубоко возмущало, малейшее ущемление прав национальных меньшинств, я, считающая себя ученицей Владимира Ильича Ленина, привыкла встречать с негодованием... Большое удовлетворение дало мне то, что я смогла принять участие в создании книг по истории некоторых народов нашей многонациональной Родины, а главное, как здесь указывали, помочь научной подготовке молодых ученых Белоруссии, Казахстана, Таджикистана, Украины и других советских республик»²⁴.

Очень отрадno, что фондом имени Болатхана Тайжана недавно вновь издана «История Казахской ССР» 1943 г.²⁵, но издатели совершили, на мой взгляд, ряд ошибок как этического, так и правового характера. Нужно иметь в виду, что это коллективный труд 33-х сотрудников ряда институтов теперешней России и суверенного Казахстана, которые отмечены в аннотации труда; необходимо было согласовать издание труда не только с этими коллективами, но и с потомками 33 ученых. Далее. «История Казахской ССР» (1943 г.) охватывает период с древнейших времен до 1943 г. включительно, но фонд Болатхана Тайжана почему-то издал труд не целиком, как он есть, а убрал последний, третий, раздел, посвященный Советскому Казахстану (1917–1943 гг.). Это не только неправомерно, но и не совсем этично по отношению как к А.М. Панкратовой и М. Абдыхалыкову, так и авторам этого труда, особенно советского периода. Мы должны извлечь впредь из этого соответствующие выводы.

В заключение хочу сказать: мы, казахстанские историки, глубоко чтим память академика А.М. Панкратовой; новые поколения ученых Казахстана, пришедшие после нее в отечественную историческую науку, а также современная молодежь, так думаю и надеюсь, глубоко ценят ее труды и заслуги перед казахским народом.

Подготовлено к публикации Д.А. Аманжоловой

-
- ¹ Асылбеков Малик-Айдар Хантемирович (1929–2015) – специалист по проблемам социально-экономического, политического и демографического развития Казахстана в XIX–XXI вв., доктор исторических наук (1974), член-корреспондент АН Казахской ССР (1983), профессор (1983), академик Национальной АН РК (2003), заслуженный деятель науки Казахстана (1998).
  - ² Доклад был прочитан на научно-практической конференции, посвященной 115-летию со дня рождения академика А.М. Панкратовой, состоявшейся 16 февраля 2012 г. в Институте истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова и Центральной научной библиотеке НАН РК, г. Алматы.
  - ³ Большая советская энциклопедия, третье издание. М.: Советская энциклопедия. Т. 19. 1975. С. 425; Анна Михайловна Панкратова (1897–1957 гг.) // Женщины–революционеры и ученые. М.: Наука, 1982. С. 5–8; *Мицц И.И.* Партийная страстность и многообразие таланта. Там же. С. 9–10.
  - ⁴ *Сидорова Л.А.* Панкратова Анна Михайловна (1897–1957) // Историки России: Биографии / Ред. сост. А.А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001. С. 685–690.
  - ⁵ Там же. С. 684–690.
  - ⁶ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. – 660 с.; История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Второе издание, исправленное и дополненное. Т. 1 // Под общей редакцией И.О. Омарова и А.М. Панкратовой. Т. 2. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1949.
  - ⁷ *Дахилейгер Г.Ф.* Старший друг историков Казахстана // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. Алма-Ата, 1974. № 2. С. 9–13.
  - ⁸ *Дружинин Н.М.* Знаменосец советской исторической науки // Женщины – революционеры и ученые. М.: Наука, 1982. С. 23–25.
  - ⁹ *Блитштейн П.Э.* Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах. 1938–1953 гг. // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 310–318 и др.; *Бранденбергер Д.Л.* «Выдвинуть на первый план мотив русского национализма: споры в сталинских идеологических кругах, 1941–1945 гг.» // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 336–340 и др.; Правда. 1941. 8 нояб.

- ¹⁰ Так в тексте. – Д.А. Победоносцев К.П. был обер-прокурором Святейшего Синода в 1880–1905 гг.
- ¹¹ *Бранденбергер Д.Л.* Указ. соч. С. 342.
- ¹² Там же. С. 343.
- ¹³ Там же. С. 343–344.
- ¹⁴ *Сидорова Л.А.* Указ. соч. С. 685–690.
- ¹⁵ *Бранденбергер Д.Л.* Указ. соч. С. 352–353; *Сталин И.В.* Выступление И.В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии, 24 мая 1945 года // *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Главполитиздат, 1947. С. 197.
- ¹⁶ *Бранденбергер Д.Л.* Указ. соч. С. 346.
- ¹⁷ Там же. С. 349, 351–352.
- ¹⁸ Там же. С. 362; Вопросы истории, 1996. № 2–7, 9; Стенограмма совещания по вопросам Истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году.
- ¹⁹ Вопросы истории. 1996. № 4. С. 82.
- ²⁰ *Бранденбергер Д.Л.* Указ. соч. С. 364.
- ²¹ *Айдарова Х., Шоинбаев Т., Якунин А.* За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана // Правда. 1950. 26 декабря.
- ²² *Асылбеков М.Х., Есқалиев С.А.* Бекежан Сүлейменов – тарихшы-ғалым. Алматы: Өркениет, 2001. С. 28, 38 и т.д.; *Мажитов С.Ф.* Историк Ермухан Бекмаханов. – Астана: Фолиант, 2005. С. 38, 40 и др.
- ²³ *Сидорова Л.А.* Указ. соч. С. 685–690.
- ²⁴ *Черепнин Л.В.* Отечественные историки XVIII–XX вв.: Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 309.
- ²⁵ История Казахстана (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Издание 1943 г.). 3-е издание. Алматы: Printexpress, 2011.

Литература

- Анна Михайловна Панкратова (1897–1957 гг.) [Текст] // Женщины-революционеры и ученые. М.: Наука, 1982. С. 5–8.
- Айдарова, Х. Х.* Айдарова, Т. Шоинбаев, А. Якунин. За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана [Текст] // Правда. 1950. 26 дек.
- Асылбеков, М.Х.* Бекежан Сүлейменов – тарихшы-ғалым [Текст] М.Х. Асылбеков, С.А. Есқалиев. Алматы: Өркениет, 2001. 182 с.
- Блитстейн, П.Э.* Национальное строительство или русификация? [Текст] Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах. 1938–1953 гг. // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 310–335.
- Бранденбергер, Д.Л.* «Выдвинуть на первый план мотив русского национализма [Текст]: споры в сталинских идеологических кругах, 1941–1945 гг.» // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 336–365.
- Дахшлейсер, Г.Ф.* Старший друг историков Казахстана [Текст] // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. Алма-Ата, 1974. № 2. С. 9–13.

Дружинин, Н.М. Знаменосец советской исторической науки [Текст] // Женщины – революционеры и ученые. М.: Наука, 1982. С. 23–25.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней [Текст] / Под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Алматы: КазОГИЗ, 1943. 660 с.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. [Текст]. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1 / Под общ. ред. И.О. Омарова и А.М. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ. 1949. Т. 1–2. 511 с.

История Казахстана [Текст] / Отв. ред. И. Дмитриева. 3-е изд. Печ. по изд.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. М. Абдыкалыков, А. Панкратова. Изд. 1943 г.

Мажитов, С.Ф. Историк Ермухан Бекмаханов [Текст]. Астана: Фолиант, 2005. 264 с.

Минц, И.И. Партийная страстность и многообразие таланта [Текст] // Женщины – революционеры и ученые / Отв. ред. И.И. Минц, А.П. Ненароков; сост. Ф.П. Данишевин, А.П. Ненароков, Х.С. Топоровская, И.Э. Южный-Горенюк. М.: Наука, 1982. С. 9–45.

Сидорова, Л.А. Панкратова Анна Михайловна (1897–1957 гг.) [Текст] // Историки России: Биографии / Ред. сост. А.А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001. С. 684–690.

Сталин, И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза [Текст]. М.: Главполитиздат, 1947. 594 с.

Стенограмма совещания по вопросам Истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году [Текст] / (Вступ. ст. Ю.Н. Амиантова) // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 47–82; № 3–6; № 7. С. 70–87; № 9.

Черепнин, Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв. [Текст]. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М.: Наука, 1984. 342 с.

Мурад Рамзи о средневековой истории башкир (фрагмент перевода «Талфик ал-ахбар...»)

В данной статье приводится перевод главы о средневековой истории башкир из исторического двухтомного арабоязычного сочинения «Талфик ал-ахбар» известного во многих регионах мусульманского мира суфийского шейха, переводчика, публициста и историка Мухаммада Мурада Рамзи (1855–1935). Книга посвящена последовательной истории тюркских народов. В главе о башкирах М. Рамзи приводит сведения из арабоязычных средневековых источников таких авторов как Закарийя Ал-Казвини, Абул-Фида, Йакут ал-Хамави. Также со ссылкой на последнего автора приводятся сведения Ахмада Ибн Фадлана, а через «Китаб ал-Мустатраф» Шихаб ад-Дина ал-Абшихи цитируются сведения ‘Убейдуллаха ал-Гарнати.

Ключевые слова: Мурад Рамзи; Талфик ал-ахбар; история башкир; историография Урало-Поволжья.

S.Z. Akhmadullin

MURAD RAMZI ABOUT THE MEDIEVAL HISTORY OF THE BASHKIRS (TRANSLATION FRAGMENT OF «TALFIQ AL-AKHBAR...»)

The article contains a translation of the chapter about the medieval history of the Bashkirs comprised in the two-volume historical work in the Arabic language «Talfiq al-akhbar» written by Muhammad Murad Ramzi (1855–1935), known in many regions of the Muslim world as the Sufi sheikh, translator, publicist and historian. The book is dedicated to the serial history of the Turkic Muslims of the Russian Empire. In the chapter about the Bashkirs, M. Ramzi cites information from medieval sources in Arabic of the authors like Zakariya Al-Qazwini, Abul-Fida, Yakut al-Khamawi. Also, with reference to the latter, he presents the information of Ahmad Ibn Fadlan, and the information of Ubeidullah al-Garnati is cited through the «Kitab al-Mustatraf» of Shihab al-Din al-Abshih.

Key words: Murad Ramzi; Talfiq al-akhbar; history of the Bashkirs; Ural-Volga region's historiography.

В статье мы обращаемся к труду одного из ярких представителей мусульманской культуры своего времени – Морадуллы ибн Бахадир-шаха ‘Абдуллаха (1855–1935), который более известен как историк, суфийский наставник, переводчик и публицист Мурад Рамзи. Его имя

узнаваемо как в России, так и в различных регионах мусульманского мира, а творческое наследие представляет собой ценный источник, позволяющий почерпнуть важные сведения для понимания исторических, политических, религиозных и культурных процессов на территории России, в частности в Урало-Поволжье в конце XIX – начале XX в. Перу М. Рамзи принадлежат переводы с персидского языка на арабский известных произведений суфийского содержания, например «Ал-мактубат аш-шарифа ал-маусум биддуар ал-макнунат ан-нафиса» («Благородные послания, отмеченные жемчужинами сокровенных тайн») авторитетного суфийского шейха Имама Раббани (1564–1624), «Рашахат ‘айн ал-хайат» («Капли из источника вечной жизни») Фахруддина Али-Шафи Кашифи (1463–1531). Также ему принадлежит авторство агиографического труда «Нафа’ис ас-салихат фи тазйили ал-бакийат ас-салихат» («Драгоценности случайных мыслей в добавление добрых дел») (Мекка, 1890), статей на социально-политические и религиозно-философские темы, опубликованных на страницах таких дореволюционных изданий, как «Шура» и «Ад-дин вал-адаб»; стихотворных произведений¹.

В России наиболее известен исторический труд Рамзи «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи‘ Казан ва Булгар ва мулук ат-татар» («Собрание известий и сочетание преданий о событиях Казани, Булгара и татарских царей»). Впервые он был опубликован в Оренбурге в 1908 г. при финансовой поддержке известного в Урало-Поволжье суфийского наставника и основателя медресе «Расулия» Зайнуллы Расулева (1833–1917).

«Талфик ал-ахбар» представляет собой написанное на арабском языке фундаментальное сочинение в двух томах (в четырех частях), в котором последовательно прослеживается история тюркоязычных мусульманских народов Российской империи.

Начинается книга с объемного **введения**, посвященного происхождению, хронологии развития тюрков и их взаимоотношениям с соседями. В **первой части** описывается история Волжской Булгарии и ее населения до монгольского завоевания. **Вторая часть** рассказывает о нашествии монголов, образовании их обширного государства и распространении в нем ислама. В **третьей** излагаются события, произошедшие до и во время завоевания Казани Иваном Грозным. В **четвертой части** описываются события, связанные с историей города Казани и ее населения с момента присоединения к Русскому государству и до современного для труда автора времени. Кроме того, в последней части своего сочинения М. Рамзи приводит краткие библиографические сведения о примерно ста шестидесяти общественно-политичес-

ких и религиозных деятелей, а также просветителей – своих современников.

Книга М. Рамзи «Талфик ал-ахбар» представляет ценность в различных аспектах. Во-первых, это письменный памятник историографии мусульманских народов (башкир и татар) Урало-Поволжья конца XIX – начала XX в. Во-вторых, книга является письменным зафиксированным артефактом, свидетельствующим о развитии национального самосознания и этнической самоидентификации народов рассматриваемого периода. В-третьих, сама структура книги М. Рамзи, способ освещения им истории тюркских народов, методы привлечения письменных источников, трудов других историков – как мусульманских, так и русскоязычных и западноевропейских – все это помогает реконструировать в какой-то мере образ мышления, менталитет интеллектуала, жившего на рубеже XIX и XX вв., – Мурада Рамзи.

Следует подчеркнуть, что «Талфик» является одним из немногих трудов на арабском языке, обращенных к истории России. Несмотря на то, что тема России не выведена в заглавие книги, практически весь второй том посвящен истории взаимоотношений Центра и мусульманского Поволжья.

Работу над своим фундаментальным сочинением автор начал в период пребывания в Медине в 80-х годах XIX в. Имея доступ к арабским, персидским и тюркоязычным источникам, в том числе и рукописным, он активно использует их (наряду с русскоязычными текстами) в своей работе, что, несомненно, можно назвать в числе преимуществ «Талфика».

Вскоре после издания книги на ее тираж наложил арест Казанский временный комитет по делам печати по причине «злобного и ненавистного отношения автора к христианству и христианам вообще и ко всему русскому»². Однако, судя по тому, что экземпляры этой книги сегодня хранятся во многих библиотеках России и за рубежом, что в дореволюционной литературе имеются упоминания об использовании данной книги в качестве учебного пособия в ряде медресе, что она наличествует в частных коллекциях многих представителей мусульманской интеллигенции Урало-Поволжья в начале XX в.³, можно заключить, что книга успела получить достаточно широкое распространение.

Полное и отредактированное переиздание «Талфик ал-ахбар», вышедшее в свет в 2002 г. в Бейруте под общей редакцией Ибрахима Шамсуддина⁴, который также является и автором предисловия, свидетельствует об актуальности содержания и важности тем, поднятых М. Рамзи. Переиздание примечательно тем, что редакторы, будучи носителями языка, проделали большую текстологическую работу.

Они очистили текст от грамматических и лексических ошибок, а в дополнение предприняли попытку прояснить замысловатые фрагменты текста.

Оригинальный язык М. Рамзи, отличающийся витиеватостью и «тяжелым слогом»⁵, вкупе со множеством текстологических ошибок, а также следование традициям средневекового арабского текста, в котором отсутствуют диакритические знаки (огласовки) в словах, обозначения окончания одного предложения и начало другого, маркера между второстепенными темами и разделами книги или разбивки текста на абзацы, и многие другие особенности вызывают серьезные затруднения в понимании текста читателями. В этом отношении работа редакторов переиздания над текстом «Талфика» особенно ценна. Однако следует отметить, что и в нем встречаются лексические и смысловые ошибки, возникшие в связи с неверным представлением об описываемых народах.

Поскольку рукопись данного труда еще не обнаружена, при переводе мы пользовались упомянутыми изданными текстами.

В целом историю башкир в «Талфик ал-ахбар» Рамзи рассматривает в контексте истории развития других тюркских народов, населяющих территорию Российской империи. Сведения о башкирах представлены как в первом томе, посвященном истории периода до завоевания Казани, так и во втором, который повествует о событиях, произошедших после присоединения Казанского ханства в том числе и башкир к Русскому государству.

Глава о башкирах в «Талфик ал-ахбар» имеет целостную композицию с предисловием, постановкой вопроса, вариантами его разрешения, предложением авторской гипотезы и обозначением перспектив дальнейшего исследования. Также примечательно, что, обращаясь к сведениям о башкирах, М. Рамзи проводит анализ таких сведений из книг средневековых мусульманских авторов, а также делает попытку объяснить, разрешить противоречия между сообщениями из различных источников.

Интересна также подача материала в данной главе. В ней прослеживается полемика с известным татарским богословом, историком, просветителем Шигабутдином Марджани и его историческим трудом об истории Волжской Булгарии и Казанского ханства «Мустафад ал-ахбар»⁶, в котором также имеется раздел о башкирах.

Перевод главы «Талфик ал-ахбар» «Ал-башкорт»:

Башкиры (الباشقرت)

Возможно произнесение с *гайн* с точкой или *джим* вместо *каф*, а также с *мим*, *джим* и *шин*. А буква *та* во всех вариантах при переводе на арабский язык меняется на *даль*⁷. Соответственно произносятся «*башкард*», «*башигард*», «*башжард*», «*мажгард*»⁸. Что касается русских и подражающих русским, европейцев и подражающих европейцам, то они говорят «*башкир*».

Как бы то ни было, они – великий народ из [числа] тюркских племен, и современная территория их проживания между⁹ рекой Волгой и Уральскими горами, а также на востоке от них [гор]. Широко известно, что за 200 лет до сегодняшнего дня¹⁰ их земли простирались до рек *Ийлк* и *Кубдабл*¹¹ и к востоку от них до казахских степей. И они [на этих территориях] вели кочевой образ жизни. Затем вытеснили их казахи – к местам нынешнего проживания. И отчетливо сообщили некоторые мусульманские путешественники, что они были в подчинении болгар на территориях их нынешнего расселения. А некоторые из них [историков] определяли их место обитания в границах Европы¹².

Как сказал **ал-Малик ал-Му'айяд Абул-Фида**¹³ в своем «*Тарихе*»¹⁴, «...и из христиан также башкиры (башкард), и они многочисленный народ, что между страной алманов (немцев. – *С.А.*) и страной франков¹⁵. Их правитель и их подавляющее большинство – христиане, но есть среди них и [малое количество] мусульман, и они равноправные...». И сказал в [другой] своей книге «*Таквим ал-булдан*»¹⁶: «Страна башкир – на седьмом климате (иклим). Они тюрки, граничат с алманами на основе взаимного договора. И они [стали] мусульманами [в результате призыва] со стороны факиха (правоведа. – *С.А.*) Туркмани – он разъяснил им законы ислама. Большинство их селений¹⁷ [находятся] на реке Дума, или Туна и по обоим берегам их лагеря».

Сказал **ал-Казвини**¹⁸ в «*Аджа'иб ал-махлукат*»: «Башкиры (башгарт) – огромный род¹⁹ из [числа] тюрков между Константинополем и Булгаром.

Передал Ахмад бин Фадлан, посол Муктадир Биллаха к правителю Сакалиба (то есть Булгара. – **М. Рамзи**), после того как [последний] принял ислам, и он сказал относительно башкир: «Попали мы в страну племени из тюрков, и мы нашли их наихудшими из тюрков, самыми грязными²⁰ из них, самыми суровыми [сильными] из них, предрасположенными к убийству. И я обнаружил, что они утверждают, что у лета есть бог²¹, и у зимы есть бог, у дождя есть бог, у ветра есть бог, у огня есть бог, у скота²² есть бог, у воды есть бог, у ночи есть бог, у

дня есть бог, у жизни есть бог, у смерти есть бог, у земли есть бог, и у неба есть бог, и он величайший из них, и несмотря на это, он их [остальных богов] объединяет во взаимном согласии, и каждый из них [остальных богов] доволен деяниями сотоварища».

Также передает [слова] от упомянутого путешественника, что он сказал: «Я видел племя, поклоняющееся журавлю»²³, однако он не сказал, что они из башкир.

Затем сказал ал-Казвини: «Сказал мне факих из числа башкир, что племя башкир (башгарт) – великий народ, и большинство из них христиане, и среди них есть община мусульман, [придерживающаяся] мазхаба Имама Абу Ханифы, и платит джизью христианам, подобно тому, как платят здесь христиане мусульманам. И у них правитель [располагается] в огромном военном лагере, а население башкир [живет] в юртах – нет у них крепостей. Каждое селение являлось земельным уделом (икта) обладателя могущества. И происходило множество споров между ними по причине этих икта. И правитель башкир счел целесообразным для устранения их вражды изымать у них земли и ввести для них жалованье из казны. Так и сделал. И когда направились к ним татары²⁴, правитель башкир подготовился отразить их. И сказали предводители [войска]: “Мы не будем сражаться до тех пор, пока ты не вернешь нам наши земли”. И сказал правитель: “На таких условиях я вам не верну. И если вы сразитесь, то [только] ради самих себя и ваших потомков”. Разбрелись [воины] этого большого войска, и нагрянул меч татар беспрепятственно, оставив угасать их как скошенный урожай».

Относительно первых его слов и высказывания «выплачивают джизью христианам» я [М. Рамзи] считаю, что это не те башкиры, которые живут в районе Урала, а группа башкир, которая в границах [стран] европейцев. А повествование Ибн Фадлана, без сомнений, относится к башкирам Урала.

И сказал **ал-Хамави**²⁵ в «Му‘джам ал-булдан»: «Башгарт, – *шин с сукуном*, и *гайн с точкой*, а некоторые называют “башжард” с джимом, а некоторые говорят “башкард” с каф, – страна между Константинополем и Булгаром. Муктадир Биллах послал Ахмада бин Фадлана бин Аббас бин Рашид бин Хаммад Маула Амирил-му’минин затем Маула Мухаммад бин Сулеймана к принявшему ислам вместе с жителями своей страны правителю Сакалиба для распространения благодати и обучения их исламскому закону. И он записывал все, что видел с момента своего выезда из Багдада и до возвращения. Его отъезд состоялся в [месяц] сафар 309-го года [по хиджре]. И сказал он, упоминающая башкир: “Оказались мы в стране народа [племени] из тюрков. Их

называют *башкард*. И мы сильно опасались их. И это потому что они самые злобные из тюрков. Самые грязные и самые суровые [сильные] из них. Легко идущие на убийство. Встречает один человек [другого] человека и отделяет его голову, берет ее [голову] и оставляет его [тело]. Они бреют свои бороды. И едят вшей. Один из них, перебирая свою рубаху (кыртак), [нашел] вошь и раздавил своими зубами. С нами был помощник-мужчина из их числа, принявший ислам. Однажды я увидел, как он достал вошь из своей одежды и раздавил ее ногтями, затем лизнул ее²⁶ и сказал, как увидел меня: “Хороша!”

И каждый из них вырезает кусок дерева фаллической формы размером с детородный орган и вешает его на себя. И когда ему предстоит выйти в путь или сразиться с врагом, он целует его и совершает земной поклон ему, и говорит: “О, Господь, сделай мне то-то и то-то!” И я сказал переводчику: “Спроси у них, как они объясняют это и почему он делает из него своего господа?” Сказано было: “Поистине, я произошел из подобного ему [детородный орган], и я не знаю другого своего создателя, кроме него”. И есть среди них утверждающие [о существовании] двенадцати Богов: у зимы есть бог, у лета есть бог, у дождя бог, у ветра бог, у деревьев бог, у людей бог, у скотины бог, у воды бог, у ночи бог, у дня бог, у смерти бог, у жизни бог, у земли бог, и бог который на небе величайший из них, разве что он объединяет их [остальных богов] в согласии и проявляет довольство [всеми] деяниями сотоварища. Превыше Аллах того, что говорят несправедливые! [Также он] сказал: “Мы видели из них²⁷ группу, поклоняющуюся жизни, и группу, поклоняющуюся рыбе, и группу, поклоняющуюся журавлю. И они рассказали мне, что они сражались с племенем из числа своих врагов и те победили их, и закричал журавль позади них, от чего они пустились в бегство [и проиграли], после того как [чуть было не] победили. И поэтому они поклоняются журавлю и говорят: “Это наш господь, потому что он разгромил нашего врага”. Поклоняются ему из-за этого”. Это то, что он рассказал о них.

Что касается меня, то я нашел в городе Халев (Алеппо. – С.А.) многочисленную группу, называющуюся “башкурдия”. Цвет волос и кожи [у них] очень светлые. В фикхе придерживаются мазхаба Абу Ханифы, пусть Всевышний будет им доволен. И попросил я одного из них рассказать мне об их стране и о состоянии их дел. И он сказал: “То, что касается нашей страны, то она за Константинополем в государстве европейского народа, называемого *ал-хункар*. И мы – мусульмане, подданные их правителя. В окраинах его страны примерно тридцать деревень, каждая из них – словно небольшой городок, да только правитель *хункар* не позволяет нам построить стены из-за боязни того,

что мы восстанем против него. Мы в окружении христианских стран: на севере от нас – страна Сакалиба, в стороне кыблы²⁸ – страна Папы, то есть Румия, на западе от нас – Ал-Андалус и на востоке – страна Ар-Рум Константинопольская и ее области”. [Также он] сказал: “Наш язык – язык европейцев, наше одеяние – их одеяние, мы вместе с ними несем воинскую службу и вместе с ними воюем против всех народов, потому что они сражаются только с теми, кто не соответствует исламу [т.е. с немусульманами]”. И я спросил о причине принятия ими ислама, несмотря на то, что они живут в центре стран немусульман. И он сказал: “Я слышал от наших предшественников, которые говорили, что очень давно в нашу страну пришли семь человек-мусульман из страны Булгар и поселились среди нас. И они были очень мягкие при разъяснении, несмотря на то, что мы были заблудшими. Они направили нас на верный путь – в религию ислам. И повел нас Аллах правильным путем, хвала Аллаху. И все мы приняли ислам, и раскрыл [Всевышний] наши сердца к [восприятию] веры. Мы приезжаем в эти [мусульманские] страны и изучаем мусульманское право, и когда мы возвратились на родину, ее население оказало нам почтение и поручило нам религиозные дела”. И я спросил: “Почему вы бреете ваши бороды, подобно тому, как это делают европейцы?” Он сказал: “Бреют [бороды] у нас несущие воинскую службу и [они же] носят одежду европейцев, а остальные нет”. Я спросил: “Какое расстояние между нами и вашей страной?” Он сказал: “Отсюда до Константинополя примерно два с половиной месяца, и от Константинополя до нашей страны около двух с половиной месяцев”. Но что касается ал-Истахри²⁹, то он упомянул в своей книге, что “от башжард до Булгар двадцать пять мархаля, и от башжард до бажанак (печенеги. – С.А.), – а они род из тюрков – десять дней”. Этими его словами заканчивается повествование в “Булдане”»³⁰.

Говорит собиратель всех этих сведений (М. Рамзи имеет в виду себя. – С.А.):

Сейчас нет людей, не знающих расположения страны башкир (башкорд) и расположения страны Венгрия (маджар) и расстояния между ними, а также то, что башкиры (башкорд) проживали на нынешнем месте с древнейших времен. Разве что есть те, кто загубил свой ум в учебных заведениях [медресе] Бухары или школах при них размышлениями о возникновении «чтойности» (махийа) сущности вещи [и является ли она] производной (мадж‘ула) или непроизводной (гайра мадж‘ула), состоит ли она («чтойность») из равных составных частей или нет, [размышлениями] о том, каким же образом мир является возникшим, о том, является ли существование (вуджуд) добав-

ленным атрибутом к самости (зат) [вещи] или нет³¹, о том, как различается род (в смысле платоновской «идеи». – С.А.) от материи (мадда), и о разделении [последней] от формы (сура) и тому подобном из софистики, которая не имеет никакого отношения к реальности. Размышления об этом губит ум и вызывает утомление в сознании.

И определили те великие [ученые] – я имею в виду Абул-Фиду, ал-Казвини, ал-Хамави – местом проживания башкир (башкорд) Венгрию и Маджаристан. Если бы это исходило [только] от одного из них, то мы сказали бы, что это заблуждение или ошибка возникла по вине переписчика.

И мы не можем допустить, что они были в подчинении *маджар* до переселения *маджар* из земель башкир (башкорд) к нынешним местам проживания. Ибо слова Абул-Фиды, ал-Хамави и первые слова ал-Казвини также искореняют эту вероятность.

Знание, осведомленность, перепроверка и уточнение, а также мастерство изложения заключается в умении работать с таким противоречивым и запутанным материалом. Умение выстраивать предположения и способность работы с материалом проявляется именно в подобных случаях.

И это [сочетание противоречивых источников] возможно:

[1.] Если подтвердить возникновение этих слов от тех корифеев и что они возникли от их заблуждений и по опрометчивости или по причине невнимательности переписчика. И, соответственно, те люди, которых они упоминали под названием «ал-башкорд», не являются башкирами, а [были] из другого племени. И подтвердить все это, опираясь хотя бы на слабое доказательство.

[2.] Или же, если сказать: «Да, они из башкир», – подобно тому, как об этом говорили те корифеи, и что башкиры были первыми в государстве Венгрия и Маджаристан, и их язык был тем же языком, что и у маджар, и их цвет [волос] был белокурым, подобно цвету алмаджар, и по физическому строению абсолютно ничем не отличались от них. Однако [за исключением того, что] они переселились с упомянутых мест – я имею в виду Венгрию, после эпохи тех достойных ученых в «такое-то время» и поселились в своей нынешней родине – имею в виду то, что между Уралом и Волгой, и забыли язык маджар и выучили свой нынешний язык, и лишились своей светловолосости, и обрели свой сегодняшний цвет, – и все такое, [если можно было бы] опереться хотя на какой-то аргумент.

[3а.] Или сказав, что они не башкиры Урала, а что они переселились из Венгрии в другое «такое-то» государство, затем распространились там под «таким-то» именем, и они сейчас «такой-то» народ.

[Зб.] Либо, что они исчезли полностью, и не осталось от них следа, опираясь на высказывание или доказательство, хоть оно и слабое и всего лишь [только] вероятное.

Выбери один желаемый вариант из этих трех, и подтверди, если это в твоих силах.

Даже достопочтенный ал-Марджани не совсем затрагивает этот вопрос и не показывает ничего из возможных вариантов, хотя в его стиле упоминать в подобных вопросах вероятные (но в то же время невоображаемые) варианты. Но он написал после того, как упомянул кое-что из сообщений Ибн Дасы³² по поводу ал-маджария: «Вероятно, ал-маджария была группой из башкир, и возможно, слово “кантон”, которым именуют начальников башкир, происходит от упомянутого слова “кэндэ”. А после этого привел неправдоподобный рассказ (хурафат), не имеющий никакой связи с обсуждаемым вопросом. Можно допустить, что слово “кантон” происходит от слова “кэндэ”. Однако, то же самое слово “кантон” было в значении административной единицы в французском или швейцарском языках. Есть мнение о том, что стали начальников башкир обозначать словом “кантон” из-за того, что они являлись начальниками административных единиц – кантонов. И это мнение предпочтительнее и ближе к действительности, чем та вероятность, которую он [Марджани] высказал. Это точно так же, как сейчас начальников административных единиц (земских участков. – С.А.) по-русски называют “земский”, поскольку это означает “начальник административной единицы”»³³.

И это то, к чему нас привело наше небольшое отступление от темы, и давайте вернемся к тому, о чем мы говорили.

Затем сказал со слов Абу Хамид ал-Андалуси, что «башкорд [находится] в подчинении булгар». И говорит так же со слов Абу Исхак ал-Истахри: «От башжард до булгар двадцать пять мархаля, а до бажанак, которые являются частью тюрков – десять мархаля, а башжард состоит из двух частей – часть в “ахар газье” (кыргыз) и за булгаром их около двухсот тысяч человек, и их местоположение известно, и они в подчинении булгар, и часть граничит с бажанак». Даже если это разрешает упомянутую апорию с одной стороны, то не устраняет ее полностью. А что касается частичного разрешения, то оно подтверждает, что сообщения Абул-Фиды, Казвини и Хамави – достоверны, и нет ни оплошности в них, ни ошибки, и ни противоречия тому, что башкиры (башкорд) заселяли современные свои земли издревле, потому что те башкиры, которые упомянуты, – не башкиры Урала. А они – другая часть из тех, что были в границах Европы и государства маджар.

И в этом случае нет никаких противоречий относительно того, что многократно упоминалось ранее – маджары и башкиры из одного рода.

Что касается отсутствия полного разрешения апории, то оно заключается в том, что не известно, что с ними стало и куда они ушли. И в этом корень проблемы. Независимо от того, являются они башкирами или нет. Потому как именование их башкирами может оказаться опiskой или ошибкой переписчика по причине схожести названий племен. И как будто эта путаница совсем не разрешилась.

Невозможно сказать, что они отреклись от ислама после указанного периода и приняли христианство. Кроме того, что оно [предположение] очень далеко от здравого смысла, также совсем не соответствует источникам. И если бы подобное важное событие имело место быть, безусловно, это было бы упомянуто в одной из летописей, особенно со стороны сообщества христианских миссионеров, которые, если за многие годы добиваются вхождения в христианскую религию одного любителя выпить или прочих беспутных людей, хотя и, очевидно, с огромной материальной затратой, то распространяются и объявляют об этом на весь мир, что они привели тысячи в христианскую религию. А если не смогли добиться этого, то распространяют это ложью и клеветой, и этот их дьявольский обычай ни для кого не является секретом. И если бы такое случилось когда-нибудь³⁴, то они, безусловно, объявили бы, что весь мир целиком стал христианским.

И то же самое можно сказать относительно невероятности и обыкновенной абсурдности утверждения о том, что они вымерли и полностью исчезли. Тогда не остается ничего из упомянутой вероятности, кроме слов об их видоизменении и переселении из своей страны в другие страны из числа мусульманских. Очевидно, что переселения в Османскую империю не было, потому что ни в одной из османских хроник об этом не упомянуто, несмотря на их многочисленность и систематизированность. И мы не можем сказать, что они мусульмане, живущие в настоящее время в государстве Ляхистан (Польша. – С.А.), ибо Карамзин утверждает, что они из татар, оставшихся от Тохтамыш-хана, как это будет упомянуто в разделе, посвященном этому. [В качестве] аргумента в пользу данного [утверждения] нам достаточно того, что это общеизвестно (что остались от Тохтамышша. – С.А.), и что они известны среди жителей Крыма и османцев как *татары липка*. И какая же может быть связь между ними и тем народом, который мы обсуждаем?

И таким образом, нет никаких препятствий, чтобы сказать, что они – группа мишар, проживающих в областях Тамбова, Пензы, Саратова и Нижнего. И предпосылка, чтобы придерживаться этой версии, три:

Первая:

[Стало] очевидно, что группа мишар – не из татар, которые пришли в те страны при появлении Чингиз-хана³⁵ вследствие наличия расхождений между этими двумя группами относительно обычаев, [особенностей] говора и языка. И при спорах татары употребляют слово «мишар» для унижения и оскорбления своего оппонента. Так что мишарин, ругаясь, говорит татарину: «Эй, татарин!» Так и татарин говорит мишарину «Эй, мишарин!».

Вторая:

Близость между словами «мишар» и «маджар» и «башкард», особенно к слову «мечер», которое является одним из производных слова «маджар» и «мажгар» – соответствует тому, что сообщалось от Ибн Даса. То же самое и со словом «башжард», которое является одним из производных от слова «башкорд». И вполне вероятно, что эти слова являются искажением одного корня. Подобно «эскит» и «эскутия», и «сития» и т.д. Точно так же, как и «хунгрия» и «хунгария» и т.д.; «багдад», «баггаз», «багдан», «багдин», «магдан», также «буртас», «бурдас» и «фирдас» и «мурдаз» и «мордва», о чем мы напишем позже. И примеров этому бесчисленное множество. Разве не видишь, что русские и европейцы называют фарси – персидским, а османов – портой и оттоманами и т.п. даже в словах активного пользования.

Подобно [сказанному], не является же необходимым [условием], чтобы они (упомянутые народы. – С.А.) были разделены по той причине, что их именуют по-разному.

Та же самая ситуация относительно того вопроса, который мы сейчас обсуждаем.

Почему же недопустимо, чтобы слова «мишар», «мечер», «мажгар» и «башжард» и т.д. были искажениями из одного этнонима?

И почему же нельзя допустить употребление упомянутыми корифеями наименований «башкорд» и «башжард» по отношению к племенам мишар и маджар? По причине широкой известности первой и неизвестности второй в их эпоху. Или потому что первая (башкорд / башжорд) была основой, а вторая – производной от нее.

Третья:

То, что места расселения упомянутых племен³⁶, которые мы обсуждаем, близки и соседствуют и примыкают к тем областям (вилаям), позволяет нам даже говорить на основе того, что сообщается у Ибн Даса и слов Карамзина в разделе «Маджар», что это одни и те же области. Они были язычниками и огнепоклонниками во времена Ибн

Дасы, затем удостоились вхождения в религию ислам по причине, о которой упомянули Ал-Хамави и Ал-Казвини.

После того как они [племена] ушли немного в сторону запада, как это было сказано у Карамзина, и после прихода татар в те страны [места] и захвата ими остальных стран, и после того, как они [татары] удостоились чести вхождения в религию ислам во времена Берке-хана (пусть помилует и простит его Бог!), и превращения этих стран в мусульманские, они прибыли в ближайшие области (нахийа) из места их расселения – имеются в виду вилаяты [области] Тамбова, Пензы, Саратова, Нижнего Новгорода, которые, можно сказать, и есть подлин-ные их земли, что соответствует тем [сведениям], которые получены от Ибн Дасы и Карамзина.

Затем, по утверждению некоторых, меняется их старое название, я имею в виду, «мажгар / мачар» или «башкард / башжард», на [назва-ние] «мишар», подобно тому, как Хунгария стала Маджар. И сменил-ся их родной язык на язык тюрков и татар, который являлся офици-альным языком на тех территориях в упомянутый период. И язык простого народа, и язык доминирующей нации, хотя косвенно каждый раз и подтверждает это наличием множества русских слов в их языке, а это указывает на то, что тюркский язык не является их родным язы-ком, и может быть так, что их родной язык тюркский, так как остаются мусульмане с их аутентичным тюркском языком³⁷. И существова-ние русских слов в их языке – это недавно появившаяся и усиливаю-щаяся тенденция, [возникшая] из-за интенсивных связей с русскими, и язык тех, которые приняли христианство, сменил в данный момент язык маджар, подобно тому, как их подлинные тюркские нравы и обычаи сменили обычаи и нравы христиан.

И, несомненно, правильно, что язык маджар первоначально был тюркским. И до сегодняшнего дня некоторые уже пытались доказать это наличием тюркских слов в маджарском языке. И уже упоминалось подобное от Рифаа Бека. И наиболее убедительное доказательство этому состоит в том, что их молебны в их церквах вплоть до XIV века были на тюркском, и это соответствовало тому, что упоминает Мир Алай Риттих ар-Руси³⁸ в некоторых своих этнографических трудах.

Вывод: Если мы взглянем на упоминания многих историков, гео-графов и этнографов об единстве рода маджар и башкир, и увидим близость друг к другу слов «маджар», «мажгар», «мэчэр», «башжард» и «мишар», и вместе с этим посмотрим на многочисленных мишар, живущих сейчас среди башкир в Самарской, Оренбургской и Уфим-ской губерниях, то обнаружим, что издавна между этими племенами

[царит] полное согласие. И будет то, что достопочтенный ал-Марджани³⁹ посчитал правильным относительно места их расселения.

А что касается внешних отличий [черт их] лиц и цвета [их кожи], которые приводит Рифаа Бек в качестве возражения, то это не так, как он утверждает. Мы видим своими глазами, как, например, четверо родных братьев, если разъедутся по разным концам света и поселятся где-то и перемешаются с местным населением, для которого [характерны] совсем другие внешность, цвет [кожи], язык, манеры поведения, нравы и обычаи, то дети каждого из братьев, родившиеся в той стране, вберут в себя обычаи жителей той страны, их нравы, их манеры поведения, их язык, цвет и их внешность, хотя бы в общих чертах. И когда они соберутся в одном месте, то никто не поверит, что они произошли от одних родителей.

Так оно и есть, вот посмотрите на различия, существующие между упомянутыми братьями в тех вещах (цвет и т.д.). И ты увидишь в тех вещах огромные различия между ними. И эти различия особенно явны среди населения, проживающего в регионе, [находящимся] между казахами и северной стороной, так что мы можем сказать что этот автор не видел монголов и татар, кроме тех, кто пасет верблюдов и овец, поэтому он решил, что все они [это население] имеют некрасивую внешность. И он не видел того, о чем упоминает выдающийся ученый Ибн 'Арабшах ад-Димашки, описывая татар словами «их мужчины словно полная луна⁴⁰, а женщины как солнце». И не видел того, о чем упоминают многие, [говоря] о некоторых представителях монголов, что они «обладают такой красивой внешностью, подобную которой никогда ранее не доводилось видеть», как это описывается в разделе о сыне Туктагу-хана Ильбасаре и Узбек-хане, да помилует его Всевышний. И [не видел] того, о чем писали многие о населении тюркских городов Тараза и Чекель (Чокал)⁴¹: «Они очень красивы». И того, что говорит Ибн Фадлиллах ад-'Умари о достойных качествах тюрков и их гармоничном телосложении и изяществе. И не задумывался об огромных различиях между жителями Стамбула и Анатолии, которые аналогичны различиям между деревенскими и городскими жителями в любой стране по упомянутым критериям (цвет и т. д.), несмотря на общую национальность и происхождение.

Таков анализ [рассматриваемого] сложного вопроса «немощным» (так автор называет себя. – С.А.).

А тот, кто желает углубиться в эту тему, то диапазон ее изучения очень обширен. Особенно для тех, кто черпает научные сведения из первоисточников – оплота цивилизации и обиталищ новых знаний. Совсем скоро талантливая молодежь из учебных заведений Казани и

Оренбурга подойдет к полноценному изучению подобных вопросов, так что в ближайшем будущем мы будем пользоваться плодами их глубоких изысканий. А со своей стороны, я не претендую на то, что мои слова – истина в последней инстанции и не подлежат опровержению. Я [всего лишь предлагаю] на суд проникательных мужей познания и мужей наук то, к чему привел мой скромный ум и скудное воображение. Чтобы они рассмотрели эту тему и решили, где опровергнуть или подтвердить, отказаться или принять, где убрать и где выправить, чтобы проявилось молоко истины и правды среди нечистот ошибок. Дабы в итоге получился приятный напиток для жаждущих. Ведь подлинная наука в полном смысле этого слова заключается в обмене мнениями, особенно в таких новых вопросах, которые никто ранее не обсуждал. А настоящее знание только у Всевышнего!

Сказал в «Мустатрафе», цитируя Шейха Абу ‘Убейдуллаха ал-Гарнати: «...пришел я к башкирам и увидел могилы адитов и обнаружил зуб одного из них длиной четыре пяди и шириной две пяди. И когда я был у башкир, мне дали половину клыка, вытащенного для меня из нижней челюсти одного из них, и была эта половина клыка размером в две пяди и весом в 2200/1200 мискаль⁴². И была окружность челюсти того адийца 17 локтей и длина предплечья [от плеча до локтей] одного из них – 80 локтей. И ширина/толщина каждого ребра три пяди, как мраморная плита». Вот так.

О современном состоянии башкир мы расскажем в четвертом разделе, если позволит Всевышний.

---

¹ *Ахмадуллин С.З.* Мурад Рамзи и его касыда о Зайнулле Расулеве // Проблемы востоковедения. 2013. № 2 (60). С. 73–78.

² *Ахмадуллин С.З.* «Талфик ал-ахбар» Мурада Рамзи: наперекор цензурным запретам и судебным преследованиям // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2017. № 7. С. 8–12.

³ *Мехдиев Р.Н.* Дамелла Абдулла-хазрат Сейидбаттал углы Муллакан. Оренбург: Вакт, 1916. С. 8.

⁴ *Рамзи М.М.* Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи‘ Казан ва Булгар ва мулук ат-татар: в 2 т. / М.М. Рамзи; предисл. Ибрахима Шамсуддина. Ливан, Бейрут: Дар ал-Кўтуб, 2002. Т. 1. 732 с.; Т. 2. 528 с.

⁵ Об аресте неперемежных изданий 1908 г. / Казанский временный комитет по делам печати. Национальный архив РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 115. Л. 100.

⁶ *Марджани Ш.* Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар: в 2 т. Т. 1. Казан, 1897. 264 с.; Т. 2. Казан, 1900. 368 с.

- ⁷ В оренбургском издании нет слова «даль-ан», но есть примыкающая к следующему слову «ва илля», что редакторы бейрутского издания прочли как «даль-ан», и мы считаем такое прочтение более логичным.
- ⁸ В арабском написании отсутствуют гласные, следовательно, возможны разные комбинации с гласными, например: «башгорд», «башгард» и т.д.
- ⁹ В оренбургском издании нет слова «между», но оно есть в бейрутском издании.
- ¹⁰ М. Рамзи писал в конце XIX века.
- ¹¹ В оригинале «ابلك و قوبابل». Подразумеваются реки Илек (Оренбургская обл. – Казахстан) и Тобол.
- ¹² В оригинале «худуд ал-ифрандж» – букв. «в границах франков» (собирательное название европейцев).
- ¹³ Полное имя – ал-Малик ал-Муаййад ‘Имадуддин Абул-Фида Исма‘ил ибн (ал-Афдал) ‘Али ибн (ал-Музаффар) Махмуд ибн ал-Мансур Мухаммад ибн Такиад-дин ‘Умар ибн Шаханшах ибн Айуб. Годы жизни: 1273–1331. В свои ранние годы он отличился в походах против крестоносцев. В 1310 г. получил от султана ан-Насира Мухаммеда княжество Хама, которым сначала управлял на правах наместника, а начиная с 1312 г. и до самой смерти, как полноправный султан.
- ¹⁴ «Тарих ал-мулук ал-Муаййад Абул-Фида» («История правителей ал-Муаййад Абул-Фиды»).
- ¹⁵ В оренбургском издании в этом месте не обозначен конец предложения. В связи с этим редакторы бейрутского издания посчитали, что предложение заканчивается после следующего слова – ملكهم, что можно прочитать как «милкихим» или «мулкихим» [их владения], и предложение будет завершаться так: «...они многочисленный народ, что между страной Алман и страной франков и их владениями». Однако, по нашему мнению, по контексту правильно будет именно в этом месте поставить точку.
- ¹⁶ «Таквим ал-булдан» («Книга упорядочения стран»).
- ¹⁷ Возможные варианты: строений, родов.
- ¹⁸ Абу Йахйя Закарийя ибн Мухаммад ибн Махмуд ал-Казвини (1203–1283).
- ¹⁹ «Джил» – род; встречается прочтение «джабал» – образование.
- ²⁰ В оренбургском издании есть опечатка – в слове «акзарахум» (افزارهم) вместо «к» стоит «ф». В бейрутском издании слово было опознано как «анзарахум» – от «назр» – обет, а это слово не подходит по смыслу контекста.
- ²¹ Примечание М. Рамзи: «Как будто они придерживались философии Платона, а он утверждает, что у каждого вида (науг) есть бог, его называют богом видов. И у суфиев также есть сочинение и исследования (тахкикат) об этом, но здесь не место для приведения их – посмотрите «Мактубат» (Имама Раббани. – С.А.).
- ²² Рабочий скот.
- ²³ Примечание М. Рамзи: «Это удивительная вещь! “И я спросил о причине их поклонения журавлям, и они сказали, [когда] мы сражались с племенем из числа наших врагов, и они нанесли нам поражение, и позади них крикнули журавли, и они сочли их за наших воинов, сидящих в засаде, и обратились в бегство и мы напали на них. Поклоняемся им, потому что они разбили наших врагов...” и до конца. И это указывает на то, что они – племя, не забывающее добро (благодеение), если даже оно исходит не от об-

- ладателя разума, без участия воли и намерения и сознательности, то что же, если благодетание будет исходить от обладателя разума намеренно и по доброй воли?».
- ²⁴ Имеются в виду монголо-татары.
- ²⁵ Шихабуддин Абу Абдуллах Йакут ибн ‘Абдуллах ал-Хамави (родился между 1178 и 1180 г., умер в 1229 г.) – мусульманский ученый и писатель, филолог, путешественник, историк и географ.
- ²⁶ В оренбургском издании «ласаха-ха» (لسحها) – это явная опечатка. В бейрутском издании исправлено на «лахаса» («лизну»). Его мы и использовали.
- ²⁷ Примечание М. Рамзи: Казвини приводит это от Ибн Фадлана.
- ²⁸ Направление в сторону Каабы, расположенной в Мекке, куда мусульмане обращают лицо при совершении молитвы.
- ²⁹ Ал-Истахри, полное имя – Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад ал-Истахри, жил в X в.
- ³⁰ Книга «Таквим ал-булдан».
- ³¹ В бейрутском издании это место ошибочно прочтено как «аввалан» – т.е. «первым», «в начале».
- ³² Абу ‘Али бин Даса или Ибн Руста (устар. Ибн Даста; Абу-Али Ахмед Ибн-Омар) – восточный ученый-энциклопедист первой половины X века. По происхождению перс, уроженец Исфахана.
- ³³ Кантонная система управления существовала в 1798–1865 гг.).
- ³⁴ В этом фрагменте есть разночтения: в оренбургском издании – في وقت لمّ, в бейрутском – في وقت ما. Мы посчитали, что бейрутский вариант прочтения лучше соответствует логике предложения.
- ³⁵ Примечание М. Рамзи: «Наиболее характерное доказательство этому – присутствие в этой местности группы “мишчар” (мещера) в период возникновения Руси, согласно тому, что, [обращаясь к] словам Нестора, первого из русских историков, Карамзин, перечисляя присутствующие племена и обозначая их места обитания в период формирования России, отметил, что “племя мишчар” и мордва располагались на юго-востоке от племени “мира”». Посмотри, как соседствовали эти два племени в то время – точно так же, как и сейчас.
- ³⁶ В бейрутском издании, вероятно, опечатка: «города Крыма».
- ³⁷ Примечание М. Рамзи: «Однако отвергает то, что сообщается от Хамавий о том, что их язык – язык европейцев».
- ³⁸ Имеется в виду российский военный деятель, этнограф Александр Федорович Ритгих (1831–1914).
- ³⁹ Слова ал-Марджани: «...должно быть, мажгария была группой из башкир».
- ⁴⁰ Бадр – полная светящаяся луна, в арабской поэзии символизирует красоту.
- ⁴¹ Вероятно, имеется в виду Чокал (چكلك) – центр провинции Белужистан в западном Иране.
- ⁴² Мера веса равная 4,68 граммам.

Литература

Ахмадуллин, С.З. Мурад Рамзи и его касыда о Зайнулле Расулеве [Текст] // Проблемы востоковедения. 2013. № 2 (60). С. 73–78.

Ахмадуллин, С.З. «Талфик ал-ахбар» Мурада Рамзи: наперекор цензурным запретам и судебным преследованиям [Текст] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2017. № 7. С. 8–12.

Марджани, Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар [Текст]. В 2 т. Т. 1. Казан, 1897. 264 с.; Т. 2. Казан, 1900. 368 с.

Мехдиев, Р.Н. Дамелла Абдулла-хазрат Сеййидбаттал углы Муллакаи [Текст]. Оренбург: Вакт, 1916. 17 с.

Рамзи, М.М. Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи⁴ Казан ва Булгар ва мулук ат-татар [Текст]: в 2 т. Оренбург: Тип. Каримова и Хусаинова, 1908. Т. 1. 716 с.; Т. 2. 540 с.

Рамзи, М.М. Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи⁴ Казан ва Булгар ва мулук ат-татар [Текст]: в 2 т. / М.М. Рамзи; предисл. Ибрахима Шамсуддина. Ливан, Бейрут: Дар ал-Кутуб. 2002. Т. 1. 732 с.; Т. 2. 528 с.

А.Р. Церетели в интеллектуальной культуре пореформенной Грузии

В данной статье анализируется влияние выдающегося грузинского поэта, писателя и публициста А.Р. Церетели на становление и развитие грузинского национального движения во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Акакий Церетели; реформы Александра II; тергдалеулеби; грузинское национальное движение; грузинское общество; грузинская публицистика.

A. Ganich, J. Rakhaev

A.R. TSERETELI IN INTELLECTUAL CULTURE PRE-FORMAN GEORGIA

The article analyzes the influence of the outstanding Georgian poet, writer and publicist A.R. Tsereteli on the formation and development of the Georgian national movement in the second half of the XIX – early XX century.

Key words: Akakii Tsereteli; reforms of Alexander II; tergdaleulebi; Georgian national movement; Georgian society; Georgian journalism.

Акакий Церетели прожил долгую жизнь и оставил неизгладимый след едва ли не во всех сферах общественной и интеллектуальной жизни Грузии второй половины XIX – начала XX в.

Он принадлежал к знатному княжескому роду Имеретинского царства, игравшему значительную роль в политической истории Западной Грузии в XVI – начала XIX в.¹ Имена представителей этой фамилии неоднократно упоминаются в произведениях виднейших грузинских поэтов XVII–XVIII веков: Пешанги, Иосеба Тбилели, Арчила, Бесики Габашвили. В конце XVIII – начале XIX в. представители этого княжеского рода, пользуясь полным доверием имеретинского двора, занимали основные государственные посты, и непосредственно участвовали в установлении отношений с Россией².

Резиденция князей Церетели, селение Сачхере, располагалась у большой дороги, которая вела из Восточной Грузии в Кутаиси через Лихские горы к селению Корбоули. Акакий принадлежал к схвиторской³ ветви рода Церетели. О своих предках А. Церетели уже в зрелые

годы написал рассказ «Деревня Схвители», основанный на семейных преданиях: «Схвиторские Церетели – потомки прославившегося доблестью своею и благородством Давида Церетели... Давид Церетели был замечательный рыцарь, прославивший свой меч на всю Грузию. В рукопашном бою побеждал всегда тот, на чьей стороне сражался Давид... На старости лет Давид овдовел, женился вторично, и у него родился сын Георгий. Георгий не унаследовал отцовского бесстрашия, но обладал замечательной силой. Это был прямолинейный, жесткий человек, почему его и назвали Георгий-бык. Он дважды овдовел и, чтобы не остаться бездетным, на старости лет женился на девушке из рода Эристави. Она родила ему двух сыновей – Свимона и Ростома... Сын Георгия Свимон был *сахлгухуцеси*⁴ при имеретинском дворе. Ему довелось дожить до падения Имеретинского царства, и уже в старости он сослужил большую службу последнему царю. Свимон ушел вместе с ним в Персию, оставался при царе до самой его кончины, похоронил его в Трапезунде и только тогда вернулся на родину... Внуки Свимона и Ростема и есть те самые Церетели, что живут и поныне в Схвители»⁵.

Ростом Церетели женился на княжне Анне Абашидзе, от которой у него в 1802 г. родился сын Ростом – отец Акакия. Он стал офицером, участником Кавказской войны и был женат два раза. Первый брак с княгиней Цицишвили закончился трагически – молодая женщина скончалась во время родов. Второй раз Ростом Церетели женился в 1828 г. на княгине Екатерине Абашидзе. Мать Акакия – Екатерина Церетели была внучкой царевны Дареджан, дочери имеретинского царя Соломона I и дочерью Ивана Абашидзе, младшего сына Койхосро Абашидзе, одного из руководителей восстания, вспыхнувшего в 1818 г. в Имеретии в связи с церковными реформами⁶. Этот брак оказался для Ростома Церетели счастливым. Екатерина родила ему пятерых детей: Анну (1830), Давида (1832), Ясона (1837), Акакия (1840) и Мавру (1842).

Акакий Церетели родился 21 июня 1840 г. в Схвители, в родовом имении своего отца. В «Пережитом» – автобиографическом очерке – Акакий неоднократно возвращался к описанию отчего дома, к которому был сильно привязан: «Верхний этаж нашего дома, или дворца, назывался *ода*, нижний – *палати*. С трех сторон к дворцу примыкали всякого рода строения: девичья, помещения для мужской прислуги, пекарня, кухня, амбары, саманники, кукурузник, винный погреб и всякие еще сараи и кладовые. В некотором отдалении от них было расположено саджалабо в окружении конюшни, свинарника, курятника, помещений для коз, гусей и индюков, всяких других пристроек и

пристроечек... Перед нашим домом расстился большой двор, посреди которого росли, гордо раскинув могучие ветви, огромные ореховые деревья. Тут же была домовая церковь с особым притвором для женщин»⁷.

Новорожденный, согласно древнему обычаю *аталычества*, был отдан в селение Саванэ крестьянке Мано Садунишвили. «Обычай отдавать детей на воспитание в деревню, в семью кормилицы, – пишет Акакий Церетели, – издавна повелся в Грузии: царские дети и дети владетельных князей росли и воспитывались в семьях эриставов, эриставы и князья отдавали детей дворянам, дворяне – крестьянам: впрочем, и княжеские дети чаще всего росли в крестьянских семьях»⁸. В отчий дом Акакия вернули в шесть лет.

Мать постаралась приложить все усилия для того, чтобы дать достойное домашнее образование всем своим детям. Акакий сравнительно быстро освоил грузинскую церковную и светскую грамоту, научился читать по-русски. Довольно рано у Акакия открылся поэтический талант. «Приехали к нам как-то гости из Восточной Грузии. Оказалось, что они на домашней сцене во дворце Воронцова видели комедию Глухарича (прозвище грузинского драматурга Георгия Эристави. – *Авт.*). Гости подробно рассказали нам обо всем, что им доводилось там слышать. Десятилетний Акакий затаив дыхание слушал рассказы об этом событии и на второй или третий день сам написал сцены из крепостного быта», – вспоминала впоследствии Анна Церетели⁹.

В 1846 г. российское правительство учредило в городе Кутаиси «Временную комиссию для приведения в известность княжеских и дворянских фамилий по Имеретии»¹⁰. Членом этой комиссии был назначен и князь Ростом Церетели, в связи с чем в следующем, в 1847 г. ему пришлось переехать в город Кутаиси. По настоянию супруги Ростом взял с собой в город и Акакия, которому требовалась врачебная помощь для излечения поврежденной во время игры со сверстниками ноги. Во время двухдневного конного путешествия до Кутаиси, «связки на ноге расправились» и в город Акакий приехал «совсем здоровым»¹¹. Участие Ростом в затянувшейся работе Имеретинской комиссии не позволяло ему вернуться в свое имение. В этой связи, осенью 1850 г., Церетели решили направить своих сыновей: Давида, Акакия и Ясона на обучение в Кутаисскую губернскую гимназию, о чем Ростом написал соответствующее прошение управляющему дирекцией училищ Кутаисской губернии Коцебу. Просьба Ростом Церетели была удовлетворена. В награду за свои труды в комиссии по установлению прав дворянства князь Р. Церетели был произведен в

должность коллежского советника. Ростом Церетели скончался в 1876 г. и погребен на фамильном кладбище в Схвители.

Кутаисская губернская гимназия была учреждена в 1850 г. вместо упраздненного двухклассного училища. Согласно постановлению от 25 октября 1853 г., в гимназии вместо предполагаемых восьми было открыто только семь основных классов. Фактически эта реорганизация была проведена в 1855 г., поскольку в связи с событиями Крымской кампании Кутаисские учебные заведения в 1855 г. вовсе не функционировали и ученики потеряли этот год полностью¹². При гимназии был организован «пансион» на 135 учеников, 60 из которых воспитывалось за казенный счет, а остальные платили за обучение 80 рублей серебром в год¹³.

Нико Николадзе, поступивший в эту гимназию несколько позже, так характеризовал ее в своих воспоминаниях: «Гимназия была уваровского типа; нас обучали закону божию, естественным наукам (зоологии, ботанике, минералогии), истории, арифметике, алгебре, геометрии, риторике и поэтике, русскому, грузинскому, турецкому и французским языкам – все эти четыре языка считались обязательными»¹⁴.

Учеба в гимназии оставила у Акакия Церетели самые тяжелые впечатления. За редким исключением, педагогический состав Кутаисской гимназии 1850-х годов впоследствии, в «Пережитом», аттестуются им как «галерея нравственных и физических уродов, только по ошибке именовавшихся педагогами»¹⁵.

В 1858 г. в первом грузиноязычном журнале «Цискари» («Рассвет») под псевдонимом «Ц» публикуются стихи Акакия Церетели: «П.Ц.», «Моей Венере», а также перевод стихотворения М.Ю. Лермонтова «Ветка Палестины». Юный поэт приобрел известность в грузинском аристократическом обществе. Но в феврале 1859 г. Акакий решил оставить гимназию и поступить на военную службу. Семья не поддержала этого решения. Два месяца Акакий провел в родном доме, а в апреле 1859 г. родители направили его для продолжения обучения в Санкт-Петербургский университет.

По пути в столицу, по поручению родственников и знакомых отца, Акакий Церетели побывал в Одессе, где встретился со вдовой князя М.С. Воронцова – Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой.

«Человеку, который направляется прямо в Петербург, было бы, разумеется, удобнее и безопаснее... ехать сухопутным путем, но меня направили морем для того, чтобы я побывал в Одессе, где жила вдова Воронцова. Мне наказано было непременно повидаться с нею. В те годы в сердцах грузин жила еще добрая память о Воронцове, и считалось невозможным, живя в России или направляясь туда, не побывать

в Одессе и не повидаться с его вдовой. Вот почему и мои родные взяли с меня слово, что я буду у княгини и передам ей привет от них; я вез ей в подарок большой крест из гишера¹⁶ со скульптурным изображением распятого Христа... Княгиня Воронцова приняла меня точно сына, с подлинно материнской лаской. Она расспрашивала подробно обо всех, а когда я в конце концов преподнес ей крест, на лице ее отразилась живейшая радость. – Значит грузины еще помнят нас? Надеюсь, они не скоро забудут моего мужа! – Пока не исчезнет память о самой Грузии, до тех пор будет жить память о Воронцове... Старая княгиня прослезилась, взглянула на меня и, улыbnвшись, поцеловала... – Покойный князь (М.С. Воронцов. – *Авт.*) восторженно любил Грузию, с превеликим уважением относился к ее прошлому и верил в будущее. Он часто, бывало, говорил: “Эта маленькая Грузия станет, со временем, самым прекрасным, самым прочным золотым шитьем на многоцветном платье великой России. Мы только должны ей дать волю, руководя ею и помогая ей со стороны”. Более часу проговорила княгиня о Грузии. Когда я подошел к ней проститься, она, улыбаясь, сказала: – Теперь пришло время для вас, грузинской молодежи, оправдать надежды моего мужа...»¹⁷.

По прибытии в Санкт-Петербург, Акакий встретился со своим двоюродным братом Илико Церетели, служившим в Собственном Его Императорского Величества Конвое. Близко познакомившись с образом жизни грузинской молодежи на службе в Императорском конвое Акакий решительно отказывается от военной карьеры: «Образ жизни конвойцев вообще, – пишет он в своих воспоминаниях, – и грузин в особенности, казался необычайно соблазнительным для людей, склонных к праздности. Они вкусно ели, сладко пили, превосходно одевались. Вся их служба заключалась в том, что они несколько часов в день горцевали на своих конях. Все же остальное время уходило на кутежи. Грузин, и вообще кавказцев, всюду прекрасно принимали. Кавказцы были в большом почете в светском кругу, особенно у женщин. А грузины тем более. Все они принадлежали к знатым фамилиям, отличались статностью и красотой».

В конце 1850-х – начале 1860-х годов на различных факультетах Санкт-Петербургского университета учились Илья Чавчавадзе, Коха Абхазы, Нико и Виссарион Гогоберидзе и др. Главой грузинского студенчества столицы считался Илья Чавчавадзе, с которым Церетели познакомился в июне 1859 г. Акакий вошел в круг грузинской студенческой молодежи и под их влиянием принял решение поступить на восточный факультет в университет и получить высшее образование. Позже, в одном из своих стихотворений, он так напишет об этом:

Когда я встретил в Петербурге
Студентов дружную семью,
Я по иному, в новом свете
Увидел будущность свою.
Я внял их слову – и былые
Мечты развеялись, как сон.
Я понял: не для бранной доли,
Я для поэзии рожден.
Я в ней нашел своё блаженство,
И, не ища за то наград,
Я всем пожертвовал ей в жизни,
Чем был и беден, и богат.

В сентябре 1860 г. в журнале «Цискари» в сильно отредактированном виде публикуется стихотворение Акакия Церетели «Ладья». Возмущенный такой бесцеремонностью, Акакий пишет гневное письмо главному редактору журнала И. Кереселидзе. На что в ответном письме редактор попросил молодого поэта «не кипятиться». Осведомленный об этой ситуации И. Чавчавадзе прокомментировал это остро: «Наше “Цискари” ворота в ад, а не небо»¹⁸. Постепенно в среде грузинского студенчества формировалось резко отрицательное отношение к редакторской политике журнала «Цискари», к необходимости нового периодического издания, более соответствующего духу времени. Церетели зарекся более посылать свои произведения в «Цискари», но редактору все же удалось каким-то образом уговорить поэта прислать свои новые стихотворения «Плач старика» и «Сон Шамиля». Однако эти стихи так и не были изданы.

В 1860 г. Акакий поступил на восточный факультет Санкт-Петербургского университета по армяно-грузинскому отделению. По недостатку средств, он не смог брать частные уроки французского языка, поэтому изучал его самостоятельно. Хроническое безденежье сильно осложняло жизнь молодого студента. В письме к матери от 31 декабря 1859 г. Акакий писал: «... Большое Вам спасибо, я получил сто рублей, вернее их получили мои кредиторы. Я, поистине, огорчился, думаю, хоть бы они запоздали, завтра Новый год, а я все деньги роздал и сижу без копейки. Но что поделаешь? ...Вы жалуетесь, что редко пишу, но бывают дни, когда у меня ни гроша, и как пошлешь письмо? Французскому обучаюсь сам, по книгам...»¹⁹.

В 1860 г., в январском номере журнала «Цискари», публикуется новое стихотворное произведение Акакия Церетели – «Тайное послание», впервые под его собственным именем. Правда, это случилось без разрешения автора, что вызвало новую волну негодования Цере-

тели. В связи с этим редактор журнала И. Кереселидзе написал ему примирительное письмо следующего содержания: «Брат Акакий Церетели! Не будь имеретином, не кипящийся и не сердись за то, что я напечатал твоё замечательное стихотворение “Тайное послание”, подписал его без твоего согласия не двумя буквами, а полным твоим именем и фамилией. Вот что послужило тому причиной. Наш Платон Философ обучает Бярятинского грузинскому языку. Он показал твои стихи Бярятинскому, и тому они очень понравились. Платон вызвал меня к себе и, узнав, кто ты, приказал напечатать стихи с полным именем и фамилией. Что мне оставалось делать? А впрочем, чем вызвана такая имеретинская осторожность? Почему ты не подписываешься под стихами? Твои стихи очень нравятся всем, в особенности женщинам, их даже распевают, как песни. Надеюсь, ты впредь будешь посылать их мне почаще. Твой Иван»²⁰.

«Тайное послание» вызвало большой читательский резонанс в грузинском обществе. Стихи очень понравились ординарному профессору Санкт-Петербургского университета Д.И. Чубинашвили. Из Грузии, от протоирея Ефрема Акакий Церетели получил следующее письмо: «Благословляю твой поэтический дар и одновременно прошу, заклинаю как сына, не пиши таких стихов языком простонародья. Здесь нужен высокий стиль, а ты пользуешься каким-то деревенским языком. Это тем более опасно, что твои стихи западают в сердца всех. Едва успели они появиться и, тотчас их стали петь как песню. В особенности женщины поют её, и что же получится, если они усвоят этот твой язык и забудут старинный грузинский высокий склад»²¹. Князь Лордкипанидзе также послал Церетели письмо в котором хвалил молодого поэта, но настоятельно просил его писать высоким старинным складом. «Это письмо, – замечает А. Церетели, – сделало меня несколько самоуверенным. Девятнадцатилетнему молодому человеку доставляло большое удовольствие главным образом то, что его стихи “поют женщины”, и я решил еще усерднее заниматься литературой, но все-таки писать народным, а не высоким старинным слогом»²².

Примерно к этому времени относится памятная для молодого А. Церетели встреча с великим украинским поэтом Т.Г. Шевченко. Встреча эта состоялась в гостеприимном доме выдающегося русского историка, публициста и поэта, члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук, действительного статского советника Н.И. Костомарова.

В своих воспоминаниях, опубликованных к пятидесятилетию со дня смерти Т.Г. Шевченко, А. Церетели так вспоминал об этой встрече:

«Тараса Григорьевича Шевченко я видел только раз на своем веку – у Николая Ивановича Костомарова, профессора русской истории. Признаюсь, первое впечатление было у меня не в пользу его: юношескому моему воображению он представлялся всегда каким-то гигантом, окруженным ореолом славы, а между тем передо мной стоял обыкновенный добродушный старик, скорее загнанный человек, чем идейный борец.

Хозяин, заметив мое смущение и поправив очки, начал задавать мне вопросы, на которые мне не раз приходилось отвечать.

– Вы, грузины, православные христиане? – спросил он меня неожиданно.

– Да, конечно! – ответил я.

– С каких пор?

– Когда с первого века Андрей Первозванный прибыл к понтийским берегам вместе со спутником своим Симоном Кананитом (который похоронен у нас, в Абхазии), тогда апостол многих из грузин обратил в христианство... и западная и восточная часть приняли христианство из рук святой равноапостольной Нины.

– Вы это знаете по устному преданию или же есть и письменные данные?

– Конечно, письменные!

– Значит, есть у вас письменность? – вмешался вдруг Шевченко. – И с какого века?

– Есть указания на период дохристианский, в устных преданиях, былинах, сказках, но несомненные доказательства имеются с пятого века. До наших дней сохранились манускрипты, гуджары и исторические записки.

– В двенадцатом веке при царице Тамар литература ваша была в полном расцвете? – спросил опять Костомаров.

– И раньше, но тогда появились знаменитые пророк, вроде Моисея Хонели²³, и мировые поэты: Руставели²⁴, Шавтели²⁵, Чахрухадзе²⁶ и другие.

– Но почему обо всем этом никто ничего не знает? – вмешался опять Шевченко.

– Благодаря постоянной войне с магометанством грузины вели замкнутую жизнь и идейная работа всегда шла келейно.

– Но теперь ведь полвека, как вы успокоились в руках России. И отчего же вы, сегодняшние грузины, продолжаете хранить молчание? Или прошлое уже не интересует вас?

– На это много причин, но... позвольте о них умолчать.

– А-а-а. Понимаю... Понимаю...

– Я все о том думаю, – заговорил Костомаров, – как это царство, окруженное со всех сторон магометанским миром, могло сохранить и государственность, и православие свое?

– Олицетворяя идею национальной самостоятельности в вере, грузины оборонялись в продолжении нескольких веков и мученическими подвигами донесли православие до девятнадцатого столетия и вручили его могущественной русской державе в чистом виде и вместе с царством.

– Как с царством? – спросил Шевченко.

– Царь грузинский от имени народа заключил контракт с русскими о сюзеренстве.

– Нет, нет! Меня интересует религиозная сторона. Вы сказали, что до девятнадцатого столетия религию вы донесли в чистом виде. Что это значит?

– Без всякой ереси и суеверия.

– Религия без суеверия? Вы не признавали нечистых сил и не боролись против них?

– Боролись, но не так, как в других христианских государствах, где свирепствовала инквизиция и где оговоренных в колдовстве жгли тысячами. Мы оборонялись только крестным знаменем.

– Может быть предание умалчивает об этом?

– По крайней мере не говорят об этом ни законодательство, ни история.

– Как?! У вас были и законы писанные? А не только адаты?

– Конечно, были: царя Григория Блистательного²⁷, Атабага Агбу-ги, царя Вахтанга²⁸ и других, и по ним решались дела.

Это сообщение очень удивило Шевченко, он подсел ближе, сделался словоохотливее и стал расспрашивать меня дальше.

– Как много общего у этого народа с нашим! – заметил он.

Шевченко вздохнул и стал говорить об Украине, унии и прочее. Говорил грустным тоном, но оживленно, и я не узнал в нем прежнего старика.

Беседа наша тянулась до трех часов ночи. Разошлись мы друзьями, дав друг другу обещание встречаться почаще. Но, увы, моему счастью не удалось сбыться: я заболел тифом и пролежал в постели три месяца. В это время он уже уехал на Украину²⁹, и после того мне не пришлось встречаться с ним.

Эта первая и последняя встреча осталась у меня светлым воспоминанием на всю мою жизнь. Признаюсь, я первый раз понял с его слов, как надо любить родину и свой народ»³⁰.

В начале 1860-х годов Акакий Церетели, по свидетельству товарища по университету Кирилла Лордкипанидзе, «с огромным увлечением читал русских поэтов и критиков, и вообще, хорошо знал поэтов, прозаиков, критиков девятнадцатого столетия. Меньший интерес он проявлял к философским сочинениям»³¹. В то же время, Церетели, как и другие представители грузинского студенчества столицы, получили возможность ознакомиться с библиотекой уникальных грузиноязычных изданий покойной царевны Саломэ, которую профессор Д.И. Чубинашвили передал в дар своим молодым землякам. Таким образом в университете образовалась грузинская студенческая библиотека³².

В это время в университете активно шло образование студенческих землячеств, в том числе и кавказских. Одно время даже предполагалось учреждение общекавказского землячества, но лидеры грузинского студенчества – И. Чавчавадзе, А. Церетели и некоторые другие, высказались решительно против: «Грузины студенты во главе с И. Чавчавадзе очень дорожили собранной к этому времени большой коллекцией старинных книг и рукописей, поэтому они утверждали, что гораздо целесообразнее будет учредить несколько кавказских землячеств – грузинское, армянское, лезгинское и др., но между ними должна существовать тесная связь»³³. Грузинское студенческое землячество не успело окончательно организовать как в университете развернулись студенческие волнения. В этой связи, в 1861–1863 годах Санкт-Петербургский университет прекратил свою учебную деятельность, большинство студентов-грузин уехало на родину.

2 января 1861 г. Илья Чавчавадзе написал стихотворение «Песня грузин студентов», ставшее гимном учащейся грузинской молодежи Санкт-Петербурга. Представленное в произведении грузинское студенчество выглядело у Чавчавадзе группой патриотической молодежи, беззаветно преданной своему народу:

«...Дети юные отчизны,
Мы мечтаем день и ночь,
Чтоб во имя светлой жизни
Нашей родине помочь...»³⁴.

Реальность слишком разительно отличалась от созданного Чавчавадзе образа грузинского студенчества и Церетели не смог не ответить пародией на это стихотворение:

«Неужто мать растит отчизне
И впрямь таких сынов, как вы?

Вы, лежебоки, тунеядцы
В глазах людей, в устах молвы!
Никчемны в горе и в веселье.
Хоть и привержены столу –
Желудком любите отчизну
Как жирный плов и арталу³⁵.
В словах одни, другие в деле.
Вы, лицемерия полны,
О равноправии кричите,
Но лишь господствовать хотите
Среди ровесников страны.
Идете храбро в наступление,
Когда каких-то ждете благ,
А нет – охваченные страхом,
Вспять обращаете свой шаг.
Вам в каждом деле нужен кто-то
Служить дорогой и мостом,
Вы ж, утвердившись на готовом,
Чужим возносите трудом.
И это вы – сыны отчизны?
Да кто поверит хоть на миг –
Вы, в чьей груди сердца не бьются,
Как только для себя самих!
С какую чуткостью сердечной
Вам внемлет родина! Но что ж –
Из ваших уст всечасно слышит
Лишь обаятельную ложь.
Неужто мать детей взрастила
Таких бездельников? Увы –
Таковыми были, остаетесь
В глазах людей, в устах молвы»³⁶.

Пародия привела к тяжелому разрыву молодого поэта с земляками. «Я порвал почти со всеми товарищами, кроме двух... Один из них Кирилл Лордкипанидзе, другой Нико Николадзе... Вот с этими двумя молодыми людьми отводил я душу в пору своего студенчества. Правда, я не очень-то много потерял от этого разрыва, напротив – даже выиграл, так как перестал тратить время на болтовню, а проводил его с пользой для себя...», – пишет Церетели в своих мемуарах³⁷. Акакий все больше сосредотачивается на своей литературной работе.

В начале 1861 г. Церетели написал сатирическую поэму «Русету-ме»³⁸, две главы из которой были опубликованы в журнале «Цискари». В поэме представлена «просвещенная» грузинская молодежь, нахватавшаяся малопонятых знаний о современной европейской куль-

туре, и по возвращении на родину комично пытающаяся их применить. «В качестве типичного представителя молодого поколения, – пишет об этом произведении Церетели, – я вывел самого себя, старшее поколение было представлено моей же семьей. Закончив, я, преисполненный восторга, прочел ее друзьям, но поэма никому не понравилась»³⁹.

Конфликт поколений, важнейшая тема русской литературы 1860-х годов, для грузинских интеллектуалов был особенно болезненным: здесь поколение «отцов» представляло в столкновении с современным, европеизированным сознанием «детей» все наследие средневековой грузинской культуры:

«Что, время новое, творишь ты?
Куда ведут твои пути?
– Благодарю, Господь, что не дал
Мне воду Терека испить!
Что вытворяют наши дети?
Им по душе – что мы хулим,
Над нашей косностью смеются
А что им ведомо самим?»⁴⁰

19 февраля 1861 г. был обнародован манифест императора Александра II об отмене крепостного права. Лидеры грузинского студенчества столицы восприняли это событие восторженно. Акакий Церетели откликнулся на манифест стихами «Рабочая песня» и «Исповедь крестьянина». По признанию молодого поэта «стихи вызвали большое раздражение князей и... (он. – *Авт.*) приобрел немало врагов. Один из них, князь Микеладзе, покушался даже убить»⁴¹ Церетели.

Примерно в это же время Акакий решил в текущем 1861 г. сдать все экзамены и получить кандидатскую⁴² степень. Экзамены начались в апреле 1861 г., а завершились, вопреки ожиданиям Церетели, уже в марте 1862 г. После сдачи последнего экзамена он получил возможность представить свое кандидатское сочинение. Выбранная Церетели тема касалась обстоятельств создания одного из важнейших произведений средневековой грузинской литературы и звучала так «Об оригинальности “Витязя в тигровой шкуре”». Факультет одобрил работу и признал автора достойным присуждения кандидатской степени при условии свидетельства об окончании курса гимназии, но поскольку у А. Церетели такого аттестата не было, он не получил университетского диплома.

В течение мая – августа 1861 г. Акакий находился на родине, где застал выборы предводителя кутаисского дворянства. Увиденное так

впечатлило Церетели, что он тут же откликнулся на это событие водевилем «Выборы в царстве животных». «Эта шутка вызвала такой гнев и возмущение, – вспоминает Церетели, – что я вынужден был уехать в Тбилиси, но попал в еще более трудное положение. Оказалось, что и там в то время шли выборы, и водевиль был принят ими на свой счет. Я не знал, что предпринять. Уехать еще куда-нибудь я не имел возможности, – в то время у нас ведь еще не было железных дорог, – и я отправился в местечко Старые Сенаки к Виссариону Кавтарадзе и скрывался там до тех пор, пока не улеглись кривотолки. Удивительное дело... Простой народ повсюду тайно сочувствовал мне, но явно боялся выступать в мою защиту. А я бесстрашно лалял на всех, кого следовало обляять, и перестал стесняться кого бы то ни было и чего бы то ни было»⁴³.

Период завершения университетского образования совпал у Церетели с возникновением и развитием крупнейшего диспута в среде грузинских литераторов середины XIX столетия. В апреле 1862 г. в журнале «Цискари» публикуется статья И. Чавчавадзе «Несколько слов по поводу “Безумной” Козлова в переводе князя Реваза Шалвовича Эристави», которая обозначила мировоззренческое размежевание поколения тергдалеулеби со своими литературными предшественниками. Постепенно в конфликт вовлекались лучшие представители поколения «отцов»: литераторы Барбара Джорджадзе, Георгий Бараташвили, Реваз Эристави и Сардион Алекси-Месхишвили. Им противостояли лидеры движения тергдалеулеби – Илья Чавчавадзе, Георгий и Акакий Церетели, Кирилэ Лордкипанидзе.

В майском номере 1862 г. журнала «Цискари» выходит статья А. Церетели «Вздорная страница» в поддержку И. Чавчавадзе. В ней автор в ироническом стиле критикует нравы и вкусы как представителей старшего поколения грузинской аристократии, так и своих сверстников – «Чреладзевых» (Петрушкиных):

«Где найти мне подлинного грузина, кому подражать? Староколенным грузинам на этой стороне Терека, которых уже нет, или новых Чреладзе? А кто эти Чреладзе? – спросите вы с недоумением. А разве не знаете?

Кто от грузинского отрекся,
А русский знает вкривь и вкось.
Кто не в ладу живет с усами,
А бакенбардами оброс...
Детей по-русски обучает,
Родных азов забыл и вид –

Высмеивает Руставели,
А Тредиаковскому кадит, –
Такие есть у нас Чреладзе,
Лихие Грузии сыны –
Банкроты-крезы из отряда
Ученых неучей страны»⁴⁴.

А. Церетели затронул в своей статье отсутствие ясной редакционной политики журнала «Цискари»: «Этому нашему юнцу “Цискари” пошел уже шестой год, но я до сих пор не знаю, откуда родом этот юнец – грузин он или русский»⁴⁵. Перед читателем ставился вопрос о целесообразности создания нового грузиноязычного издания. И в 1863 г., после возвращения И. Чавчавадзе на родину, создается первый периодический печатный орган тергдалеулеби – журнал «Сакартвелос моамбе» («Грузинский вестник») ⁴⁶.

Вторую половину 1862 г. Акакий снова провел на родине. Недолго прожив в родовом имении, он направился в Кутаиси. Церетели решил внести свою лепту в культурную жизнь города. Совместно с преподавателями кутаисской гимназии и представительницами имеретинской знати – Нино Абашидзе и Кекелой Агиашвили Церетели поставил спектакль «Затмение солнца» по сценарию грузинского драматурга З. Антонова. «Большинство зрителей остались довольны, и мы... сыграли эту пьесу еще несколько раз, и каждый раз с большим успехом», – вспоминал впоследствии А. Церетели ⁴⁷.

Вскоре Акакий переехал в Тбилиси, где в доме у редактора журнала «Цискари» И. Кереселидзе состоялась встреча молодого поэта с литераторами старшего поколения – Лаврентием Адазиани, Дмитрием Бериевым и князем Александром Орбелиани. Общение представителей разных поколений грузинских интеллектуалов завершилось вполне дружественно ⁴⁸.

Первые же номера журнала «Сакартвелос моамбе» оказались весьма затребованы в среде грузинской знати. «Чавчавадзевский журнал... производит фурор», – писал осенью 1862 г. вернувшийся на родину Нико Николадзе Кириллэ Лордкипанидзе ⁴⁹. Однако Акакий продолжал печататься в стремительно теряющем подписчиков «Цискари». Причина – затянувшаяся размолвка Церетели с Ильей Чавчавадзе, последствие его пародии на «Песнь грузинских студентов».

Весной 1863 г. Акакий публикует несколько собственных стихотворений и переводов классиков английской поэзии, но новый виток его популярности связан с поэтическим произведением «Песня». Правда, первоначально цензор отклонил стихотворение, но редактор журнала сумел так удачно внести некоторые правки, что оно все же

было опубликовано. Впоследствии, А. Церетели так вспоминал об этом: «В те времена цензоры не только вычеркивали авторский текст, но писали взамен свое и печатали в таком виде. Однажды я вошел к Кереселидзе. Увидев меня, он радостно воскликнул: «Пропустили твои стихи – отказывались наотрез, пока я не изменил заглавие, вместо «Песня» я написал «В день прибытия Его Высочества молодое поколение Грузии поет...»⁵⁰. Чего только не добьешься хитростью!»⁵¹.

Романтический идеализм и мелодичность этого произведения Церетели до сих пор делают его особо популярным в Грузии:

«Страна древнее древней, ныне
Ты ниц повержена, больная,
Былых времен померкла слава,
Как в жгучий зной краса земная,
Но время лучшее настанет,
Ты оживешь, страна родная!»⁵².

В шестом номере «Цискари» за 1863 г. Акакий Церетели публикует стихотворение «Воспоминание», посвященное памяти грузинского писателя Даниэля Георгиевича Чонкадзе, автора знаменитой повести «Сурамская крепость».

«Вижу я, юноша стройный,
С ним не дружила судьба,
Но не перед кем он, достойный,
Шеи своей не сгибал!
Для угнетенных был братом,
Слал на вельмож он грозу, –
Вот почему для богатых,
Был он бельмом на глазу...
Будь же как юноша тот ты,
Слушай, что молвит певец,
Тот кто на благо работал
Родине, – тот наш отец»⁵³.

В середине 1864 г. Акакий Церетели приезжает в Москву, где коренным образом меняется его личная жизнь. Он женился на Наталье Петровне Базилевской, племяннице известного золотопромышленника, действительного статского советника, мецената, Ивана Федоровича Базилевского. Неожданность этого брака была превратно истолкована многими знакомыми Акакия Церетели: «Мои враги и их подголоски распустили слух, будто Акакий взял за женой миллион при-

данного и растратил его! На самом же деле я приданного и в глаза не видел»⁵⁴.

После смерти своего отца Наталья Петровна ничего не получила из причитающегося ей наследства. Все имущество покойного перешло к И.Ф. Базилевскому. Попытка А.Р. Церетели путем судебного иска взыскать причитающуюся его супруге часть наследства ни к чему не привела: «Я начал процесс и совершенно разорился, дело не кончилось так быстро, как я рассчитывал»⁵⁵. Он вынужден был передать ведение процесса поверенному, а сам с супругой вернуться на родину, в Кутаиси.

Между тем, в Грузии разворачивалось важнейшее правительственное мероприятие – аграрная реформа: 8 ноября 1864 г. публикуется манифест об освобождении крепостных крестьян в Восточной Грузии; 8 ноября 1865 г. освобождаются крестьяне Имеретии; в 1867 г. крестьяне Мегрелии; в 1870 г. крестьяне Абхазии, и, наконец, зависимые сословия Сванетии эмансипируются в 1871 г.

«Я покинул Россию и вернулся с семьей в Грузию в очень беспокойное и неустойчивое время. Крепостное право вот-вот должно было пасть, вводились реформы, чему мы все так радовались, но крепостничество отнюдь не было окончательно искоренено. На словах все обходилось как нельзя лучше, но на вкус оно никуда не годилось. К примеру: какое же это было уничтожение крепостного права, когда чиновник держал в руках помещика и крепостного, прикованных друг к другу цепями, и душил, обирал их обоих? Какая польза могла быть от суда, в котором воспрещен родной язык, и люди, благодаря незнанию чужого языка, неизбежно попадают в лапы всяких обирал и проходимцев? Я все это видел и не мог сочувствовать такого рода реформам... Я не видел ни одной группировки, к которой можно было бы примкнуть и рука об руку с которой можно было бы бороться. Я отбил от всех и остался один с обманутыми надеждами, к тому же в каком-то странном положении. С одной стороны, на меня гневно обрушились сверху, с другой – мною были недовольны дворяне и князья, с третьей – мне не давали покою длинные языки студентов», – пишет Церетели в «Пережитом»⁵⁶.

В 1864 г. князь Кирилл Бежанович Лордкипанидзе подготовил и издал на грузинском языке сборник стихов грузинских поэтов «Чонгури». Сборник явился своего рода поэтическим манифестом тергдалеулеби – грузинской патриотической молодежи 1860-х годов. С критической статьей по поводу сборника выступил А. Церетели. В статье «Несколько слов по поводу “Чонгури”» Церетели дал исключительно высокую оценку поэтическим произведениям Николоза Бараташвили

и Ильи Чавчавадзе. «В стихах старых писателей мы ничего не видим, кроме описаний природы, ничего, кроме любви, вина, розы, соловья, осла. Одним словом, ничего кроме их собственных чувств, вследствие чего они также отображают жизнь народа, как вышеупомянутые птички. Вот в таком положении был народ. Так щебетали его писатели тогда, когда в нашей стране появился Бараташвили... В своей “Судьбе Грузии” он (Н. Бараташвили. – *Авт.*) называет причины падения грузинского общества, однако он не удовлетворяется анализом прошлого и настоящего Грузии, но хочет быть полезным народу и в будущем... Поколение поэтов, пришедших в литературу непосредственно после Н. Бараташвили, не удержалось на этом пути, потому что они были равнодушны к народным нуждам... и один лишь Илья Чавчавадзе пошел по следам Бараташвили. Чавчавадзе вторит Бараташвили, – и в этом великое его достоинство. В каждом его стихотворении отражены страдания и скорбь Грузии. В стихотворении И. Чавчавадзе «Голос из могилы» перед нами не фантазии, а повседневная наша действительность, наши недостатки и нужды, вот за это мы ценим поэта, вот в чем заключается его высокое достоинство»⁵⁷.

В 1864–1865 гг. Церетели пишет несколько заслуживающих внимания произведений: пьесы «Арсен-разбойник», «Грузин и армянин» и «Семейная революция»; стихотворения «Имеретинская колыбельная», «Крестьяне – взяточнику-судье», «Мольба», «Сила чонгури», «Охота» и другие. Основной социальный посыл этих произведений – призыв к радикальным переменам в положении зависимого крестьянства в грузинском обществе. Некоторые из них, к примеру «Арсен-разбойник», вследствие своей социальной остроты были отклонены цензурой.

Возрастающий читательский интерес делал Церетели все более и более влиятельной фигурой в грузинской литературе. По признанию редактора журнала «Цискари» И. Кереселидзе: «Стихи Акакия с самого же начала привлекали внимание общества... Мы всегда печатали в большом количестве экземпляров те номера “Цискари”, в которых помещены были его вещи, так как из Западной Грузии поступали требования на эти выпуски, а иной раз мы приобретали и новых подписчиков... Мы бесконечно радовались, когда получали произведения Акакия, потому что народ их очень охотно читал»⁵⁸. Однако материальное положение молодого поэта год от года ухудшалось. Устроиться на государственную службу, несмотря на неоднократные попытки, так и не удалось. Вскоре пришлось отправить супругу в родовое имение Церетели, а самому влачить полунищенское существование в Кутаиси. Ситуация несколько выправилась, когда поэта приютил хозяин

гостиницы «Колхида» Г. Челидзе, который отвел Акакию комнату с полным содержанием.

В начале 1866 г. в Тбилиси Виссарион и Нико Гогоберидзе, Вахтанг Тулашвили и Дмитрий Бакрадзе основали первую грузиноязычную еженедельную газету «Дроеба» («Времена»). Первым редактором газеты стал Георгий Церетели. Акакий Церетели принял живейшее участие в качестве корреспондента в развитии нового периодического издания. Одной из первых заметных публикаций Акакия стала статья «Обед у губернского предводителя дворянства». Церетели описывает торжественный обед данный предводителем кутаисского дворянства, Свиты Его Величества императора Александра II генерал-майором, князем Нестором Дмитриевичем Церетели представителям Имеретии и Менгрелии в честь окончательного вхождения Менгрелии в состав Российской империи.

Надо заметить, что решение российского правительства присоединить Менгрелию к Кутаисской губернии значительной частью грузинской знати было воспринято как воссоединение исторических грузинских земель. Акакий прямо пишет об этом: «Ошибки прошлого привели Грузию к ее падению, к расчленению на мелкие самостоятельные княжества, страна утратила свою мощь и обнищала в результате внутренних неурядиц и разорительных нашествий внешних врагов. Только благодаря покровительству России, благодаря воссоединению отдельных княжеств, наша родина излечилась от этого недуга. Одним из последних оставалась Мингрельское княжество, но вот и оно недавно присоединено к Кутаисской губернии. Это присоединение является праздником и для имеретин и для мингрельцев»⁵⁹.

Весной 1867 г. А. Церетели оказался в центре грандиозного скандала. Дело было в том, что близкий родственник Акакия, предводитель кутаисского дворянства, Свиты Его Величества императора Александра II генерал-майор, князь Нестор Дмитриевич Церетели, будучи в столице по поводу своей отставки с должности предводителя губернского дворянства, среди прочего передал императору свое крайне нелестное мнение о современной грузинской студенческой молодежи. Это вскоре стало известно в Грузии и вызвало небывалое негодование в среде тергдалеулеби. На волне этого общественного настроения Акакий пишет едко сатирическое произведение «Загадка», в котором мастерски высмеивает Н.Д. Церетели. Возмущение старой грузинской знати поступком поэта вылилось в конце концов на отца Акакия, Ростомо Церетели. Между ними состоялся тяжелый разговор: «Отец с большим огорчением сказал мне: “Сын, за что ты поссорил меня со всем миром. Ты дал оружие в руки врагам и оттолкнул от ме-

ня друзей. Недаром в таких случаях говорится: дурной сын – хула на родителей...” Когда я объяснил отцу, почему я так поступил, он не согласился со мною: “Носи шапку той страны, в которой живешь”, – сказал он. Мы никак не могли сговориться, и отец долго гневался. Помирились мы, только когда отец был глубоким стариком»⁶⁰.

Большинство знакомых отвернулось от Акакия Церетели, и более того, началась травля поэта: «Все от мала до велика напали на меня, натравили цензуру, засыпали начальство доносами, и я не знаю, как бы я вынес это испытание, если бы меня не поддержали сочувствием своим молодежь и несколько женщин»⁶¹.

В 1868 г. Акакий близко знакомится с Рафиэлом Давидовичем Эристави, мировым судьей города Кутаиси, поэтом, переводчиком, этнографом и фольклористом. Благодаря содействию Эристави Церетели приглашают на благотворительный литературный вечер, организованный Ольгой Викторовной Левашевой, супругой Кутаисского военного губернатора, генерала от артиллерии Владимира Васильевича Левашева.

А. Церетели пишет: «В эту пору губернатором в Кутаиси был граф Левашов. Его супруга графиня Левашова, при которой была открыта “Бесплатная женская школа”, всячески старалась набрать для этой школы средства, будь то пожертвование или прочие благотворительные мероприятия. С этой целью она однажды устроила литературный вечер, о которых ранее у нас никто не слыхивал. Билеты всучили обществу, и зал наполнился... Выступали преподаватели гимназии, и каждый из них читал что-нибудь по своей специальности: один из истории, другой из зоологии, третий из ботаники и т.д. Слушателей и зрителей одолела дрема. Под конец на сцену вышел я. Незадолго до этого вечера мною были написаны “Сцены в тюрьме”, и я начал читать их наизусть на разные голоса... мои сцены понравились проснувшейся публике, поднялся хохот и успех был такой, что потребовали повторения. Этот эпизод убедил графиню Левашову что в Кутаиси возможно хоть раз в неделю устраивать какое-либо развлечение и лучше всего бы спектакли. Она вызвала к себе Рафиэла Эристави... и поручила ему организацию этого дела. Рафиэл попросил меня помочь... и мы раз в неделю по воскресеньям, а также по праздникам устраивали спектакли»⁶². Развивая успех, Акакий уговаривает Эристави поставить спектакль в Тбилиси и в феврале 1868 г. с большим зрительским успехом проходили спектакли «Кваркваре-атабек» по сценарию Г. Церетели и «Между старым и новым»⁶³ А. Церетели.

На волне популярности Акакий пишет комедии, водевили, сценки, пытаясь создать оригинальный репертуар для грузинского театра.

«Театр вообще – это высокая кафедра, откуда нечто полезное и в то же время поучительное, облагороженное искусством и закалённое в горниле жизни, покоряет ум и сердце зрителя. Если же театр лишен этих достоинств, он превращается в пустую забаву, балаганное зрелище», – пишет А. Церетели⁶⁴.

Вместе с тем, он продолжает сотрудничать с «Цискари» и «Дроеба», куда посылает свои стихотворения и статьи. В 1869 г. в Тбилиси начал выходить новый грузиноязычный журнал «Мнатоби» («Светоч»), основанный Нико Авалишвили и Антоном Пурцеладзе. Акакий Церетели публикует в «Мнатоби» первые главы поэмы-сказки «Алексею», посвященной родившемуся у него в том же году сыну Алексею.

В начале 1870 г. Акакий сближается с редакцией газеты «Дроеба» и по предложению Нико Николадзе переезжает в Тбилиси, где поселяется непосредственно в квартире, снимаемой для редакции газеты. Работа на новом месте строилась на поставленных Церетели редакции газеты «Дроеба» следующих условиях: «Редакция не имеет права касаться написанного мною, ни подправлять, ни переделывать; а с чем редакция не будет согласна, относительно такой статьи она должна высказать свое мнение в той же газете»⁶⁵. Защитив, таким образом, свое авторское право, Акакий опубликовал в течение 1870–1873 г. в газете ряд статей под общим названием «Самые горячие новости». По жанру это главным образом были фельетоны, нередко удачно орнаментированные автором стихами собственного сочинения.

В 1871 г. Георгий Церетели и Нико Николадзе выпустили в качестве приложения к газете «Дроеба» ежемесячный грузиноязычный журнал «Кребули» («Сборник»). Акакий старался печататься и в этом издании. В одном из первых номеров «Кребули» вышло знаменитое стихотворение Акакия Церетели «Чонгури»⁶⁶, в полной мере раскрывающее авторское видение предназначения поэта в современном ему грузинском обществе:

«Я беру мою чонгури,
Чтобы правде послужила,
Чтоб она, встречая бури,
Мысль на бой вооружила...
Чтобы песня осушила
Слезы тысяч угнетенных,
Угнетателей сразила
Целой тучей стрел каленых»⁶⁷.

Осенью 1871 г. император Александр II в сопровождении сыновей – наследника, цесаревича Александра, будущего императора

Александра III, и великого князя Владимира Александровича посетил Грузию.

Грузинская знать подготовила императору торжественную встречу. Во время специально созванного по этому случаю дворянского собрания постановлено было преподнести Александру II приветственный адрес с просьбой об учреждении в Тбилиси высшего учебного заведения – университета. Однако в последний момент грузинская знать, под влиянием генерала от инфантерии, князя Григория Дмитриевича Орбелиани, отказалась от этого намерения. Встреча императора со своими грузинскими подданными состоялась, Александр II наградил Г.Д. Орбелиани за 50-летнюю безупречную службу высшей наградой Российской империи – орденом Андрея Первозванного и вскоре отбыл из Грузии.

Молодые грузинские интеллектуалы, обманутые в своих лучших надеждах на скорое учреждение университета, обрушили весь свой гнев на Григория Орбелиани. Крупнейшие представители тергдалеулеби написали уничижительные памфлеты в его адрес: Илья Чавчавадзе – «Загадку», а Акакий Церетели «Исповедь патриота». Григорий Орбелиани ответил на этот выпад своим стихотворением «Ответ детям». И. Чавчавадзе продолжил тему стихотворением «Ответ на ответ», Акакий Церетели псевдонекрологом «Ахмед-паша Кахабери», стихотворениями «Павлин» и «Генералу Усачу». В этот раз ссора между поколениями грузинских литераторов надолго оттолкнула их друг от друга.

В 1872 г. статс-секретарь Его Императорского Величества Александра II, сенатор, князь Георгий Константинович Багратион-Мухранский опубликовал брошюру «О существе национальной индивидуальности и об образовательном значении крупных народных единиц»⁶⁸. В ней автор выдвигал предположение о том, что малые народности будут неизбежно поглощены большими государствами.

Тергдалеулеби резко отреагировали на сочинение Г.К. Багратион-Мухранского: И. Чавчавадзе стихотворением «Совет», А. Церетели пьесой «Суд над языками», опубликовать которую удалось только в 1874 г. «У Мухранского готова была еще одна книжка, – пишет в связи с этим Церетели, – но он уже не стал ее печатать, а цензуре был дан приказ следить за тем, чтобы подобные отклики на уже вышедшую брошюру впредь в печати не появлялись...»⁶⁹.

В конце 1872 г. в журнале «Кребули» Акакий публикует одно из самых своих популярных произведений – лирическое стихотворение «Мухамбази»⁷⁰, почти сразу превратившееся в песню.

В мае 1873 г. в газете «Дроеба» была напечатана одноактная пьеса-памфлет А. Церетели «Выборы в мире животных». Этот памфлет получил широкое распространение в рукописном виде задолго до публикации, еще в 1861 году. Но поскольку и в начале 1870-х годов ситуация вокруг избрания предводителей дворянства в Грузии существенно не изменилась, то снова возник скандал. По признанию редактора газеты «Дроеба» Сергея Месхи, сменившего на этом посту Григория Церетели: «Надо... видеть, какую бучу поднял его последний фельетон “Выборы в царстве животных”, который написан о выборах кутаисского предводителя дворянства в 1861 году... Говорят, губернатор (Орловский) несколько дней носил в комнате этот номер и, показывая его то одному князю, то другому, дразнил их – этот, осел, очевидно, ты, а вот ты – буйвол, а он – бычок, и т.д. Мы никак не могли тут никого убедить в том, что этот фельетон написан о выборах в Кутаиси в 1861 году. Нет, говорят, вы хитрите, все, кто в пьесе выведены, все это здешние дворяне, участники нынешних выборов. И в самом деле, там так охарактеризованы действующие лица, вернее животные, что ничем не отличаются от здешних; как говорится, на одно лицо»⁷¹.

Новый скандал резко ухудшил и без того шаткое финансовое положение Акакия. По свидетельству С. Месхи, Церетели «сейчас в тяжелом положении... Живут с женой как собака с кошкой. Он хотел бы избавиться, отправить ее в Россию, да нет денег... Поэтому на всех злится... Я очень надеюсь, если как-нибудь удастся мне достать немного денег... то он снова придет в хорошее настроение...»⁷².

Вскоре С. Месхи на посту редактора газеты сменил Кириллэ Лордкипанидзе, отношения Церетели с редакцией постепенно ухудшались. Причина заключалась в нарушении редакцией условий соглашения о невмешательстве в авторский текст. Публикации Церетели в «Дроеба» и «Кребули» сокращались год от года и последняя статья Акакия – «Прощальный привет» вышла в декабрьском номере «Дроеба» 1879 г.

Отклоненные редакцией «Дроеба» статьи Акакий публиковал отдельными брошюрами. Так, в 1874 г. он издал брошюру «Новогоднее поздравление», в резко сатирической форме описав современное грузинское аристократическое общество.

В 1875 г. Акакий послал в редакцию газету «Дроеба» две главы своего нового романа «Имеретинцы», но дописывать его Церетели по какой-то причине не стал. Роман, судя по опубликованным частям, был посвящен хорошо знакомой Церетели теме – конфликту тергдалеулеби со старшим поколением. В том же 1875 г. Акакий Церетели создал свою первую историческую поэму – «Баграт Великий». Сюжет

ее таков: пленник Тамерлана, грузинский царь Баграт, хитростью вкрадывается в доверие грозного повелителя, завлекает его войска в Грузию, с помощью своего сына Георгия уничтожает врага и освобождает свою страну.

Весь 1877 г. Церетели с семьей провел в Санкт-Петербурге, публикации поэта в грузиноязычных изданиях на это время практически прекратились. По возвращении на родину Акакий опубликовал большую критическую статью «Несколько замечаний», посвященную состоянию грузинской литературы 1870-х годов. «Наша литература переживает упадок, – пишет Церетели. – Книг все больше, но увы, литература по-прежнему остается бесплодной! Что снижает качество нашей литературы, что вредит ей? Современные грузинские писатели не знают своей родины! Кто хочет узнать Грузию должен изучить каждый ее уголок. Изучая одну Картланию, или Кахетию, или Имеретию, Мегрелию или Гурию, или какую-либо другую область нашей страны, далеко не уедешь. Наша молодежь, наши современные писатели не знают своей страны не только в целом, но и в частностях... Оторвавшись от нее с юных лет, они охлаждаются сердцем ко всему родному; они уезжают на чужбину и там перерождаются»⁷³.

19 февраля 1878 г., с подписанием Сан-Стефанского мирного договора, завершилась русско-турецкая война 1877–1878 гг. Одним из условий договора была уступка Османской империей России городов Ардагана, Карса и Батума с прилегающими областями. В ноябре 1877 г. по случаю присоединения Батумской области в Тбилиси приехала делегация грузин-мусульман. По предложению известного общественного деятеля Дмитрия Кипиани грузинская знать решила использовать этот случай, чтобы установить с соотечественниками непосредственный контакт.

Грузин-мусульман пригласили на банкет, устроенный в большом клубном зале в доме И. Багратион-Мухранского. Грузин-христиан представляли Д. Кипиани, Г. Орбелиани, К. Мамацшвили, А. Церетели, Г. Церетели, И. Кереселидзе, П. Умикашвили, Н. Авалишвили, С. Месхи, А. Зубалишвили и др., грузин-мусульман – Шериф-бег Химшиашвили, Гуссейн-бег Бежанидзе, Нури-бег Химшиашвили, Гуссейн-бег Абашидзе и др. Как передает «Дроеба» Григорий Орбелиани произнес «прекрасную, прочувственную речь», после него выступили еще несколько человек. Наконец, слово дали Акакию Церетели: «Грузины получили в наследство от своих предков родной язык. Это наследие сохранили в неприкосновенности и грузины-христиане, и грузины-магометане. В настоящее время мы видим, что и вы, и мы сберегли заветы наших предков, из чего следует, что братский союз

между нами не прерывался. Если до сегодняшнего дня мы хранили завет наших предков врозь, отныне будем выполнять его еще неуклоннее, протянем друг другу руки, пойдем по единому пути к единой цели. Постараемся отплатить любовью тем, кто обещает помочь нам в этом деле, постараемся, подобно нашим предкам, идти в ногу с развитием страны, быть готовыми совместно противодействовать нашей общей беде. Познаем себя и будем действовать сообща, чтобы стать еще сильнее!». По словам корреспондента «Дроеба», речь Акакия Церетели произвела огромное впечатление на присутствующих и вызвала среди них настоящий восторг.

Осенью 1879 г. в Тбилиси была основана постоянная драматическая труппа. Тергдалеулеби приняли живейшее участие в развитии театрального искусства в Грузии. И. Чавчавадзе и А. Церетели призвали возглавить правление нового театра. По договоренности они разделили обязанности между собой следующим образом: Чавчавадзе взял на себя материальное обеспечение труппы, а Церетели согласился стать директором театра и художественным руководителем. Первым делом стал поиск подходящего для театра помещения и вскоре эта задача была решена – театр разместился в здании, принадлежавшем редактору армяноязычной газеты «Мшак» («Труженник»).

Акакий Ростомович собрал актеров, назначил им жалование и стал готовиться к сезону. Премьерой стало новое драматическое произведение Церетели – историческая драма «Кудур-ханум», посвященное борьбе Гурийского княжества против османского вторжения в XVI в. Спектакль имел оглушительный успех и труппа стала давать представление не только в Тбилиси, но и в Кутаиси, и в Гори. Однако уже в декабре 1880 г. Церетели поссорился с несколькими ведущими актерами и был вынужден отказаться от руководства театром. В январе 1881 г. кризисная ситуация с грузинским театром была во многом разрешена созданием «Грузинского драматического общества», взявшего на себя все хлопоты по развитию театрального искусства в Грузии. Председателем правления был избран И.Г. Чавчавадзе, товарищем председателя – А.Р. Церетели, казначеем – Г. Туманишвили, секретарем – артист К. Кипиани.

В 1880 г. Акакий нередко принимал участие в литературных вечерах и выступал в спектаклях в качестве актера. В это же время Акакий Ростомович в газетах «Дроеба» и «Иверия», основанной И.Г. Чавчавадзе в 1877 г., опубликовал несколько замечательных стихотворений: «Больной», «Рабочим», «Хочу сказать, но что сказать», «Новый путь», «Затягивают глаза, вырывают язык» и, в особенности, «Летучая мышь».

14 ноября 1880 г. в газете «Дроеба» было опубликовано открытое письмо Р. Эристави, И. Гогешвили и И. Меунаргия о необходимости учреждения комиссии по установлению текста поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Грузинские интеллектуалы активно откликнулись на этот призыв и 5 февраля 1881 г. комиссия приступила к работе. Непосредственно над текстом поэмы более других работали А. Церетели и И. Чавчавадзе.

В связи с возросшим интересом грузинского общества к работе комиссии, Церетели многократно читал лекции о героях «Витязя в тигровой шкуре». О реакции публики на эти лекции можно судит по сообщению корреспондента газеты «Дроеба» из Кутаиси: «Театральный зал был переполнен, и стены, казалось, трескались от грома аплодисментов восторженной публики... В первой половине своего доклада талантливый поэт-литератор много раз заставил нас смеяться сквозь слезы, тем смехом, который правомерно можно считать за лучший образец сатиры; она скорее достигает воспитательной силы, чем обширный трактат какого-либо лжефилософа. Поистине, вовремя были прочитаны эти доклады. Поистине, вовремя раздался... призыв к братству и единству всех верных сынов отчизны; призыв – забыть личные обиды во имя общественного блага»⁷⁴.

Итогом многолетних усилий комиссии стала публикация в 1888 г. меценатом Г. Картвелишвили, под редакцией В. Мачабели, с иллюстрациями художника М. Зичи роскошного издания поэмы Шота Руставели.

1 марта 1881 г. в Санкт-Петербурге в результате террористического нападения был убит император Александр II. Как только об этом стало известно в Тбилиси, Церетели откликнулся на это трагическое событие радостным стихотворением «Весна».

«Сегодня ласточка взлетела,
И щебетом возвестила: весна, весна!
В сердце у меня загорелась надежда».

3 марта 1881 г. стихотворение было опубликовано в газете «Дроеба» и вскоре приобрело огромную популярность. Цензурный комитет не сумевший вовремя предотвратить публикацию стихотворения возбудил против А.Р. Церетели дело. Спасло поэта вмешательство влиятельных знакомых, о чем он сообщает в своих позднейших воспоминаниях: «Когда стихотворение “Весна” было напечатано в газете, меня обвинили в том, что [я] провозвестник радости, и сослали бы в Сибирь, на заступись за меня Старосельский, тогдашний начальник канцелярии наместника»⁷⁵.

В сентябре 1881 г. в Тбилиси для участия в V археологическом съезде прибыли профессор Санкт-Петербургского университета Д. Чубинашвили, А. Цагарели и И. Окрочедлишвили. В их честь тергдалеулеби устроили банкет в Верейском саду. С приветственной речью выступили И. Чавчавадзе и А. Церетели. В своем выступлении Церетели сказал: «Словно сиротливые угольки в золе, ныне скрываются то тут, то там преданные сыновья нашей отчизны. Время пыгается загасить их холодной золой. Но когда-нибудь в будущем наша жизнь благодаря им снова запылает. Они, как узел, в котором сплетены наше прошлое и наше будущее»⁷⁶. В свою очередь столичные гости провозгласили тост за двух поэтов – И. Чавчавадзе и А. Церетели, «которые в течении двадцати лет трудятся во имя возрождения родной литературы и которые зародили в нас столько прекрасных чувств и глубоких мыслей»⁷⁷.

21 сентября 1881 г. «Грузинское драматическое общество» подготовило для участников прощальный художественный вечер. С приветственной речью выступил А. Церетели, в которой предлагал ученым обратить большее внимание на доселе малоизученную древнюю историю народов Кавказа: «О прошлом Грузии будущее нам скажет больше, чем настоящее. Нет сомнения в том, что в жизни многострадного Кавказа, или, вернее сказать, его древнейшего и культурнейшего народа – грузин, было немало замечательных эпох, изучение которых имеет большое значение не только для истории Кавказа и Грузии, но и для истории всего Востока»⁷⁸.

Конец 1881 г. ознаменовался для А.Р. Церетели радостным событием. С большим зрительским успехом прошла премьера поставленной Церетели комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Весной 1882 г. «Грузинское драматическое общество» представило публике новую постановку – историческую драму Д. Эристави «Родина». Театральные критики благосклонно восприняли премьеру⁷⁹. Спектакль собрал не только аншлаг, но и имел оглушительный успех, актеров провожали бурными овациями. Но в конце 1882 г., в № 44 «Московского телеграфа» вышла анонимная рецензия на постановку «Родины» в Тбилиси. В рецензии прозрачно указывалось на якобы несомненный рост сепаратистских настроений в Грузии, достаточным свидетельством чего является как собственно содержание пьесы, так и ее популярность у грузинской публики. Кроме того, в ней сообщалось, что грузины серьезно поистратились на постановку «Родины» и что с их стороны было бы весьма практично для возмещения расходов продать грузинские знамена цирку Годфруа. Реакция тергдалеулеби последовала незамедлительно: И.Г. Чавчавадзе в своем журнале «Иверия» дал резкий отпор анонимному рецензенту, А.Р. Церетели опубликовал в

газете «Дроеба» статью, эмоциональная насыщенность которой не могла никого оставить равнодушным. Он пишет: «Мы не думаем, чтобы какому-нибудь честному и порядочному русскому человеку могла понравиться корреспонденция, автор которой без всякой причины поносит грузин и, не довольствуясь живыми, переворачивает дедовские могилы. У грузинского знамени немало заслуг перед христианством. Оно осеняло воинство, проливавшее кровь за свою веру! ... Нас не удивляет, что подобные господа ничего не знают об этом – ведь это все дела минувших веков! Но почему забыли они, что это же самое знамя Россия не раз удостоила высшей награды, что оно и сегодня служит России? Уж точно, те, кто советует послать его в цирк Годфруа, сами – подозрительные люди! Почему же подобные анонимы так смело клеветают на нас? Да потому, что знают – мы не можем ответить им так, как они того заслуживают. Иначе мы показали бы им, что они собой представляют и, раз им не нравятся здешние места, послали бы их в более подходящие!»⁸⁰.

Вместе с тем, Церетели в течение 1882 г. успевал писать замечательные стихи и совершать многократные поездки в Гори, Кутаиси и другие города Грузии с литературными вечерами. Внимание к словам поэта в разных сословиях грузинского общества становилось все более заметным.

Летом 1882 г. Акакий Ростомович впервые посетил Кахетию, где в монастыре Шуамта побывал у могилы великого грузинского поэта Александра Гарсевановича Чавчавадзе. Впечатление от этой скорбной встречи вылилось в знаменитое стихотворение «Могила кн. Александра Чавчавадзе»:

«Живший как воин,
Здесь ты покоен...
Я скорблю перед этой святыней.
Славил в стихе ты
Прошлые лета,
И забытое вспомнил я ныне.
Слезы глотая,
Я немею, как эта могила.
Словом ли сдвину
Глыбу-кручину,
Что меня, как тебя придавила?
Скрытое тьмою,
Гибнет живое
В эти годы, проклятые годы,
С детства мы хилы,
Отняты силы...
С кем достигнуть мы сможем свободы?»⁸¹.

17 августа кахетинская знать в честь Церетели устроила великолепный обед. Много именитых грузин обращались к поэту с торжественными тостами, на которые в конце концов Акакий Ростомович ответил столь яркой речью, которая благодаря корреспонденции присутствовавшего на обеде сотрудника «Дроеба», мигом разошлась по всей Грузии: «Нет такого клочка в нашей отчизне, который не был бы устлан костями наших предков и орошен их кровью. Каждый раз, когда мы глотаем кусочек хлеба, мы вкушаем частицу плоти наших дедов; к каждой капле вина, выпитого нами, примешана кровь самоотверженных богатырей нашего народа. Этот кусочек хлеба и капля вина – как святое причастие, которое мы должны принимать с трепетом и благоговением. Пусть оно напоминает нам о подвигах наших предков; мы должны идти по тому же пути, по которому шли они, только соответственно нашему времени. Родине нужны воины, нужны преданные герои, полные тех же чувств и мыслей, какими были проникнуты наши предки... Вы говорите мне – дай бог, чтобы таких, как ты, было побольше и в нашем будущем... Да не сбудется ваше желание. Ведь это же проклятие! То, чем мы довольствуемся сегодня, завтра будет совершенно не достаточно... Мы видим сегодня с радостью, что стремления еще не заглохли в нас; народ наш проснулся и понял, кто его враги. Первый шаг сделан. То, что мы получили ценой тяжких мучений и жертв, то, что добывали кровью, потом и горькими слезами, мы легко и радостно передадим следующему поколению, а потом и потребуем от него еще большего мужества и преданности отчизне...»⁸².

Осенью 1882 г. в журнале «Иверия» И.Г. Чавчавадзе в статье, посвященной А.Р. Церетели с удовольствием отмечал: «К нашей радости, и у нас в стране создается традиция – относиться с уважением к человеку, который трудится на пользу народа, и публично выражать благодарность за услуги, оказанные народу, за труды, понесенные во имя родины, за всякую помощь словом и делом, оказанную отечеству и соотечественникам. Примером того являются поездки Акакия Церетели несколько раньше в Гори, а на днях в Кахетию. И тут, и там грузины встретили своего поэта с заслуженным почетом и самым искренним образом выразили свою признательность и уважение тому, кто полными чувства и прелести словами услаждал в течение последних двадцати пяти лет слух грузина, будил его мысль и вызывал в его сердце любовь к грузинам и к Грузии... Во имя возрождения этой любви Акакий Церетели не раз заставлял рыдать свою сладострастную лиру и прибегал к обаянию своего таланта, к своему сочному остроумию, к своей прекрасной грузинской речи»⁸³.

В самом конце декабря 1882 г. А.Р. Церетели подал прошение в кавказскую администрацию с просьбой разрешить ему издание ежедневной грузиноязычной газеты «Гза» («Путь»), однако канцелярия наместника Кавказского и цензурный комитет отклонили эту просьбу⁸⁴.

В течении 1883 г. А.Р. Церетели объезжает города Грузии с лекциями о героях «Витязя в тигровой шкуре». Поездки по стране натолкнули поэта на мысль о необходимости систематического сбора и изучения грузинского фольклора. В мае 1883 г. в газете «Дроеба» Церетели публикует следующее объявление: «Горячо просим всех, и в особенности сельских учителей, собирать народные стихи, песни, сказки, загадки и устные предания и присылать их на мое имя в редакцию “Дроеба” или “Шрома”. Этим они окажут большую услугу нашему родному языку и обяжут лично меня. Об одном только прошу: записывая, ничего не исправлять и не добавлять от себя, – пусть запишут так, как услышат, без изменения, и пусть укажут также, в каком уголке нашей страны они слышали записанные стихи...»⁸⁵.

Весной 1883 г. Церетели написал новую историческую поэму – «Торнике Эристави». Сюжет поэмы автор заимствовал из средневековых грузинских летописей и хроник, а максимально проявленный здесь поэтический талант сделал это произведение невероятно популярным.

В апреле 1884 г. в недавно открывшемся грузиноязычном детском журнале «Нобати» («Подарок») А.Р. Церетели опубликовал ряд замечательных произведений – стихов, загадок и рассказов. Выдающийся грузинский педагог Я.С. Гогешвили исключительно высоко оценил этот литературный дебют: «Маленькое стихотворение Акакия “Малыш и бабочка” отмечено всеми достоинствами, какие только требуются от лучших детских стихотворений... Оно как бы предназначено для детского журнала. Оно удивительно легко усваивается детьми как по форме, так и по содержанию... Эти стихи – жемчужина, лучший образец произведения для детей. Что касается загадок, то исключительная острота ума, прекрасное знание народного языка дают возможность Акакию Церетели возможность обогатить нашу литературу прекрасными составленными загадками»⁸⁶. Продолжая свой вклад в развитие детской литературы А.Р. Церетели сделал прекрасный перевод на грузинский язык нескольких басен И.А. Крылова.

В течении конца 1884 – весны 1885 гг. А.Р. Церетели работал над новой исторической поэмой «Коварная Тамар». Тема ее была взята из придворной жизни Имеретии XVII в. Наконец, в марте 1885 г. поэма вышла отдельной книгой и довольно быстро весь тираж был раскуплен. «Грузинское драматическое общество» тут же взялось за поста-

новку спектакля по мотивам новой поэмы. Премьера спектакля состоялась далеко не так скоро – в январе 1887 г. Спектакль прошел с большим успехом. Газета «Иверия» писала о нем так: «Театр был переполнен. Публике очень понравилось новое произведение Акакия Церетели. Автора вызывали без конца и проводили долгими аплодисментами»⁸⁷.

В марте 1885 г. по настоянию общественности Тбилиси А.Р. Церетели вновь выступил с циклом своих лекций о героях «Витязя в тигровой шкуре» но уже на русском языке.

Осенью 1888 г. А.Р. Церетели передал грузинской драматической труппе пьесу из современной жизни – «Новый герой». Новая пьеса Церетели ярко обрисовала идеалы и практики грузинской молодежи конца 1880-х годов: карьера и личное благополучие. «Спектакль привлек очень много публики, – пишет театральный критик “Иверии”, – явившейся засвидетельствовать свое глубокое уважение... г-ну Акакию... По окончании пьесы автора вызывали несколько раз и проводили долгими аплодисментами»⁸⁸.

Весной 1889 г. Церетели представил публике несколько выдающихся своих произведений: рассказ из жизни имеретинского крестьянства «Рассказ Киколь», пятиактную комедию «Мошенники» о тбилисских чиновниках и около шестидесяти новых переводов басен И.А. Крылова.

В это же время общее собрание Кутаисского земельного банка единодушно предложило Церетели должность директора банка, но поэт от этого предложения тактично уклонился. Однако общее собрание банка, ввиду его отказа, присудило поэту пожизненную пенсию в размере директорского жалования, т.е. 1500 рублей в год.

В ноябре 1890 г. состоялась премьера долгожданной исторической драмы А.Р. Церетели «Патара Кахи» («Маленький кахетинец»), составленной из запрещенных цензурой пьес Церетели «Царевич Ираклий» и «Гела». Спектакль имел огромный успех.

В первой половине 1891 г. Акакий Ростомович посвятил много времени переводу для нового детского грузиноязычного журнала «Джеджили» («Нива») басен знаменитого грузинского баснописца XVII в. Саба-Сулхана Орбелиани. Летом 1891 г. Церетели поехал в Санкт-Петербург, где тяжело заболел и вернулся в Грузию лишь в начале 1892 г.

Весной 1893 г. из Гянджи в Тбилиси был перевезен прах великого грузинского поэта Н. Бараташвили. Похоронная процессия привлекла огромное количество людей, как собственно горожан, так и многочисленных делегаций из всех, даже самых отдаленных, частей Грузии.

«Николоз Бараташвили возвратился в сиянии величия на родину. Народ преклонил колени перед провозвестником своих грядущих судеб. Путь его был устлан венками из колосьев, дубровых листьев и лавра. Все пели “Святой боже” и с величайшим почетом проводили останки Николоза до храма Дидубе, где его ожидала родная земля, чтобы принять в свое лоно некогда потерянного ею лучшего из сыновей, пролить над ним жгучую материнскую слезу, согреть сиротливо стывшие на чужбине кости поэта», – так описывала траурную церемонию газета «Квали»⁸⁹.

Тегрдалеулеби (А. Церетели, Г. Церетели, И. Чавчавадзе и др.) выступили с траурными речами. Церетели в своем прощальном слове сказал: «Бараташвили возвестил зарю нашей новой жизни и, словно солнце, скрылся вдали, на чужбине, чтобы сегодня просиять здесь, в еще большем величии. Сердце каждого грузина – его усыпальница. Поэт был первым духовным сеятелем не для одного только уголка страны – для всей Грузии. Пусть брошенное семя приносит плод в будущем, как приносило доньше, а память о Николозе Бараташвили не изгладится во веки...»⁹⁰.

В середине 1893 г. поэт снова тяжело заболел, неустроенность личной жизни усилило его печальное настроение. В этот сложный период он написал замечательное стихотворение «Больной поэт», в котором с удивительной искренностью приоткрыл перед читателем свой внутренний мир в минуту вдохновения.

В начале 1894 г. А.Р. Церетели продолжил сотрудничать с журналом «Квали», где опубликовал несколько лирических стихотворений, а также несколько первых глав своей автобиографии «Пережитое». В июле 1894 г. Акакия Ростомовича пригласили в Гори отдохнуть и посетить банкет в честь именитого юбиляра – предводителя горийского дворянства Иванэ Давидовича Сулханишвили. Корреспондент «Квали», присутствовавший на банкете, писал: «Когда произнесен был тост за Акакия, все единогласно потребовали от него речи, и поэт... прочел стихотворение “Седина”. Далее он продолжил свою речь в прозе: “Только хвастун и бездельник способен утверждать, что он один есть подлинное воплощение героизма, и с ним все придет к концу; подлинный герой верит, что будущее породит лучших, чем он, и мечтает об этом. Горе народу, который думает, что сегодняшние его учителя и герои – последние и преемников у них не будет. Такой народ не способен к свободному и быстрому развитию... Мы, как и всякая другая нация, разумеется, должны быть уверены, что будущее подарит нам еще более лучших вождей и героев. Откуда же явятся эти герои? Из того гнезда, что зовется сердцем народа. Они созреют, точ-

но прекрасный плод дерева, именуемого “древом познания”. Возможно, что многие здесь удивятся и скажут, что общего между целой нацией и каким-то деревом? Неужели между ними может существовать какое-то сходство? Но они заблуждаются... Взглянем же господина на это дерево. Оно состоит из различных частей. Вот корни, вот ствол, вот цветы, вот завязь плода. Корни сидят глубоко в земле... Их не видно... Но они – главная сила дерева, основа его жизни: они питают дерево, благодаря им оно стоит незыблемо... Обрубить корни – значит убить дерево. Таков закон жизни каждого дерева, закон, известный любому садовнику, заботливо берегущему корни своих деревьев. Таков же и закон жизни народов. Всякий народ разделяется на сословия; часть народа стоит внизу, другая часть – посередине, третья составляет верхушку. Мы всегда больше склонны глядеть на верхушку, а корни, т. е. тех, кого мы называем земледельцами, мы часто вовсе не замечаем... Да здравствуют наши собратья-бедняки, стоящие на нижней ступени общества...»⁹¹.

Осенью 1894 г. Церетели снова тяжело заболел, на этот раз тифом. К счастью, поэт выздоровел. Во многих уголках Грузии в православных храмах отслужили молебны за здоровье Акакия Церетели. Поэт, переживший тяжелейший недуг, написал рассказ «Смерть», в котором речь идет о посмертном путешествии его души по Грузии, разговорах, которые ей пришлось услышать об усопшем искренних и мнимых друзей и, наконец, прибытии души на небо и встрече с героями прошлого – Давидом Строителем, царицей Тамар, Георгием Саакадзе и другими.

Летом 1895 г. Акакий написал свое, пожалуй, самое известное лирическое стихотворение «Сулико». Близкая родственница поэта Варвара Церетели положила стихи на музыку и вскоре песня «Сулико» приобрела всенародную популярность.

В течение 1894–1896 гг. А. Р. Церетели с большим увлечением работал главным образом над поэмой по античной теме «Медей» и повестью «Баши-Ачуки» о борьбе Кахетинского царства против Сефевидского Ирана в начале XVII в. В январе 1896 г. он опубликовал «Медью» в журнале «Кребули», а повесть «Баши-Ачуки» выходила частями в каждом номере журнала «Кребули» в течение всего 1896 г.

22 октября 1895 г. в Тбилиси, по инициативе А.Р. Церетели, прошло празднование пятидесятилетия литературной и общественной деятельности поэта и драматурга Р. Эристави. Чествование поэта стало большим праздником грузинской культуры. Утром 22 октября 1895 г. в Кашветской церкви при огромном стечении народа был отлужен молебен. «Юбилер прибыл в церковь в ландо, запряженном

белыми конями. В экипаже против Эристави сидели Акакий Церетели и Илья Чавчавадзе»⁹². Далее празднование продолжилось в грузинском театре, где представители всех областей Грузии поздравляли юбиляра и преподносили ему различные подарки. Затем, вечером, состоялся спектакль по комедии Эристави и, в заключение, торжественный ужин на триста гостей. Юбилей Эристави нашел самое полное отражение в грузиноязычной прессе.

В конце декабря 1895 г. Церетели уехал на Украину, в Харьков, где провел несколько месяцев с женой и сыном. В январе 1897 г. поэт снова тяжело заболел. По выздоровлении Церетели стал хлопотать по поводу разрешения для издания своего журнала «Кребули» («Сборник»), где намеревался публиковать как свои произведения, так и образцы грузинского фольклора. Цензура дала на это разрешение и в сентября 1897 г. вышел первый номер. Тираж в 1200 экземпляров расходился превосходно, Церетели переиздал здесь множество своих ранних произведений. Но после размещения нескольких публицистических статей, в начале 1900 г. цензурный комитет закрыл журнал.

В сентябре 1897 г. поэт вернулся в Грузию. В течение 1897–1898 гг. Акакий Ростомович много путешествовал по стране, посещал древние грузинские храмы, многократно встречался с молодыми грузинскими интеллектуалами, для которых он был живая легенда, «грузинский Пушкин». Весна 1898 г. – трудное время для поэта, более месяца он проболел, но по выздоровлении снова вернулся к работе по составлению очередного номера своего журнала «Кребули». В это же время он написал стихотворение «Соломон Первый, царь Имеретинский» и поэму «Наставник».

Вторая половина 1898 г. и весь 1899 г. ушли у Церетели на редакцию очередных номеров его журналов. Новых заметных произведений в этот период он не написал, за исключением стихотворения «Отшельник».

12 января 1900 г. А.Р. Церетели понес тяжелую утрату. Скончался его родственник и близкий друг, яркий представитель тергдалулеби Г. Церетели. В статье, посвященной покойному другу, Акакий Ростомович писал: «Как понимает грузинский народ слово “князь” – “тавади”? В старину “тавадами” называли вождей народа. Эристави и тавади были те люди, которые могли главенствовать, управлять важнейшими событиями своего времени... Как же обстоит дело сегодня? Старое время ушло, и вместе с ним ушло старинное родовое дворянство. Наступили иные времена, они предъявляют нам иные требования и, “тавади” – князя нам нужны тоже иные. Народ это понимает и пусть не взыщут потомки родовитого дворянства, – которые сегодня

не только не могут быть руководителями и вождями, но даже не справляются с имуществом, доставшимся им в наследство от дедов, – если народ не поминает их с таким же уважением, с каким поминал их предков, и выбирает себе совсем других вождей. В самом деле, можно ли приказать стране, чтобы она почитала нынешних вырожденцев старинных семей, вечно распеваящих “Мравалжамьер”, без толку размахивая кинжалами, только за то, что они происходят от славных предков? К этому можно склонить толпу, но не народ... Я называю народом тот глубинный пласт, который не потерял своих устоев и не вылинялся, как слой, оказавшийся на поверхности. Инстинкт народа безошибочен, тогда как этот поверхностный слой – поистине толпа, болтающая о том, что недоступно ее пониманию... Наш народ и ныне почитает и признает “тавадом” лишь того, кто способен руководить делами текущего дня и искренне служит родному краю. Стране все равно, из какого сословия, из какого круга вышли эти деятели. Они расценивают человека по его человеческим достоинствам, а не по ссылкам на исторические свидетельства. Похороны Георгия Церетели нам это ясно показали. Несмотря на то, что немногие круги старались сравнить Георгия Церетели с землей и при жизни подвергали его всяческому гонению, простой народ, корни нации, воздав хвалу покойному, сам вынес ему свой справедливый приговор, и мы восклицаем “ваша”⁹³ этому приговору”⁹⁴.

В начале 1900-х годов, после закрытия своего журнала, А.Р. Церетели продолжает изредка печататься, главным образом в газете «Иверия».

В 1903 г. грузинское драматическое общество пригласило Церетели режиссером труппы. Акакий Ростомович, несмотря на преклонный возраст, это предложение принял, но по различным причинам проработал лишь один сезон. За этот короткий период театр представил публике обновленные пьесы Д. Эристави «Родина» и А. Церетели «Патара Кахи» и «Коварная Тамар». В это же время он написал новую пьесу «Рассвет» и серию статей под общим названием «Театральные заметки».

2 октября 1904 г., ночью А.Р. Церетели почувствовал резкое недомогание – произошел инсульт. Лишь на четвертый день появилась надежда на выздоровление. Грузинская общественность организовала комитет помощи больному поэту. Вскоре были собраны необходимые средства для его эффективного лечения и уже в конце декабря 1904 г. поэт почувствовал себя значительно лучше.

В начале лета 1905 г. Акакий Ростомович уехал для восстановления сил в Западную Европу, во Францию и Швейцарию, но уже в начале сентября он вернулся на родину. Период Первой русской рево-

люции 1905 г. и беспорядков в Грузии становится чрезвычайно плодотворным для поэта. А.Р. Церетели пишет несколько блестящих стихотворений – «Дорогие мои», «Желание», «Долой», «Гурийская колыбельная», «Кинжал», «Голос старика» и др., а также талантливый перевод на грузинский язык текста «Интернационала» – международного пролетарского гимна. Однако довольно быстро ожидания неминуемого конца самодержавного порядка, принятия Конституции, расширения гражданских прав и т.п., сотрясавшие империю, в Закавказье сменились жуткой, неприглядной картиной разрастающейся межнациональной и межрелигиозной розни, массовых убийств и банального бандитизма. Обескураженный поэт в стихотворении «Совет» обращается к лидерам армянских и азербайджанских национальных движений с призывом прекратить кровопролитие.

В начале февраля 1907 г. А.Р. Церетели начал издавать юмористический журнал «Хумара» («Шутник»). Однако первый же номер журнала стал и последним. Причина – запрет цензурного комитета, вызванный оскорбительной карикатурой на тбилисского губернатора Рауш фон Траубенберга. Более того, 17 февраля 1907 г. поэт был арестован, но вскоре выпущен на свободу.

30 августа 1907 г. вблизи селения Цацамури произошла страшная трагедия – убийство И.Г. Чавчавадзе. Погребение Чавчавадзе превратилось в грандиозную всенародную демонстрацию: тысячи людей шли по улицам Тбилиси. Но вот они остановились у гостиницы «Кавказ», где жил А.Р. Церетели. Горе сломило поэта. Тяжело больной, он потребовал, чтобы ему дали взглянуть на покойного. «Двое присутствовавших подхватили больного и вывели его на балкон; голова Акакия была не покрыта, волосы развевались... Огромная процессия замерла, вся превратилась в слух, Акакий, ударяя себя обеими руками по голове, обратился к усопшему с горестной укоризной: “Что довелось увидеть моим глазам? Ты изменил мне, брат? Мы тянули с тобой одну лямку, одну несли ношу, а теперь ты ушел, оставил меня в одиночестве. Стыдись! Куда я гожусь один? Почему ты не взял меня с собой? Предшественник нового движения, движения правды, а не кривды – сегодня, убитый кривдой, лежит в гробу перед нами и словно спрашивает: Что я вам сделал? За что обрekli меня на смерть? Так он нас спрашивает, и нам, грузинам, нечего ответить, нечем оправдаться... И мне, как грузину, печаль и стыд сковывают язык; я ничего не могу сказать и перехожу к своему личному горю. Прощай, брат! Обстоятельства связали нас с тобой, переплели наши судьбы. В течение полувека мы тянули одно ярмо, шли одной дорогой. Трудно мне доживать свой век сиротой, но не стоит говорить о самом себе – да

еще у нас, да еще сегодня. Ты же исполнил свой земной долг и успокоился навеки. Отныне ты принадлежишь истории, дела твои и заслуги говорят сами за себя. Молва и пересуды бессильны перед твоей славой. Если Грузии не суждено погибнуть, то и ты будешь бессмертен вместе с нею, а если ее ждет гибель, как хочется и кажется некоторым, то блажен ты, что умер раньше нее, что не будешь свидетелем гибели отчизны. Твоя смерть, как и жизнь твоя, возбудила народное движение, и вот грузины, съехавшиеся со всех концов страны, окружают тебя... Кто знает, быть может, хоть смертью своей ты утвердишь то, чему отдал свою жизнь: единение, равенство, братство и любовь. Прощай, брат! Вечная тебе память!»⁹⁵.

В январе 1908 г. А. Р. Церетели для встречи с семьей уезжает в Санкт-Петербург. Столичный климат тяжело дается поэту, он часто болеет, но тем не менее высылает несколько новых стихотворений во вновь учрежденный грузиноязычный журнал «Никадури» («Наша-тырь»). Наконец, в мае 1908 г. он возвращается в Тбилиси.

25 мая 1908 г. Акакий Ростомович в Народном доме им. Зубалишвили с огромным успехом прочитал публичную лекцию «Современные мысли, высказанные Шота Руставели в XII веке». Интерес публики и грузиноязычной прессы к фигуре поэта в это время колоссален. Но уже в июне 1908 г. поэт уехал в родовое имение в Схвители. Здесь он провел лето, здесь он написал одно из своих самых пронзительных стихотворений:

«То, чего я ждал – не сбылось,
Горе душу надломило,
Помыслы мои, желанья –
Скоро все возьмет могила.
Юность! Дни надежд крылатых!
Как исчезли вы бесследно!
Не вернут вас чувство старца
И печальный разум бедный»⁹⁶.

Осенью Церетели вернулся в Тбилиси.

В декабре 1908 г., при организационном участии руководства «Общества по распространению грамотности среди грузин» в городах Грузии, а также в Баку, прошли огромные торжественные мероприятия по поводу пятидесятилетия литературной и общественной деятельности Акакия Ростомовича Церетели.

Летом 1909 г. престарелый поэт уехал во Францию, в Париж, где в это время жил и работал сын Акакия – Алексей Акакиевич, ставший знаменитым русским антрепренером. Здесь он написал прекрасную

поэму «Воронцов и его время». М.С. Воронцов показан в поэме не только как выдающийся государственный деятель, но и как удивительно тонкий человек, сумевший увидеть красоту грузинской культуры и помочь грузинам сохранить свой язык и свою веру. Блестяще написаны автором портреты деятелей 1840-х годов: Николоза Бараташвили, Александра и Вахтанга Орбелиани, Дмитрия Кипиани. Однако цензурный комитет запретил публикацию этого произведения. Кроме того, здесь же, в Париже, Церетели написал несколько лирических стихотворений, наиболее заметное из которых – «Моему идеалу».

2 декабря 1909 г. грузинское студенчество Парижа в кафе «Вольтер» устроило поэту торжественный банкет. Во время банкета было произнесено много слов искренней любви и восхищения в адрес великого грузинского поэта. В свою очередь Акакий Ростомович в ответной речи поблагодарил присутствовавших и передал свой завет молодому поколению грузинских интеллектуалов: «Ранняя пора грузинского студенчества, его первые шаги связаны с Петербургом. В этой группе был и я... Я был тогда молод, полон сил, опьянен надеждами. С тех пор прошло столетия, но – чудо: как тогда, в дни юности, так и сегодня, несмотря на старость, сердце мое также горячо бьется глядя на вас... Первые шаги всегда бывают нетвердыми. Нам не удалось достичь того, к чему мы стремились, что намеревались выполнить. То те, то другие обстоятельства вставали преградой на нашем пути. С тех пор прошло много времени: просвещение, наука ушли вперед, и вы – в лучших условиях, чем были когда-то мы; вы воспитываетесь здесь, в стране свободы, где, – не говоря о других сторонах жизни, – вы можете без помех развивать свой ум и развивать свои чувства. Вот почему родина спросит с вас больше, чем с нас, и то, чего мы не смогли добиться, должно быть довершено вами... Пусть никто не говорит мне, что человечество выше нации и что он хочет служить непосредственно человечеству. Человечество разнообразно и пестро, оно складывается из различных народов, и каждый из этих народов должен внести нечто от своей сущности, нечто отмеченное его неповторимым колоритом, чтобы море человечества стало полным и всеобъемлющим. Человек, сроднившийся со своим народом, будет плодотворнее работать на родине, чем за ее пределами... И в самом деле, тот кто не любит собственную мать, может ли полюбить чужую? Кто не служит своей родине, разве будет он хорошо служить какой-либо другой стране? Так может думать лишь человек с разбитым сердцем, а вам отчаяние не пристало. Вы принадлежите к народу, который завещал устами Руставели: “Твердым быть в беде и в горе”, вы воспитываетесь в великой стране, где гениальный Ришелье сказал: “В словаре молодого челове-

ка не должно быть слов “не могу” и “не возможно”. Вы должны преодолеть любую трудность, выдержать любое испытание, чтобы обязательно достичь цели и вернуться подготовленными на родину. Ваше сегодняшнее собрание показывает, что вы держитесь того же мнения. Больше мне нечего сказать – пожелаю вам обогатить здесь, в этой свободной стране, ум ваш и чувство»⁹⁷.

В январе 1910 г. А.Р. Церетели вернулся через Германию на родину⁹⁸.

Вернувшись в Тбилиси, поэт объявил о намерении издать полное собрание своих сочинений. Но, в силу нехватки средств, в свет вышли лишь первые два тома.

2 июня 1910 г. в Тбилиси Акакий Ростомович провел большой литературный вечер. Сначала он прочитал публичную лекцию на тему «Археологические памятники Грузии», а затем поэму «Воронцов и его время». Мероприятие вполне удалось, публика без конца аплодировала семидесятилетнему поэту⁹⁹.

Окончание летнего сезона он провел в Свихори, где успевает написать весьма познавательные «Воспоминания о театре», а конец лета провел в санатории в Боржоме вместе с вернувшимися из России женой и сыном.

В течение 1911–1912 гг. А.Р. Церетели публикует в газете «Теми» серию сатирических статей под общим названием «Накипевшее», а так же лирические стихотворения. Поэт много путешествовал по Грузии, и везде его речам, стихам, брошенным вскользь шутивными репликам или произнесенным сквозь слезы воспоминаниям о выдающихся представителях тергдалеулеби, люди внимали с огромным вниманием.

В июне 1912 г. А.Р. Церетели пришлось присутствовать еще на одном погребении – хоронили выдающегося грузинского педагога Я. Гогешвили. Церетели нашел в себе силы сказать несколько прощальных слов в адрес близкого друга: «Ты покинул нас: утрата такого общественного деятеля как ты – незаживающая рана в сердце каждого сознательного грузина. Но разлука наша будет недолгой, дни мои сочтены...»¹⁰⁰. Поэт предчувствовал приближение конца и постарался объездить те уголки Грузии, в которых никогда раньше не был. В это же время он написал короткую сказочную поэму «Горгаслан», в которой рассказывается о том, как простой крестьянин учил царя Вахтанга Горгасала трудиться.

В конце июля – начале августа 1912 г. Акакий Ростомович стал героем первого грузинского полнометражного документального фильма «Путешествие Акакия Церетели в Рача-Лечхуми» режиссера В.Я. Амашукели. Фильм показывает всенародную любовь к поэту во время его поездки по горным районам Имеретии¹⁰¹. Премьера фильма состоя-

лась 20 сентября 1912 г. в кинотеатре «Радий», в Кутаиси. На премьере присутствовал сам Акакий Ростомович Церетели. В течение двух недель картина проходила в Кутаиси при полном зале. Затем она была с успехом показана в Тбилиси, Москве, Стамбуле и Харбине.

В ноябре 1912 г. А.Р. Церетели снова уезжает в Санкт-Петербург для того, чтобы повидаться с семьей. В январе 1913 г. по приглашению грузин Москвы Церетели приехал во вторую столицу России, где ему был устроен грандиозный прием. В конце января 1913 г. Акакий Ростомович возвратился на родину. Уже в феврале 1913 г. он продолжил сотрудничество с газетой «Теми», где опубликовал свои новые стихотворения. Особое внимание среди них привлекают его «Мысли перед смертью», единственное поэтическое произведение Церетели, записанное в авторском исполнении на граммофонную пластинку.

В начале весны 1913 г. газета «Теми» опубликовала прощальное слово поэта молодому поколению, записанное ранее на граммофонную пластинку: «Привет вам, идущие на смену. Я, уходящий, прощаюсь с вами и сожалею о том, что не могу оставить вам на память ничего, кроме горячей просьбы: любите вашу родину, ваш народ, ибо лишь через них можно любить человечество; любите, потому, что в любви заключено счастье человека, но лишь в такой любви, которая основывается на справедливости и чистых помыслах, без которых любая деятельность, любой труд не имеют цены»¹⁰².

Лето 1913 г. Акакий Ростомович провел в родовом имении, изредка покидая его чтобы принять участие в том или ином общественном мероприятии.

24 июля 1914 г. началась катастрофическая Первая мировая война. Великий поэт откликнулся на это событие поэмой «Война», переполненной тяжелыми предчувствиями и надеждой на устройство нового, более справедливого мира после ее завершения. Поэт торопится, спешит завершить поэму, вот уже написаны первые части, но, переутомление нанесло Акакию Ростомовичу роковой удар – 21 декабря 1914 г. последовал новый инсульт. Удивительно, но поэт выжил и в этот раз, его самочувствие даже начало поправляться. Но 26 января 1915 г., после третьего инсульта, Акакий умирает на руках сына.

Огромные массы людей стали стекаться в Свихори дабы проводить поэта в его последний путь¹⁰³. В Тбилиси, в похоронной процессии приняло участие более ста тысяч человек. Перед гробом несли единственный, скромный венок, на котором гласила надпись: «Грузия – Акакию».

-
- ¹ См., например: *Полиевктов М.* Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретии. Тбилиси, 1926. С. 192–193; *Какабадзе С.* Материалы о состоянии Имеретинского царства в XVII в. // Исторический вестник. Тбилиси, 1925. С. 208. (На груз. яз.).
  - ² *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1893 г. СПб., 1869. Ч. 3. С. 185, 189, 191.
  - ³ Схвители – селение близ Сачхере.
  - ⁴ Сахлгухуцеси – министр двора.
  - ⁵ *Церетели А.* Деревня Схвители // Сборник Акакия. 1897. № 1. С. 33–34. (На груз. яз.).
  - ⁶ См.: *Джавахишвили И.* Политическое и социальное движение в Грузии в XIX веке. СПб., 1906. С. 23.
  - ⁷ *Церетели А.* Пережитое. М., 1940. С. 17.
  - ⁸ Там же. С. 18.
  - ⁹ Воспоминания старшей сестры Акакия Анны // Иверия. 1904 г. № 181. (На груз. яз.).
  - ¹⁰ Кавказ. 1846. № 20.
  - ¹¹ *Церетели А.* Пережитое. С. 21.
  - ¹² *Хундадзе А. А.* Церетели в Кутаисской гимназии // Народное образование. 1947. № 47. (На груз. яз.).
  - ¹³ Статистическое описание губерний и областей Российской империи. Ч. 5. СПб., 1858. Т. XVI. С. 162–163.
  - ¹⁴ *Николадзе Н.* Избранные сочинения. Тбилиси, 1931. Т. 1. С. 31.
  - ¹⁵ *Церетели А.* Пережитое. С. 24.
  - ¹⁶ Гишер – лигнит или галат.
  - ¹⁷ *Церетели А.* Пережитое. С. 27.
  - ¹⁸ Игра слов: буквально «цис кари» значит – «ворота на небо».
  - ¹⁹ Кутаисский исторический музей. Ф.К. Лордкипанидзе. Д. № 1. Письмо А. Церетели.
  - ²⁰ *Церетели А.* Пережитое. С. 54.
  - ²¹ Цит. по: *Асатиани Л.* Жизнь Акакия Церетели. Тбилиси, 1971. С. 117.
  - ²² *Церетели А.* Мои произведения. 1912. Кн. 1. Тифлис. С. 64–65.
  - ²³ Хонели Мосе – грузинский писатель XII столетия, которому приписывается авторство героического романа «Амиран Дареджаниани».
  - ²⁴ Руставели Шота – грузинский поэт XII столетия, автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре».
  - ²⁵ Шавтели Иоане – грузинский поэт конца XII – начала XIII столетия, автор церковно-панегирических произведений и одической поэмы «Абдул-Мессия».
  - ²⁶ Чахрухадзе – грузинский поэт XII столетия, автор од и панегирических стихотворений в честь царицы Тамары «Тамариани».
  - ²⁷ Георгий V Блистательный (?–ум. 1346 г.) – грузинский царь с 1314 г. Во время его правления были составлены юридические кодексы «Законы горцев» и «Распорядок царского двора».

- ²⁸ Вахтанг VI (1675–1737) – наместник и царь Картли в 1703–1724 гг., грузинский политический деятель, ученый и писатель. Под его руководством в 1705–1708 гг. составлен кодекс законов, изданный в Петербурге в 1828 г. на русском языке, в 1846-м – на грузинском.
- ²⁹ Здесь А. Церетели допустил неточность. В действительности их встреча состоялась в 1860 г., после возвращения Шевченко с Украины.
- ³⁰ *Церетели А.* Мои воспоминания о Шевченко // Закавказье. 1911. № 45. 26 февр.
- ³¹ *Горгадзе С.* Акакий в университете // Сакартвело. 1916. № 19.
- ³² *Цагарели А.* Сведения о памятниках грузинской письменности. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1894. Т. 1, вып. 3. С. 186–187.
- ³³ *Николадзе Н.* Избранные сочинения. Т. 1. С. 95.
- ³⁴ *Чавчавадзе И.* Стихотворения и поэмы / Составитель Б.Д. Жгенти. Л., 1976. С. 101–102.
- ³⁵ Артала – грузинское национальное блюдо.
- ³⁶ *Церетели А.* Песнь грузинских студентов // *Церетели А.Р.* Избранные произведения. Кутаиси, 1957. С. 31.
- ³⁷ *Церетели А.* Пережитое. С. 59.
- ³⁸ Русетуме – буквально: побывавший в России.
- ³⁹ *Церетели А.* Мои произведения. Кн. 1. С. 96.
- ⁴⁰ Цит. по: *Сургуладзе А.Н.* Грузинская общественная мысль во второй половине XIX века. Тбилиси, 1973. С. 201.
- ⁴¹ *Церетели А.* Мои произведения. Кн. 1. С. 127.
- ⁴² Кандидат университета (кратко, кандидат) – ученая степень. Была введена в дореволюционной России в 1803 г., отменена в 1884 г., давала право на чин 10-го класса (до 1822 г. – 12-го класса). Являлась первой (с 1819 по 1835 г. – второй) академической степенью в стране в то время. Следующими, более высокими по рангу, были степени магистра и доктора. В 1803–1884 гг. степень кандидата присваивалась лицам, закончившим с отличием курс университета или приравненного к нему другого высшего учебного заведения (лицей, академия) и представившим письменную работу на избранную ими тему. Лица, окончившие университет без отличия, либо не получали степени, либо (с 1819 по 1835 г.) получали учрежденную тогда низшую академическую степень действительного студента; они могли претендовать на степень кандидата не ранее чем через год при условии сдачи ряда экзаменов.
- ⁴³ *Церетели А.* Мои произведения. Кн. 1. С. 129.
- ⁴⁴ Цит. по: *Табидзе Г.* Акакий Церетели. Тбилиси, 1940. С. 154.
- ⁴⁵ Цит. по: *Мешвеладзе Р.А.* Грузинская сатирическая журналистика. Тбилиси, 1977. С. 311.
- ⁴⁶ Подробнее см.: *Ганич А., Рахаев Дж.* Первый печатный орган тергдалеулеби: «Вестник Грузии» И.Г. Чавчавадзе // История народов России в исследованиях и документах. М., 2016. Вып. 7. С. 90–94
- ⁴⁷ *Церетели А.* Воспоминания о театре // Театри да цховреба = (Театр и жизнь). 1910. № 35. (На груз. яз.).
- ⁴⁸ *Церетели А.* Две встречи // Квали. 1898. № 2.

- ⁴⁹ *Церетели Г.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 403.
- ⁵⁰ В журнале «Цискари» стихотворение «Песня» было озаглавлено «В день прибытия Великого князя Михаила Николаевича новое поколение Грузии поет».
- ⁵¹ *Церетели А.* Воспоминания о 1880-х годах // Сакартвело. 1908 год. № 3.
- ⁵² *Церетели А.* В день прибытия Его Высочества молодое поколение Грузии поет... // *Церетели А.Р.* Избранные произведения. Кутаиси, 1957. С. 67.
- ⁵³ *Церетели А.* Полн. собр. соч. Тбилиси, 1950. Т. 1. С. 425.
- ⁵⁴ *Церетели А.* Пережитое. С. 57.
- ⁵⁵ Там же. С. 58.
- ⁵⁶ Там же. С. 59.
- ⁵⁷ Цит. по: *Боцвадзе И.Л.* Грузинская журналистика. Тбилиси, 1967.
- ⁵⁸ Цит. по: *Чичинадзе З.* Акакий. Тифлис, 1897.
- ⁵⁹ *Церетели А.* Обед у губернского предводителя дворянства // Дроеба. 1867. № 43.
- ⁶⁰ *Церетели А.* Мои произведения. Т. 1. Тифлис, 1912. С. 163.
- ⁶¹ Там же. С. 167.
- ⁶² *Церетели А.* Воспоминания о театре // Театри да цховреба = (Театр и жизнь). 1910. № 35. (На груз. яз.).
- ⁶³ Анонс спектакля «между старым и новым» // Дроеба. 1868 г. 9 февраля.
- ⁶⁴ Государственный музей театра, музыки, кино и хореографии Грузии. Ф. 1. Церетели А.Р. Д. 46. Л. 53 об.
- ⁶⁵ *Церетели А.* Краткие заметки // Кребули. 1897 г. № 4.
- ⁶⁶ Чонгури – грузинский 4-струнный щипковый музыкальный инструмент.
- ⁶⁷ *Церетели А.Р.* Чонгури // *Церетели А.Р.* Избранные произведения. Кутаиси, 1957. С. 219.
- ⁶⁸ *Багратион-Мухранский Г.К.* О существе национальной индивидуальности и об образовательном значении крупных народных единиц. Тифлис, 1872.
- ⁶⁹ *Церетели А.* Мои сочинения. Тифлис, 1912. Т. 2. С. 80.
- ⁷⁰ *Гришаивили И.* О Мухамбази Акакия // Литератури Сакартвело = (Литературная Грузия). 1942. № 32.
- ⁷¹ *Месхи С.* Письма / Под ред. И. Боцвадзе. Тбилиси, 1950. С. 18–19.
- ⁷² Там же. С. 188.
- ⁷³ *Церетели А.* Несколько замечаний // Дроеба. 1877. № 107, 109.
- ⁷⁴ Дроеба. 1881 г. № 89.
- ⁷⁵ *Церетели А.* Воспоминания о 1880-х годах // Сакартвело. 1908. № 3.
- ⁷⁶ Дроеба. 1881. № 55.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же. № 59.
- ⁷⁹ См., напр.: «Шрома». («Труд»). 1882. № 12.
- ⁸⁰ *Церетели А.* Ответ анониму // Дроеба. 1883. 4 марта.
- ⁸¹ *Церетели А.* Могила кн. Александра Чавчавадзе // *Церетели А.Р.* Избранные произведения. Кутаиси, 1957. С. 390.
- ⁸² Акакий Церетели в Кахетии // Дроеба. 1882. № 183. 2 сент.
- ⁸³ *Чавчавадзе И.Г.* Внутреннее обозрение // Иверия. 1882. № 68.

- ⁸⁴ Центральный Государственный Архив Грузии. Ф. Цензурный комитет. Д. 448, 464.
- ⁸⁵ *Церетели А.* Объявление // Дроеба. 1883. 22 мая.
- ⁸⁶ *Гогебаишвили Я.* О новых работах Акакия Церетели // Дроеба. 1884. № 41.
- ⁸⁷ Иверия. 1887. № 23.
- ⁸⁸ Иверия. 1888. № 250.
- ⁸⁹ Квали. 1893. 26 апр.
- ⁹⁰ Цит. по: *Игнороква П.И.* Основоположники новой грузинской литературы. Тбилиси, 1975. С. 379.
- ⁹¹ Квали. 1894. № 5.
- ⁹² Народный праздник по случаю юбилея Раф. Эристави: Сборник статей. Тифлис, 1899. С. 29.
- ⁹³ Ваша – браво.
- ⁹⁴ *Церетели А.* Памяти Григория Церетели // Кребули. 1900. № 2.
- ⁹⁵ Похороны Ильи Чавчавадзе // «Клде» = («Скала»). 1915. № 8.
- ⁹⁶ *Церетели А.* То, чего я ждал – не сбылось // *Церетели А.П.* Избранные произведения. Кутаиси, 1957. С. 413.
- ⁹⁷ Цит. по: *Оболадзе У.П.* А. Церетели и молодежь. Тбилиси, 1965. С. 213.
- ⁹⁸ Дроеба. 1910. № 13. 19 янв.
- ⁹⁹ Театри да цховреба = (Театр и жизнь). 1910. № 22.
- ¹⁰⁰ Теми. 1912. № 72.
- ¹⁰¹ Путешествие Акакия Церетели в Рача-Лечхуми (1912). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QgD4TZ9PPmQ>
- ¹⁰² Теми. 1913. № 113. 4 марта.
- ¹⁰³ *Гарсеванов А.А.* Поэт Грузии кн. Акакий Церетели. Кутаис, 1915. С. 7; *Маргвелашвили Г.* Акакий Церетели. Краткий очерк жизни и творчества. Тбилиси, 1960. С. 170–175.

Литература

- Акакий Церетели в Кахетии [Текст] // Дроеба. 1882. № 183. 2 сент.
- Анонс спектакля «между старым и новым» [Текст] // Дроеба. 1868. 9 февр.
- Асатиани, Л.* Жизнь Акакия Церетели [Текст]. Тбилиси: Мерани. 1971. 447 с.
- Багратион-Мухранский, Г.К.* О существе национальной индивидуальности и об образовательном значении крупных народных единиц [Текст]. Тифлис, 1872. 49 с.
- Боцвадзе, И.Л.* Грузинская журналистика [Текст]. Тбилиси: Изд. ГГУ, 1967. 223 с.
- Бутков, П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1893 г. [Текст]. СПб.: Тип. имп. акад. наук, 1869. Ч. 3. 620 с.
- Воспоминания старшей сестры Акакия Анны [Текст] // Иверия. 1904 г. № 181. (На груз. яз.).

Ганич, А. А. Ганич, Дж. Рахаев Первый печатный орган тергдалеулеби: «Вестник Грузии» И.Г. Чавчавадзе [Текст] // История народов России в исследованиях и документах. М., 2016. Вып. 7. С. 90–94.

Гарсеванов, А.А. Поэт Грузии кн. Акакий Церетели. Ко дню его кончины. [Текст]. Кутаис: Т-во Ф.А. Мтавриева в Кутаиси, 1915. 29 с.

Гогebaишвили, Я. О новых работах Акакия Церетели [Текст] // Дроба. 1884. № 41.

Горгадзе, С. Акакий в университете [Текст] // Сакартвело. 1916. № 19.

Гришашвили, И. О Мухамбази Акакия [Текст] // Литератури Сакартвело = (Литературная Грузия). 1942. № 32.

Джавахишвили, И. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX веке. [Текст]. СПб.: Сакартвело, 1906. 45 с.

Игноркva, П.И. Основоположники новой грузинской литературы: Николоз Баратошвили, Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели [Текст]. Тбилиси: Мериани, 1983. 421 с.

Какабадзе, С. Материалы о состоянии Имеретинского царства в XVII в. [Текст] // Исторический вестник. Тбилиси, 1925. С. 105–127. (На груз. яз.).

Маргвелаишвили, Г. Акакий Церетели. Краткий очерк жизни и творчества, 1840–1960 [Текст]. Тбилиси: Заря Востока, 1960. 189 с.

Месхи, С. Письма [Текст] / Под ред. И. Боцвадзе. Тбилиси, 1950.

Мешвеладзе, Р.А. Грузинская сатирическая журналистика [Текст]. Тбилиси, 1977.

Народный праздник по случаю юбилея Раф. Эристави. [Текст]. Сб. ст. Тифлис, 1899.

Николадзе, Н. Избранные сочинения [Текст]. Т. 1. Тбилиси, 1931.

Оболадзе, У.П. А. Церетели и молодежь [Текст]. Тбилиси, 1965.

Пошевктов, М. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретии. Тбилиси, 1926.

Похороны Ильи Чавчавадзе [Текст] // «Клде» = («Скала»). 1915. № 8.

Статистическое описание губерний и областей Российской империи. СПб., 1858. Т. XVI, № 5.

Сургуладзе, А.Н. Грузинская общественная мысль во второй половине XIX века [Текст]. Тбилиси, 1973.

Табидзе, Г. Акакий Церетели. Тбилиси, 1940.

Хундадзе, А. А. Церетели в Кутаисской гимназии [Текст] // Народное образование. 1947. № 47 (на грузин. яз.).

Чавчавадзе, И.Г. Внутреннее обозрение [Текст] // Иверия. 1882. № 68.

Чавчавадзе, И. Стихотворения и поэмы [Текст]. Л., 1976.

Чиквиладзе, Д.Ш. Журнал «Кребили» (1871–1873) [Текст]. Тбилиси, 1974.

Чичинадзе, З. Акакий [Текст]. Тифлис, 1897.

Цагарели, А. Сведения о памятниках грузинской письменности [Текст]. СПб.: Изд. Импер. Акад. наук, 1894. Т. 1, вып. 3. 320 с.

Церетели, А. Обед у губернского предводителя дворянства [Текст] // Дроба. 1867. № 43.

Церетели, А. Деревня Схвители [Текст] // Сборник Акакия. 1897. № 1. С. 33–34. (На груз. яз.).

- Церетели, А.* Пережитое [Текст]. М., 1940.
- Церетели, А.* Мои воспоминания о Шевченко [Текст] // Закавказье. 1911. № 45. 26 февр.
- Церетели, А.* Воспоминания о театре [Текст] // Театри да цховреба = (Театр и жизнь). 1910. № 35. (На груз. яз.).
- Церетели, А.* Две встречи [Текст] // Квали. 1898. № 2.
- Церетели, А.* Мои произведения [Текст]. Тифлис, 1912. Кн. 1.
- Церетели, А.Р.* Избранные произведения [Текст]. Кутаиси, 1957.
- Церетели, А.* Краткие заметки [Текст] // Кребули. 1897 г. № 4.
- Церетели, А.* Памяти Григория Церетели [Текст] // Кребули. 1900. № 2.
- Церетели, А.* Ответ анониму [Текст] // Дроеба. 1883 г. 4 марта.
- Церетели, А.* Полн. собр. соч. [Текст]: В 15 т. Тбилиси: «Мерани».

Периферийный сепаратизм и революция 1917 г.: причина или следствие? (случай Кавказа)

В статье предпринимается анализ событий на Северном Кавказе в период Февральской и Октябрьской революции 1917 г. и реакции на них различных категорий населения региона. Внутренняя ситуация рассматривается сквозь призму сепаратистской угрозы, поначалу исходившей от разрушителей империи – большевиков, а после октябрьских событий – от радикально настроенных мусульманских духовных деятелей и лидеров Союза объединенных горцев, учредивших Горскую республику.

Ключевые слова: революция; сепаратизм; Северный Кавказ; большевики; мусульмане; Союз объединенных горцев.

L.S. Gatagova

PERIPHERAL SEPARATISM AND REVOLUTION, 1917: A CAUSE OR CONSEQUENCE? (CASE OF CAUCASUS)

The article deals with an analysis of the events in the Northern Caucasus during the February and October revolution of 1917 and the reaction to these from the different categories of the region population. The internal situation is viewed through the prism of the separatist threat initially posed by the destroyers of the Empire, the Bolsheviks, and after October events – coming from radical Muslim clerics and leaders of the Convention of Caucasian highlanders, who did established The Mountainous Republic of the Northern Caucasus.

Key words: Revolution; Separatism; the North Caucasus; Bolsheviks; Muslims; Convention of Caucasian highlanders.

В советской историографии было принято говорить о «национально-освободительных движениях» и «национально-освободительных революциях» применительно к эпохе ранних европейских буржуазных революций и антиколониальной борьбе народов Азии, Африки и Латинской Америки первой половины XX столетия. Эти определения, ориентированные, прежде всего, на события во внешнем мире, в российском контексте применялись для обозначения борьбы народов империи против самодержавного режима. Со временем термин «национально-освободительное движение» приобрел более широкое толкование и стал использоваться в исследованиях, посвященных, в частно-

сти, Польскому восстанию, Кавказской войне и, особенно, революционным событиям в центре империи и на ее периферии.

В 1960-х гг. формула «национально-освободительное движение» подверглась критике и была фактически заменена определением «борьба за социалистическую революцию»¹. Историкам, пишущим на темы взаимоотношений верховной власти с народами окраин рекомендовалось избегать применения понятия «национально-освободительные движения», однако его так и не удалось вытеснить полностью, и в перестроечные годы оно вновь замелькало, преимущественно, в трудах региональных историков.

В дореволюционной историографии, когда речь шла об отстаивании народами окраин своих политических и социальных прав, чаще всего употреблялось понятие «сепаратизм». Тема периферийного сепаратизма, вечно будоражившая умы правителей, занимала центральное место и в мыслях традиционных монархистов, и в головах убежденных государственников, и на страницах правых изданий, непрерывно подозревавших народы окраин в стремлении отделиться от России. В чем заключалась причина столь опасливого отношения? «Имперское сознание, – пишут В. Булдаков и Т. Леонтьева, – особенно чувствительно к угрозе сепаратизма – как реальной, так и мнимой»².

Революционные события февраля–октября 1917 г., как и следовало ожидать, создали угрозу распада страны, невольно подыграв всем тем, кто усматривал сепаратистские интенции в явлениях совершенно иного порядка, на что справедливо указывают все те же авторы: «Люди, бегущие от постимперского хаоса, легко предстают злостными разрушителями империи»³. Со своей стороны, продолжают авторы книги «Война, породившая революцию», верноподданнические элементы становились все более подозрительными в отношении «пробудившихся» инородцев⁴.

В 1917 г. страх перед сепаратизмом обуревал не только монархистские круги, но практически все политические партии страны, вне зависимости от их текущих убеждений. На своем съезде в мае кадеты заявили о недопустимости разложения государства «на суверенные независимые единицы». Месяцем позже кадетская газета «Русские ведомости» назвала сепаратистские настроения «кошмаром наших дней», выступив с обвинением в адрес нерусских народов, что они, дескать, «готовы растащить по бревнам» Россию. Меньшевики писали в «Рабочей газете» 15 июня 1917 г.: «России грозит опасность разбиться на кучки, на отдельные национальные части, самовольно организованные. Мы считаем этот путь чрезвычайно опасным, грозящим осложнить до последней степени и без того трудное положение Рос-

сии»⁵. Эсеры туманно выражались насчет права наций на самоопределение, заговорив после своего июньского съезда о перспективах национально-культурной автономии для Украины, Белоруссии, Латвии, Эстляндии и Закавказья. Остальным народам, по их разумению, могла быть предоставлена «экстерриториальная персональная» национально-культурная автономия⁶. Государственная Дума сочла необходимым принять резолюцию, гласившую: «Далее идущие стремления национальностей должны быть введены в пределы, совместимые с полным сохранением государственного единства России»⁷.

Обеспокоенность кадетов, меньшевиков, эсеров и многих других вызывало отсутствие у Временного правительства продуманной программы действий в отношении периферийных народов и их насущных проблем. Безусловно, правительство стремилось стабилизировать ситуацию – особенно там, где она казалась наиболее угрожающей. Но, по мнению В. Булдакова, новая власть старалась лишь внешне «демократизировать» существующую на окраинах систему управления⁸. Лидер эсеров В. Чернов считал, что в лице Временного правительства народы России увидели лишь «упрямого, холодного и лицемерного защитника исторических привилегий “преобладающей” великорусской нации»⁹.

Между тем, реальная угроза распада страны возникла лишь в результате октябрьских событий 1917 г. и последующего разгона Учредительного собрания. До той поры даже т.н. украинские «буржуазные националисты» требовали лишь умеренной автономии в рамках российского буржуазного конституционного государства¹⁰.

В марксистско-ленинской исторической науке «национально-освободительное» движение российских народов против самодержавного режима считалось одним из факторов, породивших революцию. «Национально-освободительное движение народов России на этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, – пишет Г.П. Макарова, – явилось одной из составных частей общего потока Октябрьской революции»¹¹.

Для многих исследований, посвященных февралю–октябрю 1917 г., характерны утверждения, что накануне революции окраины Российской империи были охвачены массовыми национально-освободительными движениями. Это историографическое клише распространялось практически на все периферийные народы, сводя огромное многообразие взаимодействий, зависимостей, обязательств и отношений к донельзя упрощающей реальной картину схеме. Подобный подход представляется явной натяжкой, делавшейся в угоду идеологическим догмам.

Тем не менее, хаос, охвативший страну после победы большевиков, несомненно, оказался стимулирующим фактором для усиления центробежных тенденций и активизации сепаратистских сил. Во всяком случае, относительно событий 1918 г. говорить об отсутствии сепаратистских настроений на окраинах бывшей империи уже не приходится. В пользу независимости выступили Украинская Центральная Рада, Белорусская Рада, Башкирский и Крымский курултай, казахская Олаш-Орда, молдавский Сфатул-Цэрий, мусаватистское правительство Азербайджана, меньшевистское правительство Грузии, дашнакское правительство Армении, национальные советы в бывших балтийских губерниях, автономные правительства в Туркестане, на Северном Кавказе¹².

Фантомы сепаратизма

Северный Кавказ считался не только одной из наиболее проблемных зон империи, но и неким хроническим очагом сепаратизма. Правомерно ли такое мнение? У исследователей Кавказа на сей счет как не было, так и нет согласия. Одни пишут о нескончаемой национально-освободительной борьбе кавказских народов на протяжении всех последних десятилетий империи (не говоря уже об эпохе Кавказской войны), другие придерживаются более взвешенных позиций, допуская, что вспышки сепаратизма случались лишь в кризисные моменты. Третьи делают упор на позитивные факторы. Между имперским ядром и кавказской периферией, утверждает В. Дегоев, действовала своего рода геополитическая «гравитация», возникшая из вполне конкретного источника – давних и всесторонних связей. По-видимому, эта «гравитация» была настолько сильна, продолжает он, что ее не удалось преодолеть даже в годы революции, гражданской войны и иностранной интервенции (1917–1921), когда, казалось, сложилась беспрецедентно благоприятная ситуация для отделения Кавказа от России¹³.

Историки Кавказа описывали предреволюционную ситуацию в регионе в традиционных для советской историографии 1917 г. духоподъемных тонах. С учетом незначительных вариаций трактовки звучали приблизительно так: «Объективные и субъективные факторы развертывания национально-освободительного движения на Северном Кавказе были налицо; социально-экономическая обстановка, особенно отсталость аграрных отношений в крае, способствовали возникновению, углублению и расширению революционного, национально-освободительного движения кавказских горцев»¹⁴. Помимо выпячива-

ния темы борьбы против царского самодержавия в монографиях, посвященных предреволюционному и революционному периодам на Кавказе, нередко приходится сталкиваться с феноменом подмены, когда массовые волнения сугубо социального характера облекаются в этнические одежды и подаются в виде окрашенного в политические цвета освободительного движения.

Большевики проявили поистине иезуитскую изворотливость и изощренность в разрешении т.н. национального вопроса, т.е. проблем нерусских народов, после гибели империи столкнувшихся с необходимостью выстоять и сохраниться в хаосе государственного безвластия. Провозгласив право наций на самоопределение, большевики сняли тем самым избыточное напряжение, накопившееся в недрах коллективного сознания малых народов, которые, несомненно, ощущали колоссальную усталость от нескончаемого социального гнета и политического неравноправия.

Лозунги большевиков оказались настолько привлекательными, что под их знамена встали даже те, кто был чрезвычайно далек – в силу традиционалистского восприятия мира – от их радикальных доктрин, отвергавших частную собственность и пропагандировавших идею всеобщего равенства. При этом лидеры периферийных большевистских организаций отнюдь не спешили добиваться реализации лозунга о праве нации на самоопределение вплоть до отделения, убеждая массы в его нецелесообразности¹⁵. С одной стороны, они провозглашали право украинского народа на создание самостоятельного государства, а с другой, устами В. Ленина заклинали: «Сознательные рабочие не проповедают отделения; они знают выгоды больших государств и объединения крупных масс рабочих»¹⁶.

Большевики активно внедряли эту установку в сознание своих сторонников и проводников на окраинах. Дагестанцу М. Дахадаеву принадлежат такие слова: «Одним ударом революция уничтожила средостение между угнетенными народностями и русским народом, парализовала центробежные стремления недержавных национальностей и своим величием приковала их к сердцу России»¹⁷.

После Февраля

Известие о падении монархии в феврале 1917 г. быстро докатилось до Кавказа, вызвав одновременно и оторопь, и спонтанные выплески политической активности в самых разных социальных кругах. Очевидец событий, А. Далгат так описывает атмосферу в дагестанской Темир-Хан-Шуре: «Первое время в городе растерялись. Местная ари-

стократия и чиновничество начали постоянно собираться где-нибудь, чаще у губернатора Вольского и у помощника его князя Дадашклиани. В городе реже стал появляться пышный выезд князя Нухбека Тарковского, чаще стали собираться у него влиятельные и знатные люди города». И далее: «Стали стихийно возникать сборища на базаре, у собора, перед зимним помещением клуба со стороны Петровского шоссе, перед губернаторским домом. Через короткое время собрания превратились в общегородские митинги. Весь ремесленный люд города, солдаты, рабочие, военные, чиновники приходили на митинги вооруженными. Из соседних аулов тоже являлись возглавляемые отдельными активистами группы крестьян. С речами выступали все»¹⁸. «Чеченская народность», по свидетельству Х. Ошаева, «поняла февральскую революцию, как возможность и необходимость стряхнуть и уничтожить все то, что напоминало о приставах, казаках, солдатах, тюрьмах»¹⁹.

Временное правительство учредило в Кубанской, Терской и Дагестанской областях исполнительные комитеты и назначило специальных комиссаров. Параллельно возникали Советы. За этим понятием в национальных регионах скрывались принципиально разные институты: общественные организации, политические союзы, органы местного самоуправления²⁰. Состав Советов в Терской области сформировался преимущественно за счет выходцев из социальных верхов (землевладельцы и буржуазия), а также представителей национально ориентированной интеллигенции. Советы появились в Чечне, Ингушетии и Осетии. В марте был учрежден Нальчикский окружной гражданский исполнительный комитет, в составе которого преобладали кабардинцы, что вызвало недовольство русских землевладельцев и предпринимателей, а также балкарской знати. В Дагестане, где дислоцировалось около десяти тысяч солдат Кавказской армии, а политические партии играли более активную роль, складывалась несколько иная ситуация. В марте возник Совет рабочих депутатов в Петровске. В Темир-Хан-Шуре, вслед за появлением Дагестанского областного исполнительного комитета, образовался Совет солдатских депутатов. Его учреждение сопровождалось бурными стычками. Один из присутствующих выкрикнул: «Долой порядки босяков»²¹. В местных Советах преобладали меньшевики и эсеры, с которыми соперничали большевики. После захвата ими Петровского совета социалисты с неодобрением реагировали на их действия, называя большевиков сепаратистами и призывая Петровский ревком подчиниться Областному исполкому, как «законному, установленному революцией», временному органу власти²². В сельских обществах Дагестана отмечались «противосовет-

ские» настроения, поскольку советы, считали крестьяне, – «русские и больше солдатские»²³.

Весной 1917 г. во всех округах Терской области прошли съезды представителей местных народов. 31 марта был созван съезд кабардинского и балкарского народов в Нальчике. 15 апреля свой съезд в Назрани провели ингуши, учредив Ингушский народный совет во главе с публицистом и общественным деятелем В.-Г. Джабагиевым. 18 апреля состоялся общечеченский съезд в Урус-Мартане. Перед его участниками выступил предприниматель А.М. Чермоев²⁴. На съездах обсуждались насущные проблемы, весьма далекие от сепаратистских помыслов. Идеи переустройства окружающего мира на более высоком, чем община или этнос уровне, не вмещались в рамки традиционалистского сознания. Его носители крайне болезненно воспринимали любые перемены. Поскольку жители сельских обществ опасливо реагировали на вмешательство извне, дагестанский Облисполком, отправляя комиссаров в округа, призывал избегать резких действий в отношении сельской администрации. По этой причине бывшие начальники округов «еще долго сидели на своих местах»²⁵.

Действия органов Временного правительства и Советов рабочих и солдатских депутатов, по всей видимости, удовлетворяли далеко не все категории населения Кавказа. Одними из первых идей самоорганизации озаботились казаки. В марте 1917 г. было учреждено Войсковое правительство Терского казачества во главе с членом Временного комитета Государственной думы М.А. Карауловым. Готовность примкнуть к нему выражали не только казаки, но и солидарные с ними этнические кавказцы. Созвав в июне 1917 г. всероссийский казачий съезд в Новочеркасске, делегаты Терского казачьего войска поспешили заверить Петербург в готовности спасти Россию от анархии²⁶.

Накануне октябрьских событий калединское войсковое правительство учредило Союз юго-восточных автономных и федеративных областей, больше известный как Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей²⁷. Договор о создании Юго-Восточного Союза был подписан 20 октября во Владикавказе. С 16 ноября в Екатеринодаре функционировало правительство ЮВС²⁸.

21 ноября 1917 г. глава калединского правительства М.П. Богаевский телеграфировал управляющему Военным министерством генералу А.А. Маниковскому: «Донское казачество не покушалось и не покушается на внутренние порядки и устройство жизни губерний и областей России и никаких походов против существующих в России политических партий не замышляет, будучи всецело занято устройением правильной гражданской жизни в пределах Донской области»²⁹.

Казачество, традиционно считавшееся оплотом самодержавного режима на окраинах империи, демонстрировало свою лояльность не столько Временному правительству, сколько устоям государственности, обязываясь бороться с разрушителями этих устоев.

О спектре настроений внутри кавказских элит после Февральской революции судить сложно. По мнению исследователя, они были (не столько даже в узком политическом смысле, сколько в широком социально-культурном) органично встроены в общеимперскую цивилизационную матрицу³⁰. Какая-то их часть, безусловно, грезилась идеей общекавказского дома, хотя не могла не осознавать, сколь нелегко этого добиться, памятуя об этнической, языковой, культурной неоднородности региона и напряженных взаимоотношениях между местными народами.

Сторонники этой идеи сформировали в марте 1917 г. Временный Центральный Комитет объединенных горцев, который возглавил балкарский общественный деятель Б. Шаханов. Они считали наиболее подходящей моделью политико-административного устройства кавказских народов объединение их под общим управлением: «...ввиду крайней разноплеменности населения Кавказа, его культурной отсталости и бедности введение федеративного строя для горских народов не может дать тех благ, которые принесет им национально-племенное самоуправление на широких демократических основах, при деятельной поддержке общей центральной власти государства...»³¹.

Инициаторам идеи объединения пришлось преодолеть немало сложностей, прежде чем прийти к согласию. В первую очередь, они должны были прояснить вопрос об этноконфессиональных границах будущего объединения. Едва ли не главной проблемой оказался конфессиональный фактор. В учредительных документах будущего Горского правительства сохранилась следующая запись: «Из трехсот тысяч осетин, занимающих центральный Кавказ, магометан 30 тысяч душ. Участие Осетии христианской в этом союзе может внести нежелательную дисгармонию и трения в союз, силы которого в однородности религиозной платформы»³². Очевидно, среди участников переговоров не все поддерживали идею общекавказской интеграции исключительно на основе конфессионального единства. В бумагах зафиксирована и принципиально иная точка зрения, отражающая суть разногласий: «Не в союзе объединенных горцев всего Кавказа *на почве мусульманства* видит Осетия общее благополучие, а в союзе, прежде всего, объединенного населения всей Терской области, в которой горские народы составляют *половину*, притом со всех сторон ныне

окруженную тесным кольцом разноплеменного населения наших городов, селений, станиц и колоний» (курсив мой. – Л.Г.)³³.

Вопрос о том, какие группы населения Северного Кавказа будет представлять Союз, так и остался не до конца проясненным, растворившись в условном нарицательном определении «горцы», хотя это понятие включало в себя лишь обитателей горных районов, оставляя за скобками их соплеменников, испокон веков проживавших на равнине – не говоря уже об остальных категориях кавказского населения, не исповедовавших ислам. Несмотря на разногласия, полномочные представители – в основном, выходцы из мусульман – все-таки смогли договориться между собой.

14 мая 1917 г. влиятельные предприниматели, землевладельцы, общественные деятели и духовные лица собрались во Владикавказе на съезде полномочных представителей, чтобы воплотить в жизнь свои намерения. Участники съезда с энтузиазмом встретили объявление о создании Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (позднее к Союзу присоединилась Абхазия). Они также одобрили проект будущей Конституции. Согласно документу, Союз должен был стать не общественно-политической организацией, а представительным форумом полномочных делегатов от всех северокавказских народов. «Мы пойдем теперь рука об руку с великим русским народом, который провозгласил свободу и равенство всех народностей России», – заявил председатель съезда Б. Шаханов³⁴.

Учредив Союз, его лидеры поспешили продемонстрировать свою лояльность Временному правительству. 20 мая председатель Центрального комитета Союза А.М. Чермоев в телеграмме военному министру заверил его, что горцы «искренне поддерживают революцию», а ЦК брал на себя ответственность за «сохранение спокойствия и преданности делу свободы горского населения», утверждая, что слухи об «антигосударственных настроениях горцев» распространяются «темными силами»³⁵.

В конце августа Союз созвал второй съезд. По замыслу организаторов, он должен был символизировать единство народов Северного Кавказа. Для проведения съезда избрали селение Анди – чтобы, как считает исследователь, «оживить воспоминания о героической национально-освободительной борьбе», – именно там в свое время легендарный вождь горцев Шамиль устроил массовый сход перед началом решительных действий против российских войск³⁶.

Большинству приглашенных на съезд делегатов была близка идея федеративного государственного устройства России, на основе союза равноправных самоуправляющихся автономных областей. Большин-

ству – но не всем. Радикально настроенные духовные лица во главе с муфтием Н. Гоцинским и шейхом Узуном-Хаджи, фанатичными апологетами теократии, не согласовав свои действия с остальными делегатами, объявили Н. Гоцинского имамом Чечни и Дагестана. Из-за вспыхнувших споров съезд был фактически сорван. Датой возобновления работы съезда избрали 20 сентября 1917 г. Одним из пунктов его повестки значился вопрос о выборах в Учредительное собрание. Спустя годы российский офицер Б.М. Кузнецов, присутствовавший в качестве гостя на съезде в Анди, красочно описав церемонию подписания учредительного документа, скрепленного подписями представителей кавказских народов, заключил: «Так родилась Республика Союза Горских Народов, с добрыми намерениями, но без всяких средств к существованию»³⁷.

Появление новых политических объединений свидетельствовало об охватившем Кавказ процессе дробления центров власти между различными группами интересов. Одним удавалось привлечь больше сторонников, другим – меньше, однако ни одна не могла похвастаться сколько-нибудь серьезной массовой поддержкой. Анализируя ситуацию, сложившуюся в Терской области, исследователь пришел к выводу о несостоятельности всех попыток создания на протяжении 1917 г. «мало-мальски авторитетной областной власти»³⁸.

События «на периферии разваливавшейся империи» воспринимались в столицах не иначе, как «раздражители». Основная масса великорусского населения, по мнению В. Булдакова, не была готова к тому, чтобы прежде незаметные инородцы заявляли о своих собственных нуждах³⁹.

Эхо Октября

Северный Кавказ отреагировал на октябрьский переворот в Петрограде еще более пассивно, чем на Февральскую революцию – отчасти из-за слабого представительства большевиков в действовавших на тот момент политических организациях и органах власти. На это указывал и председатель Владикавказского комитета большевиков М.Д. Орахелашвили: «Лишь в г. Грозном и, как ни странно, в Кисловодске существовали небольшие организации нашей партии, в остальных же местах наблюдалось топтание в болоте объединенчества»⁴⁰. Исследователи считают, что большевики особо не проявлялись в регионе вплоть до августа 1918 г., ограничиваясь тактикой лавирования между более влиятельными на тот момент политическими силами.

Основную причину сдержанного отношения кавказских жителей к революционным событиям в столицах следует искать скорее в общественном климате, который, несмотря на будоражившие его бесчисленные социальные проблемы и выплески политической активности со стороны отдельных групп, отличался крайним консерватизмом. Сказывались и обстоятельства внутреннего характера: в течение года Кавказ все глубже захлестывала чудовищная волна насилия. Разбой и грабежи, бандитские вылазки новоявленных «абреков» – все это обрушилось на население практически всех уголков региона, включая крупные города вроде Владикавказа и Грозного. Свою негативную лепту вносили войска, возвращавшиеся с Закавказского фронта. В. Булдаков считает, что солдаты сыграли на Северном Кавказе «колоссальную дестабилизирующую роль»⁴¹. Безвластие царило в Кабарде, где бывший ротмистр российской армии З. Даутоков-Серебряков сколотил внушительные вооруженные отряды и беспрестанно терроризировал население⁴². Банды Узуна-Хаджи бесчинствовали в Хасавюртовском округе. Чеченцы и ингуши, с одной стороны, и казачество, с другой, к моменту октябрьских событий находились фактически в состоянии войны⁴³. На фоне столь неблагоприятной криминогенной обстановки – практически во всех уголках Северного Кавказа – и речи быть не могло о сколько-нибудь заметной политической активности со стороны масс: подавляющей частью кавказского населения двигал исключительно инстинкт самосохранения.

О степени серьезности обстановки в регионе говорит содержание январского воззвания Моздокского военно-революционного совета к жителям Терской области: «Провокационная деятельность контрреволюционеров создала национальное движение туземных народов области – чеченцев и ингушей, вызвала кровавый пожар войны с племенами, восставшими против мирного демократического населения края и нагло попирающими все блага свободы и человеческие права. Кровавый вихрь уже пронесся по Сунже, он уничтожил на своем пути целые станицы, села, хутора, он пахнул своим разрушительным дыханием на города: Грозный разгромлен, промыслы, имеющие государственное значение, сожжены, Владикавказ горит, многие станции железной дороги частью сожжены, частью разрушены. Ужас, кровь и огонь царят во всем крае...»⁴⁴.

Спустя несколько дней после большевистского переворота Центральный комитет Союза объединенных горцев объявил о создании Горской республики и сформировал т.н. Горское правительство под началом А.М. Чермоева. Следом за этим Центральный комитет и руководители Терского казачьего круга, объединившись, учредили вре-

менное Терско-Дагестанское правительство на коалиционной основе (в него вошли Союз горцев, Терское войсковое правительство, и Союз городов Терской и Дагестанской областей). Один из пунктов договора между Горским правительством и терскими казаками гласил: «Равным образом коалиционное правительство должно принять решительные меры к уничтожению в крае разбоев и грабежей, разорительных для населения, а также служащих причиной постоянных столкновений между отдельными группами населения»⁴⁵.

Перед правительством ставилась задача организовать сопротивление силам анархии и добиваться консолидации разрозненного населения двух областей. Однако получить серьезную массовую поддержку так и не удалось, а вскоре после гибели главы правительства, атамана М.А. Караулова в конце 1917 г. оно, спустя короткий срок, фактически распалось. Союз объединенных горцев оказался неспособным сформировать «реально действенные структуры власти», которые могли бы снять наиболее острые проблемы и стабилизировать обстановку в регионе⁴⁶.

Борьба за влияние на массы велась и в лагере левых сил. В январе 1918 г. на авансцену вышла «народно-революционная» партия «Кермен», к тому моменту насчитывавшая уже около тысячи членов. Активную деятельность развернул Социалистический блок, объединивший группы меньшевиков, эсеров, большевиков, керменистов и т.д. В него входили дагестанцы М. Дахадаев, Д. Коркмасов, А. Тахо-Годи и др. Постепенно расширяли зону своего влияния и большевики во главе с С.М. Кировым.

В январе 1918 г. на съезде Областного исполнительного комитета в Моздоке развернулась острая борьба между представителями левого блока, казаками и исламистами⁴⁷. Был избран Терский областной народный совет под председательством левого эсера Ю.Г. Пашковского. Совет объявил себя «народной властью». Однако вскоре, из-за неразрешимых противоречий по принципиальному вопросу – о признании Совета народных комиссаров – Социалистический блок распался.

Делегаты второго съезда «народов Терека» в Пятигорске и Владикавказе (февраль–март 1918 г.), выразив доверие Совету народных комиссаров, объявили, что Терская область представляет собой территориальный союз народов, пользующийся правами национально-территориальной автономии. Они проголосовали за утверждение «Основных положений управления Терским краем», в которых декларировалось, что «Терский край есть составная часть Российской Федеративной Советской Республики».

Идейные ориентиры и центры силы

После Февраля на политической сцене Северного Кавказа постоянно менялись действующие лица: партийные альянсы, временные политические союзы, общественные организации, религиозные объединения, локальные криминальные группировки – каждая со своими представлениями о способах преодоления нарастающего кризиса (или его усугубления)⁴⁸. Вероятно, в свете этнических, социальных и культурных особенностей кавказского мира иначе и быть не могло.

Поскольку немногочисленные группы либерально мыслящих общественных деятелей и интеллектуалов Северного Кавказа практически не были вовлечены в политические процессы, развернувшиеся в центре страны, они не обладали достаточным влиянием, чтобы стать во главе местных национальных движений, подобно полякам, финнам или украинцам.

В рядах казачества, генералов и офицеров царской армии, крупных землевладельцев, грозненских нефтепромышленников и буржуазных предпринимателей, владетельных князей и беков состояли и убежденные монархисты, и ярые противники самодержавия, сторонники реставрации и приверженцы переустройства России на буржуазно-демократических началах. Разные настроения бытовали и среди многочисленных мулл и шейхов, мусульманских богословов и их пасты: кто-то придерживался туркофильских позиций, кто-то мечтал об имамате, были и такие, кто хотел обратно под сень империи.

Основную массу кабардинского и балкарского населения, охваченного массовым аграрным движением, заботили в первую очередь, земельные проблемы. Неслучайно там еще до революции возникло объединение крестьянской бедноты «Карахалк», не имевшее какой-либо политической программы.

В Чечне общество разделилось на 50–60 враждующих между собой партий (по числу более или менее влиятельных шейхов), склонявшихся то в сторону турок, то к социалистам и большевикам⁴⁹. По словам А. Шерипова, в Чечне было «столько партий – сколько шейхов»⁵⁰. В январе 1918 г. бывший подполковник царской армии А. Мутушев провозгласил себя единоличным диктатором Чечни Ахметханом I⁵¹. Однако его попытка сплотить соплеменников не удалась.

При всей приверженности чеченцев своим духовным наставникам, их сообщество под воздействием происходивших событий утрачивало былую однородность. Разлад в чеченскую среду вносили свои же чеченцы – сторонники большевиков, которых становилось все больше. Едва ли не самый известный среди них, А. Шерипов, выступая на

У съезде народов Терской области в декабре 1918 г., заявил: «Мы верим в нашу победу над контрреволюционными шейхами и муллами, мы верим в нашу победу больше, чем шейхи и муллы в коран и шариат»⁵². В сотрудничество с большевиками стали вступать даже шейхи. Один из них, Али Митаев, последователь братства зикристов Кунта-Хаджи, поначалу державшийся в стороне от политических дряг, внезапно завязал контакты с большевиками, искавшими социальную опору в среде мусульманского духовенства. В лице Митаева, обладавшего реальным авторитетом и способного контролировать общественные настроения, большевики нашли посредника для налаживания диалога с чеченцами.

Если в Чечне народ находился под влиянием шейхов, то в Осетии, традиционно поставлявшей кадры офицерства для императорской армии, главными агентами влияния (наряду с эсерами и меньшевиками, среди которых выделялись фигуры авторитетных общественных деятелей А. Цаликова и С. Такоева) были генералы и многочисленные офицеры, развернувшие активную пропаганду против большевиков⁵³. Неслучайно именно из осетинской среды выделились региональные лидеры казачьего движения братья Георгий и Лазарь Бичераховы⁵⁴. Летом 1918 г. Г. Бичерахов, обосновавшись со своими отрядами в Моздоке, учредил казачье-крестьянский Совет. За время своего пребывания на политической сцене он неоднократно вступал в политические и военные союзы, преследуя при этом единственную цель – защиту интересов казачества. Впоследствии он устанавливал связи и с Добровольческой армией А.И. Деникина, и с английской миссией во Владикавказе. В конечном счете, Бичерахов, как и его брат, боролся за восстановление российской государственности. Один из пунктов договора, заключенного Л. Бичераховым с князем Н. Тарковским, гласил: «Тарковский обязуется признать над собой власть России, когда царящая в ней анархия будет ликвидирована, и в ней установится законная власть»⁵⁵. В советской историографии бичераховцев называли не иначе, как «бандой агентов английских империалистов Л. Бичерахова»⁵⁶.

Подавляющая масса населения Дагестана находилась под влиянием различных групп мусульманского духовенства – от лояльно настроенных к прежним порядкам, до радикальных, вынашивающих мечты об исламском государстве. В целом обстановка в области напоминала ситуацию в Чечне. Вот как описывает ее современник: «...к этому времени в каждом округе создавался свой влиятельный центр из местных людей. Эти центры не имели никакого желания подчиняться вообще кому бы то ни было и жили себе вполне автономно...»⁵⁷.

В городах Дагестана, где социалистические идеи получили более широкое распространение, чем в Терской области, развернулась борьба между местными политическими партиями. Меньшевики, дашнаки, мусаватисты и прочие создали в Тифлисе свою конференцию. «Миллисты» прислали на конференцию четырех представителей. В ходе заседаний вспыхнули бурные дебаты. Пантюркисты настаивали на том, что Дагестан должен стать одним из вилайетов Турции, их оппоненты ратовали за создание самостоятельной республики⁵⁸.

Среди партийных объединений влиянием пользовалась Дагестанская социалистическая группа, активно действовавшая на политической сцене с мая 1917 г. по сентябрь 1918 г.⁵⁹ В нее входил аварец М. Дахадаев, приобретший популярность в годы первой русской революции. Конкуренцию Социалистической группе составляли мусульманские деятели, поддерживаемые значительной частью населения. Руководители группы, опасаясь усиления влияния Н. Гоцинского, пытались найти более умеренного духовного лидера, которого можно было ему противопоставить. Им удалось привлечь на свою сторону авторитетного шейха Али-Хаджи Акушинского. В начале 1918 г. его провозгласили шейхом уль-исламом. В результате мусульманское духовенство оказалось расколотым на два лагеря⁶⁰.

Оценивая деятельность Дагестанской социалистической группы, А. Тахо-Годи высоко отзывался о М. Дахадаеве, обладавшем, по его словам, несомненным даром лавирования между приверженностью социалистическим идеям и необходимостью считаться с религиозными чувствами. Он громкогласно объявлял, что все, кто хотят, «пусть купаются в шариате»⁶¹.

У М. Дахадаева с Н. Гоцинским (именно эти две фигуры выдвинулись на передний план в ходе охватившей Дагестан смуты) не было ничего общего – ни в политическом, ни в личностном плане. Они воплощали собой два совершенно разных типа лидеров, чьи идеологические воззрения не только не лежали в разных плоскостях, но полностью противоречили друг другу. Близко знавший обоих современник писал: «В то время как Гоцинский смотрел в сторону патриархальщины, ставил религию во главе человеческой дисциплины и общежития, Махач был всецело устремлен вперед в буржуазное развитие и был очень эластичен в вопросах религии. Гоцинский ненавидел все русское, был шовинистически-националистичен. Махач в адаптации Дагестаном русской культуры видел единственный выход для этой страны, находящейся в тупике и готов был перевести Дагестан на русский язык»⁶².

Тем не менее, поначалу они сошлись на почве экономических интересов, объединив свои средства для создания завода по производству кинжалов. Помимо взаимных материальных выгод, каждый из них рассчитывал за счет другого расширять круг сторонников и укреплять свою социальную базу. Дахадаев, заинтересованный в поддержании имиджа народного защитника, обретенного в годы революции 1905–1907 гг. (и практически утраченного после отхода от социал-демократических кругов и погружения в хозяйственную деятельность), нуждался в поддержке Гоцинского, завоевавшего массовую популярность и весомый авторитет в качестве ученого-богослова в мусульманской среде⁶³.

Подобные непрочные политические союзы, основанные лишь на общности сиюминутных интересов, как известно, недолговечны. Уже в феврале 1918 г. Дахадаеву пришлось бежать из Дагестана в Грузию.

Недолговечным оказалось и сотрудничество Гоцинского с Союзом объединенных горцев. Впрочем, от разрыва с имамом пострадали скорее лидеры Союза, лишившиеся поддержки его многочисленных сторонников. В ходе военной кампании в рядах временных союзников Н. Гоцинского перебивали самые разные люди, включая и таких, кто не разделял ни его мировоззрения, ни его идей общественного переустройства. Полковник российской армии, командир Дагестанского конного полка М. Джафаров, на каком-то этапе примкнувший к Гоцинскому (очевидно служба в его добровольческих отрядах стабильно оплачивалась), признавался: «Мое положение было крайне затруднительным. Я, конечно, не был и не мог быть сторонником большевиков. Но я был решительным противником и имама, и имамата»⁶⁴.

В западной историографии распространена точка зрения, согласно которой единственным выразителем интересов коренного населения Северного Кавказа являлся Центральный комитет горцев Северного Кавказа⁶⁵. Но судя по развитию событий, он так и не получил сколько-нибудь серьезную массовую поддержку и не смог добиться признания в качестве реального института власти. Пожалуй, лишь на начальном этапе, во время пребывания Горского правительства во Владикавказе, и с весны 1918 г., когда оно было вынуждено перебазироваться в Темир-Хан-Шуру (и с приходом турок упрочило свои позиции), о нем можно говорить, как о действующем органе власти. Фактически Горскому правительству удалось распространить свой контроль летом–осенью 1918 г. – пользуясь присутствием турецких войск – лишь на часть территории Дагестана. С уходом турок, констатировал М. Джафаров, «ушла сила, которая делала эту группу людей Правительством...». По его словам, даже в находившемся в восьми верстах от Те-

мир-Хан-Шуры (где заседало Горское правительство) селении Нижние Казанищи его приказы никакой силы не имели и не выполнялись⁶⁶. О более отдаленных территориях, в частности, граничащих с Чечней, или о городах, находившихся под влиянием социалистов и большевиков, и говорить не приходилось.

Очевидно, на практических действиях руководителей Союза горцев сказывалось отсутствие политического опыта. Ни одному из них не удалось стать лидером «общенационального» масштаба – даже в пределах собственного этнического сообщества. Крупный землевладелец и нефтепромышленник и А.М. Чермоев, конечно, имел влияние на своих сородичей, но оно было, явно, ограниченным (поскольку чеченцы все больше склонялись в сторону большевиков, заманивавших их обещаниями изгнать с Кавказа казачество). То же самое можно сказать и о кабардинце П. Коцеве (министр внутренних дел Горской республики), и об ингуше В.Г. Джабагиеве (министр финансов Горской республики), и о кумыке З. Темирханове (председатель Союзного Совета Горской республики), и о наследнике шамхальского рода, князе Н. Тарковском (военный министр), и обо всех остальных их соратниках.

Военное противоборство на Северном Кавказе в конечном итоге развернулось между несколькими силами: большевиками, Союзом объединенных горцев Кавказа, воинскими отрядами казачьего полковника Г.Ф. Бичерахова и Добровольческой армией генерала А.И. Деникина, воевавшей против всех партий и группировок⁶⁷.

Если до октябрьских событий 1917 г. в сепаратистских настроениях можно было заподозрить лишь часть мусульманского духовенства, ориентированную на Турцию, то после большевистского переворота на авансцену выдвинулся Союз объединенных горцев Кавказа, открыто заявивший о своих притязаниях на независимость. А.И. Деникин боролся за реставрацию империи, Г.Ф. Бичерахов, отстаивая интересы казачества, мало чем отличался от белых, поэтому ни тот, ни другой не могли восприниматься в качестве сепаратистов, стремившихся отхватить кусок территории распавшегося государства.

Каждая из четырех сил, доминирующих в регионе, стремилась действовать самостоятельно. Даже когда интересы их, казалось бы, совпадали, они шли лишь на временные компромиссы. Разрыв с деникинцами произошел у Бичерахова, несмотря на схожесть политических целей. Союз объединенных горцев Северного Кавказа поначалу сотрудничал с деникинцами, но после того, как выяснилось, что Деникин отказывается признавать не только независимость Горской республики, но и любую форму ее автономии в составе России, между

ними наступило охлаждение⁶⁸. Председатель правительства Горской республики П. Коцев, выступая 26 февраля 1919 г. на заседании Союзного Совета, заявил: «Добровольческая армия, которая допускает существование Кубанского правительства и Донского круга, мы полагаем, не должна посягать на самостоятельность и на неотъемлемые права Горского Правительства»⁶⁹.

В одиночку пыталась одолеть большевиков и Добровольческая армия. Очевидец описывает приход деникинцев в горное селение Урахи: «Начальник отряда, казачий офицер, выступил с большой речью, призывая поддержать старые традиции и порядки, за которые, мол, борется добровольческая армия. Он требовал не слушать большевиков, не идти за ними. – Большевики вас ограбят, обманут, не слушайте этих разбойников, – говорил он»⁷⁰. Несмотря на активную пропагандистскую работу, деникинцы не смогли добиться народной поддержки. Советские историки революции называли Белое движение контрреволюцией. Один из его участников, генерал П.И. Залесский, впоследствии оказавшийся в эмиграции, писал в 1925 г.: «Никаких “контрреволюций” и даже тенденций к ним в России не было. Гражданскую войну создали от начала до конца сами большевики»⁷¹.

В конечном итоге, увлечь за собой народы Кавказа не удалось не только Добровольческой армии, но и ни одному из трех потенциальных вдохновителей кавказского сепаратизма (Узун-Хаджи, Н. Гоцинский, Союз объединенных горцев). Этнически и культурно неоднородная традиционалистская масса оказалась невосприимчивой ни к идее консолидации на основе ислама, ни к перспективе строительства общекавказского дома на либерально-буржуазных началах.

Мусульмане

Высшие сановники Российской империи традиционно испытывали недоверие в отношении российских мусульман и их умонастроений, хотя сами же неоднократно признавали необоснованность собственных подозрений. Между тем, главной особенностью поведения мусульман в начале XX в., утверждает исследователь, было то, что большинство из них придерживалось позиций социального непротивления, что вытекало из их этноконфессиональной психологии⁷².

После Февральской революции картина уже не выглядела столь однозначной – во всяком случае, говорить о единстве взглядов у мусульман больше не приходилось. Тем не менее, на Всероссийском съезде мусульман в мае 1917 г. устами меньшевика А. Цаликова мусульмане России высказались за культурную автономию в рамках

Российского государства. Их устраивало получение гарантий культурно-национальной автономии на конституционном уровне⁷³.

На последующих мусульманских съездах в Казани в июле–августе 1917 г. вновь в большинстве оказались сторонники экстерриториальной автономии. С. Исхаков считает, что российские мусульмане ощущали большую потребность в культурно-конфессиональном единстве, нежели в этнонациональном самоопределении⁷⁴. В советской историографии сторонники идеи «братства всех мусульман» считались националистической контрреволюцией⁷⁵.

Что происходило после Февраля в мусульманской среде Северного Кавказа? Несколько известных деятелей (Шейхуль Ислам Тишнамазаде, муфтий Субханкулов и председатель Тифлисского мусульманского общества Гейдар Бамматов), находившиеся в Тифлисе, написали своим единоверцам телеграмму следующего содержания: «В России большой переворот, организовано новое правительство из верных людей, им можно верить и во внутренних, и во внешних делах. Просим всех мусульман Кавказа спокойно подчиняться новому правительству»⁷⁶. Они убеждали мусульман сохранять лояльность Временному правительству.

Как и следовало ожидать, наибольшее оживление наблюдалось в Дагестане и Чечне. Дагестанский революционер Б. Далгат так описывал ситуацию в своем родном ауле Урахи: «Особую активность проявляла религиозная верхушка аула. Она сеяла туркофильские идеи и крепила религиозный фанатизм. Русскую школу переименовали в мактаб, а детей обучали строевым занятиям, с религиозной, панисламистской хоровой песней...»⁷⁷. Духовенство регламентировало все стороны жизни и в соседней Чечне. Даже в Гойтинском народном совете большинство шло на поводу у влиятельного шейха Шугаибамуллы Гойсумова⁷⁸.

В апреле 1917 г. в Темир-Хан-Шуре было создано Общество исламистов (Джамиат уль-исламие), а в июле – Общество ученых (Джамиат аль-уляма). В сентябре на базе Общества исламистов возник Дагестанский мусульманский национальный комитет, известный под названием милликомитет. Председателем его избрали известного религиозного деятеля М.-К. Дибирова. В состав милликомитета входили беки, князья, муллы, хаджи, кадии, дибирь (наставники), алимы (ученые), офицеры царской армии. Наиболее влиятельными среди них были князья Казанлиповы, полковник Н. Тарковский, землевладельцы Д. Апашев и Р. Капланов, религиозные деятели Н. Гоцинский, Узун-Хаджи, предприниматель З. Темирханов, генерал М. Халилов и другие⁷⁹.

28 апреля 1917 г. мусаватисты созвали в Баку съезд, намереваясь поставить вопрос об организации управления мусульманами Кавказа. Организаторы I съезда нарекли свое мероприятие учредительным съездом «кавказской мусульманской автономной государственности». Члены партии «Мусават» выдвинули идею автономного объединения тюркских народностей Дагестана вокруг Азербайджана, предлагая лезгинам и другим заняться созданием собственной государственности. Столь радикальное предложение вызвало бурную дискуссию среди дагестанских участников съезда. Разногласия усугубил приезд посланника из Владикавказа, предложившего дагестанцам ориентироваться не на Южный Кавказ, а на Северный. Предложение исходило от группы влиятельных мусульманских деятелей, среди которых были аварец Н. Гоцинский и чеченец А.М. Чермоев. После долгих споров участники съезда приняли решение разделиться на две группы: азербайджанскую и горцев Северного Кавказа⁸⁰. В качестве центра для первых постановили считать Баку, а для вторых – Владикавказ. При этом стороны договорились координировать свою деятельность. Впрочем, решение об организации координационного комитета так и осталось на бумаге⁸¹.

После избрания муфтием Северного Кавказа дагестанского духовного деятеля Н. Гоцинского (на I съезде горских народов во Владикавказе в мае 1917 г.), его позиции существенно укрепились. Муллы и шейхи из Чечни и Дагестана, собравшиеся на съезд, настаивали на том, чтобы практически каждый вопрос разрешался «по шарияту»⁸².

Быстро растущая исламская партия в Чечне и Дагестане стремилась, по свидетельству современника, «очистить» Кавказ от неудобных, в частности, от русского населения. Н. Гоцинскому, провозглашенному на II съезде горских народов уже имамом Чечни и Дагестана, были на руку циркулировавшие повсюду слухи о том, будто в горах действуют крупные воинские силы, истребляющие «русских и социалистов»⁸³. Сам он до поры уклонялся от откровенных высказываний относительно своих политических предпочтений. Обратившись после съезда в Анди с воззванием «К народам Кавказа», имам подчеркнул, что его целью является исключительно защита религии.

Гоцинский претендовал на роль единоличного лидера кавказских мусульман и им, несомненно, двигали сепаратистские идеи. Однако он не торопился действовать, пока не обзавелся внушительным числом последователей. Методы, избираемые им для привлечения новых сторонников, порою выглядели откровенно авантюрными. Известность получила история, когда он объявил на массовом сходе, что намерен молиться на бурке, разостланной прямо на водной поверхно-

сти горного озера Эйзенам. В назначенный день к берегу озера явилось множество людей, жаждавших увидеть чудо – не только из Аварии, но со всего Северного Кавказа⁸⁴. Понятно, что чудо не состоялось, однако даже откровенное надувательство не отвратило от Гоцинского мусульманскую массу. Одних привлекала перспектива заработков (имам обещал каждому бойцу, согласно шариату, часть добычи, как в традиционных набегах прошлого), другими двигала боязнь оказаться изгоями⁸⁵.

В свои союзники Гоцинский привлек пожилого чеченского шейха Узун-Хаджи, пользовавшегося авторитетом в чеченской среде. Шейх отличался крайним фанатизмом. «Я вью веревку для того, – говорил Узун-Хаджи, – чтобы перевешать всех инженеров, студентов и вообще пишущих слева направо»⁸⁶. Большевик Т. Эльдарханов вспоминал: «Узун-Хаджи призывал народ смотреть на Восток, а именно – на Турцию, и предостерегал от установления какой бы то ни было связи с большевиками, несущими, по его словам, для мусульман, неисчислимые бедствия». Он постоянно твердил о скором приходе на Кавказ турецких корпусов⁸⁷. Сотрудничество имама с шейхом продолжалось недолго: их пути разошлись после того, как Гоцинский стал налаживать контакты с Л.Ф. Бичераховым.

Шейх пошел своим путем, учредив в сентябре 1919 г. Северо-Кавказский эмират с центром в горном Ведено. Провозглашенный эмиром Узун-Хаир Хаджи-Ханом, он объявил о рождении шариатской монархии под покровительством султана Мехмеда VI, последнего правителя Оттоманской империи. Узун-Хаджи опирался на военные формирования, возглавляемые бывшим чеченским сельским приставом И. Арсанукаевым. В течение тех нескольких месяцев, что он правил своим эмиратом (прекратившем существование с его смертью в марте 1920 г.), отрядам Узун-Хаджи пришлось неоднократно вступать в боевые действия против Вооруженных сил юга России (ВСЮР), что полностью истощило их ресурсы. Но Узун-Хаджи был скорее готов пойти на сотрудничество с большевиками, нежели с правительством Горской республики, о которой он отзывался как о «мифической», не имеющей опоры в народе. Впрочем, и контролируемая им самим территория ограничивалась в основном пределами горной Ичкерии.

Гоцинскому, бывшему единомышленнику Узун-Хаджи так и не удалось стать безоговорочным лидером кавказских мусульман, хотя он и сколотил целую армию. По свидетельству комиссара Чир-Юртовского участка, Т. Кадиева, еще в августе 1917 г. сложились четыре оппозиционных Гоцинскому и Узуну-Хаджи группы духовенств-

ва, которые он условно именовал «буржуазно-националистической» (из уроженцев Темир-Хан-Шуры и Казикумуха), и «кулацкой» (их было две: первая под началом Али-Гаджи Параульского и вторая – из жителей Аксая). Была еще и группа Гасана Хахибского, впоследствии примкнувшая к Али-Гаджи Акушинскому⁸⁸. Противодействие Гоцинскому со стороны влиятельных духовных лиц раскололо ряды мусульман, воспрепятствовав широкому распространению радикальных идей имама как в Дагестане, так и в Чечне.

Собрав под свои знамена около несколько тысяч добровольцев, Гоцинский захватил в начале 1918 г. Темир-Хан-Шуру. Склонный к внешним эффектам, он устроил из ввода своих отрядов в город демонстративную акцию, получившую название «чалмоносного шествия». Войска имама, разделенные на сотни, входили в город строго по четыре в ряд стройной шеренгой. Впереди каждой сотни шествовал барабанщик, мерно отбивавший такт, в унисон со строевым шагом. Большие лохматые шапки на головах воинов были перетянуты белыми повязками: «Имам “разъяснил” своему воинству, что в походе за правое дело ислама и тот, кто не совершал паломничество в Мекку на поклонение гробу пророка уже становится хаджием, что поход против “неверных” равносителен хаджу, а самое сражение – газават превращает борцов в праведников ислама. У воинов были шашки, кинжалы и пистолеты и у подавляющего большинства – винтовки. Аскерам не было конца и края. Вообще говоря, это была очень внушительная картина»⁸⁹.

После разрыва с Гоцинским М. Дахадаев вынашивал идею приглашения из Турции внука имама Шамиля, чтобы ослабить влияние Гоцинского в Дагестане⁹⁰. Гибель Дахадаева осенью 1918 г. не дала этим планам осуществиться. Впрочем, о внуке Шамиля ходили разные слухи: многие считали разговоры о его грядущем приезде на Кавказ сказкой, а о нем самом отзывались весьма скептически: «Саид-бей просто турецкий авантюрист, гамшара или даже армянин»⁹¹.

Впоследствии полковник М. Джафаров, анализируя причины неудачи Гоцинского, писал: «В этой обстановке затяжной тяжелой борьбы у нас прежде всего не было ясно осознанной и конкретной цели. Прогоним большевиков, и тогда что? Нажмудин и шариат – это никого не трогало и не удовлетворяло». В противостоянии с большевиками Гоцинскому, по мнению полковника, навредило, в первую очередь то, что его ставленники утратили доверие населения, не сдержав ни одного своего обещания. Бесчинства отрядов, массовые аресты и расстрелы, поборы, конфискации – все это отвратило от них основную массу, накопившую, по словам полковника, «большое количество обид»⁹².

Сепаратисты

После октябрьских событий 1917 г. деятели Союза объединенных горцев (наиболее влиятельными среди них были А.М. Чермоев, В. Джабагиев, П. Коцев, Г. Бамматов, З. Темирханов, А. Кантемиров, Р. Капланов, Б. Шаханов, М.-К. Дибиров, Н. Тарковский и др.) окончательно определились с планами и активизировали свои действия. Отказавшись признавать власть большевиков, горские лидеры воспользовались их же лозунгом о праве наций на самоопределение и стали искать контактов с внешним миром. Они объявили о формировании Правительства горских народов. Правительство брало на себя обязательства обеспечивать порядок на «подконтрольной» территории, имея в виду равнинные, предгорные и горные земли, населенные северокавказскими народами. Но обладало ли оно соответствующей финансовой, военной, экономической базой для выполнения своих обещаний?!

Ища поддержку, руководители Горского правительства пытались наладить дипломатические контакты с турками и странами Антанты. Они вели переговоры с меньшевистским правительством Грузии, с азербайджанскими мусаватистами, убеждая их в необходимости объединения Кавказа и Закавказья для совместной борьбы против большевиков. Весной 1918 г. посланники Союза горцев А.М. Чермоев, Г. Бамматов и М.-К. Дибиров направились в турецкий Трапезунд, чтобы информировать правительство Порты о своих намерениях. Эмигрантский автор Б.М. Кузнецов утверждает, что Горское правительство «искало третью силу, чтобы не дать большевизму залить Кавказ»⁹³. Советские историки называли Горское правительство «марионеткой германо-турецких оккупантов, американо-английских интервентов и внутренних белогвардейцев»⁹⁴.

Вскоре стало известно, что правительство Союза объединенных горцев Кавказа обратилось к туркам с просьбой о военной помощи и передало «республику», то есть весь Северный Кавказ и Дагестан, под протекторат султанской Турции. Согласно договору, заключенному 8 мая, «Высокая Порта приняла на себя некоторые обязательства в деле осуществления стремлений народов Северного Кавказа»⁹⁵.

11 мая 1918 г. на международной конференции в Батуме было объявлено о признании Горской Республики Оттоманской Турцией и Германией. Впрочем, германское правительство и парламент не подтвердили своего признания документально. На конференции была провозглашена «Декларация об объявлении независимости Республики Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана», в которой говори-

лось: «Союз Горцев Кавказа решает отделиться от России и образовать независимое государство»⁹⁶.

Оттоманское правительство, следуя договоренностям, направило летом 1918 г. на территорию Дагестана экспедиционный корпус в главе с генералом Юсуфом Иззет-пашой. Выразив протест против действий турок, народный комиссар иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин представил турецкому посланнику документы Терского Народного Совета. Он обращал внимание Порты на отсутствие доверия и поддержки Союзу горцев со стороны большинства населения Северного Кавказа. Спустя несколько месяцев турки, убедившиеся в непрочности позиций Союза (и ко всему прочему, оказавшиеся под давлением со стороны большевистского правительства и со стороны держав Антанты, предъявивших им ультиматум), были вынуждены покинуть Дагестан.

В ноябре делегация Союза горцев, возглавляемая А.М. Чермоевым и И. Гайдаровым, участвовала в переговорах в Баку с представителями союзных держав. Командующий британскими войсками генерал В.М. Томпсон рекомендовал горским лидерам оставить в стороне распри и создать коалиционное правительство. Он также настаивал на том, чтобы они окончательно изгнали из Дагестана турок, покончили с турецкой и германской пропагандой и помогли союзникам установить связи с генералом А.И. Деникиным. В телеграмме от 28 ноября 1918 г. Томпсон пообещал, что вопрос о независимости будет решаться на мирной конференции союзных государств.

Союзный Совет Горского правительства, прислушавшись к рекомендациям британцев, принял 15 декабря 1918 г. отставку А.М. Чермоева и сформировал 19 декабря в Темир-Хан-Шуре, в присутствии группы народных представителей, коалиционное правительство во главе с кабардинским коннозаводчиком П.Коцевым. Однако это мало что дало, точнее не дало ничего: правительство Союза горцев по-прежнему оставалось властью без силы и, что самое для него неутешительное – без народа. Даже на дагестанских территориях, казалось бы, подконтрольных ему, реальным влиянием обладали другие: большевики, бичераховцы, имам Гоцинский, князь Тарковский, объявивший себя диктатором Дагестана. Именно этот фактор, т.е. отсутствие прочной социальной базы и массовой поддержки стало в конечном итоге причиной неудачи государственно-политического проекта Союза объединенных горцев⁹⁷.

Несмотря на шаткость собственных позиций и внутренние разногласия, лидеры Союза горцев продолжали вести переговоры и рассылать ноты. В мае 1919 г. в Константинополе собрались представители

«вновь образовавшихся самостоятельных республик» – Украинской, Донской, Кубанской, Азербайджанской, следовавшие на мирную конференцию в Париж. К ним присоединились и посланцы «Северо-Кавказской республики» Союза горцев.

Вместе с остальными представителями они обратились к находящимся в Константинополе политикам «Держав Сogласия» с меморандумом. Он гласил: «Народы, населяющие Украину, Дон, Кубань, Северный Кавказ и Азербайджан, входящие в состав бывшего государства Российского, после захвата Центральной власти в России большевиками 25 октября 1917 года, один за другим декларировали свою независимость и затем каждый из них образовали свое самостоятельное правительство, наделив его, согласно постановления своего парламента, всеми правами суверенной власти. Ближайшей и важнейшей задачей Правительства каждого из указанных народов было всемерное стремление оградить свой народ и территорию от небывалой в истории человечества анархии, охватившей все части бывшего Российского государства и давшей наиболее пагубные последствия разрушительного характера, в тех частях, которые подпали под власть большевиков»⁹⁸.

Пытаясь заручиться международной поддержкой, посланцы самопровозглашенных республик прибыли в октябре 1919 г. в Париж, на Мирную конференцию с участием премьер-министра Великобритании Д. Ллойд-Джорджа, председателя Совета министров Италии В.Э. Орландо, президента США Т.В. Вильсона и французского премьер-министра Ж.Б. Клемансо. Они обратились к делегатам конференции со следующим заявлением: «Мы, нижеподписавшиеся, представители независимых республик: Азербайджана, Грузии, Кубани, Латвии, Литвы, Горцев Северного Кавказа, Украины и Эстонии в дополнение к совместной нашей декларации от 7 июня 1919 г., а также в дополнение деклараций, представленных на имя конференции мира представителями каждой из поименованных республик, считаем необходимым в настоящее время выявить нижеследующее: Верховный совет союзных держав при открытии своей деятельности застал следующее: новые государства, естественно, возникнув из бывшей Российской империи, строились на началах демократических принципов, которые были приняты и провозглашены также державами Антанты». Декларацию подписали: от Азербайджана – А.М. Топчибашев, от Кубани – Л. Быч, от Республики Горцев Северного Кавказа – А. Чермоев, от Эстонии – С.Р. Пуста, от Латвии – И. Сескис, от Литвы – Ф. Нарушевич, от Грузии – Н.С. Чхеидзе, от Украины – граф М. Тышкевич⁹⁹.

Добиваясь от стран Антанты и остального международного сообщества поддержки, представители самопровозглашенных республик, отрещивались и от большевистской власти, и от бывшей империи: «Российские большевики стремились на территории всей бывшей России установить диктатуру пролетариата и коммунизм, а российские реакционные круги стремились на той же территории установить свою военную диктатуру и реставрировать прежнюю Россию с порабощением народностей»¹⁰⁰.

Неудача на международной арене по большому счету уже мало что значила для Союза объединенных горцев, потерпевшего гораздо более болезненное «внутреннее» поражение. В то время как лидеры Горской республики метались в поисках признания, на Северном Кавказе разворачивались драматические события Гражданской войны, итоги которой не оставили им ни единого шанса...

Большевики

4 (17) марта 1918 г. на съезде в Пятигорске большевики провозгласили Советскую власть, объявили об образовании Терской республики, приняли Конституцию и избрали Терский народный Совет. Если до Октябрьского переворота они делали все, чтобы оказаться главными разрушителями империи, то после захвата власти мгновенно обратились в собирателей земель, ревностных защитников государственности. Активная внешнеполитическая деятельность Союза объединенных горцев вызвала у них серьезные опасения и побудила к ответным мерам.

24 апреля на экстренно созванном заседании Терского Народного Совета была принята резолюция, от имени чеченской, кабардинской, осетинской, ингушской, балкарской, казачьей и иногородней фракций отвергавшая правомочность действий самозванных делегатов Горского правительства в Константинополе: «Терский Народный Совет, в составе перечисленных фракций, заявляет, что народы Терского края составляют неотъемлемую часть Российской Федеративной республики»¹⁰¹.

Признав нелегитимными требования сепаратистов, большевики принялись укреплять собственные позиции. 22 мая открылся Терский областной народный съезд в Грозном. «Съезд всенародно заявляет о своем негодовании и презрении к врагам народа и предателям, дерзнувшим повести переговоры с германо-турецкими империалистами об отделении Северного Кавказа от Российской республики, – гласил текст принятой резолюции. – Терская республика в братском единении со всеми свободными народами и республиками Северного Кав-

каза, стоя на платформе признания рабоче-крестьянской власти, заявляет о своей нерасторжимости с Российской Федеративной Советской Республикой»¹⁰².

Кабардинский большевик Б. Калмыков, выступая на VI съезде народов Нальчикского округа в декабре 1918 г., заявил, что кабардинцы не должны мечтать об обособлении, но оставаться в общей трудовой семье и с оружием в руках отстаивать власть трудящихся и обездоленных¹⁰³.

С таким же посылом обратился к участникам съезда народов Дагестана в ноябре 1920 г. и нарком по делам национальностей И.В. Сталин: «Считаю необходимым заявить, что автономия Дагестана не означает и не может означать отделения его от Советской России. Автономия не предоставляет независимости»¹⁰⁴.

С.М. Киров на учредительном съезде Советов Горской АССР в 1921 г. особо подчеркнул важность борьбы с сепаратизмом. Даже перспектива предоставления местным народам автономии рассматривалась большевистскими лидерами исключительно сквозь призму сепаратистской угрозы.

В.И. Ленин, переняв имперскую традицию – опасаться кавказского сепаратизма – настраивал своих соратников действовать на Северном Кавказе осторожно, проявляя максимум доброжелательности к мусульманам, особенно в Дагестане. Красноречивым свидетельством тому служит выдержка из его телеграммы Г.К. Орджоникидзе от 2 апреля 1920 г.: «Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом, симпатии к мусульманам, их автономии, независимости и прочее»¹⁰⁵. Впрочем, заигрывания с кавказскими мусульманами прекратились, как только большевики взяли верх над своими противниками в жесточайшем военном противостоянии. Дальше началась совсем другая история...

---

¹ Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции: (Материалы к сессии Научного совета). М., 1964. Вып. 2. С. 32–33. (Далее: Национальный вопрос – 2).

² Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 687.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 558.

⁵ Макарова Г.П. Из истории национально-освободительного движения в России в 1917 г.: восточные районы. М., 1979. С. 42–43, 53–54.

⁶ Там же. С. 49, 52.

⁷ Там же. С. 140.

- ⁸ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 465.
- ⁹ Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля–октября 1917 г.: стратегии, структуры, персонажи. М., 2015. С. 257.
- ¹⁰ Национальный вопрос – 2. С. 35.
- ¹¹ Макарова Г.П. Указ. соч. С. 14.
- ¹² Кашкаев Б.О. От Февраля к Октябрю. М., 1972. С. 228.
- ¹³ Дегоев В.В. Кавказ и судьбы российской государственности: (вольные мысли по случаю) // Россия. 1999. № 3. С. 13.
- ¹⁴ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 31.
- ¹⁵ Национальный вопрос – 2. С. 33.
- ¹⁶ Цит. по: Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции (Материалы к сессии Научного совета). М.: Наука, 1964. Вып. 1. С. 33. (Далее: Национальный вопрос – 1).
- ¹⁷ Цит. по: Зулпукарова Э.М.-Г. Формирование и деятельность дагестанской интеллигенции, конец XIX – середина XX века. Махачкала, 2003. С. 317.
- ¹⁸ Далгат А. В огне революции: Воспоминания. Махачкала, 1960. С. 101.
- ¹⁹ Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1928. С. 24.
- ²⁰ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. М., 2017. Т. 1. С. 561.
- ²¹ Далгат А. Указ. соч. С. 103.
- ²² Там же. С. 119.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 112.
- ²⁴ Корнев Д.З. Революция на Тереке, 1917–1918 годы. Орджоникидзе, 1967. С. 169–170, 172–173.
- ²⁵ Далгат А. Указ. соч. С. 103.
- ²⁶ Корнев Д.З. Указ. соч. С. 41.
- ²⁷ Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе / Отв. ред. А.И. Козлов. Ростов н/Д, 1986. С. 29–30.
- ²⁸ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 230.
- ²⁹ Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. С. 29–30.
- ³⁰ Дегоев В.В. Кавказ и судьбы российской государственности. С. 13.
- ³¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 5.
- ³² Там же. Л. 3.
- ³³ Там же. Л. 4–5.
- ³⁴ URL: <http://www.dosh-journal.ru/3%2817%292007/1187526205.htm> (дата обращения: 25.08.2017). Подробнее о становлении и деятельности Союза см.: Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. М., 2007.
- ³⁵ Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 269.
- ³⁶ Корнев Д.З. Указ. соч. С. 67.
- ³⁷ URL: <http://www.dk1868.ru/history/DAGESTAN.html> (дата обращения: 11.10.2017).
- ³⁸ Корнев Д.З. Указ. соч. С. 37.

- ³⁹ Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. С. 223.
- ⁴⁰ Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. С. 21.
- ⁴¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 251; *Его же*. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарии, анализ. С. 227, 231, 267, 270, 306, 338, 384, 395, 437; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Раздел 6. Л. 67, 68.
- ⁴² Гугов Р.Х., Кумыков Т.Х. Б.Э. Калмыков – выдающийся общественный и государственный деятель Кабардино-Балкарии: Сб. статей и воспоминаний. Нальчик, 1960. С. 31.
- ⁴³ Корнев Д.З. Указ. соч. С. 68.
- ⁴⁴ Там же. С. 98.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 7–8.
- ⁴⁶ Кажаров А.Г. Национально-государственные процессы на Северном Кавказе в 1917–1919 гг. // Россия и Кавказ: Материалы междунар. юбил. науч. конф., 6–7 октября 2009 г. Владикавказ, 2009. С. 109.
- ⁴⁷ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 252–258.
- ⁴⁸ О борьбе среди политических партий см.: Сергеев В.Н. Крах мелкобуржуазной демократии на Дону, Кубани и Терек (1917–1920 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1988; Гасанов Б.К. Политические движения и партии на Северном Кавказе в 1917–1920 гг.: идеология, практика, исторические судьбы и уроки: Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. М., 1997; Кулиев Ф.М.-О. Политическая борьба на Северном Кавказе в 1917 году: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Саратов, 2002.
- ⁴⁹ Джамбулатов Р.Т. Революция и гражданская война на Терек. Хасавюртовский округ и Кизлярский отдел. Махачкала, 2012. С. 44.
- ⁵⁰ Корнев Д.З. Указ. соч. С. 69.
- ⁵¹ Далгат А. Указ. соч. С. 339.
- ⁵² Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1927. Т. 1. С. 72.
- ⁵³ Малиев Н.Д. Историография Великой Октябрьской Социалистической революции и гражданской войны на Терек. Орджоникидзе, 1977. С. 23.
- ⁵⁴ Подробнее см.: Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия: Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе, 1917–1919. М., 2011.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 129–130.
- ⁵⁶ Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа. Дооктябрьский период. Махачкала, 1967. С. 55.
- ⁵⁷ Полковник Магомед Джафаров. Махачкала, 2005. С. 13.
- ⁵⁸ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 266.
- ⁵⁹ Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. С. 24.
- ⁶⁰ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 260–261.
- ⁶¹ Там же. С. 62.
- ⁶² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Раздел 6. Л. 100.
- ⁶³ Там же. Л. 99.

- ⁶⁴ Там же. Л. 19.
- ⁶⁵ Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. С. 22.
- ⁶⁶ Полковник Магомед Джафаров. С. 14.
- ⁶⁷ Россия и Кавказ. История и современность. Владикавказ, 2005. С. 148.
- ⁶⁸ *Дзидзоев В.Д.* От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.): (Начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX веке). Владикавказ, 2003. С. 50.
- ⁶⁹ Там же. С. 62.
- ⁷⁰ *Далгат А.* Указ. соч. С. 198.
- ⁷¹ Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. С. 30–31.
- ⁷² *Исхаков С.М.* Мусульмане России: особенности социального поведения в начале XX века // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 19.
- ⁷³ *Цховребов З.П.* Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии (вторая половина XIX – начало XX века). М., 1977. С. 170–172.
- ⁷⁴ *Исхаков С.М.* Мусульмане России: особенности социального поведения в начале XX века. С. 18.
- ⁷⁵ Национальный вопрос – 1. С. 87.
- ⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Раздел 6. Л. 98.
- ⁷⁷ *Далгат А.* Указ. соч. С. 123.
- ⁷⁸ Там же. С. 333.
- ⁷⁹ *Каишкаев Б.О.* Указ. соч. С. 109–110.
- ⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Раздел 6. Л. 106.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² *Каишкаев Б.О.* Указ. соч. С. 38.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Раздел 6. Л. 68.
- ⁸⁴ *Далгат А.* Указ. соч. С. 113.
- ⁸⁵ *Каишкаев Б.О.* Указ. соч. С. 264.
- ⁸⁶ См.: Там же. С. 263.
- ⁸⁷ *Корнев Д.З.* Указ. соч. С. 72.
- ⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 111.
- ⁸⁹ *Далгат А.* Указ. соч. С. 128–129.
- ⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Раздел 6. Л. 100.
- ⁹¹ Там же. Л. 53. Гамшара (хамшара) – по некоторым сведениям, в переводе с азербайджанского – босяк. В Азербайджане так часто именовали иранцев.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ URL: <http://www.dk1868.ru/history/DAGESTAN.htm> (дата обращения: 11.10.2017).
- ⁹⁴ *Каишкаев Б.О.* Указ. соч. С. 345.
- ⁹⁵ *Корнев Д.З.* Указ. соч. С. 227.
- ⁹⁶ *Дзидзоев В.Д.* Указ. соч. С. 29.
- ⁹⁷ *Кажаров А.Г.* Указ. соч. С. 113.
- ⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1133. Л. 1.
- ⁹⁹ Там же. Л. 5.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ *Корнев Д.З.* Указ. соч. С. 227.

¹⁰² Там же. С. 237.

¹⁰³ Бетал Калмыков. Сборник статей и воспоминаний. Бетал Калмыков. Сборник статей и воспоминаний. Сост. Гугов Р.Х., Кумыков Т.Х. Нальчик, 1960. С. 34.

¹⁰⁴ Цит. по: *Дзидзоев В.Д.* Указ. соч. С. 85.

¹⁰⁵ Цит. по: Там же. С. 78.

Литература

Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе [Текст]: [Сб. ст.] / Рост. гос. ун-т им. М.А. Суслова; Отв. ред. А.И. Козлов. Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. 138 с.

Безугольный, А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. [Текст]: Известные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе, 1917–1919. М.: Центрполиграф, 2011. 390 с.

Булдаков, В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия [Текст]. М: РОССПЭН, 2010. 965 с.

Булдаков, В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ [Текст]. М.: Новый хронограф, 2010. 1076 с.

Булдаков, В.П. Война, породившая революцию [Текст] / В.П. Булдаков, Т.Г. Леонтьева. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.

Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа. Дюктябрьский период [Текст]: [Сб. ст.] / Даг. Филиал АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит. им. Г. Цадасы; Отв. ред. и авт. предисл. проф. В.Г. Гаджиев. Махачкала: Б.и., 1977. 163 с.

Гасанов, Б.К. Политические движения и партии на Северном Кавказе в 1917–1920 годах: идеология, практика, исторические судьбы и уроки [Текст]: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. 345 с.

Гугов, Р.Х. Б.Э. Калмыков – выдающийся общественный и государственный деятель Кабардино-Балкарии [Текст]: Сб. ст. и воспоминаний / Р.Х. Гугов, Т.Х. Кумыков. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. 236 с.

Далгат, А. В огне революции [Текст]: Воспоминания. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 280 с.

Дегоев, В.В. Кавказ и судьбы российской государственности [Текст]: (вольные мысли по случаю) // Россия. 1999. № 3. С. 4–45.

Джамбулатов, Р.Т. Революция и гражданская война на Тереке (Хасав-Юртовский округ и Кизлярский отдел) [Текст]. Махачкала: Rizo-Press, 2012. 160 с.

Дзидзоев, В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.) [Текст]: (Начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX веке). Владикавказ: Изд. Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова, 2003. 210 с.

Зульпукарова, Э.М.-Г. Формирование и деятельность дагестанской интеллигенции, конец XIX – середина XX века [Текст]. Махачкала: Юпитер, 2003. 364 с.

Исхаков, С.М. Мусульмане России: особенности социального поведения в начале XX века [Текст] // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль: сб. ст. / Отв. ред. П. Волобуев. М.: ИРИ РАН, 1997. 223 с.

Кажаров, А.Г. Национально-государственные процессы на Северном Кавказе в 1917–1919 гг. [Текст] // Россия и Кавказ: Материалы междунар. юбил. науч. конф. «Россия и Кавказ», посвящ. 235-летию присоединения Осетии к России, 150-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова, 225-летию основания г. Владикавказ, 6–7 октября 2009 г., Владикавказ / Учреждение Российской академ. наук Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исслед. им. В.И. Абаева Владикавказского науч. центра РАН и Правительства РСО-А. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 340 с.

Бегал Калмыков [Текст]: Сб. ст. и воспоминаний / Сост. Гугов Р.Х., Кумыков Т.Х. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1960. 234 с.

Кашкаев, Б.О. От Февраля к Октябрю [Текст]: (национально-освободительное движение в Дагестане / АН СССР, Ин-т востоковедения; Даг. гос. ун-т им. В.И. Ленина. М.: Наука, 1972. 365 с.

Корнев, Д.З. Революция на Тереке, 1917–1918 годы [Текст]: Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. 355 с.

Красовицкая, Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля–октября 1917 г. [Текст]: стратегии, структуры, персонажи / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: Новый хронограф, 2015. 415 с.

Кулиев, Ф.М.-О. Политическая борьба на Северном Кавказе в 1917 году: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002. 188 с.

Макарова, Г.П. Из истории национально-освободительного движения в России в 1917 г.: восточные районы [Текст]. М.: Наука, 1979. 223 с.

Малиев, Н.Д. Историкография Великой Октябрьской Социалистической революции и гражданской войны на Тереке [Текст]. Орджоникидзе: Северо-Осетинский ун-т, 1977. 86 с.

Музаев, Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. [Текст]. М.: Патрия, 2007. 518 с.

Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции [Текст]: (Материалы к сессии Научного совета) / Акад. наук СССР, Науч. совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской соц. революции»; Ин-т истории. Вып. 1. М.: Наука, 1964. 123 с.

Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции [Текст]: (Материалы к сессии Научного совета) / Акад. наук СССР, Науч. совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской соц. революции»; Ин-т истории. Вып. 2. М.: Наука, 1964. 76 с.

Ошаев, Х.Д. Очерк начала революционного движения в Чечне [Текст]. Грозный: Чеч. ОДН, [1928] (тип. им. «11 августа 1918 г.»). 26 с.

Полковник Магомед Джафаров [Текст]: сб. материалов / Отв. ред. Х.М. Доного. Махачкала: Эпоха, 2005. 303 с.

Российская революция 1917 года: власть, общество, культура [Текст]: в 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2017. 743 с.

Россия и Кавказ. История и современность [Текст]: Материалы науч. конф. «Россия и Кавказ: история и современность» (11–12 ноября 2004 г.). Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2005. 322 с.

Сергеев, В.Н. Крах мелкобуржуазной демократии на Дону, Кубани и Терекке (1917–1920 гг.) [Текст]: Автореф. дис. ... док-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1988. 492 с.

Цховребов, З.П. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии (вторая половина XIX – начало XX века) [Текст]. М.: Наука, 1977. 191 с.

Янчевский, Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе [Текст]. Т. 1. Ростов н/Д: Севкавказ, 1927. 208 с.

Тюмень на Тереке: от ордынского улуса к кавказскому княжеству

В статье рассматривается возникновение и развитие Тюменского владения на Северном Кавказе. Особое внимание обращено на уточнение этимологии названия и границ владения. Автором осуществлена попытка проследить процесс политической эволюции Тюмени от рядового улуса Золотой Орды в северокавказское княжество. При этом анализируются социальный и политический строй и взаимоотношения с Большой Ордой, Крымским ханом, Российским государством и соседними кавказскими княжествами. Завершается статья периодом потери Тюменским владением своей независимости в конце XVI в.

Ключевые слова: Тюмень; улус; княжество; Северный Кавказ; Золотая Орда; Джулат; шамхалы.

Yu.M. Idrisov

TYUMEN UPON THE TEREK RIVER: POLITICAL EVALUATION FROM A HORDE ULUS TO A CAUCASIAN PRINCIPALITY

The article focuses on origin and development of Tyumen lordship in the North Caucasus. The author emphasizes the etymology of the name of the lordship and its borders. The article describes how the Tyumen lordship from a common ulus of the Golden Horde had turned to a North Caucasian principality in political respect. There is also an analysis of social and political structure and its relations to the Late Golden Horde, Crimean khanate, Russian state and their Caucasian neighbor principalities. In the conclusion the article analyzes the period of losing independence by Tyumen lordship at the end of XVI century.

Key words: Tyumen; ulus; principality; North Caucasus; Golden Horde; Djulat; shamkhals.

В середине XV в. стал очевидной реальностью окончательный распад Золотой Орды. На ее осколках образовался ряд политических образований. Самыми известными из них являлись Большая и Ногайская Орды, Крымское, Сибирское, Узбекское и Казанское ханства. Однако, наряду с этими обширными бывшими улусами Орды, обособились и более мелкие государственные образования. Одним из них

является «Тюменское ханство» (термин, введенный в оборот Е.Н. Кушевой в 1963 г.¹), известное также как Кавказская Тюмень.

Существует несколько вариантов возникновения названия Тюменского владения. А.-К. Бакиханов связывает название Тюменского удела с раннесредневековым княжеством Туман. Территория последнего, по его мнению, охватывала владения шамхала и равнинную часть владения уцмия². Не совсем ясно, как данное государственное образование могло существовать на этой территории одновременно с Царством Гуннов, Хамрином, Хазарским каганатом, Джиданом (Джандаром /Шанданом), а в последующем и с Шамхальством, и Кайтагом. Сам А. Бакиханов никаких объяснений по этому поводу не дал. В своей локализации Тумана он основывался на «Дербенд-наме» (кон. XVI – нач. XVII в.) и его источниках – арабских хрониках, авторы которых зачастую слабо разбирались в географии Северного Кавказа и обычно ограничивались перечнем топонимов, не придавая должного значения их местонахождению. Основываясь на хронологическом разрыве между последним упоминанием Тумана и первым упоминанием Тюмени, исчисляемым почти в семь столетий, мы склоны считать, что между раннесредневековым Туманом и Кавказской Тюменью нет исторической и политической преемственности. Последняя существовала гораздо позднее Тумана и неразрывно была связана с долиной реки Терек.

Наиболее очевидной является связь топонима Тюмень с золотоордынской административной единицей *тюмен* (*тумэн*). Данный термин связан с условной цифрой – десять тысяч, но неясно, обозначал ли он в данном случае выставляемое десятитысячное войско, или, что вероятнее, количество податного населения, способного содержать названное число воинов. В связи с этим, интересны сведения, введенные в оборот И.А. Мустакимовым, о принадлежности Шибану, сыну Джучи, тумена «Джулат Черкес» с центром на месте городища Верхний Джулат (ныне Эльхотово в Северной Осетии)³. По мнению Е.И. Нарожного известный золотоордынский географический термин Джулат является параллельным названием Кавказской Тюмени⁴. Подобное отождествление косвенно подтверждают и доминирование в регионе Притеречья во второй половине XIII в. шибанида Тама-Токты⁵, и распространенность в предгорьях Северной Осетии, в непосредственной близости от Верхнего Джулата (Эльхотово), топонимов с корнем *тюмен* (например, Тменикау, Тумена, Туман, Туманта)⁶. Характерно, что, описывая одну из стычек войск Хулагидов с золотоордынской сторожевой ратью (*лашкар и-караул*), возглавляемой Тама-Токтой*, Рашид ад-Дин оценивает ее численность именно в тюмен⁷.

---

* В тексте Рашид ад-Дина обозначен как Токта-Муртад, т.е. вероотступник Токта.

Йезди называет Джулат областью и сообщает, что воины Тимура запаслись в ней зерновыми продуктами. Последнее обстоятельство свидетельствует о значительном земледельческом населении региона. Иоганн Шильтбергер упоминает Джулат как гористую страну⁸. В связи с этим интересно сообщение старшин тюменской родовой общины Сословно-поземельной комиссии (1860-е годы), что, согласно преданиям, «племя тюменов прежде было велико» и что «кроме тюменцев, живущих в деревнях Аксаевской и Барышлы», были еще тюменцы «в вершинах реки Аргун, живущие на горе Шубут»⁹.

Йезди и Шами пишут, что Тимур спустился к Джулату после того, как от Сунжи подошёл к Тереку и переправился через него. То обстоятельство, что Тюмень и Джулат никогда не соседствуют в источниках друг с другом, также свидетельствует в пользу версии Е.И. Нарожного об их тождестве, но в противоречие с ней вступает приводившийся выше эпитет И. Шильтбергера «гористая», совершенно не подходящий для низовой Терека. В связи с этим полагаем, что в условиях дефицита источников по истории региона в XIV–XV вв. окончательную точку в данном вопросе ставить ещё рано.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов предлагает иную этимологию названия Тюмень, возводя его к кипчакскому слову *тёмен* со значением «нижний» (по отношению к горам) и видя в нем обозначение низовья Терека¹⁰. Таким образом, название могло возникнуть в кипчакский период (XI–XIII вв.), что вполне соответствует высказыванию Абу-л-Гази о бегстве разбитых монголами кипчаков, обитавших между Итилем (Волгой) и Тином (Доном), в «юрт черкесов и туманов»¹¹. Независимо от этимологии названия Тюмень сообщение Абу-л-Гази само по себе интересно в контексте определения этнического состава населения Тюмени.

Ногайские предания связывают возникновение Тюменского владения с Майкы-бием из рода уйсун¹². Ж. Сабитов отождествляет этого эпического героя с нойоном по имени Хушидай-Байку из рода хушин (уйсун), которого, наряду с тремя другими, Чингисхан передал в подчинение своему сыну Джучи для завоевания западных земель¹³. После смерти Джучи Байку служил начальником правого крыла у Бату. По сведениям Рашид ад-Дина, большая часть войск правителей Улуса Джучи Токтая и Баяна происходила от четырех тысяч воинов Байкунойона. Остальные 6 тысяч были укомплектованы из маджар, черкесов и кипчаков, все вместе они составили одно десяти тысячное войско, то есть тумен¹⁴. Однако в данном случае это яркий пример бродячего сюжета, ибо к Майкы-бию возводят свою родословную и казахи Старшего Жуза. В каракалпакских преданиях он выступает в качестве общего предка казахов, узбеков, ногайцев и каракалпаков. Узбекские

предания называют Майкы-бия сыном некоего Тумена¹⁵. Большой пласт сказаний, связанных с именем Майкы-бия, сохранился также у башкир, в частности, у табынцев¹⁶.

Данные конца XV – XVI вв. называют западными соседями Тюменского владения «Черкасов», то есть кабардинцев¹⁷. С некоторой долей осторожности с тюменями можно связать датируемые XV – началом XVI в. остатки поселений полукочевого населения в Терско-Сулакском междуречье, подъемный материал с которых обнаруживает типологическое сходство с керамикой Поволжья XIV–XV вв.¹⁸

Таким образом, на западе Тюменское владение включало, как минимум, регион Верхнего Джулата и граничило с поселениями кабардинцев, а на юге охватывало Терско-Сулакское междуречье (Кумыкская плоскость). К схожим выводам на основе анализа источников пришел и Л.И. Лавров¹⁹.

Территория Кавказской Тюмени 15 апреля 1395 г. стала ареной крупнейшего столкновения войск Тохтамыша и Тимура. Поход Тимура не мог не сказаться самым пагубным образом на ее населении.

Е.И. Нарожный на основе анализа археологических материалов и сопоставления его со сведениями тимуридских хронистов приходит к выводу, что именно в золотоордынский период в дельте Терека сформировалось крупное поселение, которое он склонен отождествлять с городом Тюменью²⁰. Собственно тюменские предания помещают этот город на месте городища Эги-Кала к юго-востоку от станицы Александрийской (ныне одноименное село Кизлярского района Республики Дагестан)²¹.

Впервые Кавказская Тюмень упоминается в источниках в 1401 г. в числе католических миссий, до 1392 г. входивших в «епископство Каспийских гор»²². Поясним, что в XIV столетии в результате активной миссионерской деятельности католическому ордену францисканцев удалось организовать в Золотой Орде ряд миссий, в том числе и на Северо-Восточном Кавказе. Помимо францисканцев на Северном Кавказе были также представлены кармелиты, которых, что особенно ценно, упоминает Иоганн Шильтбергер в связи с гористой страной Джулат (setzulat), в которой, по его словам, действовало и католическое епископство²³.

Тюменская степь фигурирует в сочинении Иосафата Барбаро в связи с передвижением Навруза и Кичи-Мухаммада из Астрахани к Азовскому морю (le carnagne de Tumen²⁴). Известна Тюменская степь в форме Тамани будур и осетинскому нартскому эпосу²⁵.

Сподвижник Петра I Федор Соймонов, ссылаясь на летописи, приводит данные, что в «6983 году от сотворения мира», то есть в 1475 г.,

40 человек устюжских купцов намеревались идти в Каспийское море, торговать с Тюменью, но были по дороге схвачены и убиты казанскими татарами²⁶.

В 1487 г. Тюмень была разорена кызылбашами во главе с Хайдаром Сефеви, при этом было убито и пленено немало проживавших здесь христиан, возможно, северокавказских католиков²⁷.

К 1501 г. в Тюмени закрепились потомки золотоордынского хана Тимур-Кутлуга (ум. ок. 1400 г.) во главе с Муртазой, сыном хана Ахмада²⁸. Муртаза враждовал со своим старшим братом, ханом Большой Орды Шейх-Ахмадом. Муртазу в бегстве на Терек сопровождали братья Музаффар и Хаджи-Мухаммед, а также бывший беклярибек его отца Хаджике из рода Мангыт.

В 1502 г. Большая Орда прекратила существование, а ее территория была разделена между Астраханским и Крымским ханствами. Муртаза, стремившийся к возрождению Большой Орды, вступил в переговоры с ногайскими мирзами. Сговорившись с мирзой Шейх-Мухаммедом, он провозгласил своего младшего брата Хаджи-Ахмеда ханом Большой Орды (себя он считал пожилым для этого дела: «... стар, держати ему царство не мочно»). В его избрании, что любопытно, участвовали некие «тюменские салтаны»²⁹.

Султанами в то время титуловались нецарствующие члены династии. То есть в Тюмени тогда (в 1514 г.) пока сохранялся джучидский удел с высокородными местными правителями. Шейх-Мухаммед, назначенный беклярибеком при новом хане, тут же попытался избавиться от ханских родичей, но потерпел неудачу. В частности, Музаффар бежал в Хаджи-Тархан (Астрахань) к хану Джанибеку, который узнав от него подробности коронации на берегах Терека, начал готовить войско против потенциальных конкурентов в борьбе за власть над Поволжьем³⁰.

В 1515 г. в Тюмень прибыл с войском астраханский хан Джанибек и разгромил сторонников Хаджи-Ахмеда. Однако местные феодалы еще сохраняли некоторую самостоятельность. В 1518 г. «Черкасы» и Тюмень ссылались с крымским ханом и были согласны помогать ему в войне с Астраханским ханством³¹. В 1532 г. на астраханском престоле при поддержке «Черкасов» утвердился Ак-Кубек, сын Муртазы и внук Ахмата³².

Память о тюменских правителях из рода Тимур-Кутлуга, смешавшись с преданиями о событиях начала XVIII в., в частности, о восстании 1705 г. на Тереке, воплотилась спустя несколько столетий в историческом предании о «Вилаете Татархана», ставшем ядром, составленной в начале XX в. в Кизляре хроники «Тарихи Кызларкала»³³.

Первый признак смены в Тюмени правящей элиты видится в информации из письма хана Шейх-Ахмеда польскому королю 1527 г. из Литовской метрики: «...в Тименской орде иньшый (т.е. иные. – Ю.И.) князи стали, ино с ними некоторые дела маем»³⁴. Показательно, что в «Тюменской орде» утвердились уже не султаны, а «князья», то есть беки – нединастическая знать, скорее всего, местного происхождения.

В целом для первой половины XVI в. характерно противостояние в Нижнем Потеречье Астраханского ханства и Тарковского шамхальства. После захвата Астрахани в 1547 г. крымскими татарами чаша весов опустилась в пользу шамхальства.

Упоминание титула *шамхал* (шаухал, шевкал) в отношении тюменского правителя показательно. Вероятнее всего, после ухода Ак-Кубека в Астрахань в Тюмени пришла к власти новая династия, представители которой предпочитали титуловаться шамхалами, как их южные соседи – владетели Тарков. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1549 г. ногайский мирза Исмаил хвастался своими победами над тюменцами и «кабартейскими черкассами», но через два года он просил у царя две «невеликие» пушки для войны с «тюменским шавкалом»³⁵. Власть во владении передавалась не от отца к сыну, а подобно шамхальству по принципу старшинства в роде³⁶. На смену династии наводит мысль и наличие в социальной структуре Тюмени такого характерного для северокавказских народов сословия, как уздени. В частности, сохранилось имя узденя тюменского князя Салтаная Аря³⁷.

В 1554 г. астраханский хан Ямгурчи бежал в Тюмень, откуда отбыл в Азов и далее в Крым, и привел для борьбы с Исмаилом отряды ногаев – поданных Казия и сыновей Юсуфа³⁸. Однако эти отряды были отброшены войском царевича Джан-Тимура, сына Дервиш-Али, на тот момент сторонника Москвы. Несколько позднее Дервиш-Али перешёл на сторону Крыма. Воспользовавшись этим, Исмаил, ставший к тому времени ногайским правителем-бием, предложил Ивану IV своего претендента на астраханский престол – Кайбуллу, сына Аккубека, начинавшего свою политическую карьеру в Тюмени, но не встретил понимания³⁹. Царь предпочел не ставить в Астрахани марионеточного хана, а напрямую присоединить ханство к Российскому государству.

После завоевания Астрахани Иваном Грозным в русских источниках упоминаются, принявший в 1558 г. подданство России «шевкал Тюмени» Агиш, ставший после него в 1559 г. «шевкалом» «тюменский князь Токлуй», а после Токлюя в 1569 г. – его племянник, тюменский князь Тюгень Атяков (Туган Айтеков)⁴⁰.

В 1560 г. воевода Иван Черемисинов по приказу царя совершил поход на Тюмень и Тарки. Несмотря на первый успех в Тарках, войско Черемисинова не смогло овладеть Тюменью и пройти в Кабарду, как было запланировано⁴¹.

В 1563–1564 гг. московский посол в Крыму Афанасий Нагой докладывал в Посольский приказ об угрозе похода турецкого и крымского войска на Астрахань. Основной причиной, по словам Нагого, было раздражение турецкого султана на жалобы мусульман Тюмени и Крымшевкала* на то, что терские воеводы не пропускают паломников в Мекку⁴².

В 1577 г. в Москву пришло известие об очередных столкновениях между Большими Ногаями и «Тюмень-шевкальской ратью»⁴³.

Последним владельцем Кавказской Тюмени на Тереке являлся Салтанай. В 1588 г. стрельцы заложили на речке Тюменке (ныне Старый Терек) крепость Тарки. Содействие русским воеводам и казакам в захвате Тюмени оказал кабардинский князь Джанклиш (Канклыч) Черкасский из рода Идаровых⁴⁴. Шамхал готовился оказать военную помощь Салтаная и начал собирать к походу северокавказских феодалов, однако в дело вмешался двоюродный брат Джанклиша, князь Мамстрюк Черкасский, который дипломатическими мерами воспрепятствовал их объединенным действиям⁴⁵.

В 1594 г. Тюменское владение, просуществовав около ста лет, в результате московского завоевания исчезает с этнополитической карты Северо-Восточного Кавказа. Не признавшие господство московских царей, тюменские правители и их подданные принимают над собой покровительство независимого кумыкского князя Султан-Махмуда (Солтан-Мута) Эндиреевского. В его владениях они обосновались в низовьях реки Сулак (Койсу), в частности, в так называемом Салтанеевом месте, которое можно идентифицировать с поздней деревней Тюмень⁴⁶, вошедшей в качестве квартала в разросшееся соседнее селение Султан-Янги-Юрт, а также в близлежащем урочище Бурунчак⁴⁷.

---

* Крымшевал (крым-шамхал) – титул наследника шамхальской власти, имевшего свой удел с центром в с. Бойнак (ныне с. Уллубий-Аул РД), в данном случае – область подконтрольная «крымшевалу».

-
- ¹ *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30 годы XVII века. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 93.
  - ² *Бакиханов А.-К.-А.* Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. С. 14.
  - ³ *Мустакимов И.А.* Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник, 2009–2010. М.: Вост. лит., 2011. С. 242.
  - ⁴ *Нарожный Е.И.* О локализации «Трехстенного городка» на Нижнем Терекке: некоторые вопросы исторической географии XIII–XVII вв. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: материалы седьмой междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 228–229.
  - ⁵ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2 / Пер. с персидского Ю.П. Верховского; ред. И.П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 74.
  - ⁶ *Цагаева А.Д.* Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1971. С. 37–38.
  - ⁷ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л., 1941. С. 78.
  - ⁸ *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку: Элм, 1984. С. 34, 44.
  - ⁹ ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 5. Д. 18. Докладная записка члена комиссии о условиях в Кумыкском округе. Л. 52 об.
  - ¹⁰ *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Тюменское княжество в контексте истории взаимоотношений Астраханского ханства и Кумыкского государства с Русским государством в XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. С. 232.
  - ¹¹ *Кононов А.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 20, 44.
  - ¹² ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 5. Д. 18. Докладная записка члена комиссии о условиях в Кумыкском округе. Л. 64.
  - ¹³ *Сабитов Ж.М.* Монгольская армия в 1206–1259 гг. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2011. № 1. С. 103.
  - ¹⁴ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. О.И. Смирновой, ред. А.А. Семенова. Т. 1, кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 274.
  - ¹⁵ *Задыхина К.Л.* Узбеки дельты Аму-Дарьи // Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 342.
  - ¹⁶ *Мустакимов И.А.* Указ. соч. С. 240.
  - ¹⁷ *Лавров Л.И.* Кавказская Тюмень // *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: ГП КБР «Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. Л. 442.
  - ¹⁸ *Гамзатов Г.Г.* Памятники позднесредневекового времени на территории Терско-Сулакского междуречья // Советская этнография. 1982. № 3. С. 231, 234.
  - ¹⁹ *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 442.
  - ²⁰ *Нарожный Е.И.* Указ. соч. С. 238–239.
  - ²¹ ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 5. Д. 18. Докладная записка члена комиссии о условиях в Кумыкском округе. Л. 53.

- ²² *Криштопа А.Е.* Сведения западноевропейских путешественников XV в. о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1970. С. 113.
- ²³ *Шильтбергер И.* Указ. соч. С. 34; *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 442.
- ²⁴ Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина // Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. СПб.: Типография III отд. соб. Е.И.В. канцелярии, 1836. С. 223–224.
- ²⁵ *Дзицойты Ю.А.* Нарты и их соседи. Владикавказ: Алания, 1992. С. 102.
- ²⁶ *Соймонов Ф.* Описание Каспийского моря. СПб.: Имп. Академия наук. 1763. С. 260.
- ²⁷ *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 442.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Вост. лит., 2001. С. 151.
- ³⁰ Там же. С. 152.
- ³¹ Сборник Русского исторического общества. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. Т. 95. С. 635.
- ³² *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. 2-е изд., испр. М.: Вост. лит., 2006. С. 127.
- ³³ *Оразаев Г.М.* Исторические сочинения Дагестана. Кн. 1. Махачкала: Эпоха, 2003. с. 167.
- ³⁴ *Трепавлов В.В.* Литовская метрика как источник по истории тюркских государств Восточной Европы // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 92.
- ³⁵ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1549 гг. / Сост. Б.А. Кельдасов, Н.М. Рогожин, Е.Е. Лыкова, М.П. Лукичев. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. С. 287; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Фэн, 2006. С. 45.
- ³⁶ *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Дагестан в XV–XVI вв. (вопросы исторической географии). Махачкала: Ин-т Истории, археологии и этнографии Даг. науч. центра Рос. акад. наук, 2004. С. 22.
- ³⁷ *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М.: Университетская тип., 1889. С. 73.
- ³⁸ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 192.
- ³⁹ Там же. С. 193.
- ⁴⁰ *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 441.
- ⁴¹ *Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVII в. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1988. С. 22.
- ⁴² *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 245.
- ⁴³ Там же. С. 257.
- ⁴⁴ *Любавский М.К.* Обзор русской колонизации с древнейших времен до XX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 394.
- ⁴⁵ *Лавров Л.И.* Указ. соч. 444.
- ⁴⁶ ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 6. Д. 2. Л. 1. Военно-топографическая карта Хасав-Юртовского округа Терской области.
- ⁴⁷ *Шихалиев Д.-М.* Рассказ кумык о кумыках // Этнокультура народов Северо-Восточного Кавказа середины XIX в. Махачкала: Абусульпан, 2011. С. 194.

Литература

Алиев, Б.Г. Дагестан в XV–XVI вв. (вопросы исторической географии). [Текст] / Б.Г. Алиев, М.-С.К. Умаханов. Махачкала: Ин-т Истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2004. 494 с.

Ахмадов, Я.С. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVII в. [Текст] / Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1988. 175 с.

Бакиханов, А.-К.-А. Гюлистан-и Ирам [Текст]. Баку: Элм, 1991. 304 с.

Белокуров, С.А. Сношения России с Кавказом [Текст]. М.: Университетская тип., 1889. 584 с.

Гамзатов, Г.Г. Памятники позднесредневекового времени на территории Терско-Сулакского междуречья [Текст] // Советская этнография. 1982. № 3. С. 231–235.

Гусейнов, Г.-Р.А.-К. Тюменское княжество в контексте истории взаимоотношений Астраханского ханства и Кумыкского государства с Русским государством в XVI в. [Текст] // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. С. 223–226.

Дзицойты, Ю.А. Нарты и их соседи [Текст]. Владикавказ: Алания, 1992. 283 с.

Задыхина, К.Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи [Текст] // Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М., 1952. С. 319–426.

Зайцев, И.В. Астраханское ханство [Текст]. М.: Вост. лит., 2006. 303 с.

Кононов, А.Н. Родословная туркмен [Текст]. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 190 с.

Криштопа, А.Е. Сведения западноевропейских путешественников XV в. о Дагестане [Текст] // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1970. С. 110–123.

Кушева, Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30 годы XVII века) [Текст]. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 372 с.

Лавров, Л.И. Кавказская Тюмень [Текст] // *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009.

Любавский, М.К. Обзор русской колонизации с древнейших времен до XX в. [Текст] М.: Изд-во Моск. ун-та., 1996. 688 с.

Мустакимов, И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов [Текст] // Тюркологический сборник, 2009–2010. М.: Вост. лит., 2011. С. 228–249.

Нарожный, Е.И. О локализации «Трехстенного городка» на Нижнем Тереке [Текст]: некоторые вопросы исторической географии XIII–XVII вв. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: материалы седьмой междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 225–231.

Оразаев, Г.М. Исторические сочинения Дагестана [Текст]. Кн. I. Махачкала: Эпоха, 2003. 331 с.

Сборник Русского исторического общества [Текст]. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. Т. 95. 786 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1549 гг. [Текст] / Сост. Б.А. Кельдасов, Н.М. Рогожин, Е.Е. Лыкова, М.П. Лукичев. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 360 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 1551–1561 гг. [Текст] / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: ФЭн, 2006. 389 с.

Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина [Текст] // Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. СПб.: Тип. III отд. собств. Е.И.В. канцелярии, 1836. 626 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей [Текст]. Т. 1, кн. 1 / Пер. с перс. О.И. Смирновой, ред. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей [Текст]. Т. 2 / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, ред. И.П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.

Сабитов, Ж.М. Монгольская армия в 1206–1259 гг. [Текст] // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2011. № 1. С. 86–114.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды [Текст]. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.

Соймонов, Ф. Описание Каспийского моря [Текст]. СПб.: Имп. Акад. наук, 1763. 380 с.

Трепавлов, В.В. История Ногайской Орды [Текст]. М.: Вост. лит., 2001. 764 с.

Трепавлов, В.В. Литовская метрика как источник по истории тюркских государств Восточной Европы [Текст] // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 92–105.

Цагаева, А.Д. Топонимия Северной Осетии [Текст]. Орджоникидзе: Ир, 1971. 239 с.

ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 5. Д. 18. Докладная записка члена комиссии о сословиях в Кумыкскому округе.

ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 6. Д. 2. Л. 1. Военно-топографическая карта Хасав-Юртовского округа Терской области.

Шильтбергер, И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год [Текст] / Пер. К.Ф. Бруна. Баку: Элм, 1984. 87 с.

Шихалиев, Д.-М. Рассказ кумык о кумыках [Текст] // Этнокультура народов Северо-Восточного Кавказа середины XIX в. Махачкала: Абусупьян, 2011. С. 188–238.

К вопросу о термине «хъириб-шамхал/крым-шамхал»

Одним из терминов сословно-феодалного общества в Гази-Кумухском шамхальстве, который не получил до настоящего времени внятного удовлетворения в этимологии, является термин *хъириб-шамхал* (русифицированное крым-шамхал), не совсем ясен и его правовой статус. Это был второй по значимости титул в государственной иерархии шамхальства. Автор показывает, что он возник в Гази-Кумухе и восходит к лакскому слову *хъириб* («следующий»). Званием *хъириб-шамхалов* наделялись престолонаследники гази-кумухских правителей-шамхалов.

Ключевые слова: *хъириб-шамхал; Гази-Кумухское шамхальство; система наследования; лаццы.*

I.A. Kayaev

ON THE QUESTION OF THE TERM 'KH'IRIB SHAMKHAL/ QRYM SHAMKHAL'

One of the terms of feudal stratified society in the Ghazi Kumukh Shamkhalate, which was not received up to the present time distinct etymology is the term kh'irib shamkhal (rusified krym-shamkhal). Its legal status is unclear as well. It was the second most important title in the state hierarchy in the Shamkhalate. The author shows that it originated in Gazi-Kumukh and dates back to the Lak word khyiriv («following»). The title of Kh'irib Shamkhal was bestowed to the heirs of Ghazi Kumuk rulers, Shamkhals.

Key words: *Kh'irib Shamkhal; Gazi-Kumuk Shamkhalate; the system of succession; the Laks.*

Одним из терминов сословно-феодалного общества эпохи Гази-Кумухского шамхальства, который не получил до настоящего времени внятной этимологии, является термин *хъириб-шамхал*, не совсем ясен и его правовой статус. В данной статье мы хотим, насколько позволяют материалы, рассмотреть действительный статус этого термина и поделиться своими наблюдениями и соображениями относительно его происхождения.

Хъириб-шамхал (в русской транскрипции *крым-шамхал*) – второй по значимости титул в государственной иерархии Гази-Кумухского шамхальства. Источники XV–XVI вв., отмечают, что шамхал (шевкал, или царь шевкальский, по терминологии русских дипломатических документов)¹ является одним из самых могущественных правителей

Северного Кавказа. Рядом с ним упоминается и крым-шамхал, т.е. следующий шамхал. Корпус письменных источников, исходящих в основном из документов Посольского приказа, имеет исключительное значение для изучения социально-политических отношений феодальных владений Северного Кавказа. Из него можно особо выделить статейные списки (отчеты русских послов), которые не находят себе аналогий в государственных архивах Ирана и Турции XVI–XVII вв., имевших иную систему делопроизводства². При разборе материалов Посольского приказа необходимо понимание, что местные социально-политические термины в русских дипломатических документах переданы в русифицированной транскрипции или в переводе на русский язык, следовательно, в русской интерпретации. Более того, в ряде случаев они не могут быть правильно раскрыты без привлечения данного языка народа, в среде которого эти термины получили свое рождение.

Отсутствие ясности в понимании терминов нередко является причиной ошибочных утверждений и оценок исследователей. К примеру, в статейных списках XVI–XVII вв. Посольского приказа город Гречи – резиденция кахетинских царей, называется Крым или Крим на реке Лобани (Алазань)³. В книге же исследователя К.М. Алиева «Шаухалы Тарковские», столица Кахетии, известная в источниках с XV в., автором произвольно превращена в «пограничную область Гречи (от тюркского Крым)»⁴. К сожалению, подобных фактов вольного обращения с этническими, политическими и географическими терминами в данной работе немало. В тоже время видно, что автор этой монографии ввел в научный оборот большое количество ценных документов и сведений, исходящих в основном из работ турецких исследователей. Здесь видится результат кропотливой работы, которую нельзя не отметить.

К сожалению, подобное положение мы наблюдаем и в ряде других современных исследований в отношении местных географических и этнических названий средневекового периода. В XVI–XVII вв. не все народности и племена Кавказа существовали под теми же именами, под которыми они известны в настоящее время⁵.

Практически во всех исследованиях авторов досоветского, советского и постсоветского периодов термин *хьириб–шамхал* приводится в русифицированной транскрипции и интерпретации в форме «крым-шамхал».

В таком виде этот термин впервые зафиксирован в текстах XVI в.⁶

В «исторической записке», озаглавленной «Шамхалы Тарковские» и опубликованной в 1868 г., этот титул дан в ставшей уже традиционной для русской историографии транскрипции: «Крым-шамхалами назывались правители д. Буйнак. Титул этот, как говорит предание,

образовался после того, как шамхалы окончательно основали свою постоянную резиденцию в Тарках. Звание правителя Буйнака представлялось обыкновенно старшему в роде после шамхала, и он предназначался наследником титула и власти его; поэтому он как бы считался в половине шамхалом, что на местном кумыкском языке выражается так: ярым-шамхал, и многие думают, что звание крым-шамхал происходит из этих слов. Крым-шамхалы часто интриговали против настоящих шамхалов и иногда успевали отнимать от старших братьев владение.

Как видно из дипломатических сношений того времени, Крым-шамхал, современник царя Федора Иоанновича и грузинского царя Александра, будучи шурином последнего хлопотал через него, чтобы русские войска покорили город Тарки и водворили его там вместо шамхала, за что он обещался открыть через свое владение прямой путь в Грузию⁷.

С.Ш. Гаджиева традиционно дает этот термин в той же русифицированной транскрипции. По ее мнению, появление данного титула связано с феодальным обычаем, согласно которому «самый старший в роду после шамхала считался наследником престола и должен был до получения власти, т.е. до смерти правящего в Тарках владетеля, жить в Буйнаке на положении “ярым-шамхала” (“половинного” или “неполного” шамхала). Что касается слова “крым-шамхал”, то оно, очевидно, вначале применялось как прозвище владетеля (“къырым” – уничтожающий, беспокойный и т.д.). Буйнакские владетели и в самом деле нередко занимали враждебную политику по отношению к правящим тарковским шамхалам, интриговали против них»⁸.

Отметим несколько положений из этих сообщений, с которыми невозможно согласиться.

Первое. Утверждение, что титул *хъыриб-шамхал/крым-шамхал* появился после удаления шамхалов на плоскость, не выдерживает критики, если учесть, что этот титул упоминается в надежном источнике – «Перечне повинностей, которые получали шамхал и крым-шамхал», датируемый кавказоведом Т.М. Айтберовым XV в.⁹ Переселение гази-кумухских шамхалов на равнину произошло не позже XVI в. Оно было вызвано изменением экономической ситуации в регионе. Как известно, через плоскостные земли шамхальства проходила часть трассы международного волжско-каспийского торгового пути, по которому шла интенсивная торговля между Ираном, государствами Закавказья, Россией и европейскими странами¹⁰.

Этот путь активно использовался, в том числе, дагестанскими торговцами людьми для доставки своих товаров с юга на север, в частности, из Дербента в Тарки, Эндери и далее в горные районы и обратно¹¹. Нахождение одной из резиденций правителя на плоскости, в

Тарках, благоприятно сказывалось на активизации торговых операций с иноземными купцами и установления действенного контроля над транзитной торговлей, доходы от которой поступали в государственную казну шамхальства.

Несмотря на то, что центр экономической жизни переместился на плоскость, политическим центром государства оставался Гази-Кумух. Так, в 1599 г. грузинские послы Сараван и Арам в своем отчете сообщают: «...ни самому ходить, ни людей своих посылать на шевкала нельзя, что шевкал живет за горами, дорога к нему тесна»¹². Другой грузинский посол, старец Кирилл, во время своего пребывания в Москве в 1603–1604 гг. подтверждает сообщения своих предшественников: «...в Тарках стоит на горе двор шевкалов, палаты каменные и избы. Было время, когда я посетил, что в Тарках 300 дворов, но сейчас 20 или 30 пашенных черных. А воинские люди приезжают тут от шевкала временем, как хлеб поспеет, и они тут хлеб хоронят по ямам и увозят по горам»¹³, а «шевкал и дети его живут больше в Казы-Кумухах в горах, потому что то... место... крепкое»¹⁴.

О роли Гази-Кумуха в политической системе шамхальства и после переселения шамхалов на плоскость наглядно свидетельствует отписка терского воеводы, князя М.П. Пронского в Посольский приказ. В ней сообщается, что Султан-Махмуд Эндереевский, желая обеспечить избрание своего сына Айдемира на шамхальский престол в 1635 г., ездил «...в Казыкумыхи для обирания на шевкальство сына ево, Айдемира мурзы, и давал в Казыкумухе кабацким¹⁵ узденям подарки – лошади и быки, и овцы, где дается по их обычаям шевкальство, а то де у них исстари повелось, что от шевкальства подарки дают всяким людям и до последнего узденя... и сын его Айдемир едет скоро в Казыкумухи, и в Казыкумухах де ему женитца у Тучелава мурзы, а женья де ему там и шевкальство дадут»¹⁶.

Из текста документа видно, что Тучалов Гази-Кумухский был личностью столь влиятельной, что мог обеспечить своему зятю Айдемиру получение шамхальского престола. Одновременно источник в какой-то мере раскрывает и роль гази-кумухского узденства на политику самого Тучалова. Влияние Тучалова на политические процессы в Шамхальстве подчеркивается и в отписке терского воеводы Н. Вельямина от 1619 г. в Посольский приказ. Воевода сообщает, что он приказал стрелецкому голове «...ехати в Казыкумыки к Чучолову-мурзе (Тучалову. – *И.К.*), к Алибекову сыну казыкумухцково, а велел я... ево, Чучолова-мурзу, уговаривати и приводити всякими мерами накрепко, чтобы он, Чучалов-мурза, тебе, великому государю, послужил и службою службу свою показал, Илдара-мурзу (Ильдара-Тарковского. – *И.К.*) уговорил и на ту ево меру привел, чтоб он у Салтана-Магмута-мурзы, тебе, государю, шерть и оманаты взял. А для

тово... послал в Чучолову-мурзе голову стрелецково и говорити ему велел, что он у отца своего, Алибека-князя казыкумуцкова, и всей Кумыцкой земле волен, все полагаютца на него и Илдар ево слушает во всем»¹⁷.

Второе. Не бесспорны утверждения, будто изначальным уделом и резиденцией хъириб-шамхалов являлось только селение Буйнак и прилегающие к нему земли. Согласно сведениям источников хъириб-шамхалы сидели не только в Буйнакском уделе, но и в других крупных населенных пунктах шамхальства. Например, И.Г. Гербер, приводя сведения о правителе Аксайского удела Султан-Махмуде, пишет: «Сей султан Мамут Аксай не из последних владельцев, и для того у шамхала и у протчих дагистанских и горских владельцев в великом почтении был, назначивал его бывший шамхал наследником своим, отчего он стал и слыть Крым шамхал...»¹⁸.

Третье. Попытки привязать происхождение титула «крым-шамхал» в русской транскрипции к кумыкским терминам *ярым-шамхал* (половинный, неполный шамхал), или *кьырым-шамхал* (уничтожающий, беспокойный шамхал) не вызывают доверия. Известно, как серьезно и тщательно в сословно-феодальном государстве относились к титулам и титулованию. Как правило, их неправильное или неуместное употребление приводило к серьезным конфликтам и осложнениям. Во избежание подобных дипломатических инцидентов в Посольском приказе была тщательно разработана инструкция по употреблению титулов в посланиях к турецкому султану, персидскому шаху, правителям Закавказья и феодальным владельцам Северного Кавказа, которая неукоснительно соблюдалась¹⁹.

Учитывая эти обстоятельства, невозможно представить, что термины «ярым-шамхал» или «кьырым-шамхал» несущие в себе негативно-уничтожительный смысл в кумыкском языке, могли прилагаться ко второму по значимости лицу в феодальной иерархии государства и тем более, использоваться в дипломатических документах во внешних отношениях с иностранными государствами.

На несостоятельность версии, возводящей этимологию титула «крым-шамхал» к кумыкскому термину «ярым-шамхал», обратил внимание в 1930-е годы Б.Г. Малачиханов. В своей статье, не потерявшей научной актуальности и в настоящее время, он использовал, наряду с другими документами, «неопубликованные сведения из материалов, почерпнутых у Али Каяева»²⁰. По его мнению, «термин этот дошел до нас в виде “Крым-Шамхал”, имея в русских дипломатических документах времен царей Федора Ивановича и Бориса Годунова форму “Крым-Шевкал”. Тенденция приставки “Крым” являлась совершенно непонятной, тем более что она и не сопровождалась какими-либо поползновениями в сторону родственных связей с Крымским

ханством. Между тем по утверждению в Дагестане царской власти специальная комиссия по определению “личных и поземельных прав туземцев Темир-Хан-Шуринского округа” сталкивается с необходимостью объяснения термина “Крым-Шамхал”. Объяснение находится: “...он (т.е. наследник) как бы считается в половину шамхалом, что на кумыкском языке выражается так “крым-шамхалы”, и многие так думают, что звание крым-шамхала происходит из этих слов”. Эта версия и сделалась общепринятой. Между тем она искусственна до очевидности; очень удивительно, что в это время на это никто не обратил внимания, несмотря на то, что старинная транскрипция слова в виде *خرب*, что по лакски означает “после”, давая понятие “будущий шамхал”. Период нахождения шаухала в Кази-Кумухе – лакском центре, как бы был позабыт, и поиски значения “Крым” были произведены лишь в кумыкском языке»²¹.

С мнением Б.Г. Малачиханова согласился и Х.М. Хашаев считавший, что слово *крым* происходит от слова *хъириб*, что значит «следующий» на балхарском диалекте лакского языка²². Р.Г. Маршаев утверждает, что этимология термина «крым-шамхал» находит свое объяснение в лексике лакского языка. В целом поддерживая мнение Х.М. Хашаева, он пишет: «...было бы правильным, если бы автор при определении этимологии слова “крым” исходил из вицхинского диалекта, который является носителем древних форм лакского языка. Старинная транскрипция этого слова в вицхинском диалекте звучит в виде “хъириб-шамхал”, что значит “после шамхал”, давая понятие “будущий шамхал”, “наследник престола шамхала”. Вероятно слово “хъириб” было искажено русскими, став словом “крым”, и в таком виде вошло в историческую литературу»²³.

Здесь, мы считаем необходимым внести некоторые коррективы. Слова *хъириб* в значении «вслед за; после», и *хъирибсса* в значении «последующий; следующий» и в настоящее время не вышли из употребления из литературного лакского языка, в основе которого лежит диалект селения Кази-Кумух²⁴. Более того, Али Каяев, в своем энциклопедическом словаре «Лакский язык и история» приводит ряд терминов, которые имеют в своем основании слово *хъириб*. Один из этих терминов *хъирибчу* в нашем случае привлекает особое внимание. Али Каяев сообщает, что данный термин в старину употреблялся в значениях «сопричаститель» и «представительствующий»²⁵.

Интересные сведения об употреблении термина «хъириб-шамхал» в письменных источниках приводит А.Р. Шихсаидов. Он пишет: «...титул шамхальского наследника впервые в дагестанской литературе мы встречаем в “Тарих Дагестан”. В различных списках этой хроники обычно применяется термин *гирим шамхал*, редко – *чирим*, очень редко (список, которым пользовался А. Бакиханов) – *хириб-*

шамхал»²⁶. Далее он сообщает о выявленной им в 1962 г. рукописи, хранящейся у жителя селения Сагада Алиева, в которой интересующий нас термин приведен в форме *хириб-шамхал*: «...это относительно того, что полагается шамхалу со стороны райатов ежегодно и что следует с гор: общество Караха обязано вносить 500 овец шамхалу, а 400 – хириб-шамхалу; точно так же общество большое Кусрахи обязано шамхалу 300 овец, а хириб-шамхалу – 400 овец»²⁷.

То есть выявленный А.Р. Шихсаидовым источник документально подтвердил утверждения Б.Г. Малачиханова, Х.М. Хашаева и Р.Г. Маршаева, что этимология термина *хъириб-шамхал* восходит к исконно лакскому слову *хъириб* («следующий»).

Окончательный ответ на этот вопрос вносят материалы Али Каяева, которые мы впервые вводим в научный оборот. Речь идет о ценном источнике из архива ученого, перечисляющем повинности, которые получали потомки рода наследственных кадиев Гази-Кумухского шамхальства, шамхалы и хъириб-шамхалы²⁸, и двух его статей²⁹, посвященных этимологии интересующего нас термина.

Обнаруженный источник представляет собой лист бумаги светло-коричневого цвета, размером 20×24 см с оборванными краями. Бумага дагестанского изготовления, светло-коричневого оттенка. Текст написан черными чернилами, каламом. Почерк – дагестанский насх. На лицевой стороне листа зафиксирован перечень натуральных и денежных повинностей различных сел и обществ, поступавших в распоряжение верховного кадия шамхальства Хаджи-Мухий ад-Дина. Он заверен личной печатью его потомка, кадия Зуд-Дина, который в конце текста на лицевой части источника, пишет: «Я, кадий Зуд-Дин, являющийся сыном кадия Махалли, сына кадия Шейх-Ахмада, сына кадия Умара, сына кадия Мухаммада, сына кадия Исмаила, сына кадия Абдуллы, сына кадия Мухий ад-Дина, сына кадия Махмуда, сына кадия Амир-Али, сына кадия Шейх-Ахмада, сына кадия Мухаммада, сына кадия Абдуллы, сына кадия Зуд-Дина, сына кадия Джунайда, сына кадия Мухий ад-Дина-Хаджи, переписал это из старинного списка. Начертано в месяце раби-аль-авваль года семь...³⁰ шестьдесят, если брать по хиджре богоизбранного пророка Мухаммада. Да благословит его Аллах и приветствует».

Али Каяев считает, что пропущенным словом является в данном случае «сто», и дату следует читать в следующем виде: «семьсот шестидесятый год» по хиджре, который соответствует 1359 г.

На обратной стороне листа дан список повинностей. Поскольку перечень повинностей, поступавших в распоряжение верховного кадия Хаджи-Мухий ад-Дина, был предметом нашего исследования в статье «Институт наследственного кади в Гази-Кумухском Шамхаль-

стве»³¹, приступим к анализу второй части источника, в котором, титул наследника шамхала дан в форме *хъириб-шамхал*.

**«Перечень повинностей, которые получали шамхал
и хъириб-шамхал»**

«Это – разъяснение тому, что причитается шамхалу, будучи налоговым на его подданных (*раиййа*). Является это, обязательным для названных лиц и выполняется ими ежегодно.

Разъясняется здесь и то, что поступает с *гор*, по причине использования их для пастбы скота. 1) С общины (*джамаат*) Карах³² (*Къарахъ*) в пользу шамхала – 500 овец, в пользу хъириб-шамхала – 400 овец. 2) С каждого дома, который стоит в ал-К-л-буке³³ взимается по одной овце. Это делается, лишь раз в четыре года. 3) С общины Тленсеруха³⁴ (*Клсерухъ*) – 300 овец в пользу шамхала, а еще 400 овец – в пользу хъириб-шамхала. 4) В Тленсерухе имеется также *гора*, с которой поступает 1000 овец, а также – 13 коров, что следует за [совершенные] преступления (*джурм*). 5) С Чамалала³⁵ (*Чамахъи*) – 500 овец. 6) С Тинди³⁶ (*Тиндиб*) – двадцать быков. 7) С Арчи³⁷ (*Арчуб*) взимается для шамхала – 130 овец, для хъириб-шамхала – 30 баранов, а также 10 овец, но это берут лишь раз в два года. 8) С Хулизма³⁸ (*Ххюлуссун*) – 13 овец. 9) С Бурши³⁹ – 10 овец. 10) С Сумбатля⁴⁰ (*Сунбатл*) – 50 овец за использование [княжеской] *горы*. 11) С Шалиба⁴¹ (*Хъилиб*) – один конь, но, лишь на погребение [знатного] покойника. 12) С Чирага⁴² (*Хъургъиб*) – один конь, кобыла и 30 овец. 13) С Буркихана⁴³ (*Бурккиххян*) – один бык и 12 ягнят ежегодно. 14) С Дуакара⁴⁴ (*Даяхъар*) – 30 кусков (буккура)⁴⁵. 15) То же самое, то есть 30 кусков буккура с Нахки⁴⁶ (*Нухъи*) и столько же с Наци⁴⁷ (*Нуци*), Гуладты⁴⁸ (*Гъуладди*), Урари⁴⁹ (*Уръяри*), Цугни⁵⁰ (*Цугниб*) и с Мулебки⁵¹ (*Буламук*). 16) Шамхалу принадлежит также гора, называемая «Чу-баклу»⁵² с которой поступает ежегодно по 50 овец»⁵³.

Все перечисленные даргинские селения, за исключением селения Чираг, входили в общество Сюрга, территория которого была расположена в горной зоне внутреннего Дагестана и включала в себя юго-западную часть современного Акушинского района РД и западную часть современного Дахадаевского района РД.

Итак, процитированный источник, датированный XIV в., исходящий из архива наследственных кадиев шамхальства, дает точную транскрипцию термина *хъириб-шамхал* и ясно указывает, что этот титул получил свое рождение в Гази-Кумухе.

Объяснению термина посвящены также две статьи Али Каяева, о которых было упомянуто выше. Первая из них, «Хъириб-шамхал»,

помещена автором в энциклопедическом словаре «Лакский язык и история». Али Каяев пишет: «В Лакии, во времена Шамхальства, при церемонии возведения нового шамхала на престол одновременно провозглашали и его наследника с титулом “хърив-шамхал”. В случае смерти или гибели шамхала, или по какой другой причине, на трон шамхала возводился его наследник, одновременно с этим провозглашался и новый “хъирив-шамхал”».

Некоторые села Дагестана были обложены податями и повинностями, которые поступали в распоряжение как шамхалу, так и хъирив-шамхалу.

Титул “хъирив-шамхал” (другая форма написания хъириб-шамхал) со временем видоизменялся и, в конце концов, принял форму “кърим-шамхал”. В некоторых документах он встречается и форме “хириб-шамхал”»⁵⁴.

Данная статья для нас интересна не только тем, что раскрывает некоторые подробности возведения нового шамхала на престол и провозглашения его наследника, но и приведенными сведениями о трансформации этого титула во времени, и о существовании других старинных источников, в которых этот термин дается в форме «хъириб-шамхал». Заметим, что, эти источники, которые были доступны автору статьи, в настоящее время либо не выявлены, либо безвозвратно потеряны в годы так называемой «культурной революции». К сожалению, вторая часть предположения наиболее вероятна, если учесть варварское уничтожение памятников истории и культуры, мечетских и частных библиотек в Гази-Кумухе, учиненное местными активистами «Союза воинствующих безбожников» в 30-х годах прошлого века, руководимых партийными и советскими органами⁵⁵. Здесь же следует отметить, что эта волна вандализма, с особой, не поддающейся здравому смыслу жестокостью, прокатилась именно по этнической территории лакцев.

Не меньший интерес представляет для нашего изложения и статья Али Каяева «Хъириб-шамхал» из рукописи «Материалы по истории и языку лаков, написанные в ссылке, в Казахстане». Она гласит: «В Лакии, во времена шамхальства, при избрании нового шамхала, одновременно провозглашали и его преемника во власти. Он был или его сыном, или братом, либо...»⁵⁶. Наследник носил титул “хъириб-шамхал”, что означало “следующий шамхал”. Церемония провозглашения шамхалов и хъириб-шамхалов проводилась в Лакии и после переселения шамхалов на плоскость. Однако, у кумыков⁵⁷, живущих на плоскости, исконно лакское слово “хъириб” видоизменилось в слово “къирим”. Таким образом, термин “къирим-шамхал” получивший известность у кумыков, есть видоизмененный термин “хъириб-шамхал” исходящий из лакского языка.

В Карачае проживает бекская по своему происхождению фамилия Крым-Шамхаловых⁵⁸. Носители этой фамилии утверждали, что их первоначальной родиной является Дагестан. Я полагаю, что они являются потомками хьириб-шамхала, который переселился в Карачай из Лакии или с плоскости. Во времена шамхальства хьириб-шамхалам, как и шамхалам, предназначались очень большие подати, взимаемые с некоторых селений Дагестана»⁵⁹.

Данная статья автора, несмотря на малый объем, содержит в себе значительное количество информации, которая требует некоторых пояснений.

Первое. Сообщение автора, что церемония провозглашения нового шамхала и хьириб-шамхала происходила в Лакии и после их переселения на плоскость свидетельствует, что Гази-Кумух, по крайней мере, до 40-х годов XVII в. оставался политическим центром шамхальства. Здесь же, по традиции, на родовом кладбище продолжали хоронить правителей – шамхалов. Последняя из найденных могил на этом кладбище в Гази-Кумухе принадлежит шамхалу Сурхаю б. Алибеку и датируется 1640/41 гг.⁶⁰

Второе. Али Каев сумел правильно уловить видоизменение термина «хьириб-шамхал» во времени и в географическом пространстве.

Третье. Сообщение автора о том, что хьириб-шамхалами провозглашались или брат, или сын шамхала, ясно указывает, что в Гази-Кумухском шамхальстве при выборе главы государства действовало лестничное право. Принципы утверждения верховной власти в шамхальстве полностью соответствовали удельно-лестничной системе престолонаследия, при которой младший брат наследовал старшему, старший племянник – дяде. Члены шамхальского рода считались совладельцами государства. В ожидании престола наследники получали в управление уделы. Дети членов шамхальского рода, рожденные от неравного брака, не имели прав на престол. Таким путем достигался двойной результат. Во главе государства не мог оказаться ребенок, не способный к управлению, а правители уделов из шамхальского рода имели надежду получить верховную власть, что в некоторой степени приглушало сепаратистские настроения и возможность отпадения уделов. Представители рода, чьи отцы не успевали получить верховную власть, лишались права на престол, но получали от шамхала уделы, в которых правили их отцы на момент своей смерти. Это правило также существенно сужало круг претендентов на верховную власть. Несомненно, это был паллиатив, но, тем не менее, данная система с присущей ей недостатками (споры насчет старшинства внутри рода и вследствие этого – войны за престол) все же сыграла свою положительную роль. Благодаря удельно-лестничной системе государствен-

ное устройство шамхальства в сложнейших условиях продержалось в течение длительного исторического периода.

Четвертое. Несомненный интерес вызывают сведения автора о владетельной фамилии Крым-Шамхаловых, предки которой переселились в Карачай из Лакии или же с плоскостных земель Шамхальства.

М.И. Баразбиев считает, что фамилия Крым-Шамхаловых известна в Карачае как минимум с начала XVII в. Хотя «официальная» версия выводила феодальные фамилии Карачая из Крыма, в духе политической конъюнктуры XVII–XVIII вв., но еще в конце XIX в. Крым-Шамхаловы помнили о своем происхождении, считая себя потомками дагестанских шамхалов⁶¹.

Р.М. Бегеулов, отмечая идентичность социального строя шамхальства и Карачая, пишет, что: «карачаевцы в этом отличались от своих соседей: кабардинцев, осетин и даже близкородственных балкарцев, географически расположенных гораздо ближе к Дагестану. В какой-то мере это может быть следствием того, что самая могущественная феодальная фамилия Карачая-Крымшамхаловы, из среды которых выбирались верховные правители всего края (оли), явно дагестанского происхождения»⁶².

Л.И. Лавров допускал, что основателем этой владетельной фамилии мог быть один из хъириб-шамхалов, бежавший в Карачай во время междоусобной войны за власть в шамхальстве⁶³. Он же опубликовал предание, записанное со слов старожиллов селения Табахлу, сообщающее, что оно было «разорено ханом Сурхай-Чолаком. Разорение произошло, когда табаклинский правитель Махди-шамхал возвращался из Карачая, где он помогал жителям бороться с какими-то врагами. Махди-шамхал издали увидел пламя над своим селением и не вернулся в него. Табаклинцы после гибели их селения перенесли свои жилища с горы на нынешнее место...»⁶⁴.

Это любопытное предание также требует некоторых пояснений.

Первое. Селение Табахлу (лак. Гъухъал) – ныне северная часть селения Гази-Кумух, один из его кварталов. Как отдельное селение Nukal (Хукал) Гази-Кумухского ханства оно упоминается в XVIII в. у Гильденштедта⁶⁵. Согласно преданию, зафиксированному С.М. Хайдаковым, Гъухъал когда-то был крупным населенным пунктом, располагавшимся на склонах горы, которая примыкает к нынешнему Табахлу (Гъухъалу). Тогда оно называлось Хъархъал⁶⁶. Л.И. Лавров считает, что во время вражды между гази-кумухскими и мехтулинскими ханами жители Хъархъала поддерживали последних, и за это были разорены гази-кумухским ханом. Часть хърхъальцев после этого переселилась в селения Вильташи и Убра, а оставшиеся вынуждены были поселиться на окраине Гази-Кумуха и образовать селение Табахлу⁶⁷. Разгром Гъухъала Сурхай-ханом I (1672–1748) в приведенной

Л.И. Лавровым легенде не соответствует историческим реалиям того времени. А.Г. Булатова считает, что Гъухъал был разрушен сыном Сурхай-хана I Мухаммад-ханом в 1741 г. за поддержку гъухъальцами Муртазы-Али в распрях с его братом Мухаммад-ханом⁶⁸. Это мнение также не находит подтверждения в источниках, в которых нет никаких сведений о вражде Мухаммад-хана с Муртазой-Али. Более того, разгром Гъухъала Мухаммад-ханом источники относят к 1758 г., т.е. через семнадцать лет после гибели Муртаза-Али.

Сведения о разрушении Гъухъала содержатся и в лакской исторической песне «Гъухъаллал Къайдар» (Табахлинский Кайдар)⁶⁹. Песня известна в нескольких вариантах, которые имеют совершенно разные композиции. Песня повествует о верности долгу, стойкости и доблести Кайдара, оборонявшего гъухъальскую крепость от воинов Гази-Кумухского шамхала Сурхая. В письменных источниках упоминания о Кайдаре не обнаружено, он известен только в исторических песнях и преданиях. Определить время этого события помогают имена других песенных персонажей, которые имели реальных прототипов. Это в первую очередь Кара-Махди (лак. Къара-Магъди), доверивший Кайдару оборону гъухъальской крепости. Выходец из гази-кумухского правящего рода, Кара-Махди «по неудовольствиям с тамошним ханом, удалившись из Кумуха, стал проживать попеременно в разных деревнях, соседственных к населению, составившему впоследствии Мехтулинское ханство. Живя в таком соседстве, Кара-Мехти вскоре сделался известным этому населению как человек, который способен удерживать принятое им под покровительство население от внутренних неурядиц и ограждать от набегов соседей.

По этой молве Кара-Мехти приглашен был сперва аймакинцами, а потом оглинцами, чтобы он принял их под свое покровительство. Примеру этих селений последовали вскоре и общества других одиннадцати селений, живших до того вольными, самостоятельными общинами, и Кара-Мехти, приняв их в свое владение, в непродолжительное время приобрел над всем отдававшимся ему народом власть правителя и военачальника»⁷⁰.

Вскоре власть Кара-Мехти распространилась и на селения Дженгутай, Дургели Какашура которые вошли в состав будущего Мехтулинского ханства⁷¹.

В связи с личностью Кара-Махди заслуживает внимание аварская историческая «Песня о Хъадаре»⁷², которая раскрывает образ Кара-Махди как влиятельного правителя Вицхинского магала⁷³, противостоящего Гази-Кумуху. О реальности этой личности свидетельствует и памятная запись на полях рукописного Корана, гласящая, что селение Кукни⁷⁴ «было... хутором Магъди Гъухъальского»⁷⁵.

В сказании дербентца Аллаги от 1598 г. мы читаем: «кабак Ухли, а в нем шевкалов зять, у него 50 человек конных; кабак Дергели, а в нем в крым-шевкалов сын Мехдей, у него 100 человек конных; кабак Юнгутей, а в нем шевкалов племянник Сурхай, у него 100 человек конных»⁷⁶. Если отталкиваться от указанной в источнике даты (1598 г.), то описываемые события в песне «Гъухъаллал Къайдар», можно отнести к последней четверти XVI в. Не исключено, что и сама песня могла быть создана в то же время. Наше предположение подтверждается текстом аварской «Песни о Хъадаре», в которой Хъадар Гъухъальский противостоит воинам Алибека и Чупалава (Тучалова. – *И.К.*).

Л.И. Лавров и Т.М. Айтберов полагают, что Алибек был сыном Бугдай-шамхала (умер 1567 г.) и соответственно внуком Умал-Мухаммада. Эта версия основана на предположении, что все сообщения письменных источников с 1598 по 1619 гг. о правителе Гази-Кумуха Алибеке относятся к одному и тому же лицу, и он тождественен Алибеку б. Бугдаю, эпитафия которого обнаружена, но не датирована (впрочем, Л.И. Лавров колебался в этом).

Али Каяев же считает, что он был сыном Уцуми и внуком шамхала Бугдая. Его версия выглядит, на наш взгляд, более убедительно. Как известно, сыновья Бугдая, Сурхай и Уцуми, умерли соответственно в 1571 и 1572 гг. Время смерти их брата Алибека неизвестно, причем она постигла его не в таком уж юном возрасте: Сурхай в течение 5 лет был правителем-шамхалом после смерти своего отца. Между тем, первые сообщения о деятельности Алибека Гази-Кумухского не восходят раньше 1598 г., а умереть он мог лишь после 1619 г. Возможность того, что один из братьев начал свою деятельность лишь спустя 26 лет после смерти остальных, да еще пережил их не менее чем на 50 лет допустима лишь теоретически. Самоочевидно, что Алибек Гази-Кумухский более вероятен как внук Бугдая и сын Уцуми, нежели как его сын. В таком случае он окажется лишь тезкой своего дяди Алибека б. Бугдая, что в шамхальском клане бывало довольно часто.

Как известно, период XVI–XVII вв. был временем постепенного упадка шамхальства. Главной проблемой этого государства стали сепаратистские устремления отдельных владетелей, которые закономерно привели к военным междоусобицам. Наглядным итогом междоусобиц служил участие Гъухъала (Табахлу), зять которого поддерживала притязания на власть сына хъириб-шамхала Кара-Махди.

О том, что это была феодальная междоусобица, свидетельствует и тот факт, что в числе сподвижников Кайдара фигурируют беки селений Унчукатль⁷⁷ и Багикла⁷⁸, которые входили в состав Гъухъальского магала⁷⁹, основу которого составляло Вицхинское общество.

Р.М. Магомедов связывает второе разрушение Гъухъала (Табахлу) с возмущением его жителей захватом ханом их общественных земель,

что привело к восстанию «табахлинских узденей»⁸⁰. Но это утверждение также не находит опоры в источниках.

Итак, на основании сообщений из источников и различного рода фольклорных материалов, можно с известной долей осторожности предположить, что первое разрушение Гьухьала произошло в последней четверти XVI в. в междоусобицы между хьириб-шамхалом Кара-Махди и шамхалом Сурхаем, которого поддерживали гази-кумухский князь Алибек и его сын Тучалов. Второй же разгром Гьухьала произошёл во время правления Мухаммад-хана в 1758 г. Он вновь был связан с сепаратистскими устремлениями знати Гьухьальского магала, которые были жестко подавлены правителем Гази-Кумуха⁸¹.

Интересные сведения с упоминанием Кара-Махди и его потомков мы находим и в материалах Али Каяева. Он пишет: «В Дагестане, в старину образовалось государство с центром в Дженгутае. Основателем этого государства был бек (лакск. баг) Кара-Махди (Къара Магъди), который ушел из Лакии. По этой причине, это государство называли государством Махди-улу»⁸². Сам Кара-Махди в свое время был правителем Гьухьала. По этой причине связи Гьухьала с потомками Кара-Махди прослеживаются на протяжении длительного периода. Одним из свидетельств этой связи, является письмо потомка Кара-Махди – Султан-Ахмада, сына Ахмад-хана к жителям Гьухьала. Текст письма гласит:

«Да будет над Вами благословление Всевышнего Аллаха. Затем. Приветствие и мир джамаату Гьухьала – особенно предводителям, молодым и младшим. И после приветствия. Мое желание и цель – пошлите мне на помощь ваших воинов. Помню о вашей доблести и о ваших услугах (*хьинбала*). Если Вы желаете узнать о моем положении – то мои мысли и деяния связаны с решением государственных вопросов, о которых вы осведомлены.

Если Вы желаете сохранить между мной и вами хорошие и дружественные отношения, которые существуют издавна, то, не затягивая, пошлите войска.

Хорошая речь – короткая речь»⁸³.

Упомянутые в письме Ахмад-хан I и его сын Султан-Ахмад хорошо известны в исторической литературе. Ахмад-хан I – старший сын Кара-Махди, упоминается в источниках с 1637 г. в качестве правителя «Агметхана Мегдиева»⁸⁴. В течение трех лет (1638–1640 гг.), «махдеевский владелец Ахматкан» в союзе с эндереевцами совершает вооруженные рейды на казачьи городки по Тереку⁸⁵. В 1648 г. русские источники, сообщают, что «блиско Терского города живет начальный владелец Ахматкан мурза Магдеев», владения которого простираются «от Андреевы деревни и до Грузинские земли все одного, а живет о себе»⁸⁶. В 1649 г. из Терского городка к «Ахматкану Махдееву» при-

были послы с целью склонить последнего к принятию русского подданства⁸⁷. Последнее упоминание об Ахмад-хане I мы находим в «Отписке терских воевод в Посольский приказ о сношениях с дженгутайским владельцем Ахматханом и перечень жалованья, розданного при приведении его к шерти» 1659 г.⁸⁸ В нем Ахмад-хан I ясно указан как правитель Дженгутая и сын хъириб-шамхала Кара-Махди. Текст источника гласит:

«...В прошлых, государь, годах блаженные памяти от отца твоего государства великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси и от тебя, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, писано на Терек к прежним воеводам, а велено им кумыцкого жигутейского владельца крым-шевкала Махтеева сына Ахматхана-мурзу признать, чтоб ему быть под вашею государскою высокою рукою и в Терской город оманата дать. И по вашему, государскому, указу прежние воеводы посылали к нему Ахматхану-мурзе черкасских мурз и голов стрелецких и детей боярских многожды, чтоб он был под вашею государскою высокою рукою и оманата в Терской город дал. И жигутейский владелец Ахматхан-мурза под вашею государскою высокою рукою в холопстве не бывал и Терской город оманата не даывал и по наш, холопей твоих, приезд. А владение ево Ахматхана-мурзы от Ондреевы деревни, где живет Казаналп-мурза до Грузинской земли. И твоим государевым терским служилым и всяким чином людем руским, и иноземцом, и терским, и гребенским атаманом и казаком от ево Ахматхановых людей было всякое большое дурно на проездах по дорогам и по Тереку реке, и на рыбных ловлях, и на камышах, и на дровяных, и на всяких промыслах побивали и в полон имали беспристанно»⁸⁹.

Сведения о деятельности сына Ахмад-хана I – Султан-Ахмада содержатся в тексте соглашения последнего с жителями Какашуры. Текст этого соглашения обнаружил А.Р. Шихсаидов. Он хранится в частной библиотеки жителя селения Гапшима Ахмедова М.⁹⁰

Из сыновей Ахмад-хана I, кроме Султан-Ахмада, в источниках также упоминаются Заузан, Махди II, Мирзабек и Мухаммад.

Заузан в 1659 г. был взят терскими воеводами «в оманаты», вместе с ним взяли «дядьку да мамку, да с ними 4-х человек людей»⁹¹. Далее следуют упоминания Заузана в 1676–1678 гг., когда он все еще находится «в оманатах» в Терском городке; в 1680–1686 гг. «Заузан мурза Ахматханов» со своими узденями уже состоит на жаловании в том же Терском городке. В пределах 1690–1691 гг. появляются сообщения о его смерти от чумы «на Терке»⁹².

Махди II и Мирзабек упоминаются в 1659 г. как лица, получающие царское жалование в Терском городке⁹³. Махди II упоминается также в вышеупомянутом соглашении из селения Гапшима. Памятная за-

пись из архива М. Гайдарбекова сообщает нам и дату смерти Махди II «1116 г.х./1704–05 (год) – дата смерти Махди, сына Ахмедхана»⁹⁴.

О Мухаммаде сохранилась лишь памятная запись: «1704 г.х./1663–64 – дата смерти Мухаммада, сына Ахмадхана ал-Джункути»⁹⁵.

В связи с интересующим нас титулом *хъириб-шамхал* представляет немалый интерес и фамильные предания абхазских князей Ачба (Анчабадзе), в которых упоминается их прежнее именование Карымшаукал (Карымшаквал)⁹⁶. Вполне возможно, что это предание содержит пока неясный, затерянный во времени факт о некогда имевших родственных связях между влиятельным в Абхазии кланом князей Ачба и дагестанскими хъириб-шамхалами. В контексте родственных связей владетельных правящих домов шамхальства и владетельных домов Закавказья уместно вспомнить сообщение, исходящее из грузинских исторических хроник о браке царя Кахетии Левана на дочери хъириб-шамхала⁹⁷, в котором он имел четырех сыновей⁹⁸.

В этом же ключе можно упомянуть о хъириб-шамхале, который приходился тестем правителя Астраханского ханства Ямгурчи (1546–1554). Из источников известно, что жена хана Ямгурчи – «крымшевкалова царева дочь Канъдаза» попала в плен в 1554 году⁹⁹, во время взятия русскими войсками Астрахани¹⁰⁰. В другой русской летописи эта дочь хъириб-шамхала названа Наидисой¹⁰¹. Она вместе с сыном Юратшой была отправлена в Москву, где была выдана замуж за известного русского государственного и военного деятеля окольничего З.И. Очина-Плещеева¹⁰².

По русским источникам второй половины XVI в. и XVII в. можно поэтапно проследить процесс феодального распада шамхальства. Так, в 1557 г. в Москву прибыло посольство «от крымшевкала и от всей земли шевкальские да от тюменского князя с поминки». Послы били челом о холопстве и о том, чтобы царь приказал астраханским воеводам «беречи их со всех сторон» и дал бы «чистую дорогу» торговым людям. Посольство предлагало и уплату ежегодной дани¹⁰³. Ответ Москвы остается неизвестным. Но уже в ближайшие годы после прибытия этого посольства в Москву источники того времени фиксируют начало феодальной междоусобицы. Тюменский мурза Мамай Агишев в 1559 г. просит военной помощи у астраханских воевод против своего дяди – тюменского князя. Но, видимо, в противостоянии с князем он потерпел неудачу, так как вскоре он и его брат принимают крещение в Астрахани и выезжают на царскую службу в Москву¹⁰⁴. Далее, летопись сообщает о посольстве шамхала в 1558 г. в Москву, которое просит царя оборонить его «от холопей своих от черкасских князей», т.е. от кабардинских князей¹⁰⁵. Следующее посольство «из Шевкал», которое просило прислать рать на «крымшевкала» и дать им «инога, а

они всею землею холопи государевы неотступно», было отправлено в Москву в 1559 г.¹⁰⁶

Это крайне интересное и лаконичное сообщение требует пояснений. Дело в том, что, согласно этому источнику, шамхал просит послать «рать» против хьириб-шамхала и при этом согласен на «иног» хьириб-шамхала, которого московское правительство утвердит в этой должности. Е.Н. Кушева пишет, что это сообщение не подается разъяснению¹⁰⁷. На наш взгляд, просьба шамхала была вызвана начавшейся усобицей, в которую вмешался хьириб-шамхал наряду с другими феодалами, и столкновениями с кабардинскими князьями. В этих условиях Бугдай-шамхал решил заручиться поддержкой московского правительства, войска которого уже стояли на пороге его владений¹⁰⁸.

Однако надо признать, что данное решение не было политически выверенным. Политика Русского государства на Северном Кавказе в то время была направлена на поддержку кабардинских князей прорусской ориентации и исключала возможность поддержки шамхала. Более того, просьба шамхала открыла возможность московскому правительству вооруженным путем вмешаться в дела шамхальства. По приказу царя Ивана IV воевода И.С. Черемисинов в 1560 г. «по неправдам шевкаловым» выступает из Астрахани «на Шевкал и на Тюмень морем» на судах, со стрельцами, казаками и «астраханскими людьми». Под Тарками был высажен десант. Шамхал, застигнутый врасплох, пытаясь отстоять свою резиденцию, отчаянно сопротивлялся, но после начала артиллерийского обстрела Тарков, был вынужден отступить в Гази-Кумух для мобилизации своих основных воинских сил. Черемисинов также не стал искушать судьбу: он выжег Тарки и отплыл в Астрахань, взяв с собой «полону русского и шавкальского ... много»¹⁰⁹.

Летопись, к сожалению, не поясняет, в чем заключалась «неправда» шамхала, но можно предположить, что военные действия не ограничились только походом Черемисинова. Источники сообщают, что вскоре были предприняты и другие военные акции, но уже направленные против хьириб-шамхала в союзе с кабардинскими князьями. Так, Иван IV «посылал из Астрахани Крым-Шавкальского князя воевати»¹¹⁰. Другой источник того времени сообщает об этих событиях более подробно: «Темрюка князя пожаловал, войну свою к нему посылал, и на Крым-Шевкалы Темрюка-князь с нашего государя воинскими людьми ходил и Крым-Шевкалы воевал»¹¹¹.

Причины вторжения русских войск на земли шамхальства в основном вызваны следующими обстоятельствами. Как известно, в начале XVI в. власть шамхалов быстро распространяется по Предкавказской равнине. Это приводит к столкновению шамхалов с кабардинскими князьями. Кроме того, во время ирано-турецкой войны 1548–1555 гг.

шамхал и хъириб-шамхал придерживаются турецко-крымской ориентации. Несомненно, турецкие султаны и крымские ханы стремились закрепить свое влияние в данном регионе и в последующее время. Эти обстоятельства и объясняют решительную поддержку московским правительством кабардинских князей в столкновениях с шамхалом и хъириб-шамхалом¹¹².

Из документов видно, что и в 90-х годах XVI в. вражда между шамхалом и хъириб-шамхалом не утихла. В это время кахетинский царь Александр сообщает в Москву, что «шевквальское дело плохо стало для того, что они (шамхал и хъириб-шамхал. – *И.К.*) промеж собой бранятся», и у них «межусобная рать»¹¹³.

Во второй половине XVI в. шамхальство дробится на ряд уделов, которые не всегда находятся «в одиночестве» с шамхалом, а, напротив, ведут с ним борьбу¹¹⁴. Попытки примирения враждующих группировок на съездах князей шамхальства не давали положительных результатов. Одним из примеров этому служит съезд 1621 г., на котором было принято решение, что после шамхала Андия на престол должен взойти Султан-Махмуд, а Ильдар стать хъириб-шамхалом. Но вопреки решениям съезда Ильдар отправляет посла в Москву с просьбой «велети в большом чину» быть ему, «а не иному». В Москве решили, что «Ильдар государю Салтан Магмута прибыльнее» и послали ему жалованную грамоту на шамхальство с большой государственной печатью¹¹⁵.

Информацию о противостоянии шамхала и сына хъириб-шамхала Кара-Махди содержит и грамота хунзахского нуцала от 1629 г., отправленная терским воеводам, в которой он подтверждает свою верность русскому подданству¹¹⁶. В ней нуцал также сообщает, что в шамхальстве «...ныне не по прежнему Алихан и Магдей и Салтан-Магмут и иные князья все подле меня и будет вы изволите, и Магдей вам сына даст своего и иные также пришлют»¹¹⁷. Как видно из текста документа, в усобицу втянулся и хунзахский нуцал, имевший свои политические цели, для осуществления которых он сплотил вокруг себя сепаратистки настроенных удельных правителей шамхальства.

Феодалные войны XVI–XVII вв. показывают, что порядок престолонаследия по лествичному праву стал колебаться, и появились тенденции к установлению наследственности правления по прямой линии. Так, согласно источникам, в 1580-е гг. хъириб-шамхалом был двоюродный брат шамхала Елим Салтан, но правителем, по каким-то пока неясным причинам, он так и не стал¹¹⁸. В конце XVI в. правителем государства был Сурхай-шамхал. Учитывая права Елим Салтана на власть, освященные традицией, а также сообщения источников о том, что шамхал и хъириб-шамхал «промеж собою бранятца»¹¹⁹, с большой долей вероятности можно предположить, что хъириб-

шамхал Елим Салтан погиб в «междоусобной рати». К.М. Алиев считает, что Елим Салтан был отцом Кара-Махди¹²⁰. Если, это предположение верно, то становится понятной ожесточенная борьба Кара-Махди с Сурхай-шамхалом за верховную власть. Правящего шамхала в этой феодальной усобице поддержали правитель Гази-Кумуха Алибек и его сын Тучалов. Последнее обстоятельство и предопределило падение Гъухъала, знать которого поддерживала Кара-Махди.

И наконец, анализ форм шертования удельных правителей шамхальства за себя, братьев и детей¹²¹ ясно показывает, что уделами правили совместно, большой семьей. После смерти правителя удел наследовали без раздела его братья, сыновья и их потомки; главенствовал старший сын или брат, занимавший особое место в семье еще при жизни брата-правителя¹²². Эти новые тенденции стали началом конца Гази-Кумухского шамхальства. С его распадом в источниках и документах упоминание о деятельности хъириб-шамхалов уже не встречается.

---

¹ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 277, 281, 284; *Маршаев Р.Г.* О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР. Т. VI. Махачкала, 1959. С. 163.

² *Бартольд В.В.* Хранение документов в государствах мусульманского Востока // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С. 350–361.

³ Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615–1640 гг. Тбилиси, 1937; *Татишвили В.Л.* Грузины в Москве. Исторический очерк (1653–1722 гг.). Тбилиси, 1959. С. 66, 71.

⁴ *Алиев К.М.* Шаухалы Тарковские (страницы кумынской родословная). Махачкала, 2008. С. 16.

⁵ К примеру, встречающиеся в русских посольских документах этнические названия племен ококи, минкизы, индили, шибуты и др. – это предки современных ингушей и чеченцев. Единого же названия для этих чечено-ингушских племен не существовало, как не существовало и самих слов «ингуш», «чеченец», возникших значительно позже.

⁶ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 230; *Курбский А.М.* История о Великом князе Московском. СПб., 1913. С. 75–78.

⁷ Шамхалы Тарковские. Историческая записка, составленная Временной комиссией, наряженной для определения личных и поземельных прав туземцев Темир-Хан-Шурина округа // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 56.

⁸ *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 49.

⁹ *Айтберов Т.М.* Сведения по экономической истории Дагестана XV в. в «Перечне повинностей, которые получали шамхал и Крым-Шамхал» // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. XIV научная сессия ЛОИВ АН СССР (доклады и сообщения). Ч. 1. М., 1979. С. 3–9.

- ¹⁰ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 295–297.
- ¹¹ Малачиханов Б.Г. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане // Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР. Т. XIV. Махачкала, 1965. С. 185–187; Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. С. 96–101; Курбанов А.Д. Государственные образования лаков в средневековье. Махачкала, 2006. С. 129–132.
- ¹² Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом, 1578–1613. СПб., 1888. С. 302.
- ¹³ Там же. С. 404.
- ¹⁴ Там же. С. 405.
- ¹⁵ Кабак – восточный термин, которым русские дипломатические и официальные документы в XVI–XVII вв. обозначают подвластные феодальным владетелям селения на Кавказе; в документах XVIII в. «деревня», «селение», а в XIX в. – «аул».
- ¹⁶ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 135–136.
- ¹⁷ Там же. С. 70.
- ¹⁸ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана в XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958. С. 62.
- ¹⁹ Котошихин Г.К. О России в царствовании Алексея Михайловича. СПб., 1859. С. 29–33.
- ²⁰ Малачиханов Б.Г. Указ. соч. С. 202.
- ²¹ Там же. С. 181–182.
- ²² Хашаев Х.М. Прогрессивное значение присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1958. С. 8.
- ²³ Маршаев Р.Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // Ученые записки Института истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР. Т. III. Махачкала. 1959. С. 169.
- ²⁴ Хайдаков С.М. Лакско-русский словарь. М., 1962. С. 285; Джидалаев Н.С. Русско-лакский словарь. Махачкала, 1994. С. 749.
- ²⁵ Каяев А. Лакский язык и история. М., 2006. С. 343.
- ²⁶ Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1975. С. 132.
- ²⁷ Там же. С. 133.
- ²⁸ Личный архив автора.
- ²⁹ Каяев А. Лакский язык и история. С. 343; Каяев А. Материалы по лакскому языку и истории. Махачкала, 2010. С. 304.
- ³⁰ Лакуна в арабском тексте.
- ³¹ Айтберов Т.М., Каяев И.А. Документы XIV–XVIII вв. по истории Лаикии (эпоха шамхалов и ханов Казикумуха) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 3 (39). С. 25–37.
- ³² Карах (авар. Къарахъ) – историко-географическая область, расположенная в верховьях р. Кара-Койсу. В Карахское общество входило 23 селения: Гочоб, Урух-Сота, Сох, Цулда, Тляррош, Гачада, Тлях, Гунух, Гонтлоб, Сачада, Моксоб и др. Территория общества ограничена с северо-запада и севера хребтом Нукатль, с северо-востока – хребтом Шалиб. В приделах

- Караха находится северная часть Чародинского района Республики Дагестан (далее: РД).
- ³³ Иной вариант чтения: ал-Хь.л.бук. Предположительно сел. Гулебки Акушинского района РД.
- ³⁴ Тленсерух (авар. Кьенсерухъ) или Анцратль (авар. АнцІракъ-десять земель) историко-географическая область расположенная в среднем и верхнем течении р. Тлейсерух, на юге Чародинского района РД. В Тленсерухское общество входило 19 сел: Ритляб, Доронуб, Карануб, Цемер, Рулдаб, Тлярабазутль, Гилиц, Кутих, Гоаб, Ириб, Нукуш, Хинуб, Мукрух и др. Территория общества ограничена с востока хр. Шалиб, с запада хр. Нукагль.
- ³⁵ Чамалал (авар. Чамалал) – историко-географическая область, территория которой простирается по склонам левобережья р. Андийское Койсу и по южному скату Андийского хребта. В Чамалал входило 16 сел: Нижнее и Верхнее Гаквари, Гадири, Цумада, Гигатли, Агвали, Ричаганих, Эгдада, Гачитли, Гигатли-Урух, Батлахатли, Цунди, Ургуда, Цидатль, Араскент, Цумада-Урух. В настоящее время находятся в составе Цумадинского района РД.
- ³⁶ Тинди (авар. Тинди) – историко-географическая область. Простирается по северо-западным склонам Богосского хребта. Тиндинские селения расположены по правым притокам р. Андийского Койсу и частично занимают территорию ее левобережья. В общество Тинди входило 26 сел: Тинди, Акнада, Ангида, Тисси, Тисси-Ахитли, Эчеда и др. В настоящее время находятся в составе Цумадинского района РД.
- ³⁷ Арчиб – главное селение арчинцев, которые живут в верховьях р. Хатар, впадающей в р. Кара-Койсу (Рис-ор). До первой трети XX в. арчинцы жили в одном селении Хеъреъ (лак. Арчи). Согласно старинным адатам, жителям Арчи разрешалось в нем жить только три летних месяца в году. Остальное время они переселялись на хутора, которые со временем превратились в селения: Калиб, Хитаб, Кесер, Хилих, Алчуниб, Кубатль, входящие в состав Чародинского район РД.
- ³⁸ Сел. Хулиσμα (Ххюлуссун) расположено в Лакском районе РД.
- ³⁹ Сел. Бурши расположено в Лакском районе РД.
- ⁴⁰ Сел. Сумбатль (СунбатІул) расположено в Кулинском районе РД.
- ⁴¹ Сел. Шалиб (Шал) расположено в Чародинском районе РД.
- ⁴² Сел. Чираг (Хьргьиб) расположено в Агульском районе РД.
- ⁴³ Сел. Буркихан (Бурккииххан) расположено в Агульском районе РД.
- ⁴⁴ Сел. Дуакар (Даяхьар), с прилегающими к нему отселками расположено в южной части Дахадаевского района РД.
- ⁴⁵ *Буккур* – старинное лакское слово, вышедшее из употребления. Применялось в значении «ткань, материя из растительных материалов». *Буккурттул янда* – одежда из буккура. См.: *Каяев А.* Лакский язык и история. С. 107.
- ⁴⁶ Сел. Нахки (Нухьи) расположено в южной части Акушинского района РД.
- ⁴⁷ Сел. Нази (Нуци) расположено в Акушинском районе РД.
- ⁴⁸ Сел. Гуладты (Гъладди) расположено в Дахадаевском районе РД.
- ⁴⁹ Сел. Урари (Урьари) расположено в Дахадаевском районе РД.
- ⁵⁰ Сел. Цугни (Цугуниб) расположено в Акушинском районе РД.

- ⁵¹ Сел. Верхнее Мулебки (Буламук) расположено в восточной части Акушинского района РД.
- ⁵² Предположительно это гора Ча-баклу, расположенная неподалеку от селений Хури (Хъур) и Хурукра (Хъуруклул) Лакского района РД. См.: Лакско-русский словарь. М., 1962. С. 385.
- ⁵³ Источник хранится в архиве Али Каяева.
- ⁵⁴ Каяев А. Лакский язык и история. С. 343.
- ⁵⁵ Воспоминания гази-кумухцев Тутунова Мудуна, Шахшаева Ахмеда и Билалова Гази, записанные автором.
- ⁵⁶ Слово в тексте не удастся прочесть.
- ⁵⁷ В тексте «арнилсса». До недавнего времени лаки называли кумыков жителями равнины- «арнилсса».
- ⁵⁸ В тексте «Къирим-Шамхаловы».
- ⁵⁹ Къаяев А. Лакку мазрал ва тарихрал материалу. Рукопись. С. 229; Каяев А. Материалы по лакскому языку и истории. С. 304.
- ⁶⁰ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XVII вв. Ч. I. М., 1966. С. 161 (надпись № 427).
- ⁶¹ Барзбиев. М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – нач. XX вв. Нальчик, 2000. С. 42.
- ⁶² Бегулов Р.М. К вопросу о взаимоотношениях шамхальства с этнополитическими образованиями Центрального Кавказа (XVI–XVII вв.) // Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.): Материалы междунар. конф., посвящ. 460-летию Султан-Махмуда. Махачкала, 2010. С. 282–287.
- ⁶³ Лавров Л.И. Заключительное слово // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960. С. 304–305; Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII–XX вв. Ч. 2. М., 1968. С. 175.
- ⁶⁴ Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1978). Л., 1982. С. 120.
- ⁶⁵ Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 252.
- ⁶⁶ Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961. С. 106.
- ⁶⁷ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XVII вв. С. 207.
- ⁶⁸ Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв.). Махачкала, 2000. С. 78.
- ⁶⁹ Лакские эпические песни / Подгот. текста, пер., предисл. и комм. Х.М. Халилова. Махачкала, 1969. С. 51–55, 155–159, 241–244; Лакрал назмурдал антология = Антология лакской поэзии. Т. 1. Махачкала, 2006. С. 57–60; Каяев А. Материалы по лакскому языку и истории. С. 372–377.
- ⁷⁰ Мехтулинские ханы. Извлечения из записки Временной комиссии 1867 г., наряженной для разбора сословных и поземельных прав туземцев Северного Дагестана // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 1–2.
- ⁷¹ Айтберов Т.М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990. С. 170.
- ⁷² Героические песни и баллады аварцев. Махачкала, 1971. С. 28–30, 189–191.

- ⁷³ Вицхи (лак. ВицӀхъи) – историко-географическая область, расположенная в северной части Лакии. В Вицхинский магал входили сел. Куба, Чукна, Куркли, Кума, Кунди, Кари, Чаящи, Багикла, Турчи, Унчукатль, Камаша, Шахува, Мукур, Гуйми. В настоящее время все эти селения находятся в составе Лакского района РД.
- ⁷⁴ Сел. Кукни (Къукун) расположено в Лакском районе РД.
- ⁷⁵ *Айтберов Т.М.* Древний Хунзах и хунзахцы. С. 170.
- ⁷⁶ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 293.
- ⁷⁷ Сел. Унчукатль (ГъунчӀукъатӀи) расположено в Лакском районе РД.
- ⁷⁸ Сел. Багикла (БахӀикӀул) расположено в Лакском районе РД.
- ⁷⁹ Гъухъальский магал (Гъухъаллал маӀла) – историко-географическая область. Территория этого магала простиралась от Гъухъала (Табахлу) до земель Цудахарского общества. Границей между ними служила Цудахарская теснина. См.: *Каяев А.* Лакский язык и история. С. 256–258.
- ⁸⁰ *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 1957. С. 311.
- ⁸¹ *Каяев А.* Материалы по лакскому языку и истории. С. 358.
- ⁸² Махди улу – потомство Махди.
- ⁸³ *Каяев А.* Материалы по лакскому языку и истории. С. 113–114.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1637. Д. 1. Л. 81; Ф. 115. Оп. 1. 1638. Д. 2. Л. 175.
- ⁸⁵ Там же. Оп. 1. 1659. Д. 1. Л. 70.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 115. Оп. 1. 1648. Д. 1. Л. 1, 42.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 77. Оп. 1. 1649. Д. 3. Л. 13.
- ⁸⁸ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 196–200.
- ⁸⁹ Там же. С. 197; *Умаханов М.-С.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. С. 24–25.
- ⁹⁰ *Айтберов Т.М.* Древний Хунзах и хунзахцы. С. 172.
- ⁹¹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 196–200.
- ⁹² Там же; Архив С.-Петербургского Института истории. Ф. 178. Оп. 1. Д. 7788. Л. 24; Д. 9213. Л. 1, 2; Д. 9358. Л. 1; Д. 10355. Л. 2 об.; Д. 12417. Л. 1.
- ⁹³ РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1659 г. Д. 1. Л. 54.
- ⁹⁴ *Гайдарбеков М.* Хронология истории Дагестана. Рукопись. Рукоп. фонд Ин-та истории, языка и литературы Даг. науч. центра РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 236. Т. XI. С. 25.
- ⁹⁵ Там же. С. 78.
- ⁹⁶ *Инал-ипа Ш.Д.* Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971. С. 235.
- ⁹⁷ Можно предположить, что она была дочерью Кара-Махди, который в грузинских источниках фигурирует под именем Кара-Мусал.
- ⁹⁸ *Татишвили В.Л.* Указ. соч. С. 29.
- ⁹⁹ К.М. Алиев ошибается, относя эти события к 1523 году (*Алиев К.М.* Шаухалы Тарковские. С. 32).
- ¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 290–231; *Курбский А.М.* История о Великом князе Московском. С. 77–78.
- ¹⁰¹ *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2006. С. 139, 156–158.

- ¹⁰² *Алиев К.М.* Шаухалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. Махачкала. 2008. С. 32.
- ¹⁰³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 284; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы. Т. 1. М., 1957. С. 5; Русско-дагестанские отношения в XVI–XVII вв. Махачкала, 1954. С. 8–12; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. С. 230.
- ¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. XIII. С. 322; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. С. 230.
- ¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. XIII. С. 313; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 2–3; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. С. 231.
- ¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. XIII. С. 322. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. С. 231.
- ¹⁰⁷ *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. С. 231.
- ¹⁰⁸ *Лавров Л.И.* Из эпитафических находок Дагестанской экспедиции // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XVII. Л., 1957. С. 379.
- ¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 324, 330; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. С. 237–238; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII. М., 1988. С. 303.
- ¹¹⁰ ПСРЛ. Т. XXIX. М., 1965. С. 289.
- ¹¹¹ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 23–24.
- ¹¹² *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. С. 237–238.
- ¹¹³ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 292–293.
- ¹¹⁴ Там же. С. 292–293, 401.
- ¹¹⁵ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Махачкала. 1958. № 7, 10, 11, 18, 21, 25, 27, 32, 33 и др.; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. С. 39–59, 309.
- ¹¹⁶ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII. С. 90.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 213.
- ¹¹⁹ Там же. С. 135.
- ¹²⁰ *Алиев К.М.* Шаухалы Тарковские. С. 85.
- ¹²¹ Там же. С. 538; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII. С. 34–35, 47, 62, 138; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. С. 43.
- ¹²² *Суханов А.* Проскинтарий // Палестинский сборник. Т. VIII. Вып. III. СПб., 1889. С. 117; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. С. 42–50.

Литература

Айтберов, Т.М. Древний Хунзах и хунзахцы [Текст]. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1990. 176 с.

Айтберов, Т.М. Сведения по экономической истории Дагестана XV в. в «Перечне повинностей, которые получали шамхал и крым-шамхал» [Текст] // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока: XIV научная сессия ЛОИВ АН СССР: (доклады и сообщения). Ч. 1 / Ред. коллегия: Г.А. Зограф, Е.И. Кычанов и др. [Текст]. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1979. С. 3–9.

Айтберов, Т.М. Документы XIV–XVIII в. по истории Лакии (эпоха шамхалов и ханов Казикумуха) [Текст] / Т.М. Айтберов, И.А. Каяев // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 3 (39). С. 25–37.

Алиев, К.М. Шаухалы Тарковские. Страницы кумынской родословной. [Текст]. Махачкала: Респ. Газ.-журн. тип., 2008. 203 с.

Баразбиев, М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – нач. XX вв. [Текст]. Нальчик: Эльбус. 2000. 184 с.

Бартольд, В.В. Хранение документов в государствах мусульманского Востока [Текст] // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. VIII. М.: Наука. 1973. С. 350–361.

Бегеулов, Р.М. К вопросу о взаимоотношениях Шамхальства с этнополитическими образованиями Центрального Кавказа (XVI–XVII вв.) [Текст] // Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских отношений (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.): Материалы междунар. науч. конф. / Сост. М-Р.А. Ибрагимов. Махачкала: РГЖТ, 2010. С. 282–287.

Белокуров, С.А. Сношения России с Кавказом, 1578–1613 [Текст]. СПб., 1888. 715 с.

Булатова, А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв.) [Текст]. Махачкала: Изд-во Даг. науч. центра РАН, 2000. 386 с.

Гаджиева, С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование [Текст]. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 385 с.

Гайдарбеков, М. Хронология истории Дагестана // Рукоп. фонд Ин-та истории, языка и литературы Даг. науч. центра РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 236. Т. XI. Рукопись.

Гильденштедт, И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. [Текст]. СПб.: Петербургское востоковедение. 2002 508 с.

Гербер, И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. [Текст] // История, география и этнография Дагестана в XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958. С. 60–120.

Героические песни и баллады аварцев / Сост. А.А. Ахлаков [Текст]. Махачкала: Даг. филиал АН СССР 1971. 380 с.

Джидалаев, Н.С. Русско-лакский словарь [Текст]. Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. 921 с.

Зайцев, И.В. Астраханское ханство [Текст]. М.: Вост. лит., 2006. 302 с.

Инал-ипа, Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов [Текст]. Сухуми: Алашара, 1971. 312 с.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий [Текст]. М.: Наука, 1988. 554 с.

Каяев, А. Лакский язык и история [Текст]. М.: Наука, 2006. 546 с.

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы / Под ред. Е.Н. Кушевой, Т.Х. Кумыкова [Текст]. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 125 с.

Каяев, А. Материалы по лакскому языку и истории [Текст]. Махачкала: Наука Даг. науч. центра РАН, 2010. 486 с.

Котошихин, Г.К. О России в царствовании Алексея Михайловича [Текст]. СПб., 1859. 260 с.

Курбанов, А.Д. Государственные образования лаков в средневековье [Текст]. Махачкала: ДГУ, 2006. 176 с.

Курбский, А.М. История о Великом князе Московском [Текст]. СПб., 1913. VII с., 194 стлб.

Кушева, Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. [Текст]. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 372 с.

Лавров, Л.И. Заключительное слово [Текст] // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик: Кабард.-Балк. кн. изд-во. 1960. С. 303–305.

Лавров, Л.И. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции [Текст] // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XVII. Л., 1957. С. 373–384.

Лавров, Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII–XX вв. [Текст]. Ч. 2. М.: Наука, 1968. 242 с.

Лавров, Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам, 1924–1978) [Текст]. Л.: Наука, 1982. 226 с.

Лавров, Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XVII вв. [Текст]. Ч. I. М.: Наука, 1966. 299 с.

Лакрал назмурдал антология. Антология лакской поэзии [Текст]. Т. 1 / Под ред. Х.М. Халилова. Махачкала: Респ. кн.-журн. тип. им. С.М. Кирова, 2006. 463 с.

Лакские эпические песни / Подгот. текста, пер., предисл. и коммент. Х.М. Халилова [Текст]. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1969. 266 с.

Лакско-русский словарь / Сост. С.М. Хайдаков [Текст]. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. 422 с.

Магомедов, Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. [Текст]. Махачкала: Даг. кн. изд-во. 1957. 402 с.

Малачиханов, Б.Г. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане [Текст] // Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР. Т. XIV. Махачкала, 1965. С. 175–205.

Маршаев, Р.Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов [Текст] // Ученые записки Института истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР. Т. VI. Махачкала, 1959. С. 163–173.

Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615–1640 гг. / Сост. М. Поликтова. [Текст]. Тбилиси: ТГУ. 1937. 588 с.

Мехтулинские ханы. Извлечения из записки Временной комиссии 1867 г., наряженной для разбора сословных и поземельных прав туземцев Северного Дагестана [Текст] // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 1–2.

ПСРЛ [Текст]. Т. XIII, 1-я половина: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С.Ф. Платонова. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.

ПСРЛ [Текст]. Т. XXIX: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.

Русско-дагестанские отношения в XVI–XVII вв. [Текст]: (документы и материалы). Махачкала: Даг. кн. изд-во 1958. 335 с.

Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. [Текст]: Документы и материалы / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.

Суханов, А. Проскинтарий / Под ред. Н.И. Ивановского [Текст] // Палестинский сборник. Т. VII, вып. 3 (21). СПб., 1889. 417 с.

Татишвили, В.Л. Грузины в Москве. Исторический очерк (1653–1722 гг.) [Текст]. Тбилиси: Заря Востока, 1959. 232 с.

Умаханов, М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке [Текст]. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1973. 251 с.

Хайдаков, С.М. Лакса-русский словарь [Текст]. М.: ГИС, 1962, 422 с.

Хайдаков, С.М. Очерки по лексике лакского языка [Текст]. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 200 с.

Хашаев, Х.М. Прогрессивное значение присоединения Дагестана к России [Текст]. Махачкала: Даг. кн. изд-во. 1958. 36 с.

Шамхалы Тарковские [Текст]: Историческая записка, составленная Временной комиссией, наряженной для определения личных и поземельных прав туземцев Темир-Хан-Шурина округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 8–80.

Шихсаидов, А.Р. Дагестан в X–XIV вв. [Текст]. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1975. 173 с.

**Денежное обращение в Русском Туркестане
и Бухарском эмирате: Справка А.А. Семенова
«по вопросу о современном обращении
персидских кранов в Средней Азии»**

Публикуемый ниже документ, был подготовлен в 1914 г. выдающимся отечественным востоковедом, иранистом и тюркологом, академиком АН Таджикской ССР, членом-корреспондентом АН Узбекской ССР Александром Александровичем Семеновым в период его работы в администрации Туркестанского края. Он посвящен вопросу свободного обращения на территории Туркестанского генерал-губернаторства и Бухарского эмирата персидских кранов и экономической ситуации с этим связанной.

***Ключевые слова:** Персидский кран; Туркестан; Персия; Афганистан; таможня; приграничные территории; международная торговля.*

T.V. Kotyukova

**MONETARY CIRCULATION IN THE RUSSIAN TURKESTAN AND
BUKHARA EMIRATE: A.A. SEMENOV'S REFERENCE «ON THE MODERN
ADDRESS OF THE PERSIAN CRANES IN CENTRAL ASIA»**

The document published below, was prepared in 1914 by the outstanding domestic orientalist, an iranist and the turcologist, the academician of Academy of Sciences Tajik the Soviet Socialist Republic, the corresponding member of Academy of Sciences Uzbek the Soviet Socialist Republic Alexander Aleksandrovich Semenov during his work in administration of Turkestan edge. It is devoted to a question of free circulation in the territory of the Turkestan general governorship and the Bukhara emirate of the Persian cranes and the economic situation with it connected.

***Key words:** Persian crane; Turkestan; Persia; Afghanistan; customs; border territories; international trade.*

Через чиновничью службу в Туркестанском крае прошло не мало выдающихся военачальников, ученых и писателей. Чего стоят такие имена, как А.Н. Куропаткин, А.Е. Снесарев, В.П. Наливкин, М.С. Андреев, В.Г. Янчевецкий (Василий Ян) и многие другие. Список можно продолжить...

Свое достойное место в этом списке занимает выдающийся отечественный востоковед, академик АН Таджикской ССР, член-корреспондент АН Узбекской ССР Александр Александрович Семенов.

После окончания Лазаревского института в 1900 г. А.А. Семенов уехал в Туркестан в качестве секретаря областного статистического комитета Закаспийской области. В мае 1901 г. он был назначен заведующим статистическим отделом канцелярии начальника Закаспийской области и проработал в этой должности до 1906 г. В свободное время А.А. Семенов много и плодотворно занимался научной работой. В частности, участвовал в экспедиции Р. Помпелли, который проводил археологические раскопки под Мервом (ныне Мары) на Гяуркале и двух холмов в Анау. В 1906 г. Семенов стал действительным членом Туркестанского кружка любителей археологии, на заседании которого он многократно выступал с сообщениями об отдельных памятниках древности. В 1914–1916 гг. он принял участие в составлении 544–591 томов «Туркестанского сборника сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности»¹.

Стоит отметить, что уже в студенческие годы Александр Александрович предпринимал научные поездки в Среднюю Азию для сбора лингвистического и этнографического материала, результатом чего явились капитальные труды², принесшие ему золотую медаль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

Летом 1906 г. Семенов был переведен из Ашгабада (ныне Ашхабад) в Ташкент в канцелярию Туркестанского генерал-губернатора. 26 июня 1906 г. он был введен в состав Наблюдательного комитета за ведением дел Туркестанской публичной библиотеки и музея. В июне 1911 г. Семенов стал заниматься дипломатической работой по линии Министерства иностранных дел, совмещая ее до 1917 г. с работой в краевой администрации³. В период Первой мировой войны его назначили вице-губернатором Самаркандской области.

В 1918 г. Совнарком Туркестанской республики направил А.А. Семенова в Москву и Петроград, с ходатайством об открытии в Ташкенте университета. Среднеазиатский государственный университет (ныне Национальный университет Узбекистана) был открыт в 1921 г. Александр Александрович принял активнейшее участие в его становлении и много лет преподавал на Восточном факультете САГУ⁴.

По мнению писателя Василия Яна, знавшего Семенова по службе в Закаспии, Семенов был одним из типичных «туркестанцев», чья судьба – пример многих его современников, посвятивших свою жизнь русской, а потом советской Средней Азии⁵.

В памяти современников Александр Александрович Семенов сохранился как знаток узбекского и таджикского языков, мусульманских сект, культуры и архитектуры Туркестана. Среди местного населения он неизменно пользовался огромным авторитетом. Ходили слухи, что будто бы он тайно принял ислам⁶.

Однако будучи заведующим статистическим отделом канцелярии начальника Закаспийской области, он прекрасно разбирался и в экономических вопросах, торговли и денежном обращении в пограничных с Персией и Афганистаном районах Туркестана. В его обязанности входил сбор и обработка отчетов, поступающих из пяти уездов области, для включения в ежегодно издаваемые Обзоры⁷, отражавшие торгово-экономические показатели области⁸.

Эти навыки очень пригодились Семенову в 1914 г., когда ему, дипломатическому чиновнику при Туркестанском генерал-губернаторе, было поручено разобраться с обращением на территории Туркестана денежной единицы соседнего государства – персидского крана. Семеновым была подготовлена «Справка по вопросу о современном обращении персидских кранов в Средней Азии в пределах нашей южной приграничной полосы». По сути это не справка, а полноценный доклад, о положении дел на русских таможенных заставах на русско-персидской и русско-афганской границах.

Российская империя старалась развивать широкие торговые связи с Персией и Афганистаном. Поэтому 12 июня 1890 г. был образован самостоятельный Туркестанский таможенный округ. Закаспийский участок границы считался одним из самых важных торговых перевалочных пунктов Туркестанского края. Поэтому 6 июня 1894 г. был образован особый Закаспийский таможенный округ. Он контролировал всю торговлю Бухарского эмирата и Хивинского ханства, а так же все товары ввозимые из Афганистана, Британской Индии и Ирана в Туркестанский край и ханства⁹. Кроме того, Россия подписала с соседними государствами – Бухарой, Хивой, Ираном и Китаем, – двусторонние таможенные договора, которые регулировали торговлю.

Получив и систематизировав информацию от максимально круга заинтересованных коммерческих организаций и государственных структур о значении кранов в русской торговле в Средней Азии с приграничными странами, Семенов, в формате «Справки», представил ее генерал-губернатору А.В. Самсонову. Самсонов намеревался обсудить этот вопрос в Особом совещании под председательством начальника Закаспийской области. Предполагалось, что на нем, помимо чиновников краевой и областной администрации должны были присутствовать представители коммерческих, торговых и банковских кругов. «Справка» подготовленная Семеновым должна была стать для особого совещания базовым документом для дискуссии. Проведение особого совещания и стремление упорядочить хождение персидских кранов по территории Русского Туркестана и Бухарского эмирата, должно было в конечном итоге способствовать улучшению положения мелких торговцев и кустарей, которые в связи с колебаниями курса крана терпели серьезные убытки.

Необходимо пояснить, что представлял из себя кран, вокруг которого и развернулись все экономические споры. Персидский (иранский) кран представлял из себя в 1825–1932 гг. разменную денежную единицу. Первоначально кроме серебряного крана весом около 6,9 г, чеканились также монеты в $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ крана. В начале XX в. был начат выпуск новых кранов. Новый кран имел 900-ю пробу серебра и вес 4,605 г (4,1427 г чистого серебра). Чеканились монеты в 5, 2, 1, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ крана. Курс крана к иностранным валютам колебался в зависимости от мировых цен на серебро. Банкноты с номиналом в кранах иранскими банками никогда не выпускались. Так, например, Германская военная миссия во время Персидской кампании в 1916–1917 гг. использовала германские банкноты в марках с нанесенными на них надпечатками, в том числе в 25 кранов (на 10 марках) и 12 кранов 10 шахи (на 5 марках)¹⁰.

Высочайшим повелением государя-императора Николая II от 9 сентября 1902 г., краны были допущены в обращение на приграничных территориях Туркестана наравне с бухарской теньгой и российскими денежными знаками.

Вопроса оборота и использования кранов до Семенова в «Отчете о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1900 году» коснулся поручик лейб-гвардии егерского полка П.А. Риттих¹¹. И Семенов наверняка был знаком с этой работой.

Современник и сослуживец Семенова Василий Ян в мемуарной повести «Голубые дали Азии», так же отмечает важную роль кранов для торговли, и не только, в Закаспийской области¹².

Краны использовались населением для внешней и даже внутренней торговли не только в приграничных районах Закаспийской области. Стоит сказать, что в конце XIX – начале XX в. на территории Бухарского эмирата из русских поселков возникли города Новая Бухара (Каган), Чарджуй (Чарджоу), Керки и Патта-Кисар. Они жили обособленно от соседних бухарских городов и кишлаков и в административном смысле были подчинены Русскому политическому агенту в Бухаре. Керки и Патта-Кисар располагались на самой границе с Афганистаном на р. Аму-Дарье. Это создавало прекрасные перспективы для развития этих городов как крупных торговых и промышленных центров. Здесь происходил крупнейший товарообмен России с Афганистаном и северо-западной Индией. Накануне Первой мировой войны общий оборот всех торговых фирм г. Керки достиг 22 млн. руб. в год, а обороты Русско-Азиатского банка около 76 млн. руб.¹³

Поступивший к Семенову аналитический и статистический материал рисовал картину достаточно разнообразных взглядов таможенных чиновников и управляющих различными российскими банками в Туркестане на вопрос об упорядочении денежного обращения, прежде всего иностранной валюты на территории края. Разница в

оценках сохранена Семеновым в подготовленном им сводном документе. Однако в конце документа Александр Александрович, аргументировано и убедительно, высказывает и собственный взгляд на проблему. Семенов мыслит стратегически и на перспективу, поэтому выступал за установление, в первую очередь, твердого фиксированного курса рубля для нужд приграничной торговли, что в будущем облегчило бы введение в денежное обращение русского рубля в Северной Персии.

Относительно же запрета хождения персидских кранов в приграничных районах Туркестана и Бухары, по мнению Семенова, не следовало торопиться и принимать непродуманных решений, а требовалось тщательно взвесить все «за» и «против»

Последние годы жизни Александр Александрович руководил в Душанбе Институтом истории, археологии, этнографии АН Таджикской ССР. После его смерти библиотека и архив академика А.А. Семенова остались в Душанбе. Архив был передан в отдел научных фондов архива Академии наук Таджикской ССР и выделен в специальный фонд № 7 «Семенов Александр Александрович». Фонд насчитывал порядка трехсот дел, которые были зафиксированы в трех описях: «Научные труды и рабочие материалы к ним. 1913–1958»; «Биографические материалы. 1919–1958»; «Материалы по деятельности А.А. Семенова и переписка А.А. Семенова с отдельными лицами, 1900–1958».

В настоящий момент архив хранится в Архиве отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан¹⁴.

Именно в нем и сохранилась «Справка по вопросу о современном обращении персидских кранов в Средней Азии в пределах нашей южной пограничной полосы», публикуемая ниже. Ценность «Справки» с источниковедческой точки зрения заключается в том, что при определенных проблемах с доступом исследователей в архивы постсоветских государств Центральной Азии, она дает представление как минимум о десятке исходных документов, лежавших в ее основе. Документ не имеет никаких делопроизводственных отметок, входящего или исходящего номера, но есть автограф А.А. Семенова. По всей вероятности, это второй экземпляр справки, который Александр Александрович оставил себе, возможно желая в будущем воспользоваться содержащейся в нем экономической и статистической информацией.

Текст документа печатается в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации.

**Справка
по вопросу о современном обращении
персидских кранов в Средней Азии в пределах
нашей южной приграничной полосы, 1914 г.**

*По Канцелярии
Туркестанского генерал-губернатора*

*Отделение III
10 января 1914 г.*

Вследствие резолюции г. туркестанского генерал-губернатора на докладе моем, как и. о. при нем дипломатического чиновника, от 20 сентября 1903 г., за № 703, о современном значении кранов в нашей торговле на южной средне-азиатской приграничной полосе, Канцелярия обратилась к представителям наших правительственных и коммерческих учреждений, расположенных на этой полосе, начиная от самого восточного пункта на бухарско-афганской границы Сарая и кончая Красноводском, прося сообщить нижеследующие сведения: какое значение имеют краны в нашей приграничной торговле с Персией и Афганистаном, каковы колебания курса этой монеты в том или другом районе, возможно ли заменить в настоящее время краны русской монетой и какой именно и не отразится ли замена кранов российской государственной монетой на нашей торговле с Афганистаном и Персией в неблагоприятную для нас сторону.

Попутно с ним Канцелярия просила, в целях большего освещения вопроса, доставить хотя бы приблизительные статистические данные о числе кранов, имевшихся в обращении в данном районе за три последних отчетных года (1910, 1911 и 1912) с указанием покупной цены кранов и цены их в обращении. Эти запросы Канцелярии были обращены к начальникам следующих торгово-финансовых учреждений – к управляющим: Сарайской таможенной заставой, Патта-Киссарской, Келифской, Керкинсокой, Пендинской, Душакской, Хивебадской, Артыкской, Асхабадской и Красноводской таможнями, Асхабадским отделением Русско-Азиатского банка, Чарджуйским отделением Московского учетного банка и Мервским агентством Учетно-ссудного банка Персии и к представителям: Асхабадского и Мервского Обществ взаимного кредита.

По получении названных сведений о значении кранов в нашей торговле с приграничными в Средней Азии странами Его Высокопревосходительству угодно было указать обсудить этот вопрос в Асхабаде или Мерве в особом совещании под председательством г-на начальника Закаспийской области; в числе лиц, имеющих войти в это совещание г-н главный начальник края нашел необходимым пригласить, по усмотрению г-на начальника Закаспийской области, лиц,

близко стоящих к торговле в нашей южной приграничной полосе, причем материалами для суждений этого совещания должны послужить вышеназванные, полученные с мест, данные в соответственной сводке.

В настоящее время эти данные поступили от всех лиц, за исключением председателя Асхабадского Общества взаимного кредита, и, в общем, рисуют картину достаточно разнообразных взглядов на вопросы о кранах. Вследствие этого обстоятельства не представляется возможным в настоящей справке привести такую группировку полученных материалов, которая давала бы возможность сделать тот или другой вполне определенный вывод. Поэтому приходится расположить материалы в зависимости от того или иного района, воспользовавшись ими почти текстуально и сделать весьма незначительные отступления от оригиналов только в целях сокращения некоторых фраз или изменения их грамматического построения. И, кроме того, рисуя одну из важнейших и совершенно неосвещенных сторон местной жизни, – денежный рынок, – полученные материалы исключали всякую возможность субъективного к ним отношения, принимая к тому же во внимание и предстоящее их обсуждение в вышеназванном особом совещании. Во всяком случае, нижеприводимое последовательное расположение материала между двумя крайними точками нашего административно-коммерческого положения в среднеазиатской южной пограничной полосе, Сараем в Бухарских владениях и Красноводском на восточном берегу Каспийского моря, казалось бы, дает известные основания думать, что сложный вопрос о кранах может получить надлежащее освещение в зависимости от тех разнообразных районов, которые встречаются на этом громадном протяжении.

Управляющий Сарайской таможенной заставой (в отзыв от 5 декабря 1913 г., № 916/), по видимому, вследствие удаленности этого крупного торгового центра от паровой пристани (ближайшая – Термез, лежит на 212 верст ниже Сарая и от железной дороги Чарджуй почти в 650 верстах), сообщает, что так как в Сарайском районе принята в обращении единственная лишь заграничная персидская монета – краны, а в Афганистане нуждаются в русских произведениях, то, чтобы купить последние, афганцы запасаются кранами в Персии и с таковыми являються к нам как покупатели.

В прежнее время курс персидских двукранников был от 32–38 коп., в то же время в Афганистане они ходили (ходят и ныне) по 45 коп.; ныне, вследствие распоряжения местных бухарских властей, в Курган-Тюбинском и Кулябском бекствах установлена фиксация двукранников, именно – 34 коп.

Заменить краны какой-либо другой русской серебряной монетой не представляется возможным, так как ввоз русской серебряной моне-

ты в Афганистан запрещен и только пассажиры имеют право привозить не больше 4 руб. 50 коп.

Запрещения ввоза кранов безусловно невыгодно отразится на нашей торговле с Афганистаном. Единственная возможность ограничить ввоз этой монеты это запретить их обращение в нашем государстве, однако подобное запрещение потребует открыть в пограничных торговых пунктах разменные кассы, где бы иностранцы, приезжающие к нам с кранами, меняли их на российскую монету. Что касается привоза кранов (собственно двукранников), то их было привезено: в 1910 г. весов 35 пуд. 9 фун., на сумму 19 064 руб., в 1911 г. – 115 пуд. – 63 013 руб., в 1912 г. – 289 пуд. 37 фун. – 156 086 руб.

Настоящие цифровые данные, позволю добавить от себя, характеризуют большое развитие местных торговых отношений с Афганистаном, чему не мало способствует выгодное географическое месторасположение Сарая при старинной переправе через реку, против двух тяготеющих к нему в торговом отношении районов левого (Афганского) берега, Кундузского и Рустагского¹⁵.

Управляющий Патта-Кисарской таможенной, обслуживающей богатый и обширный район Ширабадского бекства в Бухаре и область Чар-Вилает в Афганистане, сообщает (в отзыве от 2 декабря мин. года за № 2213) следующие подробности о значении кранов в торговых операциях Термезского района¹⁶.

На всем пространстве Бухарского Ханства, еще задолго до постройки в некоторых его пунктах укреплений с постановкой в них русских гарнизонов, процветала торговля российскими фабрикатами, а также и произведениями русских кустарей, которая особенно начала развиваться с приходом русских войск в г. Керки в 1888 году. С этого времени, благодаря нахождению города Керки вблизи границы с Афганистаном, при благоприятных путях сообщения по судоходной реке, как Аму-Дарья, начала развиваться торговля и с ближайшими богатейшими провинциями Афганского Туркестана, так называемым Чар-Вилаетом. До этого времени в Бухарском ханстве была в обращении бухарская серебряная монета «теньга», курс которой все время колебался в зависимости от времени платежа населением податей и от поступления на рынок более или менее значительных партий фабричных товаров, прибывших из внутренней России. Понятно, что от этих изменений курса теньги крайне страдало беднейшее население и в высшей степени наживалось, получая колоссальные проценты, богатейшая часть населения: купцы, беки и пр. начальствующие лица, от влияния коих зависело повышение курса теньги сейчас же за внесением следуемых с населения податей. Такая постановка изменения курса теньги в торговле вызвала Высочайшее повеление о зафиксировании ее курса в 15 коп. за каждый кружок, благодаря чему было урегулиро-

вано обращение теньги среди бедного и богатого класса населения, а затем была выпущена в огромном количестве из Государственного казначейства равноценная серебряная монета, которая почти совершенно вытеснила из обращения бухарскую серебряную теньгу.

В 1895 г. по всей границе между Бухарой и Афганистаном были учреждены русские таможенные учреждения, из коих Керкинской, Келифской и Патта-Кисарской (в г. Термез) было предоставлено право вывоза многих отечественных фабрикатов со сложением акциза или с возвратом причитающихся за материалы при их выделке пошлин, и с этого времени началось быстрое ознакомление населения Афганского Туркестана с российскими товарами, а затем, благодаря более удобной доставке и дешевизны фрахта, – полное завоевание всех рынков последнего.

По прошествии же некоторого времени наши товары, благодаря их улучшающемуся качеству и стремлению фабрикантов идти навстречу вкусам населения, начали проникать также и в глубь Афганистана, где среди населения и торгующих лиц, в качестве денежных знаков, обращаются исключительно афганские рупии и привозимая в Афганистан в огромной количестве из смежной Персии, с которой Афганистан связан крупными торговыми оборотами, равноценная с рупиями персидская серебряная монета «краны» и «двукранники». Курс последней монеты меняется, как по соображениям, изложенным выше в отношении бухарской серебряной «теньги», так и вообще в зависимости от скопления в Афганистане более или менее значительного количества кранов в руках богатейшей части населения. Благодаря этому, курс меняется много раз в течение одного года, при чем от этого изменения сильно страдает, а иногда и лишается всего своего заработка за известный период времени, бедное население, благодаря скоплению кранов в распоряжении богатей.

Курс кранов в Афганском Туркестане колеблется независимо от коренного Афганистана или Персии, причем доминирующее влияние имеет рынок крупнейшего города Мазар-и-Шерифа, к торговым оборотам которого применяется и смежная с Афганистаном территория Бухарского ханства. Персидские краны колеблются в цене от 15 коп. до 18/2 коп., изредка доходя и до 22/2 коп. Подобное изменение курса кранов, обездоливая мелких торговцев и бедное население, являясь косвенным с них налогом, приносит колоссальный дивиденд крупному купечеству и чинам администрации, от которых и зависит искусственно поднятие и падение курса кранов. Так как Высочайшим повелением от 9 сентября 1902 г. краны допущены в обращение наравне с бухарской теньгой и российскими денежными знаками, то с этого времени замечается наплыв в край несметного количества кранов, которые также свободно обращаются и в Закаспийской области,

не имея ценности в других областях края. Вследствие сего обстоятельства афганские купцы, например, выезжая в огромном числе в г. Самарканд для покупки товаров, преимущественно хлопчатобумажных изделий, везут с собой для этой надобности исключительно российские денежные знаки, так как краны имеют значение только лишь для местной приграничной торговли.

На основании изложенного ясно, что крайне необходимо применить по отношению к кранам те же меры, которые в свое время были применены к бухарской теньге, т.е. установить однообразный и постоянный курс персидских кранов по 15 коп. за кружок и по 30 коп. за двукранник. Для проведения этой меры в жизнь ни к коем случае не может встретиться каких-либо затруднений, ибо она не отразится в неблагоприятную для нас сторону, напротив, эта мера дает возможность как крупным торговцам, так равно и мелким производителям, точно регулировать свои торговые обороты не в зависимости от колебания курса, а заранее и равномерно распределяя выгоду и убыточность их предприятия.

В случае же невозможности зафиксирования курса кранов, необходимо, по примеру афганских рупий, совершенно воспретить их привозить из-за границы и обращение внутри края и бухарских владений, для чего явится настоятельно необходимым выпустить на рынок большое количество российской серебряной разменной монеты в 15 коп. Мера эта легко осуществима помещением в Керкинском и Термезско казначействах означенной монеты по 500 000 рублей в каждом. Таким образом миллион рублей мелкой монеты совершенно и незаметно вытеснит из обращения персидские краны и мера эта явится крайне желательной и не обременительной для населения, которое быстро усвоит и привыкнет к новой системе денежных знаков. Вообще говоря, мера эта, по мнению г-на Крохмаля¹⁷, не вызовет никаких затруднений в ту или другую сторону и явится весьма своевременной и целесообразной.

Вывоз кранов из Афганистана через Патта-Кисарскую таможенную представляется за последние годы в следующих данных: в 1910 г. было ввезено 1194 пуда на 901 400 руб., 1911 г. – 155 пуд. – 117 040 руб., 1912 г. – 242 пуд. – 183 920 руб., 1913 г. (за 11 мес.) – 104/2 пуд. – 62 320 руб.

Сообщая эти данные, г-н Крохмаль говорит, что привоз кранов за последние годы значительно сократился, благодаря вытеснению их российскими денежными знаками; это же обстоятельство, по словам г-на Крохмаля, и дало ему повод высказать свой взгляд о своевременности воспрещения обращения как на нашей, так и входящей в сферу нашего влияния на бухарской территориях, персидских кранах.

Управляющий таможенной в г. Келиф, – лежащем на берегу Амударьи на важных караванных путях из Мазар-и-Шерифа и Шибиргана, – кратко сообщает (отзыв от 4-го декабря мин. года № 1450) следующее.

Краны привозятся из Афганистана в наши пределы для покупки наших товаров, главное же их значение заключается в том, что приграничные жители всю мелочную торговлю ведут исключительно на эту монету, а от другой какой-либо отказываются. Заменить русскою монетою краны в настоящее время не представляется возможным, так как на этой монете, как в Афганистане, так и в городах Бухарского ханства, зиждется вся торговля и происходит биржевая игра. Если заменить краны какой-нибудь русской монетою, то постоянный курс в пределах Бухарского ханства и биржевое повышение и понижение в Афганистане вредно отразятся на нашей торговле с Афганистаном.

Цифровые данные о ввозе кранов в Келифский район рисуются по данным таможи в таком виде: в 1910 г. кранов ввезено 422 960 шт., 1911 г. – 184 177 шт., 1912 г. – 124 868 шт.

К сожалению, из этих цифровых данных не ясно, какого достоинства была ввезена монета, т.е. были это краны или двукранники. Точно обозначить не мешало бы, потому что только обычно наши правительственные и коммерческие агенты в разговорах и переписке эти две монеты разного достоинства обобщают в одном наименовании – «кран».

Во всяком случае приведенные цифровые данные за три последних отчетных года скорее характеризуют сокращение оборотов торговых операций на краны в Келифском районе.

Более подобные и существенны сведения, полученные по Керкинскому району, о современных торговых операциях которого и их размерах я уже имел честь подробно докладывать в вышеупомянутой своей «Записке о возникновении и современном состоянии русских поселений в Бухарском ханстве». Выгодное географическое месторасположение г. Керки и его из года в год развивающиеся многомиллионные обороты по товарообмену с тяготеющим к нему богатыми Афганскими районами: Андохом, Даулетабадом, Шибарганом и Ахчею существенным образом отзываются и на вопрос о кранах. Поэтому нижеисследующие данные хотя и лишены цифрового материала, тем не менее, кажется, достаточно освещают современное значение в торговых операциях местного рынка.

По сообщению управляющего Керкинской таможенной (от 28 ноября мин. года № 2446) последняя близкого непосредственного отношения к кранам не имеет, так как, будучи расположена не на самой границе, таможня не ведет никакого учета этой монеты, который может дать какие-либо точно-определенные данные по смыслу запроса. Все опе-

рации в таможене оплачиваются русскими деньгами. У всех туземцев, ведущих торговлю с Афганистаном и бывающих в таможене, видны только русские деньги, преимущественно кредитные билеты, что, по мнению г-на Андреева¹⁸, наглядно показывает, что все туземцы осваиваются с русскими деньгами.

Однако из наблюдений и расспросов сведущих лиц таможня не может не прийти к следующим выводам:

1) Персидские краны в нашей торговле с Афганистаном безусловно имеют известное значение. Эта монета желательна для туземца, так как он к ней привык, с ней сжился и по ней ведет счет всем другим деньгам, в том числе и русским. Хотя крупные купцы (баи) крупные суммы предпочитают получать русскими кредитными билетами, особенно сторублевого достоинства, но таких еще немного. Для темного же туземца кран – единственная монета, признаваемая в Бухарском ханстве. Торговля скотом и баранами ведется преимущественно через посредство этой монеты, так как пастушеские афганские племена, народ полудикий, ни за что не возьмет другой монеты и даже бухарской теньги (15 коп.), хотя бы ему пришлось свои стада угнать обратно в Афганистан. Сведущие купцы также предпочитают эту монету и, хотя в Керках ведут свои торговые операции на русские деньги, но, выезжая в Афганистан, обязательно обменивают их на краны. Исключения составляют богатые люди, которые для удобства перевозки и хранения в своих кассах везут русские кредитные билеты преимущественно крупного достоинства.

Бухарские купцы, едущие в Афганистан, обменивают русские деньги на краны, так как, приводя закупку каракуля, шерсти и др. сырья и фруктов, частями, по кишлакам, где ни один афганец не возьмет русские деньги, безусловно, нуждаются в кранах.

Но эта монета, несмотря на симпатию к ней туземцев, благодаря тому обстоятельству, что ее приходится покупать извне, преимущественно в Баку и Мерве и она приняла характер товара, которым эксплуатируют менялы-торговцы и часто злоупотребляют этой эксплуатацией, постепенно количественно уменьшается в оборот. Так, раньше было много купцов-менял, выписывающих краны из Баку в большом количестве, которые быстро их сбывали на местном рынке. Такие прежние менялы в настоящее время превратились в крупных местных капиталистов. Теперь же менял очень немного и те – мелкие. Возможно, что со временем краны совсем потеряют свое торговое для нас значение, но пока они его еще имеют.

Колебание курса кранов (очевидно двукранников) в г. Керки в настоящее время 35, 36, 36/2 коп., прежде же стоимость крана доходила до 38 коп., приобретаются они в Баку, в зависимости от курса на персидском рынке, где у торговцев кранами имеются свои агенты, сооб-

щающие курс кранов по цене от 33 до 35 коп. Самый высокий курс крана бывает весной при пригоне из Афганистана баранов и при ввозе каракуля.

2) Заменить краны существующей русской монетой в настоящее время едва ли возможно. Если же будет признано необходимым заменить краны русскими деньгами, то можно только кредитными билетами, преимущественно 3-х рублевого достоинства: этот билет известен туземцам, они его называют «игирма теньга» (20 тенег), и золотой монетой. Серебряная монета для замены кранов непригодна. Замена кранов в настоящее время возможна только в том случае, если бы русское правительство взамен крана, выпустило свою какую-либо монету равноценную крану, или, еще лучше, равноценную афганской рупии, курс которой в Афганистане постоянный – 45 коп. Для афганца безусловно безразлично, будет ли персидский кран или русская какая-либо монета, лишь бы она соответствовала его счету, особенно, если ее стоимость будет одинакова с афганской рупией.

3) Если персидские краны будут заменены новой русской монетой, равной по курсу с афганской рупией, то не только не придется учитывать неблагоприятное влияние на нашу торговлю с Афганистаном, но, напротив, эта замена будет встречена охотно, ибо она облегчит нашу торговлю с Афганистаном, устранив особую неустойчивость крана и наживу на ней единичных личностей. Замена же в настоящее время кранов существующими русскими деньгами едва ли пройдет бесследно.

Попутно с этим Керкинское отделение Русско-Азиатского банка сообщило, в отзыве без даты, следующие данные по вопросу о кранах в Керкинском районе.

Дать сведения о числе кранов, имевшихся в обращении в 1910, 11, 12 годах, отделение совершенно не может, даже с приближением к действительности, за отсутствием каких-либо статистических данных или какой-либо торговой регистрации у агентов Бухарского правительства. Отделение может только сказать, сообразуясь со своими оборотами с кранами, что эти обороты значительно сократились и эта тенденция идет неуклонно.

Причину этого явления отделение видит в том, что афганцы постепенно привыкают к русской кредитной валюте, в особенности сторублевого достоинства, и при продаже сырья и других товаров не только не ставят препятствий, но охотнее получают платежи русскими кредитными билетами.

Удобство русских кредитных билетов несомненно еще с той стороны, что при ввозе в Афганистан бумажных денег последние легче упрятать от чинов, взимающих зякет¹⁹ с наличных денег.

Таким образом краны и афганская рупия, равняющаяся персидским двукранникам, умирают, так сказать, естественной смертью на

местном рынке и, по мнению отделения, никаких экстренных мер для этой цели принимать не приходится. Отделение банка замечает, что вследствие запрещения ввоза к нам афганских рупий, они обмениваются в самом Афганистане мелкими торговцами на краны персидской чеканки, дозволенные к ввозу в Россию, и за операцию Афганцы уплачивают приблизительно 1%. Так как афганские мелкие торговцы теряют на этом и потеря отзывается на стоимости русских товаров, то было бы желательно отменить привилегию для персидских кранов и, напротив, дать свободный доступ к нам также и афганским рупиям. Отделение думает, что было бы очень полезно для торговли, если бы наш Государственный банк и Казначейство установили фиксированную стоимость рупий для обмена их на русскую бумажную валюту. Местные торговцы при розничной продаже в Афганистан вынуждены оперировать местной монетой (рупия) и при свободном обмене ее на русские деньги расширились бы наши торговые обороты с Афганистаном.

Колебания курса кранов за последние три года были весьма значительны: от 17,35 коп. до 18,70, в зависимости от требования рынка, как например в каракулевый сезон. Однако, с тех пор, как наши деньги стали проникать в Афганистан, эти колебания уменьшились и только в данный момент цены повысились, как в Афганистане, так, в особенности, в Персии, вероятно, вследствие истощения запасов серебра в слитках, которые в последние годы повысились в цене на 15–20 процентов. Касаясь вопроса о замене кранов другой монетой, отделение Банка полагает, что постепенно увеличатся в обращении наши 100-рублевые билеты, а еще охотнее Афганцами принимается наша золотая монета, в особенности пятирублевого достоинства.

Так что, резюмируя вышесказанное, Керкинское отделение Русско-Азиатского банка полагает целесообразным оставить денежное обращение с Афганистаном в том положении, в каком оно находится теперь, не производя ломки среди темного Афганского населения, потому что наши денежные знаки естественным путем проникают в Афганистан, без всякого воздействия с нашей стороны.

Обращенные запросы в Чарджуй, крупнейший центр в нашем товарообмене в Средней Азии (главным образом перевалочного характера), к сожалению, не дали никаких результатов, ибо оказалось, что местные коммерческие установления операций с кранами вообще не производит. Объясняется это, по-видимому, удаленностью Чарджуя от нашей государственной границы, вследствие чего и краны здесь не имеют того важного значения, которое им придается в торговых приграничных центрах.

Для полноты отзывов о кранах представителей наших правительственных и частных учреждений, находящихся в Бухарском ханстве,

позволительно привести в заключение отзыв по данному вопросу бывшего Российского императорского политического агента в Бухаре, г-на Сомова²⁰ (от 22 апреля 1912 года, за № 118). По его словам краны до последнего времени являлись излюбленной монетой для торговли с Афганистаном и некоторые из бухарских банков держат краны на значительные суммы. Краны, по словам г-на Сомова, нужны:

1) Нашим хлопкоторговцам как здесь, так и в Закаспийской области для расчетов с афганцами и туркменами, так как, имея постоянные торговые сношения с пограничными округами Персии, последние пользуясь в свою очередь кранами для расплаты с персами.

2) Торговцам каракулем для тех же целей и

3) Бухарским купцам (баи) для расчетов с афганцами.

Все эти торговцы терпят значительные убытки от изменения курса на краны.

Во время покупки хлопка курс кранов поднимается, с окончанием же хлопкового сезона он быстро падает. Это местное колебание курса происходит независимо от общего колебания курса кранов, как серебряной монетной единицы. Уловить подобные двойные колебания для торговцев очень затруднительно.

В виду сего у г-на Сомова невольно возникает вопрос, почему до сего времени краны предпочитают местной монете, теньге, и нашей монете, колебаниям не подвергающейся.

Недоверием объяснить это нельзя, так как же афганские и бухарские купцы, отвергывающиеся от нашего серебра, во время сезона для отправки денег в Индию охотно принимают наши крупные кредитные билеты, которые пересылаются через Афганистан и размениваются в Калькутте и Бомбее. Спрос на наши кредитные билеты в горячее время внутри страны бывает иногда так велик, что они перепродаются с надбавкой до 7%. Если сравнить удобство перевозки или пересылки крупной суммы денег в кредитных билетах с бесконечной возней перевозки вьючным способом мешков с серебром по горным тропинкам и пустыням, при дорогом содержании каравана и стражников и при постоянном риске ограбления, то стремление местных купцов заручиться нашими кредитными билетами покажется вполне естественным. Вместе с тем отпадает и всякое предположение о возможности недоверия.

Но все-таки наши кредитные билеты занимают только место векселей, а не ходячей монеты. Г-н Сомов говорит не о Бухаре, где кредитные, особенно трехрублевые билеты, попадают в самых отдаленных кишлаках, но для внешней торговли Бухары по прежнему первое место принадлежит кранам.

Главная причина, вследствие которой наша монета не находит распространения в Афганистане, по словам людей, давно живущих в

крае, заключается в отсутствии мест, где можно было разменять русские деньги. Последняя разменивается в отделениях Государственного банка в Новой Бухаре, Асхабаде и отделениях Учетно-Ссудного банка Персии в Мешхеде. За этой линией, по всей громадной афганобухарской и афганоперсидской пограничной полосе, нет мест, где можно было произвести этот размен.

Если афганец возьмет от бухарца краны, он легко их сбудет в персидские пограничные области и легко разменяет на рупии у менялы. Если же он возьмет русские деньги, то он не знает, что с ними делать. Пустить их в Персию нельзя и разменять у менялы затруднительно, так как большие суммы они не принимают, а малые меняют по слишком невыгодному курсу.

Таким образом для того, чтобы наши деньги имели доступ в Афганистан, необходимо, чтобы наш Государственный банк по близости главных пунктов обмена товаров между бухарцами и афганцами в Термезе, Керках, Келифе и Сарае устроил небольшие отделения или агентства, где можно было бы всегда разменять русские деньги. Если Учетно-Ссудный банк Персии в свою очередь устроит несколько таких же отделений по афганоперсидской границе, то не может быть сомнения, что ради собственной выгоды афганские, бухарские и персидские купцы предпочтут заключать сделки на устойчивую русскую монету вместо разных не полновесных и подвергающихся колебаниям курса персидских кранов.

Переходя затем к Закаспийской области, в первую очередь, в порядке постепенности, следует привести поступившие сведения о кранах от председателя Мервского общества Взаимного Кредита и от управляющего Мервским агентством Учетно-Ссудного банка в Персии (оба от 11 декабря мин. года, за № 7399 и 10639). При чем первый рисует картину современного положения операций с кранами в Мервском уезде в собственном смысле этого слова, исходя из вопросов, поставленных Канцелярией генерал-губернатора, – второй попутно касается общего взгляда на краны в Закаспийской области вообще.

По словам г-на Сагателова²¹ (председателя Мервского Общества взаимного кредита), краны при торговых отношениях с Афганистаном и Персией, в силу местных условий, имеют очень существенное значение, так как из Афганистана получается масса скота, овец и баранов, в расчет за которые Афганцы принимают только краны и русское золото и, в редких случаях, между крупными скотопромышленниками Афганистана, входят в обращение наши русские кредитные билеты, исключительно 100–500 руб. достоинств. Местные купцы и промышленники, направляясь к границам Афганистана, в большинстве случаев запасаются кранами и русским золотом, платя за размен на последние по 1 руб. 50 коп. и 1 руб. 70 коп. за каждые 100 руб.

И если кредитные билеты, хотя и в ограниченном количестве, имеют обращение между крупными скотопромышленниками, то между мелкими скупщиками, имеющими дело уже с населением Афганистана, они совсем не обращаются, так как у себя в Афганистане жители предпочитают только русское золото. Таким образом в данное время краны при торговых сношениях с Афганистаном и Персией, в особенности с Афганистаном, занимают первенствующее положение.

Тем не менее, если для торговли с Афганистаном и Персией краны играют существенную роль, то для местного населения они того значения не имеют и без ущерба для дела могут быть заменены русской государственной монетой. Что же касается колебания курса кранов, то в последнее время наблюдается довольно заметная устойчивость. В настоящее время курс кранов колеблется за 100 руб. по 560–565, в то время как прежде курс колебался от 520–593.

Из более подходящих российских серебряных монет для замены кранов г-н Сагателов считает монеты в 20 и 15 коп., так как в обращении имеется двукранная монета под названием «рупия», приблизительно стоимостью по 35 коп. на русские деньги.

В отношении вопроса: не отразится ли замена кранов российской государственной монетой на нашей торговле с Афганистаном и Персией в неблагоприятную для нас сторону, г-н Сагателов затрудняется высказаться определенно вследствие его сложности. На этот вопрос, по мнению г-на Сагателова, ответ может быть дан лишь на всестороннем обсуждении его в особом межведомственном совещании.

Приблизительный ввоз кранов в Мервский уезд из Персии и части Баку – до 7 000 600 руб., т.е. до 20 000 000 кранов персидских монет.

Из отзыва управляющего Мервским агентством Учетно-Ссудного банка усматривается, что краны на местном рынке составляют одну из существенных статей для спекуляций, на которых одни наживают большие деньги, а другие – несут убытки. Спекулянты, по словам г-на Михайлова, искусственно поддерживают в крае колебания курса на краны, забрав все операции с ними в свои руки. Особенно это наблюдается в сезоны хлопка и каракуля.

Обыкновенно краны расцениваются по курсу до 585 за 100 руб. Краны собираются от населения или вывозятся из Баку и Персии. В сезон же хлопка туркмен вывозит свой товар и назначает ему цену, приблизительно, 8 рупий второй сорт за батман, что составляет 12 кранов за пуд, или по обычному курсу 570 составит 2 руб. 10 коп. за пуд русскими деньгами, а потребует 12 кранов. Фирма пойдет купит эти краны, чтобы рассчитаться с туркменом, у местного «саррафа»²², который продаст краны не по курсу 570, дадут уже стоимость хлопка на русские деньги 2 руб. 10 коп., а 2 руб. 22 коп., что на пуд очищенного волокна даст разницу в 40 копеек. Русская фирма потеря-

ет таким образом 40 коп. на пуд волокна, туземец-производитель ничего не выигрывает, потому что он все равно продал бы товар за 12 кранов, не считаясь с курсом, а 40 коп. попадут в карман спекулянту.

Дальнейшие превращения с кранами полученными туркменом сводятся к следующему. После сезона туркмену надо внести подати, купить мануфактуру, бакалею и т.п. Чтобы внести подати, туркмен должен обменять свои краны на рубли, так как казенные учреждения не принимают кранов. Туркмен идет менять к «саррафу» (меняле) и тут совершается превращение: курс уже не 540, как был в сезон, а 570 или 580, и выходит, что туркмен за свой хлопок вместо уплаченных ему 2 руб. 22 коп. получит только 2 руб. 10 коп. при курсе 570 или же потеряет, и еще больше, например при курсе 580, т.е. за свои 12 кранов получит только 2 руб. 7 коп. Создается положение, что теряют всегда русские фирмы и население, а выигрывают случайно присосавшиеся к ним спекулянты. Точно такое же положение создается и с каракулевым делом.

Для того, чтобы вести игру с кранами, спекулянты всегда запасались к сезону достаточным количеством кранов из Персии, скупленных по дешевому курсу. Причем, в настоящее время этому немало способствует Английский банк, за свое малценное серебро получает русское золото, тормозя тем самым старания русских фирм, по возможности, вытеснить краны. Таким образом Английский банк реализует на нашем рынке ни один миллион своих денег. Население, получая краны за свое сырье, часть денег сберегает у себя или отдает на хранение персидским евреям-джедидам²³; таким образом накапливает богатства, при реализации которых часть теряется, часть проживается, а часть, и при том большая, уплачивается пришлому афганскому элементу за полевые работы; при чем эти средства, за исключением незначительного количества истраченного на жизнь, уносятся в Персию и Афганистан. К этому, наконец, расходует на покупку у афганцев пригоняемых ими баранов.

Краны, уплачиваемые за баранов, увозятся в Афганистан, так как лица, пригоняющие баранов, не ведут никакой другой меновой торговли с нами. Увозя из наших пределов краны в Афганистан и Персию, они стараются обменять их на русское золото, причем в Мервском районе существует даже особый спрос на золото, доходющий до 5 рублей за каждые 100 рублей золота. Главным пунктом торговли с Афганистаном в Мервском районе является Тахта-Базар, который и служит местом товарообмена. За ввозимые к нам хлопок, фисташки, шерсть, сырье, шкуры зверей и т.п. Так как ввоз к нам превышает вывоз, то излишки стоимости берутся от нас кранами или золотом. Стремление афганцев обменять краны на золото основано на том соображении, что золото они могут незаметно провести через границу,

не обременяя себя громоздкими и тяжелыми мешками с кранами, требующими и больших средств для перевозки, и бросающихся в глаза, и таким образом служащих приманкой для любителей чужой собственности.

Резюмируя все изложенное, г-н Михайлов приходит в следующим выводам.

Ввоз персидских кранов в Мервский район:

1) убыточен для русских фирм, покупающих продукты производства района, благодаря искусственным колебаниям кранов;

2) убыточен для населения, которое, благодаря тем же колебаниям, также теряет при размене кранов, а накапливая свои сбережения в кранах же, при неизбежной со временем переоценке крана, потеряет еще больше;

3) благодаря тому, что расценка всех товаров идет на краны, торговцы русскими товарами теряют всегда при обмене кранов на русские деньги;

4) несколько миллионов русского золота уходит за границу в обмен за ввозимые к нам краны;

5) с одной стороны Государственный банк не выпускает у нас золота, повидимому, из опасения, что Афганистан, продав нам сырье, не купит нашу мануфактуру, вывоз которой в Афганистан составляет 93,6% всего вывоза туда. Если эти опасения справедливы, то, по словам г. Михайлова, они едва ли имеют под собой серьезную почву, так как золото, благодаря джедидам, привозится из Бухары, Самарканда и Баку сколько угодно и продается в Афганистан, а наш вывоз туда же растет с каждым годом все больше и больше чем в четыре раза, в то время как ввоз к нам из Афганистана увеличился лишь вдвое.

Оберегая вывоз от нас золота в Афганистан, мы то же золото платим за ввозимые в наш район краны Английскому банку, заставляя при этом терять нашу промышленность и способствуя введению в своем государстве малоценной монетной единицы соседнего государства.

6) Ввоз кранов явно нарушает, таким образом, правильность нашего денежного обращения.

Вследствие всего этого, по мнению г. Михайлова, было бы целесообразным провести в жизнь одно из двух положений: или совершенно воспретить ввоз в край кранов, установить для них постоянный принудительный курс в районе и выпустить для расчета по международной торговле золото, или монополизировать этот ввоз в руках нашего Банка, направив стремление его не в одну только сторону доходности на этом деле, а в сторону чисто государственных интересов, именно: поддержание нормального курса крана в зависимости от курса серебра. При положении этого рода ни наша промышленность, ни наши

производители не были бы предметами эксплуатации местных спекулянтов и потери на курсе кранов были бы очень незначительны в сравнении с тем, что теряется теперь.

При потере 40 коп. на пуд волокна и при 600 000 пудов урожая, фирмы теряют свыше 200 000 руб. и их же теряет население.

Управляющий Пендинской таможней, находящуюся в главном пункте торговли Мервского уезда с Афганистаном, в селении Тахта-Базар, сообщает (в отзыве от 15 ноября минувшего года № 2536), что персидские краны являются самую ходкою монетою при торговых сделках и колебание курса на них находится в пределах 520–600 штук на 100 руб.

Заменить краны возможно только кредитными билетами, каковые афганцы берут охотно, в особенности 100 и 500 руб. достоинства, как занимающие при большой их ценности мало места, – и золотом, которое они предпочитают ассигнациям. Золото приобретается ими, главным образом для перепродажи в Герате по наивысшей цене посредникам англичан скупающим таковое с надбавкой до 8%; мелкая же серебряная монета спрос имеет весьма незначительный.

7) Вместо замены кранов русской соответственной монетой целесообразнее было бы произвести установление определенного курса на них, подобно существующему на бухарскую теньгу (15 коп.). Во всяком случае, предвидеть какую-либо неблагоприятную для нас сторону в торговле с Афганистаном в этой фиксации кранов, равно и в замене их российской государственной монетой, в настоящее время не представляется никаких данных.

Сведения о кранах, полученные из Тедженского уезда, – который лишь незначительную частью Серахского приставства соприкасается с Афганистаном, прилегая на всем прочем пространств к Персии, – построены, главным образом, на наших коммерческих отношениях к последней стране.

Так, управляющий Душакской таможней (в отзыв от 11 декабря мин. года, за № 5366) сообщает, что так как Персия, как самостоятельное государство, имеет свою монету – кран, то все отправляемые в Персию русские товары в пределах Персии обмениваются исключительно на краны. Причем краны эти, поступая в наши пределы, отправляются в Мерв и в разные пункты Афганской границы, где облегчают нашему купечеству возможность покупки афганских товаров и почти целиком, в том самом количестве, в котором поступают из Персии, вывозятся в Афганистан. Замена в Закаспийской области персидских кранов какой бы то ни было русской монетой, иначе говоря запрещение привоза в пределы области персидских кранов, вызвало бы такое положение вещей, в силу которого наше купечество было вынуждено в пределах Персии отказаться от приема кранов, благодаря

этому обстоятельству купцы стали бы поставленными в необходимость ведения в Персии меновой торговли. Это же положение неизбежно вызовет понижение цен на наши товары или же сокращение вывоза таковых в персидские пределы. Персидское купечество невольно будет вынуждено искать за пределами своей родины такие рынки, где бы они за свои краны могли свободно покупать необходимые им продукты, а этим едва ли воспользуются иностранные предприниматели, кои так в транзитных посылках снабжают всю верную Персию всевозможными товарами.

Независимо от этого запрещение привоза кранов весьма неблагоприятно отразилось бы на операциях нашего Учетно-Ссудного банка в Персии, который ныне производит огромные переводные и иные операции кранами и от этого имеет весьма значительный доход. Запрещение же привоза кранов поставило бы наш банк в необходимость отказаться от этих операций.

В торговле с Афганистаном краны имеют еще более решающее значение, чем с Персией. Население Афганистана и само Афганское правительство не делает разницы между афганскими рупиями и персидскими кранами. Русских же денег афганцы не знают. Поэтому афганские купцы, как привозят к нам товары, продают их за краны, дабы у себя на родине имеет возможность беспрепятственно торговать на них. Те же афганские купцы, которые прибывают в Россию без товаров, но за покупкой таковых, привозят с собой краны. Таким образом краны являются единственной монетой, на которые афганцы обменивают свои продукты и покупают наши товары и запрещение обращения в области кранов вызвало бы больший кризис в торговле с Афганистаном, а кое-как налаживаемая торговля сношения по афганской границе сильно пострадают, и афганцы в свою очередь вынуждены будут искать такие рынки, где они бы могли свободно торговать на краны.

Экспорт и импорт товаров в Персию и обратно производится на фургонах и, главным образом, на вьючных животных, причем возчиками являются те же самые персидско-подданные. Извозное ремесло по Персии по многим условиям, а в особенности по трудностям путей, настолько неблагоприятное, что зарабатываемой провозной платы возчикам едва хватает на прокормление скота и поддержание семейства, причем почти весь заработок чарводарами тратится в пределах Персии. Поэтому возчики-чарводары провозную плату на местах набиранья и доставки грузов берут исключительно персидскими кранами, так как по Персии они не имеют возможности расплачиваться за ячмень, саман²⁴ и проч. продукты русскими деньгами. Принимая же во внимание, что общее весовое количество привозной и вывозной торговли выражается в миллионах пудов, за кои половина привозной

платы производится в Закаспийской области, то очевидно, что для одной лишь надобности на расплату с возчиками необходима значительная сумма кранов, по крайней мере на миллион 1,2–2 руб. в год. Снабжение же возчикам русскими деньгами невозможно, так как они категорически отказываются от них, и 95% из них не знает русских денег.

Кроме возчиков есть еще один немаловажный элемент, с которым в пределах Закаспийской области необходимо расплачиваться персидскими кранами. Это приграничные с областью жители Персии. Они снабжают область главным образом беспошлинными товарами: крупным и мелким скотом, пшеницей, ячмень, птицей, курами, яйцами, сыром, маслом, свежими фруктами и проч. Без доставки этих продуктов из Персии положение области было бы весьма тяжелое: и так, сотня яиц в Асхабаде стоит 2–3 руб., а курица от 1–2 руб. В случае же привоза этих продуктов не из Персии, а из других пунктов России, цены на съестные продукты в области были ненормально повышенными и недоступными для огромного большинства. В этих видах все поименованные жизненные продукты в свое время по ходатайству г-на туркестанского генерал-губернатора, были разрешены к привозу беспошлинно. В виду неопровержимого значения для Закаспийской области привоза из Персии жизненных продуктов: таковыми, как сказано, являются сами персы, приграничные жители. Эти доставщики вынуждены продавать в области свои продукты, скот и пшеницу только за краны, так как если бы они в Персию вместо кранов вывозили русскую монету, то этим лишили бы себя возможности у себя покупать на эти деньги продукты и скот для новой доставки их на продажу в область. Одних яиц через Гаудан и Асхабад поступает чуть ли не на сотни тысяч рублей, а общая ценность привозных в область из Персии приграничными жителями беспошлинных товаров выражается опять-таки в миллионах рублей, кои необходимо уплачивать кранами.

Запрещение привоза кранов поставило бы в весьма тяжелые условия также двукранников-йомудов, кои тысячами кибиток живут то в Персии, то в России. Вся наличность кочевников-йомудов обыкновенно выражается в кранах, перевозимых ими, то в Персию, то в Россию, и только кранами они ведут свои торговые и проч. дела, так как йомуды пока не привыкли к русской монете.

Что касается колебания курса кранов, то таковое в Душаке находится в полной зависимости от курса кранов в Асхабаде, так как все количество расходуемых в Душаке кранов привозится не из Асхабада, а из Персии в Душак краны непосредственно не поступают. Вообще же колебание курса кранов находится в зависимости от курса в Европе и Америке на серебро.

Управляющий Хивеабадской таможенной (в отзыв от 3 декабря мин. года, за № 1786) указывает, что значение кранов в расчетных операциях с Персией (фон-Адеркас²⁵, по его словам, может говорить лишь в отношении последней) поддерживается заинтересованными кругами искусственно, с игрой на косность и невежество мусульманской массы. Правда, наши кредитные билеты и медь не пользуются популярностью среди темного персидского населения, но это не имеет значения для разрешения вопроса о замене кранов российской монетой.

Колебание курса персидских кранов в пределах области между отдельными годами (за последние пять лет) не представляет уклонений; в частности же, курс подвержен изменению в весенний сезон (время привоза из Персии шерсти) и осенний (время привоза хлопка), когда за 100 руб. дают 550 кранов, т.е. кран идет за 18,18 коп., а в остальное время года курс на краны опускается до 590 кранов за 100 руб., т.е. до 16,94 коп.

Курс устанавливается Асхабадом и Мервом, где, главным образом, сосредоточены расчетные операции с персидскими и афганскими поставщиками, и из этих мест по телеграфу сообщается во все второстепенные пункты Закаспийской области. Не подлежит таким образом, сомнению, что от колебания искусственно устанавливаемого курса на краны выигрывают наши крупные фирмы, армяне-торговцы и менялы-джедиды (персидские евреи) в ущерб заграничным поставщикам. Сами же краны, для расчетов с этими поставщиками, доставляются из перси в Асхабад и Мерв заблаговременно одним, вероятно заинтересованным в этой операции, Мешедским банком.

Разбираясь в разноречивых предположениях, можно с большой достоверностью сказать, что замена кранов российской монетой на нашей внешней торговле в неблагоприятную сторону не отразится. Если на первое время такая замена и вызовет протесты со стороны заинтересованных кругов, играющих на курс кранов, то в конце концов время и необходимость возьмут свое под давлением того основного положения, что для вызова произведений почвы и промышленности Северной Персии (сушеные фрукты, шерсть, хлопок) остается по-прежнему главный рынок – Россия, а для вывоза наших фабрикатов и продуктов – рынок Северной Персии. Нельзя поэтому ожидать, что проектируемая мера вредно отразится на нашем вывозе – в сторону его понижения тем более, что опыт минувшего, когда воспрещен был ввоз персидских кранов, показалось, что это запрещение несколько не помешало постепенному возрастанию нашего экспорта.

Что же касается вопроса, каким видом российской монеты возможно было бы заменить персидские краны, то г. фон-Адеркас полагает – серебром. Наши рубли и полтинники и в настоящее время свободно обращаются среди приграничного по ту сторону населения; что

же касается эмансипированных до известной степени персидских торговых классов, то денежные расчеты на наше серебро и кредитные билеты, – и сейчас беспрепятственно обращаются среди них, – не встретят затруднений. Относительно же золотой валюты возможно только сказать, что и то незначительное количество золотой монеты на денежном рынке, скупается, как указывалось, джедидами (персидскими евреями) с доплатой, сверх номинальной стоимости, от 2 до 5%, и отправляется в Персию, вероятно для перечеканки или переотправки в Индию.

Что касается статистических сведений о ввозе кранов в наши пределы через Хивебадскую таможню (ст. Каахка, Тедженского уезда), то таковые представляются в следующем виде: в 1910 г. кранов было ввезено 1346 п. на 862 895 руб., в 1911 г. – 335 п. – 222 700 руб., в 1912 г. – 133 п. – 88 500 руб.

Управляющий Артыкской таможней (ст. Артык, Тедженского уезда) в новом отзыве от 11 декабря мин. года за № 2864 говорит, что в приграничной полосе краны в торговле имеют первенствующее значение, так как все торговые расчеты с персидскими купцами и возчиками (чарводарами) ведутся на краны.

Заменить краны русской монетой невозможно, ибо во всех торговых центрах Персии имеются кредитные учреждения для обмена кранов на русские деньги и наоборот. Тем не менее по существу, изъятие кранов из обращения и замена их русской монетой в нашей приграничной полосе, по мнению г-на Тер-Газарова, отразится благополучно на нашей торговле вследствие того, что русская монета имеет устойчивый курс и в Персии, и русские купцы избегают неожиданных колебаний курса кранов; персидские купцы, производя покупку и продажу товаров на краны, ничего не потеряют на курс, между тем как русские купцы, покупая товары в Персии или продавая краны, при обмене на русские деньги, несут значительные убытки на повышении курса кранов, и вообще наша вывозная торговля страдает от постоянных колебаний курса кранов.

Что же касается покупной цены кранов и цены в обращении, то таковая цена подвергается постоянным колебаниям, так: приблизительно покупная цена двукранника за кружок – 34–35 коп., а цена крана в Персии, в соседней Дерезгезской провинции – 17,2–18 коп.; в обращении же в Закаспийской области стоимостью двукранника в среднем – 36 коп., а в сезон сбыта шерсти, хлопка и сушеных фруктов она доходит до 38 коп.

Привоз в наши пределы кранов через Артыкскую Таможню выражался следующими данными за три последних отчетных года: в 1910 г. было ввезено кранов 139 п. 23 ф. на 90 343 руб., в 1911 г. – 242 п. 38 ф. – 161 960 руб., в 1912 г. – 178 п. – 123 254 руб.

Сведения, доставленные из Асхабадского уезда по вопросу о кранах рисуют в общем взгляды также достаточно осторожные, в смысле быстрого изменения современного положения этого вопроса. Так, например, управляющий Асхабадской таможенной 1-го класса (в отзыв от 10 декабря 1913 г., за № 6928) сообщает нижеследующее:

Персидские краны в нашей приграничной торговле с Персией и Афганистаном имеют громадное значение, так как главным образом туземное население, а равно персидско-подданные и афганцы все денежные расчеты производят на краны, каковое обстоятельство обуславливается нижеследующими причинами:

А) укоренившаяся привычка у туземцев с давнего времени, до завоевания края русским, производить расчеты между собой и соседними народами, среди которых самую крупную роль играли персы, исключительно на краны.

Б) Близость границ Персии, роль Закаспия в торговом сношении, как транзитного пути в Россию.

В) Непосредственный торговый обмен между русскими фирмами и туземным населением, главным образом, происходит через посредников туземцев или пришлого элемента со стороны Персии, Бухары и вообще через восточных людей, привыкших все расчеты свои производить на краны, при чем Российская монета, хотя и принята, однако, вследствие малокультурности торгового элемента, не может вполне служить денежной для них единицей.

Г) Все расчеты по всем сделкам, совершаемым в Персии нашими купцами с персидскими, а равно возчикам, занимающимися извозом товаров из Персии в Россию и обратно, совершаются на краны.

Д) До известной степени пристрастие туземного элемента к кранам облегчается и арабской надписью на них, которая ему доступна по содержанию.

Колесание курса кранов зависит от персидского рынка и немало важную роль в этом отношении имеет игра двух кредитных учреждений в Персии – Английского и нашего Учетно-Ссудного банков которые, то скупают краны, то усиленно выпускают их, смотря по сезону. Так, когда настает период вывоза из Персии (также и из области) сырья, вследствие чего спрос на краны усиливается для учинения расчетов как в самой Персии, так и в Закаспийской области, курс на краны сильно повышается. Осенью курс кранов иногда стоит очень высоко (за 100 руб. 565 кранов) и, наоборот, в период прекращения вывоза сырья и уменьшения вывоза из Персии, к концу лета, за 100 руб. дают менее 510 кранов.

В отношении вопроса о замене в настоящее время кранов российской монетой и совершенном прекращении их обращения в Закаспийской области следует заметить, что сделать это невозможно, так как

это на первое время нанесет значительный вред торговой области, курс кранов фактически еще более поднимается и ввоз их из Персии контрабандным путем усилится, ибо население не в состоянии сразу отрешиться от производства своих денежных расчетов на обычную ходячую монету и несомненно будет еще в большей степени эксплуатироваться скупщиками кранов.

Однако, хотя замена кранов российской государственной монетой первоначально может отразиться неблагоприятно на нашей торговле с Афганистаном и Персией, но, тем не менее можно было бы принять меры в области финансовых операций, чтобы постепенно прекратить их ввоз из Персии; для этого необходимо:

А) Усилить теперь обращение российской серебряной монетой, приблизительно одинакового достоинства с двукранниками, по курсу около 35 коп. (персидские краны – из чистого серебра).

Б) Принятие мер для обесценения персидских кранов и ослабления их влияния как в самой Персии, так и в Закаспийской области.

Статистические данные о провозе кранов из Персии за три последних отчетных года представляются в следующем виде: в 1910 г. ввезено кранов на 8850 руб. 279 410 руб. 288 260 руб., в 1910 г. – 161 200 руб. 504 507 руб. 665 707 руб., в 1912 г. – 73 100 руб., 823 673 руб., 896 773 руб.

Управляющий Асхабадским отделением Государственного банка (в отзыв от 15 декабря мин. года за № 28522) по вопросу о значении персидских кранов говорит, что на эти денежные знаки производятся не только все расчеты по нашему товарообмену с приграничными областями Персии и Афганистана, то на них ведется почти и вся внутренняя торговля: скупка хлопка, зерна, шерсти и проч., за исключением разве городов, поселков по линии железной дороги и аулов, имеющих учреждения Малого Кредита, где русские деньги принимаются наравне с ними.

Обороты по крановой торговле достигают ежегодно, по приблизительным подсчетам, 30–35 миллионов, а ежегодный ввоз в край – суммы, доходящей до 3 миллионов руб. Последняя цифра также приблизительно, но исходя из того, что в Закаспийскую область, кроме точно зарегистрированных таможняками, вливаются краны, выписываемые из Баку – главного кранового рынка, привозимые паломниками и купцами, приезжающими для закупки товаров, полагает, что она не преувеличена. Таможни же дают следующее количество провезенных в область в 1910, 1911 и 1912 годах кранов: в 1910 г. – на 1.241,3 тыс. руб., без прошедших через Красноводскую таможню, по которой нет сведений, в 1911 г. – 1.108,4 тыс. руб.+445 тыс. руб., прошедших через Красноводскую таможню, и в 1912 г. – на 1.108,4 тыс. руб., без прошедших через Красноводскую таможню.

Колебания курса на краны на внутреннем рынке за указываемые годы, по частным сведениям, были таковы: в 1910 г. от 516 до 552, в 1911 г. от 520 до 575 и в 1912 г. от 567 до 580.

Заменить краны русскими денежными знаками, путем каких-либо насильственных мер, трудно. Причины широкого обращения их в крае кроются в давней привычке к ним и к расчетам на них местного населения, создавшейся в силу постоянного соприкосновения и торговых сношений с приграничными областями Персии и отсутствия собственной монетной системы, свободного, наравне с афганской монетой, обращения ее в Афганистан, жители которого отдавали ей предпочтение и при появлении русских денежных знаков, так как она давала возможность скрывать торговые сношения с Россией, к которым далеко не покровительственно относилось афганское правительство и, по мнению г-на Григорьева, только постепенное проникновение в обиход местного туземного населения русских денежных знаков может вытеснить из обращения здесь краны, а затем и распространить нашу монету в приграничных областях Персии и Афганистана.

Должно сказать, что хотя в настоящее время большинство сделок, как по внешней, так и внутренней торговле, совершается на краны и обороты крановой торговли, как выше упомянуто, достигают десятков миллионов рублей, а ежегодный прилив их равен несколько миллионам, из разговоров с клиентами отделения банка, как здесь, так в Мерви, Теджени и других местах., г-н Григорьев²⁶ пришел к заключению, что русские денежные знаки, хотя может быть и очень медленно, но несомненно вытесняют из внутреннего обращения краны. Среди туземцев, имеющих какое-либо отношение к торгово-промышленной деятельности, краны уже и теперь не являются непременно платежным денежным знаком и принимаются лишь в виду свободного их обращения и легкости обмена, а также в силу того, что этим лицам приходится вести торговые дела с туземцами отдаленных местностей, имеющих малое общение с торговыми центрами, а потому сохраняющей еще старую привычку к расчетам на краны.

В деле распространения среди туземного населения русских денежных знаков и введения их в обиход, Асхадбадским отделением Государственного банка принимались и принимаются возможные меры через посредство кредитруемых им учреждений мелкого кредита, функционирующих в области с 1910 г. и в настоящее время, в числе 48 учреждений, раскинутых по разным частям уездов. Выдачи этим кредитным учреждениям, в особенности отдаленным, основных капиталов и ссуд по краткосрочным кредитам производятся Отделением по большей части в звонкой монете, применяя к привычке населения к серебру, с непременно условием производства выдач ссуд участникам, приема от них платежей и хранения свободных капиталов ис-

ключительно в русских денежных знаках. Контролирование этой меры, а равно разъяснения членам товариществ убыточности сделок на краны, вменяется в непрременную обязанность состоящим при Отделении Банка инспекторам и, надо заметить, что меры эти остаются без результатов: с постепенным расширением сети товариществ, заметно, и систематически уменьшается обратный прилив выпускаемой Отделением серебряной монеты, указывая на то, что она остается в народном обращении.

Если бы, однако, явилась возможность изъятия из обращения кранов тем или другим, но более ускоренным путем, то г-н Григорьев полагает, что это не отразилось бы заметно на нашей торговле с приграничными областями Персии и Афганистана, ибо пути к центральным рынкам Закаспийской области являются давно проторенными, установилась привычка к товарам и, наконец, расчеты по крупным сделкам производятся не наличными, а переводами через посредство Учетно-Ссудного банка в Персии или фирм. Кроме того, центральные рынки Закаспийской области являются для жителей пограничных областей Персии и Афганистана и рынками сбыта, куда они доставляют произведения своего края: хлопок, шерсть, кожи, фисташки, крупный и мелкий скот, коровье масло и проч. и не малая доля торговых оборотов падает естественно на обмен, при чем, по словам местных мануфактуристов, обилие на рынке, в период привоза афганских товаров, кранов и русского золота, которое, для целей скупки этих товаров, специально вывозят или выписывают из Европейской России местные купцы, даже отрицательно отражается на мануфактурной и колониальной торговле, так как вместо закупки здесь товаров увозится золото, выгодно сбываемое в Афганистан, или полученные по низкому курсу краны.

Директор Асхабатского отделения Русско-Азиатского банка (в зыве от 14 декабря мин. года) указывает, что торговля персидскими кранами как в Асхабатском районе, так ровно и во всей пограничной с нами полосе Персии и Афганистана преследует двоякую цель: цель упрощения и облегчения расчетов во взаимном товарообмене с нашими соседями и цель наживы, нередко весьма огромной, для лиц и учреждений, сосредоточивших в своих руках торговлю кранами. Поскольку свободное обращение в Закаспийской области кранов выгодно и удобно при расчетах с чарводарами по уплате ими фрахта и персидскими дехканами при покупке у них сельскохозяйственных продуктов, поскольку же оно нежелательно для местных торговцев, продающих в Персии в кредит русские товары: сахар, мануфактуру, спички и др. Получая при продаже от покупателя долговое обязательство на сумму кранов по курсу дня, продавец нередко несет потерю

при наступлении срока вследствие того, что курс на краны за это время изменился.

Ажиотажу в деле торговли кранами в значительной мере содействует Имперский банк в Персии (английское кредитное учреждение), в Мешхеде, который ведет эту операцию в большом масштабе, закупая краны в своем районе во время летнего затишья по дешевым ценам, выбрасывая их затем на наш рынок, преимущественно в Мервский район, по значительно повышенным ценам.

Так что, резюмируя все это, нельзя не придти к следующим выводам:

- 1) Свободное обращение в Закаспийской области персидских кранов желательно только постольку, поскольку этим обслуживаются интересы нашего с Персией и Афганистаном товарообмена. Спекулятивную сторону этой торговли желательно упразднить, принимая во внимание, что курсовые единицы выплачиваются отнюдь не колебаниями цен на серебро, а исключительно соображениями, имеющими в своей основе наживу.
- 2) Замена кранов русской монетой равносильна воспрещению ввоза кранов в Закаспийскую область, а поэтому и нежелательна. В бытность начальников области генерала Куропаткина²⁷ была сделана попытка воспрещения ввоза кранов²⁸. Это запрещение дало повод к неоднократным жалобам со стороны наших коммерсантов, и мера эта была в конце концов отменена.

В целях упразднения ажиотажа нам мог бы оказать большую услугу Государственный банк, взявши на себя инициативу покупки кранов в Персии и продажи таковых в области с некоторой надбавкой в цене. В этом случае Государственному банку будет принадлежать единолично право беспрепятственного ввоза в область персидских кранов, и спекуляция будет таким образом сведена почти на нет.

Точные данные о движении в области персидских кранов, равно и о колебании курса таковых не представляется возможным добыть, так как никто из лиц, причастных к этому делу, не ведет подобной статистики. Тем не менее местные «саррафы» (менялы) дали следующие, приблизительные, цифры оборота и курсовых колебаний: из Мешхеда прибывает в Асхабад ежегодно, по приблизительному подсчету (1 туман = 10 кранам), 100/150 тыс. туманов. Из Баку в Асхабад – 70/100 тыс. туманов. Всего – 170/250 тыс. туманов или 1.700.000/2.500.000 кранов, причем все это количество уходит обратно в Персию, частью через Асхабад, но преимущественно через Мервский район. В течение последних двух лет колебания курса двигались в рамках от 550 до 582 кранов в 100 руб. Наибольшей разница в курсе падают на 1910 г., в котором самым дорогим курсом был 480 кранов за 100 руб.

Красноводский уезд с его слабо развитой русской гражданственностью в широком смысле этого слова с населением, главным образом, кочевым и как граничащий с персидскими районами: Астрабадским и Гюрчено-Астрекским, населенными преимущественно тоже кочевниками, отозвался в таком смысле в вопрос о кранах (по отзыву управляющего Коасноводской таможней от 10 декабря мин. года, за № 4803).

Торговля России с Персией в район Красноводской таможни, по заявлению местного купечества, совершается исключительно за наличный расчет персидскими кранами, так как нашим торговкам приходится иметь дело с преимущественно с сельским некультурным населением Персии, у которого приобретаются сырые и полуобработанные продукты сельского хозяйства и которое не знает других денежных знаков, кроме персидских кранов. Поэтому заменить эту монету русской ныне не представляется возможным и, во всяком случае, такая замена неблагоприятно отразилась бы на пограничной торговле, по крайней мере на первых порах. Замена персидской монетой русской звонкой монетой возможна лишь при оптовых запородах товаров между крупными торговцами, а также через посредство банков, каких нет в районе, тяготеющем к Красноводской таможне.

Курс персидских кранов колеблется в пределах от 16 до 18 коп. за кран, в зависимости от спроса и предложения таковых. Что касается данных, рисующих за последние три года привоз и вывоз персидских кранов по Красноводскому уезду, то таковые выражаются в следующих цифрах: В 1910 г. привезено на 34 910 руб., вывезено на 174 060 руб., в 1911 г. – 444 492 руб. и 21 800 руб., в 1912 г. – 906 100 руб. и 259 550 руб.

Цифры эти, однако, не определяют действительного привоза и вывоза означенной монеты, так как Красноводской Таможней зарегистрированы только краны, привезенные в виде товара, в большом количестве, но вовсе не зарегистрированы краны, привозимые торговцами при себе в небольшом, сравнительно, количестве.

В заключение настоящего перечня взглядов на вопрос обращении кранов в пределах нашей южной приграничной полосы следует привести и личные, неофициальные, соображения по сему же поводу, высказанные управляющим Мешхедским отделением Учетно-Ссудного банка в Персии, г-ном Супруновым (в его отзыв на имя начальника Закаспийской области от 18 января 1912 г. за № 723, приложенном, в копии, к представлению начальника области генерал-губернатору от 21 февраля 1912 г., за № 190).

Россия после завоевания Закаспийского края застала там, как ходячую монетную единицу, персидский кран и, отчасти, бухарскую теньгу. Отдельные враждующие между собой туркменские роды, не

объединенные общей государственной властью, не имели своих денежных знаков и потому усвоили и привыкли к монетной единице своих более культурных и организованных соседей, в особенности же Персии. С присоединением Закаспия к России русский рубль на первых порах довольно быстро вытеснил в административных центрах всякую другую монету, но в массу населения его обращение до сего времени не проникли и, во всяком случае, наталкивается на постоянное упорное недоверие и противодействие. Причина такого предпочтения кранов русской монетой и при том не только при повседневных сделках между жителями области и Хорасана, но при внутренних денежных расчетах коренится прежде всего в навыках населения, ибо замена исторически привычной монетной единицы, раз она по-прежнему беспрепятственно и в достаточном изобилии проникает на рынок, новой, – дело несомненно не легко налаживаемое и медленное. К тому же привычный кран всегда обладает в глазах сельчан-туземцев наглядным преимуществом, которого он не видит в русском рубле, – в нем до известной степени имеется на лицо постоянный эквивалент ценности – серебро. Поэтому туркмен охотно принимая в платежи русское золото, избегает мало привычных кредитных билетов и полноценного русского серебра, так как для него всегда очевидно, что в шести кранах, приблизительно равноценных серебряному рублю, серебра заключается значительно больше. Этому же способствует и общая привычка населения прятать (закапывать) и копить деньги в монеты, для чего полноценное крановое серебро, разумеется, пригоднее обычной русской ходячей монеты. По той же причине даже в Бухаре и в Хиве (особенно в Керках и Ургенче), где местная теньга была почти вытеснена русским рублем, в последнее время краны успешно заменяют русскую монету. Конечно, при употреблении темной туземцев, незнакомых с ценой кредитных билетов и путающих с такими чуть ли не всякую цветную бумажку, а равно и нередко обращение между туземным населением потерявших ценность кредитных билетов старых выпусков.

Переходя к вопросу о причинах неустойчивости курса кранов на базарах области, следует отметить, что главными факторами, влияющими на колебания курса являются: 1) привычки населения, 2) сезоны вывоза хлопка, шерсти и др. местных продуктов, 3) время вывоза русских товаров, 4) пути сообщения, 5) стоимость серебра на мировом рынке.

Как было указано выше, туземное население свои сбережения обычно превращает в серебро и закапывает. В городах, с развитием сберегательных касс, этот обычай понемногу сходит на нет, но в глухих селениях области оно упорно сохраняется. Поэтому наличные запасы серебра быстро исчезают из обращения и каждый год, ко вре-

мени ликвидации урожая, возобновляются новым значительным привозом из Хорасана и даже Гиляна и Мазандерана. Особенно много требований на краны на местных рынках и, главным образом, в Мерве приурочивается ко времени сделок на хлопок, т.е. В декабре–марте месяцах, когда курс на рубли падает до 540–555 кранов за 100 руб., тогда как в то же время в соседнем Мешхеде базарный курс стоит за 560–570. В последние же годы (1908–1910), вследствие расширения площади культуры хлопчатника в Мервском и Тедженском оазисах, спрос на единственную ходячую среди населения монетную единицу – краны, стал еще более значительным.

Ко времени окончания Нижегородской ярмарки, т.е. с августа по ноябрь, начинается сезон наибольшего поступления товаров русского производства в особенности мануфактуры. В связи с этим растет спрос на рубли, курс поднимается и соответственно с этим падает курс крана до 560–570 за 100 руб.

Почти весь подвоз кранов на рынки Закаспийской области – Мервь, Каахка, Сарахс, Асхабад – идет из Мешхеда, главным образом наиболее короткой и дешевой дорогой на Каахка, но в некотором количестве краны поступают и из прикаспийских областей Персии через Баку. Таким образом с стоимости крана на Мешхедском рынке прибавляется стоимость привоза, колеблющаяся по сезонам в зависимости от состояния и безопасности дорог, цен на фураж, наличности перевозочных средств и пр. Сюда же входит и предпринимательская прибыль купца, ввозящего краны.

Не менее крупное значение для рыночной цены крана имеют постоянные колебания, которым подвержена стоимость серебра на мировом рынке. Так в 1893 г. цена серебра упала в короткое время на 60% и в таком же отношении понизилось и курсовое соотношение крана к золотой валюте. С тех пор постепенное падение ценности серебра, хотя и медленное, продолжается, отражаясь, разумеется, и на курсе, присоединяя к другим специфическим невыгодным сторонам крановой валюты также и неудобства, связанные с неустойчивостью курса вообще всякой самостоятельной серебряной валюты. Так, в том же 1893 г. значительные потрясения денежного рынка имели место и в других странах с серебряной монетной единицей, как Индия и Китай.

Даже в «хадж», – время паломничества в Мекку, – отражается повышение курса на рубли, вызывая спрос на таковые и ликвидацию крупных количеств кранов.

Присоединяясь к высказанному начальником Закаспийской области мнению о нежелательности и ненормальности широкого развития в области сделок на краны, г-н Супрунов, со своей стороны, полагает, что и на товарообмен Персии с Россией неустойчивость крановой валюты отражается чрезвычайно вредно. Главным образом благодаря

ей, ряд русских экспортных фирм (Л.С. Поляков, Н.И. Коншин и др.) прекратить самостоятельный ввоз в Персию русских фабрикатов и таковой всецело перешел в руки туземных фирм, вынужденных урегулировать хоть отчасти свои расчеты с Россией по импорту экспортов туда персидского сырья, чем значительно ослабляется возможность потерь на курсе. Так, например, все оптовики-мануфактуристы являются одновременно и главными скупщиками и отправителями мерлушки, овчины и др. для Нижегородской ярмарки, направляя иногда свое сырье непосредственно русским фабрикантам мануфактуры, которые, ликвидируя его, сводят свои расчеты с отправителями по забору мануфактуры.

Таким образом жизнь вынудила к обходу товарных сделок в двух валютах – крановой и рублевой, заменяя их расчетами, носящимися первобытный меновой характер.

Тем не менее даже при такой комбинации курсовые расчеты все же бывают ошибочны. Покупая в Москве мануфактуру, персидский купец рассчитывает, что, например, в январе, когда он по условию должен свести расчеты с продавцом, ему удастся на полученные за прожданный товар краны купить рубли по курсу 550. Когда же приходит время расчета, курс на базаре может оказаться 580 и, следовательно, переплачивая на каждой сотне рублей 30 кранов, он несет убыток в размере 5–6%. В результате купец, помимо своей предпринимательской прибыли, по местным условиям очень значительной, должен принимать во внимание при калькуляции цен и возможные потери на курс, что ложится новым крупным налогом на все ввозимые в Персию русские товары.

Фирма Нобель в Хорасане (единственная русская экспортная фирма, имеющая отделение в Персии) за один последний год довела свою кассу в Мешхеде до 1.000.000 кранов, ликвидировать которые в рублевой форме может только с убытком, так как при калькуляции цен на керосин исходила из курса 55, теперь же курс стоит 585.

Являясь значительным тормозом в развитии непосредственных сношений русских фабрикатов с местным рынком, колебания курса крана породили в то же время безусловно вредную для наших интересов спекулятивную, ростовщическую игру на курсе рубля. В данном случае особенно приходится отметить деятельность Английского банка (Имперский Персидский банк), который, пользуясь своей монетной монополией, свел все свои активные операции исключительно к покупке золотой валюты. В настоящее время действительная заготовительная стоимость крана не превышает 600 на 100 руб., тогда как базарный курс редко поднимается до 585 и обычно стоит 560–570. Скупая рублевые переводы на Россию (главным образом Одессу), где последние легко заменяются тратами на Лондон, и используя то обстоя-

тельство, что курс крана всегда выше его заготовительной стоимости, Английский банк постоянно получает значительную прибыль за счет русской золотой валюты, которой собственнo говоря, и держится. Его дело поэтому упрощено до нельзя: заготовить дешевые краны и скупить на них ниже действительной стоимости русские рубли.

К игре на курс приспособились и местные банкиры – «саррафы», специализирующиеся на использовании и искусственном создании его резких колебаний. Особенно вредной следует признать при этом деятельность джедидов-персидских евреев, завладевших рынками Мерва и Сарахса и ввозящих туда крановое серебро на миллионные суммы.

Из изложенного можно усмотреть, что борьба со спекуляцией на курс рубля назрела давно и важна не только для урегулирования монетного обращения в области, но и как насущная задача для облегчения дальнейшего развития товарообмена России с Персией. Но вопрос этот далеко не разрешается фиксированным курсом крана законодательным путем. Такое фиксирование возможно при приеме кранов в платежи в государственные учреждения, Но в частности обиход при повседневных многообразных сделках населения оно совершенно недостижимо, ибо раз по хозяйственным или иным соображениям кран имеет в глазах населения большую ценность, чем его узаконенный эквивалент в рублях, то, разумеется, на ряду с официальной котировкой во всех частных сделках установится и надбавка в пользу крана при обмене его на рубли, как это имело еще недавно место в России при обмене золота на кредитки и серебро.

В Багдадском вилайете Турции, где кран до последнего времени был единственной ходячей монетной единицей, вопрос разрешился простым запрещением ввоза кранов в Турцию и население за исчезновением рынка краны вынуждено было принимать в платежи турецкие лиры и иастры и постепенно с ним свыклось. В 1894 г. был запрещен ввоз серебряной монеты и в Россию, но впоследствии это запрещение было снято. Объяснилось это тем, что запрещение совершенно не достигло своей цели и одновременно с ним возник значительный ничем не караемый контрабандный ввоз кранов в Россию.

К тому же эта мера, принятая слишком поспешно, без надлежащих постепенных переходов, привела к резкому падению цен на краны в Северной Персии и вредно отразилась на делах фирм, торгующих русскими экспортными товарами. Однако неудача, по мнению г-на Супрунова, объясняется не запрещением вопроса о крановом обращении, а поспешностью и некоторую неосмотрительностью в его проведении в жизнь.

Следовательно, на ряду с запрещением ввоза серебра необходимо привести и карательные меры против контрабандного ввоза, вплоть до

конфискации контрабандных кранов, и вместе с тем надлежит учесть и неизбежные потрясения рынков Северной Персии и Закаспия, вследствие резкого изменения в привычном и установившемся приливе и отливе крановой валюты и принять меры к возможному смягчаемому кризису. Поэтому г-н Супрунов полагает, что при новом запрещении ввоза кранов в Россию в первые 8–10 лет такое запрещение должно быть обращено только на частных лиц, и Государственному банку, в лице его контрагента в Персии, Учетно-ссудного банка в Персии, необходимо предоставить право на ввоз в Россию кранов по мере действительной надобности, дабы избежать пагубных потрясений народно-хозяйственной жизни, как в Северной Персии, так и в Закаспии.

Определить размеры такого временного монополизированного ввоза представляет некоторые затруднения. Поэтому первые два года такой ввод было бы удобным разрешить, не определяя его размеров, а на последующие 6–8 лет с постепенным уменьшением, по соглашению в высшей администрации Закаспийской области. Можно для первых двух лет исходить из цифр существующего ввоза по данным персидской таможенной администрации, согласно которым ввоз кранового серебра в Россию за время с 9 марта 1910 г. по 9 марта 1911 г. (Отчетный год – «Игиль») определяется в сумме кранов 27.491.650, т.е. свыше 6 миллионов рублей и за предшествующий отчетный год в сумму кран 27.580.373. Указанной выше мерой с самого же начала будет положен конец значительному ввозу в область кранов Английским банком: так, например, через Каахку и Душак в 1911 г. Английский банк переправил в область кранов своему комиссионеру в Мерв-Русско-Азиатскому банку, по сведениям отделения, на сумму свыше 10.000.000 кранов. Исчезнут и спекулятивные сделки на краны джедидов. Правда, на первых порах курс крана в область повысится, но задачей наших учреждений в области (а Асхабад и Мерв) и будет, постепенно уменьшая выпуск кранов на базар, принудить население, волей-неволей, перейти к русской монетной единице. Известная же временная доходность от такой посреднической роли поступит в кассы русского банка, созданного исключительно на русские правительственные средства и минует рук частных лиц и предприятий.

Осуществление намеченного в общих чертах плана закрытия русской границы для ввоза кранов возможна, разумеется, только после детального обсуждения его в Правлении банка. Организация достаточного ввоза в область кранов не может ограничиться только Хорасанским районом, но коснется и других провинций Персии, где существующая конъюнктура рынка позволит заготовить потребные для ввоза в область краны на возможно дешевых условиях. Поэтому, раз будет в дальнейшем направлении и разработке вопроса признано желательным привлечь Учетно-ссудный банк в Персии к делу замены

кранов русской монетой в форме выше намеченной г-ном Супруновым, то по вопросу о приемлемости для Банка такого участия в деле, а равно и с летальной разработкой следовало бы обратиться в правление Учетно-ссудного банка и интересов Государственного банка, вопрос о возможно доходной форме реализации в рублевой форме крановых поступлений от персидского правительства платежей %% по долгам Персии России.

К вышеизложенному следует добавить, что неизбежное временное потрясение рынков Северной Персии, после воспрещения ввоза кранов в Россию, способствуя установлению нормальной цены крана, по мнению г-на Супрунова, даст в результате рынку и некоторую фиксацию курса, ибо дальнейшему падению курса крана будет помехой невыгодный для нас торговый баланс с Персией, т.е. превышение вывоза из Персии в Россию над ее ввозом (в 1910–1911 гг. ввезено из России в Персию на КР. 219.559.206 и вывезено на КР 262.226.136, вследствие чего спрос на краны на рынках Северной Персии всегда превышает спрос на рубли, при чем рубли (в форме переводных векселей на Россию) идут в платежи по займам и на покрытие невыгодного для Персии баланса по торговле с Англией) ввезено в 1910–1911 гг. на КР.189.665,153, вывезено в Англию на КР. 37.412.840)²⁹. С фиксацией же курса рубля легче будет осуществить и введение в денежное обращение в Северной Персии русской валюты.

Резюмируя все изложенное в настоящей справке; нельзя не прийти к заключению, что сложный вопрос о замене кранов в наших приграничных районах русской монетой, по-видимому, требует для своего разрешения многих предварительных мероприятий, дабы не повторилась прежде бывшая с ним история, в силу которой пришлось испросить три совершенно противоположные Высочайшие Повеления: в силу первого (от 29 июля 1894 г.) краны свободно допускались к ввозу и обращению в наших пределах, в силу другого (от 16 апреля 1899 г.) привоз кранов в Империю через нашу границу с Персией, как в Средней Азии, так и в Закавказье, воспрещался, а в силу третьего, до ныне действующего (от 9 сентября 1902 г.), краны опять были допущены к свободному ввозу и обращению в нашей южной приграничной полосе.

коллежский советник Семенов

Архив отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ. Архив А.А. Семенова. Коробка 10. Папка 4. Л. 1–27об. Машинопись. 2-й экземпляр. Автограф.

-
- ¹ *Германов В.* «Шейх Туркестана»: Памяти выдающегося ученого А.А. Семенова // Восток Свыше. Ташкент, 2002. Вып. 3. С. 65–69.
- ² Во время поездки в Среднюю Азию в 1898 г. А.А. Семенов собрал большой материал по языкам, фольклору и быту горных таджиков, который опубликовал в 1900 г. «Материалы для изучения горных таджиков Центральной Азии» ч. I, «Грамматический очерк и памятники народного творчества» (М., 1900), ч. II Памятники народного творчества и словарь (М., 1901). В 1903 г. А.А. Семенов опубликовал в Москве книгу «Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза», за которую получил золотую медаль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.
- ³ Подробнее о биографии А.А. Семенова и его службе в администрации Туркестанского генерал-губернаторства см.: *Германов В.* «Шейх Туркестана»: Памяти выдающегося ученого А.А. Семенова. С. 65–69; *Джумаев А.* «Радости бытия высокого порядка»: Александр Семенов – исследователь культуры Средней Азии // Восток Свыше. Ташкент, 2012. Вып. 27. С. 85–95; *Соегов М.* Страницы из ашхабадского периода жизни востоковеда А.А. Семенова – уроженца Шацкого села Польное Конобеево // Вестник Тамбовского университета. Серия «Филологические науки и культурология». Тамбов, 2016. Т. 2, вып. 4 (8). С. 42–49.
- ⁴ Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подготовили Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 345–346.
- ⁵ *Ян В.* Голубые дали Азии // Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1989. С. 488–491.
- ⁶ *Германов В.* «Шейх Туркестана»: Памяти выдающегося ученого А.А. Семенова. С. 65–69.
- ⁷ Обзор Закаспийской области за 1902 г. Асхабад, 1902; и др.
- ⁸ *Соегов М.* Страницы из ашхабадского периода жизни востоковеда А.А. Семенова – уроженца Шацкого села Польное Конобеево. С. 43.
- ⁹ *Алимджанов Б.А.* Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016.
- ¹⁰ URL: http://www.fox-notes.ru/dr/rb_486_489_pers.htm
- ¹¹ См.: *Риттих П.А.* Отчет о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1900 году поручика лейб-гвардии егерского полка П.А. Риттих. Ч. 1–2. СПб., 1901. 2 т.
- ¹² *Ян В.* Голубые дали Азии. С. 481–557.
- ¹³ История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947. С. 404.
- ¹⁴ См.: *Додхудоева Л.* Научное наследие А.А. Семенова и М.С. Андреева (архивные документы). Душанбе, 2013.
- ¹⁵ О значении Сарая в торговом отношении я уже имел честь докладывать в своей большой «Записке о возникновении и современном состоянии русских поселений в Бухарском Ханстве», представленной Г. Главному Начальнику края в начале сентября минув. года. (*примеч. А.С.*)

- ¹⁶ Патта-Кисар, как известно, представляет собою русское поселение, непосредственно прилегающее к Термезу, отделяясь от него лишь стеной. (*примеч. А.С.*)
- ¹⁷ Управляющий Патта-Кисарской таможней. Биографические сведения уточнить не удалось.
- ¹⁸ Управляющий Керкинской таможней. Биографические сведения уточнить не удалось.
- ¹⁹ Заkyat (закят) – один из пяти столпов ислама, добровольный налог в пользу бедных.
- ²⁰ *Сомов Л.С.* русский политический агент в Бухаре в 1911–1913 гг.
- ²¹ Биографические сведения уточнить не удалось.
- ²² Меняла.
- ²³ Этнолингвистическая группа евреев в Иране.
- ²⁴ Солома.
- ²⁵ Управляющий Хивеабадской таможней. Биографические сведения уточнить не удалось.
- ²⁶ Управляющий Асхабадским отделением Государственного банка. Биографические сведения уточнить не удалось.
- ²⁷ Генерал А.Н. Куропаткин в 1890 г. был назначен начальником Закаспийской области. За время его управления областью были достигнуты крупные результаты. В области активно начали развиваться земледелие, торговля и промышленность, возникли русские школы, началось переселение из Европейской части империи.
- ²⁸ К этому позволю от себя добавить, что произведение этого исполнения произошло не при генерале Куропаткине, а после его ухода из области (16 апреля 1899 г.). (*примеч. А.С.*)
- ²⁹ Так в документе.

Литература

Алимовджанов, Б.А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.) [Текст]: Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 376.

Германов, В. «Шейх Туркестана» [Текст]: Памяти выдающегося ученого А.А. Семенова // Восток Свыше. Ташкент, 2002. Вып. 3. С. 65–69.

Джумаев, А. «Радости бытия высокого порядка» [Текст]: Александр Семенов – исследователь культуры Средней Азии // Восток Свыше. Ташкент, 2012. Вып. 27. С. 85–95.

Додхудоева, Л. Научное наследие А.А. Семенова и М.С. Андреева [Текст] (архивные документы). Душанбе: Дониш, 2013. С. 265.

История народов Узбекистана [Текст]. Т. 2. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1947. С. 476.

Люди и судьбы [Текст]: Биобиблиогр. словарь востоковедов – жертв полит. террора в советский период (1917–1991) / Изд. подготовили Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 345–346.

Соегов, М. Страницы из ашхабадского периода жизни востоковеда А.А. Семенова – уроженца Шацкого села Польное Конобеево [Текст] // Вестник Тамбовского университета. Серия «Филологические науки и культурология». Тамбов, 2016. Т. 2, вып. 4 (8). С. 42–49.

Обзор Закаспийской области за 1902 г. [Текст]. Ашхабад, 1902.

Риттих, П.А. Отчет о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1900 году поручика лейб-гвардии егерского полка П.А. Риттих [Текст]. Ч. 1–2. СПб.: Военная типография, 1901. 2 т.

Ян, В. Голубые дали Азии [Текст] // Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1989. С. 488–491.

Украина глазами российского «освободительного» движения: истоки коллективного стереотипа

Статья посвящена проблемам формирования образа Украины в русском коллективном сознании. А именно их восприятию представителями либеральной и левой общественности, начиная с первой половины XIX в., а также их отношению к проблеме русской и украинской национальных идентичностей. Рассматриваются главные составляющие этого взгляда, причины его формирования и связь с внутривосточной ситуацией в России. Подчеркивается взаимосвязь между оппозиционностью этих общественных групп по отношению к политической системе страны и поддержкой ими украинского национального движения и его идеологии.

Ключевые слова: национальные идентичности (общерусская и украинская); ментальные образы; либеральная общественность; декабристы.

A.V. Marchukov

UKRAINE THROUGH THE EYES OF THE RUSSIAN «LIBERATION» MOVEMENT: THE ORIGINS OF A COLLECTIVE STEREOTYPE

The article is devoted to the problems of formation of the image of the Ukraine in the Russian collective consciousness. Namely, the perception of the representatives of the liberal and left community, starting with the first half of the 19th century, as well as their attitude to the problem of Russian and Ukrainian national identities. The main components of this view, the reasons of its formation and the relationship with the domestic political situation in Russia are considered. This interrelationship between opposition of these public groups in relation to the political system of the country and their support of the Ukrainian national movement and its ideology is emphasized.

Keywords: national identities (all-Russian and Ukrainian); mental images; liberal society; Decembrists.

Государственный переворот на Украине 2013–2014 гг. и последовавшие за этим события ярко высветили одну примечательную черту российской общественной жизни. А именно наличие неформальной, неструктурированной, но вполне конкретной, устойчивой и влиятельной группы, выступающей с «проукраинских позиций».

Люди, принадлежащие к этой группе, выражают поддержку постмайданским властям Украины. Одобряют их внутреннюю и внешнюю политику, особенно те ее аспекты, которые касаются взаимоотноше-

ний с Россией. «Не замечают» разгула на Украине ультра-национализма, нацизма и русофобии. Обвиняют Россию в «агрессии» и «недружественной» по отношению к Украине политике. Концепт Новороссии не выносят на дух. А народ Донбасса и тех, кто поддерживает его борьбу за свободу и право жить в соответствии со своей совестью и исторической памятью, с неприязнью именуют «ватой», «террористами» и тому подобными оскорбительными эпитетами. То есть, по сути, они повторяют все то, что говорят украинские националисты и власти Украины.

Примеров тому на просторах сети интернет, в эфире радиостанций и телеканалов, в публичной сфере множество, и перечислять их не имеет смысла. Своих взглядов представители этой части российской общественности не скрывают и, наоборот, стремятся представить их как единственно правильные, навязать другим и повлиять на позицию властей. В количественном отношении данная «общественная страта» не так уж многочисленна и сосредоточена, главным образом, в той социальной среде, которая в советские времена именовалась интеллигенцией. Вместе с тем, она влиятельна, так как имеет доступ к средствам массовой информации, властным структурам, системе образования и формированию общественного мнения. Сейчас ее представители обычно называют «либералами», в 1990-е годы называли «демократами». Но социальные, ментальные, нравственные и психологические корни данной группы и того общественного явления, воплощением которого она является, уходят гораздо глубже и восходят к российскому либеральному и левому движению.

Вопрос о том, как шло формирование отношения его представителей к «украинскому вопросу», как и почему складывался и проявлялся этот коллективный стереотип, является самостоятельной, весьма любопытной и поучительной проблемой. Поучительной – ибо все это, как оказалось, имело прямое отношение не только к вопросу о границах русской национальной общности (нации), но и к вопросу о государственной целостности России. Ведь большевики – одни из самых радикальных представителей российского лево-либерального течения – оказались «классическими» интерпретаторами этого «украинофильского» стереотипа. К тому же, они получили возможность реализовать его на практике.

Так, В.И. Ленин употреблял термин «украинцы» применительно к малороссийскому народу в своих статьях еще до 1917 г. А сам этот народ понимал как отдельную нацию, да к тому же находящуюся в противоположном великороссам лагере «инородцев»¹. И потому их национальные требования он рассматривал как безусловно прогрессивные и справедливые. Позиция Ленина в вопросе о государственности этой территории также строилась на постулате о существовании

Украины и украинской нации. «Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны, – заявлял вождь пролетарской революции еще в апреле 1917 г. – Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет». «Что тут худого?», – спрашивал он и тут же грозил несогласным: «Кто скажет, тот шовинист»². Ленин ставил в один ряд Польшу и Финляндию – этнически и культурно чуждые России «окраины», в которых действительно имелись давние, устойчивые и распространенные автономистско-сепаратистские и националистические настроения, и Украину, к которой такое определение не применимо, где всего этого как скольконибудь массового явления к тому времени не было.

Борясь теперь уже не с самодержавием, а с Временным правительством, лидер большевиков подталкивал «украинцев» к сепаратизму, подогревал и разжигал у них антироссийские и антирусские настроения и одновременно формировал соответствующее восприятие ситуации и отношение к проблеме у однопартийцев. «Проклятый царизм, – писал он в июле 1917 г., – превращал великороссов в палачей украинского народа, всячески вскармливал в нем ненависть к тем, кто запрещал *даже* украинским детям говорить и учиться на родном языке»³.

Разумеется, не все представители российских левых и либералов были столь категоричны. Но очень многие действительно разделяли точку зрения украинофилов о том, что «украинцы» – это отдельная, *не-русская*, нация, сочувствовали этому движению и поддерживали его, исходя из своих целей и соображений, осуждали «антиукраинскую» политику российской администрации. Из этой посылки и выросли большевистское «украинофильство» и ленинский радикализм.

Но истоки такого понимания проблемы, корни всего этого уходили еще глубже – в начало XIX в. Во многом именно тогда произошла выработка и фиксация основополагающих идей, психологических стереотипов, политических пристрастий, которые затем стали отличительной чертой российского западничества в его либеральной и левой ипостасях. Наследниками которого и являются современные российские либералы. Самое любопытное, что их роднит и одинаковое отношение к украинско-русскому национальному вопросу и восприятию «Украины» как таковой. Отношение к Украине является пусть и частным, но очень важным критерием их понимания национального вопроса вообще и отношения к России и русскости в частности.

Столь устойчивый стереотип (о нем чуть ниже) свидетельствует о том, что он складывался в тот момент, когда в российском общественном сознании формировался сам образ Украины (а изначально – Малороссии). А это происходило в самом конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. Историю и особенности формирования образа этой земли оставим за скобками⁴, стоит лишь упомянуть его основные со-

ставляющие, сложившиеся в указанный период (а иногда и гораздо раньше).

Первая и исторически главная составляющая – это взгляд на территорию, где позднее возникла Малороссия-Украина, как на историческую колыбель Руси-России, как на место, откуда началась русская история, а также как на исторический и духовный центр русского православия. Другая составляющая – это образ собственно Малороссии-Украины, образ казачье-этнографический, тот самый, что на два с лишним столетия определил взгляд российского общества (и мало-российско-украинского в том числе) сначала на Малороссию, а потом на Украину.

Третья – это представление о Малороссии (и Украине) как о неразрывной части Русского Мира, который как раз и является воплощением духовного, национального и политического единения всех составляющих исторической Руси. Того Русского Мира, который создавался на протяжении столетий трудами и простыми людьми, и творцов русской культуры, и строителей русской государственности – как великороссов, так и малороссов.

В последнее время традиционный образ Малороссии-Украины стал подвергаться сильному давлению и замещению со стороны другого образа – образа украинского национализма (но этот вопрос требует отдельного разговора).

Ну и, наконец, существует еще один нюанс коллективного представления об Украине. Это стремление представить ее как свободолюбивую нацию, ставшую объектом и жертвой российской агрессии и великодержавности. Это тот образ, которого придерживаются российские либералы-западники и который они, в свою очередь, стремятся навязать всему обществу. И он тесно связан с исторической концепцией и мировоззрением, которые теперь утверждаются на Украине.

Как возникло это представление и почему оно закрепилось именно в российском западническом лево-либеральном дискурсе? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо заглянуть в начало XIX в. Ответ стоит искать как в особенностях восприятия Малороссии российским обществом, так и, главное, в тех социально-политических процессах, которые тогда происходили в самом этом обществе.

В 1820-х годах в России наблюдался всплеск интереса к истории. Начало ему положил патриотический подъем 1812 г., всколыхнувший все русское общество и резко вознесший чувство национальной гордости и гражданского самосознания. Он попал на подготовленную почву – на процесс осмысления обществом своего давнего и недавнего минувшего, что начался в середине XVIII столетия и продолжался всю его вторую половину. Результатом стало появление такого монументального исторического исследования, как «История государства

Российского» Николая Михайловича Карамзина, первые части которой вышли в свет в 1818 г.

Карамзин не был первым, кто писал труды по русской истории. До него это делали В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин. Но именно Карамзин сумел впервые представить цельную, неразрывную во времени картину русской истории и постарался объяснить ее суть. «Карамзин – наш Кутузов 12-го года; он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас есть Отечество», – так отозвался о значении «Истории государства Российского» и том громадном впечатлении, которое она произвела на современников, П.А. Вяземский⁵. «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием», – подтверждал его слова А.С. Пушкин⁶.

Труд Карамзина также подтолкнул многих (особенно тех, кто не был согласен с его главной идейной посылкой) к дальнейшему осмыслению русской истории. Прошлое Малороссии тоже становится объектом научного интереса: в 1822 г. появляется «История Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского, впоследствии переиздававшаяся.

История в свою очередь дает творческий импульс литературе. Думы К.Ф. Рылеева о князе Владимире, Дмитрие Донском, Марфе-посаднице, Борисе Годунове⁷, «Песнь о вешем Олеге», «Полтава» и «Борис Годунов» А.С. Пушкина, «Аскольдова могила», «Юрий Милославский или Русские в 1612 г.» отца русского исторического романа М.Н. Загоскина, исторические драмы и трагедии, в том числе «Рука Всевышнего Отечество спасла» Н.В. Кукольника, «Стрельцы» К.П. Масальского, «Димитрий Самозванец» Ф.В. Булгарина и многое другое (даже гимназические опыты Н.В. Гоголя – поэма «Россия под игом татар» и повесть «Братья Твердиславичи») – все это закономерный итог увлечения русского общества родной историей.

Помимо общерусских сюжетов, в центре внимания оказывалась историческая реальность Малороссии: ключевые периоды казачьего прошлого и его знаковые фигуры – Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа. И если интерес к первому вполне понятен и логичен (Хмельницкий освободил Украину от польского гнета и сделал стратегический выбор в пользу Москвы), то второй пользовался вниманием не только как его политический антитепа, но еще и потому, что «принадлежал» к истории «новой» России. Ведь рождалась она не только на далеких балтийских берегах, но и в Малороссии, в порохе и дыму Полтавской победы.

Так, в 1817–1819 гг. печатает свой роман (незавершенный) «Зиновий Богдан Хмельницкий или освобожденная Малороссия» Ф.Н. Глинка. В начале 1820-х свою «Песнь о Богдане Хмельницком – освободителе Малороссии (подражание польской, сочиненной Леоном Рогальским)» публикует О.М. Сомов. Тогда же появляются и украинские произведе-

дения Кондратия Федоровича Рылеева, и первое из них – дума «Богдан Хмельницкий». После дум он пишет поэму «Войнаровский» (1823–1825 гг.) о временах Мазепы и незаконченную поэму «Наливайко». Готовил поэт и другие произведения: «Палея», «Нравы Малороссии» и «Картину Украины»⁸.

Но история привлекала к себе внимание современников не только своей познавательной стороной и была не только увлекательным чтением о славных делах прошлого. Многие в русской и малороссийской истории начинают искать ответы на злободневные вопросы дня сегодняшнего. Скажем, Рылеев в «Войнаровском» (в обращении к А.А. Бестужеву) предупреждает его (и читателя) о содержании своих стихотворных строк:

Как Апполонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства –
Я не поэт, а гражданин⁹.

Интерес к украинской тематике у Рылеева или, к примеру, у Глинки или Сомова объяснялся не только любовью к Малороссии, но и соображениями общественными. Интерес к сильной личности, борющейся с невзгодами и преодолевающей трудности, был не только чертой романтизма, хотя и Хмельницкий, и Наливайко, и Войнаровский, как и многие другие персонажи в литературе тех лет на историческую тематику, были именно такими героико-романтическими личностями, подчас лишь отдаленно напоминающими своих прототипов, да и сами сюжеты во многом были вымышленными. Главным в героико-романтических произведениях был гражданский, воспитательный, патриотический пафос¹⁰. Герои, князья и цари прошлого должны были своим примером учить современников (а то и монархов) добродетелям и идеалам защиты Родины и служения Отечеству.

На восприятие прошлого также оказывала влияние пришедшая из Европы интеллектуальная мода и социально-политические стереотипы той поры, что особенно было характерно для декабриста Рылеева и людей, близких ему по взглядам. На европейских же представлениях эпохи Просвещения основывалось и «гражданское» направление в литературе. Идеи политической свободы и борьбы с несправедливостью (берущейся в обществе во многом из-за отсутствия этой самой свободы), неприятие деспотизма (под которым понималось самодержавие) и мотивы тираноборчества, идущие в русской общественной мысли еще от А.Н. Радищева, в начале XIX в. были широко распространены в российском дворянстве, особенно среди молодежи. Отдал им дань даже сторонник самодержавного устройства Карамзин, про-

ещируя эти идеи на эпоху и личность Иоанна IV Грозного, который, согласно данным интеллектуальным установкам, как раз и стал олицетворением деспотизма и тирании.

Поэтому в прошлых веках эти люди в первую очередь искали подтверждения своим гражданским и даже республиканским идеалам, и примеры жертвенной борьбы за них, а задачу истории видели в том, чтобы мобилизовать общество и «гражданина» на борьбу с социальным злом¹¹. Отсюда внимание не только к гражданским образцам античных Греции и Рима – «эталону» истории в представлениях того времени, но и к реальным или полуполюгендарным героям отечественного прошлого, которые подходили бы под эту, с одной стороны, идеологию, с другой – интеллектуальную моду.

Отсюда неслучаен интерес к такому сюжету, как восстание легендарного Вадима Новгородского, у истоков которого стояли еще Екатерина II (написавшая драматическую хронику «Из жизни Рюрика», 1786 г.) и ее оппонент поэт Я.Б. Княжнин (автор трагедии «Вадим Новгородский», 1789 г.), и к которому обращались и Пушкин, и Рылеев, и декабристы¹². Этот легендарный сюжет рассматривался в контексте противостояния двух непримиримых, как полагали, начал отечественной истории: самодержавного, олицетворяемого Рюриком, и «гражданско-вольнлюбивого», воплощением которого предстал восставший против него Вадим Храбрый.

Этой же конъюнктурно-политической причиной во многом объяснялось повышенное внимание к древнему Новгороду вообще. В его вечевом устройстве хотели видеть воплощение древних «свобод» и республиканских устоев, павших жертвой «тирании» – московского самодержавия. И хотя средневековая новгородская реальность была далека от революционных идеалов конца XVIII в. («свободы, равенства и братства»), а лежащий в основе новгородской системы власти олигархический принцип вряд ли был чем-то лучше самодержавного московского, «новгородский миф» надолго войдет в сознание оппозиционно настроенных кругов российского общества. Новгород становился своеобразным символом проблем дня сегодняшнего. И никто всерьез не задавался вопросом, а какой бы оказалась судьба России и даже самого Новгорода, не окажись он в Российском государстве, и остался бы он тогда русским по культуре и «национальности» вообще.

Имел этот миф и еще одну черту, поначалу практически неприемлемую, но со временем становившуюся все более отчетливой на общем фоне российской политической действительности. Идея политической «свободы» была настолько сладкозвучна, а неприятие «тирании» – так велико, что в историческом противоборстве Москвы и Новгорода люди оппозиционных (а позднее – либеральных и левореволюционных) взглядов симпатизировали именно Новгороду. Но

если для декабристов, как государственников и даже русских националистов¹³, это означало лишь преимущество новгородского строя перед московским и особенно современным им бюрократическим петербургским, то для последующих поколений участников российского «освободительного движения» социально-политические идеалы нередко оказывались важнее всего прочего. В том числе идеи государственного объединения русских земель в прошлом и национального единства России в настоящем.

Фактически, последующие поколения оппозиционно настроенных представителей российского общества (конечно, далеко не все из них, но, все же, многие) во имя своих политических идей были готовы пожертвовать единством страны. Пускай пока не напрямую, а лишь виртуально, применительно к историческому прошлому. Но один раз заявив о себе, эта тенденция никуда не исчезала и со временем из зыбкой области истории переместилась в современность, проецируясь уже не на древний Новгород, а на вполне реальные регионы, «страдающие от тирании». И прежде всего на Малороссию (Украину).

Вслед за вечевым Новгородом, в первые десятилетия XIX в. аналогичный образ – воплощения духа свободы и «украинской независимости», поглощенных «московской деспотией», – начнет применяться в отношении казачьего периода истории Малороссии. И опять-таки, вопреки тому, что такой ее образ был весьма далек от реальности казатчины и нравов Запорожья. Творился новый миф не без участия оппозиционной по отношению к самодержавию российской общественности, но прежде всего усилиями адептов зарождающегося украинского движения. И, конечно же, при идейном воздействии польских идеологов украинофильства (Я. Потоцкого, Т. Чацкого, Ю.(Б.) Залеского, Ф. Духинского и др.), а на первых порах – именно ими. Эти же социальные и национальные группы становились и главными потребителями разрабатывавшегося «украинского мифа».

Такой идеализированный, героизированный и романтизированный образ казачьих времен сложился и в малороссийском, и в русском обществе вообще во многом благодаря анонимному сочинению: «Истории Русов, или Малой России». По своим целям и содержанию эту «Историю» справедливо назвать политическим памфлетом. Она преследовала вполне конкретные местнические цели: подтвердить права малороссийского дворянства на политическое и экономическое господство в крае и обосновать саму законность его притязаний на власть. Для этого казачество (то есть, та социальная среда, из которой эта правящая группа и вышла) преподносилось как изначально благородное сословие, издревле правившее Южной Русью. Исходя из этой посылки, анонимные авторы и заказчики памфлета и трактовали взаимоотношения «казачьего сословия» и российских властей. Дейст-

вия последних изображались в черном цвете, если только хоть в чем-то ставили под сомнение право казачьей верхушки распоряжаться краем¹⁴. Вполне вероятно и то, что появление «Истории Русов» было вызвано также причинами, имевшими общую с декабризмом основу. Но в любом случае, для того, чтобы изложенные в ней идеи легче усваивались и не вызывали подозрений в политической пропаганде, они были облечены в форму исторического сочинения.

Написанная в начале XIX в. и впервые изданная лишь в 1846 г., «История Русов» несколько десятилетий распространялась в списках и оказала сильное влияние на российскую читающую публику. К ней долгое время относились как к серьезному сочинению по истории Малороссии и принимали на веру все, что там говорилось. Лишь позднее, по мере накопления фактических знаний, была доказана историческая несостоятельность «Истории Русов» и установлено, что она полна искажений, фальшивых «свидетельств» и легенд (при помощи которых и обосновались те цели, ради которых памфлет и был написан). Однако за прошедшее время созданный ею образ «казачьей Украины» как царства свободы, и казачества как соли этой земли и борца за ее права, равно как и оценки исторического прошлого Малороссии и ее взаимоотношений с Россией, уже были усвоены. Идейный посыл «Истории Русов» оказался востребован украинским движением и использован при формировании именно украинской национальной идентичности (в середине – второй половине XIX в. и даже в начале XX в.).

Оказала «История Русов» влияние и на умонастроения людей декабристского круга (а по одной из версий, она сама происходила из этой среды), и в первую очередь на творчество его ярчайшего представителя К. Рыльева. На примере его трактовки взаимоотношений «казачьей Украины» и «Москвы» хорошо видно, как созданная польскими реваншистами¹⁵ и малороссийскими казакофилами неоказачья идеология начала смыкаться с российским оппозиционным движением, и как в русском обществе (его части) стал складываться взгляд на Украину как на «угнетенную царизмом».

Вообще-то, взгляды Рыльева на Малороссию в основе своей вполне привычны и традиционны для русского общества. Это становится видно сразу же, как только его политические пристрастия отступают на второй план. Круг исторических врагов Малой Руси он обрисовывает недвусмысленно.

Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов¹⁶
Я на душу принять готов –

говорит Наливайко, герой его одноименной поэмы. И готов он это сделать ради того,

Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу¹⁷.

И здесь не важно, что рылеевский Наливайко (как и большинство героев гражданской лирики той эпохи) не слишком напоминает своего реального прототипа, руководствовавшегося куда менее возвышенными целями. Важно то, что Рылеев (как и многие декабристы) малороссов понимает как «русский народ». Совершенно так же смотрел поэт-гражданин и на вопросы культуры. Так, в задуманном им «Историческом словаре русских писателей» (этот замысел, как и многие другие, он не успел осуществить) должны были присутствовать все писатели-малороссы современности и прошлого (например, известный малороссийский философ Г.С. Сковорода)¹⁸.

Стоит отметить и еще одно важное обстоятельство: при всем своеобразии своего взгляда на историю и люди декабристского круга, и просто писавшие в духе героического и гражданского романтизма, незаметно стали включать в отечественную историю не только сюжеты древней или великорусской ее части, но и не столь давние события казачьего прошлого Малой Руси.

Но если с Северином Наливайкой и Семеном Палеем (не говоря уже о Богдане Хмельницком) все было более или менее ясно, и их деятельность вызывала сочувствие и поддержку, то, скажем, с Иваном Мазепой или его племянником Андреем Войнаровским дело обстояло гораздо сложнее. Однако же неприятие современных социально-политических реалий проецировалось на прошлое, благодаря чему в романтично-гражданственные одежды облекались фигуры, чьи поступки и порывы от гражданско-патриотических были весьма далеки. Вот и рылеевский Войнаровский во имя пропаганды идей свободы показан не заговорщиком, посвященным в планы Мазепы, а отважным гражданином, патриотом и тираноборцем, поднявшимся против самодержавия.

Ах, может, был я в заблуждены,
Кипящей ревностью горя;
Но я в слепом ожесточеньи,
Тираном почитал царя –

размышляет герой в конце жизни, начиная уже сомневаться в правоте своих оценок и дел¹⁹.

Таков и гетман Иван Мазепа. Волею случая, а вернее, благодаря европейской внешнеполитической игре и внутренним особенностям развития Малороссии конца XVIII – XIX в., из не самого заметного персонажа он превратился чуть ли не в одну из известнейших и тиражируемых фигур мировой истории. Неслучайно, что миф о Мазепе как одиноким романтическом герое и борце за свободу заложил в своей «Истории Карла XII» (1731 г.) не кто иной, как Вольтер, тогда еще молодой человек, а позже властитель дум и законодатель интеллектуальных мод. Сочинение пользовалось невероятной популярностью: только в XVIII в. оно переиздавалось (на различных языках) 114 раз. Во многом благодаря именно Вольтеру в европейском сознании формируется образ «страны казаков», которую «москвиты», по его словам, «старались по мере сил обратить в рабское состояние», «тогда как Украина всегда хотела быть свободной». При этом Вольтер не пояснял, когда она хотела быть свободной и от кого. Затем романтический облик гетмана укрепился благодаря поэме Дж. Байрона «Мазепа» (1818 г.) и одноименному стихотворению В. Гюго (1829 г.), а затем еще целому ряду иностранных и русских произведений литературы, музыки и живописи²⁰.

Нельзя в этом контексте обойти вниманием и «Историю Русов». Она вобрала в себя этот миф, дополнив его собственными наработками. Мазепа преподносится в ней в самом выгодном свете, как мудрый правитель и патриот, поглощенный исключительно заботой об Украине. Тогда как Петр I и его соратник А.Д. Меншиков изображены исчадиями ада и врагами малороссийского народа, ну а Карл XII и шведы – друзьями Украины.

И этот двойной миф (европейский и «неоказачий») оказался весьма живуч. Тот же Рылеев не заблуждался насчет коварства и честолюбия гетмана, характеризуя его как «великого лицемера, скрывающего свои злые намерения под желанием блага к родине»:

Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украйны,
Иль в ней себе воздвигнуть трон –
Мне гетман не открыл сей тайны... –

говорит Войнаровский и продолжает:

И, странник, повторю: не знаю,
Что в глубине души своей
Готовил он родному краю²¹.

Исторически верно изображает Рылеев и отношение народа к старому гетману и его поступку:

Народ Петра благословлял...
Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду²².

Однако под влиянием «мазепинского мифа» и антисамодержавных идей создавал вокруг него налет таинственности и романтичности. И в еще большей степени гражданственность и «души прекрасные порывы» присущи главному герою поэмы – самому Войнаровскому, как «непричастному» к «непонятному» Мазепе (хоть, как уже было сказано, и начавшему раскаиваться в делах своей юности).

Русское общество не могло остаться в стороне от осмысления проблемы. Решая, кто же такой Мазепа, герой он или нет, гражданско-патриотическими или корыстными мотивами он руководствовался, общество не только эмоционально оценивало ту эпоху или дело Петра I. Оно параллельно принимало или отвергало западный миф о Мазепе (и Украине) и идеологию казачьего (а после – украинского) самостийничества, и определялось в отношении Малороссии по принципу «свое-не свое, вместе-врозь». Журнальная дискуссия, развернувшаяся, скажем, вокруг пушкинской «Полтавы», главный герой которой все тот же Мазепа, только способствовала этому поиску.

«Полтава», вышедшая в 1828–1829 гг., стала одним из самых значительных произведений русской литературы того времени (да и вообще) об Украине. Как и ко всякому литературному произведению, к поэме нельзя подходить как к документальному историческому исследованию. Центральное место в ней занимает любовный (хоть и реальный) сюжет. Да и Мазепа изображен чуть ли не главным противником Петра и участником Полтавского сражения, хотя на самом деле ни сам он, ни та горстка казаков, что осталась с ним (примерно в тысячу человек), в битве не участвовали: шведы им просто не доверяли, и притом не без оснований. Тут уж в дело вступали законы жанра: как главный герой Мазепа просто не может «вести себя» по-другому. Не избежал Пушкин и дани тому самому мифу, изобразив ситуацию так, будто на Украине действительно имелась благоприятная среда для планов гетмана:

Украина глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтоб гетман узы их расторг,
И Карла ждал нетерпеливо
Их легкомысленный восторг.

И «юность удалая», не желая погибать за Петра «в снегах чужбины дальней», мечтала:

Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!²³

Подобные мечтания (разумеется, без того, чтобы «грянуть» на кого-то войною) были свойственны скорее поклонникам казачьего мифа из числа современников Пушкина, нежели реальному казачеству времен Мазепы, Кочубея, Искры и Скоропадского. И хотя поэт не был знаком с «Историей Русов», когда работал над поэмой, это не исключает того, что ему могло быть известно о наличии в обществе такого рода настроений²⁴.

Но в целом поэма была верна в историческом отношении и расстановке смысловых акцентов, и знаменовала отход от идейных клише предыдущего периода. В предисловии к первому изданию «Полтавы» Пушкин подчеркивал: «Некоторые писатели хотели бы сделать из него (Мазепы. – А.М.) героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварстве и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения»²⁵. И эта оценка впоследствии была многократно подтверждена историческими фактами. Даже описывая тот самый «ропот юности», Пушкин совершенно по-иному оценивает ее желания, причем делает это не с позиций России и Петра, а с точки зрения самой Украины:

«Друзья кровавой старины» роптали,
Опасных алча перемен,
Забыв отчизны давний плен,
Богдана счастливые споры,
Святые брани, договоры
И славу дедовских времен²⁶.

Да и в целом складывавшийся в те годы отечественный образ Мазепы в корне отличался от того, что бытовал на Западе (герой-бунтарь, борец за свободу в «стране казаков»). Мазепа осуждался за предательство, но не столько русского царя, сколько своего народа, интересами которого пренебрег во имя личных выгод²⁷. И такое отношение к нему оставалось неизменным и в последующем. Цельность пушкинского взгляда оказалась сильнее европейских клише Вольтера и двойственности Рылеева.

Сыграла при этом свою роль и личность Петра. Одни считали его величайшей фигурой русской истории, и его слово и дело было для

этих людей непререкаемо. Другие, даже относясь к царю менее восторженно, все равно видели в нем образец служения Отечеству и триумф российской мощи. И потому и те, и другие никак не могли относиться к Мазепе как герою и считать правым его, а не Петра. Мазепа оказывался неподходящей фигурой даже для большинства представителей либерально-западнических кругов: ведь для них Петр был символом приобщения России к западной цивилизации, и потому его авторитет тоже был непререкаем. Окажись на его месте другой, менее великий и менее «знаковый» царь, может, у мазепинского мифа в России было бы и больше шансов закрепиться. Но главная причина провала этого мифа в русском обществе кроется, все же, не в личности Петра, а в том, как оно понимало и понимает суть взаимоотношений русской и малорусской национальных «природ».

Нелишне подчеркнуть, что образ «проклятой Мазепы», которой матери пугали непослушных детей, не был «спущен сверху» из русских столиц, но имел местное, малороссийское происхождение. И не только церковное (хотя анафему ему объявляли иерархи-малороссияне), но и народное, что отразилось в песенном творчестве. Так, собиратель украинского фольклора, историк Михаил Александрович Максимович, чуть позже ставший первым ректором Киевского университета имени Святого Владимира, сначала в альманахе «Эхо» (1830 г.), а затем в своем сборнике песен (1834 г.) опубликовал малороссийскую песню о Мазепе, сложенную вскоре после описываемых в ней событий, где есть такие строки:

У Киеве на Подоле
Порубаны груши;
Погубив же псе Мазепа
Невинныя души!
Ой, выгорев весь Батурин,
Зосталася хата
Да вже-ж твоя, псе Мазепо,
И душа проклята²⁸.

Примечательно, что дискуссия о пушкинской «Полтаве», Мазепе и его роли в малороссийской истории велась одновременно и великоруссами, и малоруссами. Причем именно последние решительно выступали против идеализации Мазепы как патриота. «Все его действия, – писал о Мазепе активный участник журнальной дискуссии Максимович, – нисколько не показывают в нем самоотвержительной любви к Малороссии; История представляет в нем хитрого, предприимчивого честолюбца и корыстника... обличает в нем характер, несомнимый с высокою любовью к отечеству». Украину он хотел сде-

лать «независимую для себя, свою независимость хотел утвердить он, завладев Малороссией». И потому народ и казаки за ним не пошли²⁹.

Причем такое отношение к Мазепе вовсе не было продиктовано какими-то политическими или национальными пристрастиями. Оно возникало независимо от них, при знакомстве с историческими фактами. «Воплощенной ложью» назвал гетмана современник Максимовича, историк Н.И. Костомаров, сам в молодости бывший восторженным и очень деятельным украинофилом. «Гетман Мазепа как историческая личность не был представителем никакой национальной идеи. Это был эгоист в полном смысле этого слова», искавший лишь свою выгоду и думавший «отдать Украину под власть Польши», – написал он после того, как основательно изучил ту эпоху и личность героя своего исследования, еще раз подтвердив то, что уже было сказано задолго до него³⁰.

Однако, будучи созданным, мазепинский миф уже больше не исчезал, со временем превратившись в одно из краеугольных положений идеологии украинства. Для его адептов Мазепа – герой и борец за Украину. В российской среде его апологетами являются считанные единицы, в целом тоже разделяющие эту идеологию³¹. Но на личности самого Ивана Мазепы проблема не заканчивалась. Тенденция, которая впервые наметилась в гражданской лирике – смотреть на Украину сквозь призму социально-идеологических теорий борьбы «свободы» с «тиранией», стала неизменной составляющей российского левого и либерального «освободительного движения» XIX – начала XX в.

Мировоззрение декабристов было цельным и успешно сочетало в себе требования социальных и политических перемен с государственным патриотизмом и приверженностью русским национальным интересам, в том числе территориальному единству России³². Но после подавления декабристского восстания национально-государственный и социально-политический факторы начали все больше и больше «разводиться» общественными течениями по разным политическим лагерям и даже противопоставляться друг другу по принципу «либо – либо». Так возникают два течения – «славянофилы» и «западники», каждое из которых фокусировалось преимущественно вокруг какого-то одного из этих факторов. Поначалу эти течения были еще довольно близки, их представители еще могли слышать друг друга. Но очень скоро общество начало поляризоваться, и услышать (и понять) друг друга становилось все труднее.

Поэтому последующие поколения борцов с самодержавием (из либерально-западнического и лево-революционного лагеря) чем дальше, тем все больше оказываются готовы во имя этой борьбы пожертвовать политическим единством и национальной однородностью страны. Именно в этой среде оказывается не чуждой и набиравшая популяр-

ность русофобия, которая лишь отчасти увязывалась с существующим политическим строем, а скорее становилось отражением неприятия России как таковой и всего, что с нею связано.

Так получилось, что для широких кругов российской общественности очень долгое время оставалось неизвестным негативное отношение Рыльева (как и многих его единомышленников-декабристов) к «торговле» российскими территориями, или его же глубокое убеждение, что исторические русские земли (приобретенные в ходе разделов Речи Посполитой) должны быть русскими не только по происхождению, но и по национальному и культурному облику. Зато они знали его гражданскую лирику... и «Войнаровского». Скажем, поэма «Войнаровский» (заметим, не «Наливайко»!) в течение десятилетий распространялась в списках и оставалась очень популярной не только среди адептов украинофильского движения, но и среди российской общественности, настроенной оппозиционно к власти³³. И секрет ее популярности заключался не только и не столько в личности автора (революционера, к тому же, казненного), сколько в мировоззренческой и тактической близости этих кругов и украинофильства. Близости, условия для которой были заложены и этой поэмой тоже.

Украинофильство (не говоря уже о радикальном украинстве), будучи маргинальным и слабым явлением, было кровно заинтересовано в сильных союзниках, каковыми стали оппозиционно или революционно настроенные группы российского общества. В самой украинофильской среде, помимо национальных, также (как дань общественному «мэйнстриму» того времени) были распространены либеральные и революционные идеи.

А российское лево-революционное и либеральное движение, чьей чертой стало укоренившееся разрушительное начало и национальный нигилизм по отношению к России, также раскрывало объятия для всевозможных союзников в борьбе с «царизмом», или создавало их само. Такого союзника оно нашло в лице украинофильства-украинства. Его оно выпестовало и поддерживало всю вторую половину XIX – начало XX в.³⁴ Затем, уже в образе большевиков, – создало «Украину». И, оставаясь в оппозиции к России (хотя формально – к ее «власти» и «русскому шовинизму»), продолжает поддерживать Украину и украинство до сих пор. И потому однажды найденный образ остается для него актуальным.

Таким образом, первая треть XIX в. стала периодом, в который были заложены основы для еще одного нюанса восприятия российским обществом Украины: как жертвы российской агрессии (а со временем – и «великодержавного шовинизма»). На протяжении всего XIX в. и в последующие периоды этот образ дополнялся и дорабатывался под влиянием новых обстоятельств и новых условий. История

взаимоотношений российского «освободительного движения» и украинства интересна и поучительна, и заслуживает изучения. Тем более, что взгляды именно этой части общества, в том числе на русско-украинский национальный вопрос, оказывали и продолжают оказывать сильное влияние на политику государства, нередко и определяя ее.

Впрочем, свойственен этот взгляд был не всему русскому обществу, а главным образом, его наиболее последовательным, порой граничащим с маргинальностью, либерально-западническим и левым кругам. Восприятие Украины как оплота свободы и российской жертвы прочно засело в их сознании. Соответственно, все, кто боролся против «тирании» и «великодержавности», какие бы цели, вплоть до сепаратистских, они перед собой не ставили, в глазах этих людей представляли борцами за свободу и гонимыми героями. Ну а те, кто не считал казачьих мятежников, украинофилов или украинских националистов героями, борцами и страдальцами, кто не поддерживал их целей и выступал за целостность страны и единение Великороссии и Малороссии, удастались ярлыка «клеветов самодержавия», «держиморд» и т.д., причем независимо от того, были они великороссами или малороссами.

А критиковать или разоблачать идеологию украинства, противодействовать его целям в этой среде считалось дурным тоном и вообще чем-то неприличным. За что можно было поплатиться именем, положением и т.д. Или же, в лучшем случае, человек сразу чувствовал на себе действие внешне мягкой, но неумолимой общественной «цензуры». Примеров тому в истории российского «освободительного движения» можно насчитать множество, а потому имеет смысл ограничиться лишь одним, зато очень показательным.

В 1888 г. в журнале «Северный вестник» был напечатан рассказ А.П. Чехова «Именины». Этому рассказу Чехов придавал большое значение, поскольку, по собственным словам, постарался дать в нем читателю представление о своей позиции (жизненной, творческой и даже, как получилось, политической). И потому категорически просил редакторов «не вычеркивать в... рассказе ни одной строки»³⁵. Рассказ получился о лжи, которой наполнена жизнь, начиная с личных отношений, и заканчивая сферой общественной. Перепало в рассказе всем: консерваторам, земцам, либералам. Но главный удар пришелся именно по последним, людям «шестидесятых годов», которых Чехов выставил в крайне уничижительном свете (чего стоит, хотя бы, наименование либералов «полиявшими субъектами», от которых веет «старым, заброшенным погребом», или сравнение с «поганым сухим грибом») ³⁶.

А, кроме того, прошелся Чехов и по украинофилам. В рассказе имеется негативно-ироничное описание одного из таких «будущих гетманов». «Вот другой гребец, бородатый, серьезный, всегда нахмуренный; он мало говорит, никогда не улыбается, а все думает, думает, думает...

Он одет в рубаху с шитьем, какое носил гетман Полуботок, и мечтает об освобождении Малороссии из-под русского ига; кто равнодушен к его шитью и мечтам, того он третирует как рутинера и пошляка»³⁷.

Такое «направление» молодого писателя пришлось явно не по вкусу либерально-настроенной журналистско-литературной общественности. Рассказ вызвал серьезные замечания, в основном сводившиеся к «пожеланиям» убрать все, где в негативном свете выставлены либералы и украинофилы. «Украинофила в особенности я бы выбросил», – советовал Чехову А.Н. Плещеев (редактор и писатель, а в прошлом петрашевец). Но Чехов, вообще испытывавший сильную антипатию к российской либеральной интеллигенции (вялой, ленивой, антипатриотичной, как отзывался о ней он сам) долгое время отказывался это делать. «Нет, не вычеркну я ни украинофила, ни этого гуся, который мне надоел» (то есть, либерала), – отвечал он Плещееву, которого лично уважал. И тут же дал еще более резкую характеристику адептов украинской идеи. Говоря, что под украинофилом не подразумевает никого конкретно, он пояснял: «Я же имел в виду тех глубокомысленных идиотов, которые бранят Гоголя за то, что он писал не похощацки, которые, будучи деревянными, бездарными и бледными бездельниками, ничего не имея ни в голове, ни в сердце, тем не менее стараются казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего и нацепляют на свои лбы ярлыки»³⁸.

Но в конце концов, почувствовав давление среды, поняв, что выбрав писательскую стезю, он поневоле будет вынужден постоянно находиться в этой атмосфере, и не чувствуя в себе и государстве сил и возможностей этот устоявшийся порядок перевернуть, Чехов уступает. И в последующих изданиях «Именин» убирает и украинофила, и все места, где «неправильно» изображены либералы.

...Самодержавия давно нет, но образ Украины как «жертвы России», где первая всегда права и потому ее «освобождению» от «российских пут» и «угнетения» следует помогать, а вторая – заведомо виновата и потому ее надо заставлять каяться и наказывать, сохраняется и по сей день, влияя на внутреннюю и внешнеполитическую жизнь России и Украины. Стало быть, он вошел в коллективное сознание известной части российского общества. Впрочем, Украина здесь не самоценна: не будь ее, это место заняла бы любая другая территория (хоть тот же исторический Новгород), на которую были возложены аналогичные функции. Ведь этот взгляд – лишь географическая проекция того самого *раскола, расщепления* русского сознания, длящегося уже несколько столетий.

-
- ¹ Например: *Ленин В.И.* К вопросу о национальной политике // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 66–69.
- ² *Ленин В.И.* Речь по национальному вопросу 29 апреля (12 мая) // Полн. собр. соч. Т. 31. М., 1974. С. 435.
- ³ *Ленин В.И.* Украина // Там же. Т. 32. С. 342. Курсив в тексте.
- ⁴ Подробнее об этом: *Марчуков А.В.* Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М., 2011.
- ⁵ Цит. по: *Боханов А.Н.* Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002. С. 31.
- ⁶ *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 9. М., 1981. С. 48.
- ⁷ Кстати, первым о Годунове, как и о «вещем Олеге», написал именно Рылеев. Наиболее совершенные из его дум – это «Смерть Ермака», ушедшая в народ, и «Иван Сусанин», послужившая толчком к созданию М.И. Глинкой оперы «Жизнь за царя».
- ⁸ Литературное наследство. 1954. Т. 59. С. 153; *Заславский И.Я.* Пушкин и Украина: украинские связи поэта, украинские мотивы в его творчестве. Киев, 1982. С. 27.
- ⁹ *Рылеев К.Ф.* Собр. соч. М., 1906. С. 121.
- ¹⁰ *Заславский И.Я.* Пушкин и Украина. С. 12, 13, 26, 41–42.
- ¹¹ *Стенник Ю.В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб., 2004. С. 248–249, 251–261.
- ¹² Там же. С. 142–143, 234–235.
- ¹³ В программных документах декабристов ясно прослеживается намерение превратить российских подданных в русскую гражданскую нацию, которая, в соответствии с главным положением национализма, понималась как социально-политическая категория. Под «русскими» они разумели не одних великороссов, но также «малороссиян», «украинцев» (то есть, жителей Слободской Украины), «белорусцев» и казаков, которые «к общей пользе» должны были составить один народ («чтобы все были Русские») с единым русским языком, законами и «образом мыслей» – то есть, одну нацию (*Пестель П.* Русская Правда. М., 1993. С. 93–95, 119–123, 148–169, 180–183).
- ¹⁴ *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 104–139; *Марчуков А.В.* Переяславская Рада в идеологической системе украинства // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1. С. 42–43.
- ¹⁵ Их целью было восстановление польского государства, причем в границах 1772 г., то есть, включающего заселенные малорусами и белорусами земли. Добиться своей цели польские деятели намеревались различными путями. Одним из основных ими был выбран путь ослабления России и раскола Русского Мира посредством разжигания малороссийского (а позже – украинского) сепаратизма и национализма. Для чего создавались псевдонаучные теории о расовых и исторических различиях между великороссами и украинцами, выстраивалась особая «казачья история – как часть истории польской, а само казачество подавалось как извечный противник России.
- ¹⁶ Под «сарматами» имеются в виду поляки. Название происходит от сарматизма – социально-культурной идеологии, распространенной среди польской шляхты (конец XV–XIX вв.). Суть ее состояла в том, что шляхта выводила свое происхождение от древнего народа сарматов. И тем самым

- подчеркивала свой особый статус, социально и культурно отделяя себя от простого народа.
- ¹⁷ Рылеев К.Ф. Собр. соч. С. 145.
- ¹⁸ Заславский И.Я. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁹ Рылеев К.Ф. Указ. соч. С. 134.
- ²⁰ Курукин И.В. Образы и трагедия гетмана Мазепы // Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. СПб., 2008. С. 182–183; Звизняцкий В.Я. Историческое ядро «Миргорода» в свете художественно-мифологических установок XVIII – первой трети XIX вв. и документированной истории Украины. «Тарас Бульба» и «История Русов» // Н.В. Гоголь: материалы и исследования. Вып. 2. М., 2009. С. 291.
- ²¹ Рылеев К.Ф. Указ. соч. С. 136–137.
- ²² Там же. С. 136.
- ²³ Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. С. 176.
- ²⁴ Максимович М.А. Собр. соч. Т. 3. Киев, 1880. С. 491.
- ²⁵ Цит. по: Заславский И.Я. Указ. соч. С. 92.
- ²⁶ Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 3. С. 177.
- ²⁷ Курукин И.В. Образы и трагедия гетмана Мазепы. С. 186–187.
- ²⁸ Максимович М.А. Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. С. 110–111.
- ²⁹ Его же. О поэме Пушкина «Полтава» в историческом отношении // Атеней. 1829. Ч. 2. № 41. С. 502–503, 515.
- ³⁰ Костомаров Н.И. Мазепа. М., 1992. С. 320.
- ³¹ Главным российским апологетом Мазепы является Т.Г. Таирова-Яковлева, издавшая несколько работ о нем и украинско-российских отношениях того периода, за которые президентом Украины (видным украинизатором и русофобом) В. Ющенко была награждена орденом княгини Ольги III степени. Сами работы Таировой-Яковлевой неоднократно подвергались критике. Об этом см.: Бесов А.Г. Мазепа Т.Г. Таировой-Яковлевой // Соборное мнение о Мазепе. Харьков, 2011. С. 400–414; Каревин А.С. Бездна невежества: «нетрадиционная» российская история Мазепы // Сборник русского исторического общества. М., 2011. Т. 11 (159): Правда истории. С. 404–411.
- ³² Скажем, тот же Рылеев пенял российским властям, что за тридцать лет с момента второго и третьего разделов Речи Посполитой (это говорилось во время следствия, в 1826 году) они не сделали ничего, чтобы «нравственно присоединить» эти земли к России, и называл «великой погрешностью» наименование их в официальных актах «польскими или вновь присоединенными от Польши». А декабрист И. Якушкин указывал: когда его товарищам стало известно, что император Александр I не исключает возможности передачи Польше (для завоевания доверия и преданности польской аристократии и шляхты) некоторых западных территорий, присоединенных к России при Екатерине II, они встретили это известие с возмущением. (Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 90; Восстание декабристов. Материалы. Т. 1. М., 1925. С. 180).
- ³³ История Киева. Т. 2. Киев, 1983. С. 163.
- ³⁴ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. С. 146, 275–277.
- ³⁵ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М., 1977. С. 653.
- ³⁶ Там же. С. 169–170, 542–543, 544, 547–548.

³⁷ Там же. С. 547, 548.

³⁸ Там же. С. 655, 656.

Литература

Артамонов, В.А. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. [Текст] / В.А. Артамонов, К.А. Кочегаров, И.В. Курукин. СПб., 2008. 208 с.

Боханов, А.Н. Самодержавие. Идея царской власти [Текст]. М.: Русское слово, 2002. 352 с.: ил.

Восстание декабристов [Текст]: Материалы. Т. 1. М., 1925.

Западные окраины Российской империи [Текст]. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 608 с.

Заславский, И.Я. Пушкин и Украина: украинские связи поэта, украинские мотивы в его творчестве [Текст]. Киев, 1982.

Звоняцковский, В.Я. Историческое ядро «Миргорода» в свете художественно-мифологических установок XVIII – первой трети XIX вв. и документированной истории Украины. «Тарас Бульба» и «История Русов» [Текст] // Н.В. Гоголь: материалы и исследования. Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 376 с.

История Киева [Текст]. Т. 2. Киев, 1983.

Каревин, А.С. Бездна невежества [Текст]: «нетрадиционная» российская история Мазепы // Сборник русского исторического общества. М.: Русская панорама, 2011. Т. 11 (159): Правда истории. 440 с.

Костомаров, Н.И. Мазепа. [Текст]. М., 1992.

Ленин, В.И. Полное собрание сочинений [Текст]. Т. 25; Т. 31; Т. 32.

Литературное наследство [Текст]. 1954. Т. 59.

Максимович, М. О поэме Пушкина «Полтава» в историческом отношении [Текст] // Атеней. 1829. Ч. 2, № 41.

Максимович, М.А. Собрание сочинений [Текст]. Т. 3. Киев, 1880.

Максимович, М.А. Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем [Текст]. М., 1834.

Марчуков, А.В. Переяславская Рада в идеологической системе украинства [Текст] // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1.

Марчуков, А.В. Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время [Текст]. М., Regnum, 2011. 294 с.: ил.

Пестель, П. Русская Правда. [Текст]. М., 1993.

Пушкин, А.С. Собрание сочинений [Текст]: в 10 т. Т. 3; Т. 9. М., 1981.

Рылеев, К.Ф. Собрание сочинений [Текст]. М., 1906.

Соборное мнение о Мазепе. [Текст]. Харьков: Изд-во «С.А.М.», 2011. 512 с.: ил.

Стенник, Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века [Текст]. СПб.: Наука, 2004. 277 с.

Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма [Текст]. М.: Индик, 1996. 288 с.

Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. [Текст]. Т. 7. М., 1977.

**Неудобные герои Второй мировой войны:
Стенограммы бесед с Героями Советского Союза –
представителями депортированных народов
(У.А. Абдурамановым, А.Ю. Байсултановым,
Б.Т. Басановым) Комиссии по истории Великой
Отечественной войны Академии наук СССР***

Данная документальная публикация вводит в научный оборот ранее неизвестные интервью Героев Советского Союза, отложившиеся в архиве Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Особая ценность этих источников состоит в том, что герои данных интервью – представители народов СССР, подвергшихся принудительной тотальной депортации.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Герой Советского Союза; депортация; крымские татары; балкарцы; калмыки; У.А. Абдураманов; А.Ю. Байсултанов; Б.Т. Басанов.

J. Rakhaev

**UNCOMFORTABLE ERROR HEROES OF THE SECOND WORLD WAR:
CROSS-CUTTING WITH THE HEROES OF THE SOVIET UNION –
REPRESENTATIVES OF THE DEPORTED PEOPLES (U.A. ABDURAMANOV,
A.Yu. BAYSULTANOV, B.T. BASANOV) OF THE COMMISSION ON THE
HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES**

This documentary publication introduces into the scientific circulation previously unknown interviews of Heroes of the Soviet Union deposited in the archive of the Commission for the History of the Great Patriotic War. The special value of these sources is that the heroes of these interviews are representatives of the peoples of the USSR who were subjected to compulsory total deportation.

Key words: World War II; Hero of the Soviet Union; deportation, crimean tatars; balkars; kalmyks; U.A. Abduramanov; A.Yu. Baysultanov; B.T. Basanov.

Вторая мировая война и депортация – крупнейшие события в культурной памяти репрессированных народов бывшего СССР.

---

* Работа подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 17-01-00230 «Героика Великой Отечественной войны: свидетельства участников, пропагандистские образы и историческая память».

Как известно, едва началась война, и советское правительство стало превентивно выселять в глубь страны «неблагонадежные» народы. 28 августа 1941 г. была ликвидирована автономия поволжских немцев, и потомков немецких колонистов выселяют на Урал, в Сибирь и Казахстан. Сравнительно многочисленные финны, болгары, итальянцы, румыны, греки и венгры выслались, поскольку их исторические родины – союзники Германии.

В 1943–1944 гг. советские власти выслали уже в наказание: карачаевцев, балкарцев, калмыков и крымских татар обвинили в пособничестве оккупантам, чеченцев и ингушей – в провале мобилизации в ЧИАССР. Индивидуальную вину не выясняли, народы депортировали поголовно, включая стариков, женщин и детей. Людям отводили минимум времени на сборы, и в товарных вагонах – на другой конец страны.

После войны кара настигла и тех, кто во время депортации своего народа воевал на фронте. «Провинность» – только национальная, советских активистов не исключали из партии и комсомола, хотя за попытку покинуть место ссылки давали до 25 лет лагерей. Не наказаны были только лишь некоторые старшие офицеры, но даже Герои Советского Союза также оказались не вправе вернуться на родину.

После смерти И.В. Сталина на государственном уровне начинается процесс реабилитации репрессированных народов. 9–12 января 1957 г. снова образовали АССР Чечено-Ингушскую, Кабардино-Балкарскую и Карачаево-Черкесскую (правда, у карачаевцев раньше была отдельная республика). Калмыкам сначала дали почему-то только автономную область, которую через полтора года повысили до прежнего статуса АССР. Труднее всего проходит возвращение чеченцев и ингушей. Из их республики, добавив территории соседней, сделали Грозненскую область. Теперь границы восстановили, но не в точности. Дома ссыльных оказались заселены жителями других регионов, и дело доходит до кровавых конфликтов чеченцев с русскими и ингушей с осетинами. Из сельской местности некоренное население, завезенное за эти годы, уезжает. А в Грозном в 1958 г. русские взбунтуются: требуя новой высылки чеченцев, толпа захватит здание обкома партии. Последствия депортации скажутся в 1990-х годах, в годы двух затяжных войн.

Прощение, однако, так и не распространилось на крымских татар вплоть до роспуска СССР. Они начнут самовольно возвращаться на родину с конца 1980-х годов. Не восстановили республику немцев Поволжья, и многие из них уехали в ФРГ. Не разрешили вернуться на родину, в Южную Грузию и туркам-месхетинцам. Большинство турок-месхетинцев, высланных в Казахстан, там и останутся, а из Узбекистана они переберутся в Россию.

Этническая мобилизация крымских татар, балкарцев и калмыков на рубеже XX–XXI вв. труднообъяснима без учета тесной, неразрывной взаимосвязи травматического опыта депортации с развитием национального самосознания и с самой идеей национального, в чем проявляется ее схожесть с этнополитическими процессами у других депортированных народов СССР. Депортация, таким образом, выступает не как единовременное событие (28 декабря 1943 г. для калмыков, 8 марта 1944 г. для балкарцев, и 18 мая 1944 г. для крымских татар), завершившееся с возвращением на историческую родину в 1957 г., а как процесс, который продолжает оказывать существенное воздействие на отношение репрессированных народов к своему прошлому, восприятию своего настоящего и будущего. В особенности это касается крымских татар, территориальная реабилитация которых в период бытования СССР так и не была проведена.

Особое значение в современной исторической культуре репрессированных народов приобретает память о своих Героях Советского Союза. Фигуры У.А. Абдураманова, А.Ю. Байсултанова и Б.Т. Басанова в массовом историческом сознании наказанных народов приобрели черты подлинно национальных героев.

Предлагаемые читателю уникальные документы извлечены из малодоступных ранее фондов Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, ныне хранящихся в Научном архиве Института российской истории РАН. Стенограммы бесед сотрудников Комиссии с Героями Советского Союза У.А. Абдурамановым, А.Ю. Байсултановым и Б.Т. Басановым предоставляют возможность как научным сотрудникам, так и массовому читателю познакомиться с уникальными биографическими сведениями об указанных Героях непосредственно от них самих.

№ 1
Стенограмма беседы с Героем Советского Союза
У.А. Абдурахмановым, 27 апреля 1944 года

// (л. 1) КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

СТЕНОГРАММА

БЕСЕДЫ С ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА СЕРЖАНТОМ АБДУРАХМАНОВЫМ¹ УЗЕИР, пом[ощником] ком[андира] взвода саперного 321 Новгородсеверского² отдельного краснознаменного инженерного батальона.

27 апреля 1944 г[ода] г[ород] Москва.

1916 г[ода] рождения. Татарин. Член ВКП(б) с 1943 г[ода]
Награды: Медаль «За боевые заслуги»,
медаль «За оборону Сталинграда».

Родился я в Крымской Автономной Республике³ в д[еревне] Джала-Мамыш⁴, Биюк-Олнарского района⁵, в семье крестьянина-бедняка⁶. Деревня находилась в равнине в северной части Крыма. Отец занимался сельским хозяйством. В нашей местности, в основном, сеяли хлеб и занимались огородничеством. Семья состояла из 9 человек⁷. До 1917 г[ода] отец имел пару лошадей. В деревне у нас был помещик и отец и другие такие-же, возили ему зерно по разным районам Крыма. После Октябрьской революции, до 1921 г[ода] жил в деревне, после 1921 г[ода] на ст[анции] Сарагус⁸, работал по найму у немца-колонииста ездовым на мельнице-двигателе до 1927 г[ода]. В 1927 г[оду] опять купил себе лошадь и возил в Симферополь⁹ (25 км от нас) камень желтый ракушечник, для строительства. Так отец работал до коллективизации. В 1930 г[оду] поступил в транспортную артель промкооперации, потом было решение Крымпромтранссоюза о том, что эти артели себя не оправдывают и эта артель слилась с сельскохозяйственным колхозом. Все это время отец работал в колхозе «Новая жизнь» в переводе на русский язык, до 1940 г[ода]. В 1940 г[оду] отец переехал в Джанкойский район¹⁰ и до войны жил там. В данный момент о них пока ничего не знаю.

С 1925 по 1930 г[од] учился в сельской начальной школе. Преподавание у нас велось на татарском языке. Учился я хорошо. После этого поступил в ФЗУ¹¹ кулинаров, которое закончил в 1933 г[оду]. В 1934 г[оду] поступил в вечернюю школу, так как на производстве по-

надобился русский язык. Учился в вечерней школе уже в г[ороде] Ялте, куда я переехал в 1934 г[оду]. Работал в студенческой столовой сельхозарбфака. После болезни отца, вынужден был поехать в сельхозартель работать за отца, тогда еще лошади не были обобществлены, а 25% выработки шли союзу. После этого по системе Крымпромтранс-союза меня направили на курсы счетоводов и после окончания союз направил меня в г[ород] Ялту в транспортную артель «Красный маяк» счетоводом, где я работал до 1937 г[ода]. В январе 1937 г[ода] был выдвинут на работу заместителя председателя артели и одновременно председателем культполитсовета, это по политмассовой работе среди членов артели.

25 декабря 1939 г[ода] был призван в армию, попал в стрелковую часть 581 полка 151 дивизии, вначале в г[ород] Кировоград¹², потом человек 100 откомандировали на 10 месяцев в караульную роту одного авиационного склада. Вернулся в свою часть, а часть уже переехала в г[ород] Лубны Полтавской области. В этой части был до войны. С начала войны наша часть была перебросена в Белоруссию под Жлобин.

3-го июля 1941 г[ода] вступили в бой. В первом нашем наступлении наш батальон имел успех, отогнал немцев на 6 км и до 17 июля мы здесь держали оборону, до моего ранения. Несколько раз мы ходили в атаку, и немец несколько раз предпринимал контратаки, но они были отбиты. 17 июля утром мы занимали опушку леса у одной деревни и противник стал обстреливать из миномета. У нас не осталось уже ни одного командира взвода и вообще среднего комсостава. Я тогда был рядовым, пом[ощник] ком[андира] взвода послал нас обратно туда, где занимали оборону, а сам скрылся и его не нашли. Из нашей роты были два сержанта, но они тоже были растеряны, мы присоединились нашим батальоном к 8-й роте, у нас было 9 рот. У нас 6 человек. Один лейтенант из этой роты и наших 4 человека на опушке леса наскочили на разведку немцев в составе 10 человек. Мы не знали, сколько их. Здесь лейтенант дал команду и для того, чтобы создать панику, он как будто бы командовал ротой. Это было часов в 10 утра, там лес густой и немцы сразу не заметили, сколько нас. У одного из нас был ручной пулемет, у 2-х автоматы, у остальных винтовки. Он командовал как будто бы ротой, с обеих сторон началась перестрелка. Он дал команду заползти поближе с фланга. Немцы заметили, что мы их окружаем, тогда 8 человек подняли платки, как будто бы сдаются. Когда мы ехали на фронт, командир батальона нас предупреждал, что такие случаи бывают, немцы как будто бы сдаются, а, когда подходишь поближе начинают гранаты бросать и т.п. Мы были предупреждены, что, если такой случай будет, подойти, как можно осторожнее и, когда в плен попадут обыскивать их кругом. Тут лейтенант сказал троем подняться, а троем остаться, вести наблюдение

ние и взять прицел. Когда мы приблизились до 20 метров, из окопов еще двое поднимаются и гранаты бросают. Лейтенанта ранило в левую руку. Лейтенант крикнул:

– Вперед!

И мы пошли. Немцы стали разбегаться. Одного ранило, он упал, опять стал на колено, лейтенант на него не обращает внимания, а я сзади лейтенанта был, так метров на 10 он был впереди меня, немец взял на прицел лейтенанта, а я подошел сзади и подколот штыком.

Ну, тут 6 немцев убили, а 4-х взяли в плен и повели их в штаб батальона. До 5 часов дня нужно было нам наступать, выбить немцев из пулеметных точек. Когда пошли, перед нами была рожь. Кругом обстрел, здесь начал поддерживать наши пулеметы, но тут спутали и стали попадать к своим. Временно прекратили движение. Была команда окопаться. Когда начали окапываться, я был левша и меня в предплечье ранило. Командир взвода, лейтенант 3-й роты послал меня на сан[итарный]пункт. Наш сан[итарный]пункт был ближе к НП¹³ командира батальона, я подполз туда, сделали перевязку и направили в полковой сан[итарный]пункт. Оттуда в г[ород] Гомель, где лежал дней 5, после чего отправили в Орджоникидзеград¹⁴, оттуда в г[ород] Орел. 10 августа 1941 г[ода] выписали и, после этого, я попадаю в рабочий батальон и мы начали делать укрепления, противотанковые рвы в районе Брянска. До самого подхода немцев к Брянску, мы там находились и, после подхода немцев, вынуждены были отступить. Это было 2-го сентября, мы вышли // (л. 1 об.) за Брянск и, после этого, и все время отступали в полукольце. Прорыв был на ст[анцию] Ефремово¹⁵. Там нас погрузили, ехали до Пензы, там пробыли несколько дней, потом нас сформировали в 1361 отдельный саперный батальон, 17 саперную бригаду. Мы стояли в районе Лунино¹⁶. За рекой Сурой¹⁷ начали противотанковые рвы копать. Был приказ и нас человек 60 направили в 321-й новосформированный батальон, тогда он назывался 1361 отдельный саперный батальон 17 бригады.

Месяц мы обучались в районном центре Лунино саперному делу и попали на фронт. Были на границе Орловской и Курской области. Это было в феврале 1942 г[ода]. Мы были приданы стрелковым дивизиям, ходили в разведку, инженерные траншеи делали переднему краю, минные поля устанавливали, проволочные заграждения делали. Там мы были месяц и перебросили нас под Прохоровку¹⁸. Тут тоже такие-же работы пришлось выполнять, ДЗОТы¹⁹ делать, мины устанавливать.

Когда в 1942 г[оду] немец пошел в наступление, мы получили приказ, что наш батальон формируется в 6-й парк инженерных машин, но технику не успели получить и нам дали наименование 3211-й армейский отдельный инженерный батальон, это в августе 1942 г[ода]. Сформировались мы в г[ороде] Ленинске²⁰ Сталинградской области²¹.

Мы жили эшелонами на ст[анции] Чернянка²², нас должны были перебросить, но немец пошел в наступление, мы не успели получить *приказ**, должны были отступить с нашими войсками. В Ленинске остановились, по дороге была бомбежка, но вышли благополучно, потеряли мало. В Ленинске получили пополнение и, после этого, получили приказ строить мост через Волгу, срок окончания был 23 августа 1942 г[ода]. Работали трое суток, там через остров и на остров нужно было делать настил и нашему батальону как раз пришлось делать этот настил, исправлять дорогу через остров.

Потом мы попали на ст[анцию] Серебряково²³ Сталинградской области. Там должны были делать посадку, наш путь был до Куйбышева²⁴. Пришли, и командир батальона велел пока разойтись по квартирам. Только разошлись и, как начал немец бомбить. Я был как раз на станции, пролетело 4 самолета, я выскочил со станции, лег возле одного телефонного столба. После этого мы там не могли получить эшелон и пришлось пойти пешком.

23 августа уже со стороны тракторного завода баржа подошла к берегу Волги с 2 танками. С утра 23 немец стал бомбить Сталинград²⁵, немцы остановились на бугре, и всю деревню сожгли снарядами, несколько барж наших потопили^{**}. Несколько снарядов на нас пустили^{***}, но мы не прекращали работу на острове и в 24.00 в установленный срок закончили работу. Мост строили плавающий, делали лодки. Мост строили под 16 тонн, но утром немец разбил этот мост. После этого нас перебросили в Камышин²⁶. В Камышине мы пробыли месяц.

Я вернусь немного назад. Мы получили приказ, что мы приданы танковой бригаде. Мы должны были обслужить эту бригаду, строить мост через Дон и пустить танковую бригаду в район ст[анции] Клетская²⁷. Здесь этот мост мы не могли своевременно кончить. Тогда уже начала река замерзать. Нам сказали, что бригаду нужно пропустить непосредственно через паром. Тогда мы строили паромную переправу, пропустили эту бригаду и в тот же день в районе Клетская пошли в наступление. Выбили немцев. После этой операции мы начали еще усиленнее работать. Увидели, что наша работа имела участие в этом.

// (л. 2) После этого мы были возле Вертяще²⁸, там мы были приданы стрелковым дивизиям, должны были рыть ходы сообщения за передним краем. За нашей обороной нейтральная зона. Мы работали в ночное время, когда меньше 100 метров осталось от переднего края

---

* Написано чернилами.

** Вписано чернилами -и.

*** Вписано чернилами -и.

противника, мы начали копать землю тун[н]ельным образом. Здесь мы подошли вплотную до 25 метров, это для того, чтобы при наступлении ближе подойти нашим пехотинцам, чтобы потерь не иметь, во вторых подрывали эту тун[н]ель, большое количество взрывчатых веществ[в] клали, этим самым оглушали немецкие огневые точки и добивались облегчения выбить его из первой линии.

В январе 1943 г[ода] мы были приданы артиллеристам, чтобы во время нашего наступления обеспечить минные поля, чистить снежные дороги, одним словом – дать ход, обеспечить дороги.

После этого нас снимают на обеспечение стрелковых дивизий, чистить проходы, опять под Сталинградом. Были при артиллерийских частях. После этого к стрелковым – чистить дороги от мин. Здесь 2-го февраля 1943 г[ода] у нас кончилась вся работа.

После этого мы опять попадаем в Курскую область, в Дмитров-Льговск, Дмитров-Орловск. В Дмитров-Орловске наш взвод был придан инженерной разведке. Дней 15 здесь были. Ходили в разведку, разведать минные поля противника, доходили до 10 км, чтобы самый центральный ход, где больше немецкого транспорта проходить, минировать. Пришлось 2 раза выполнять такое задание. В районе Дмитров-Орловск немец пошел в наступление. Это было в марте 1943 г[ода]. Приказом командира взвода и полкового инженера я получил задание: немцы прорвали нашу первую линию обороны, и я получил задание минировать. Пошел, у немецких автоматчиков уже метров на 100 выдвинулся. Приказ был минировать во чтобы то ни стало, потому что танки могут оттуда прорваться. Я здесь ползком добрался до этой дороги, взял с собою 2 противотанковых мины, установил их, опять сполз обратно, взял еще две мины и пришлось непосредственно под винтовочным и автоматным огнем действовать. После этого в другом направлении дают метров на 200 установить мины. Туда уже пошли в четырёх. Там место тоже обстреливалось, но не так опасно, как на том направлении. Тут задание я тоже выполнил, оставил 2-х человек часовыми, охранять минное поле. Мы минировали на первом участке на протяжении метров 30-ти, а на втором участке – до 70 метров.

После этого нас опять сняли и получили приказ от командования армии речную переправу строить, во время наводнения нужно было обеспечить паромные переправы нашим тыловым частям снабжения. Это уже км в 40 от передовой. В районе Михайловки²⁹, Курской области мост строили через р[еку] Слома³⁰.

После этого наш батальон начинает обслуживать штаб 65-й армии. Вообще наш батальон считался армейским. До августа 1943 г[ода] мы все время обслуживали штаб армии, блиндажи, настоящие газозубежища строили в лесах. Целое лето работали, с апреля м-ца.

В районе Севска³¹ река Сев³², болотистая такая. Южнее Севска около км нужно было строить мост, и нашему батальону был приказ готовить лесоматериал для постройки моста через р[еку] Сев. В 10 км от этого места мы заготовляли лес и подвозили за км до места постройки и сплавливали там, потому что местность была открытая и нельзя было. Когда 26 августа 1943 г. началась наша // (л. 2 об.) артиллерийская подготовка, мы получили приказ приступить к постройке. Лесоматериал доставлялся 2-мя командами, одной командой командовал я. Лошадьми нельзя было довести, чтобы скорее перетащить, дали подводы, чтобы перегрузить и силами 10 человек лес скатить туда. Местность очень обстреливалась. Мы пошли, а немец как начал по нас, так нас 4-ро и осталось живыми, остальные ранены и убиты из каждой команды. Несмотря на это, я первый доставил на берег материал, и приступил к строительству моста. После меня приступила вторая команда и работа оживилась. Несмотря на обстрел, все равно мы работали. Обстрел был артиллерийский и из миномета. Когда на другой день выбили немцев из НП, тогда стало безопасное, немцы стреляли, но не видели уже куда. Отстроили мост на 100 метров. Нужно было строить мост под 16 тонн для легких танков и артиллерии. Здесь потери были порядочные.

За эту переправу я получил медаль «За боевые заслуги».

Перешли на р[еку] Десну³³ в Новгородсеверск³⁴. В первый день дали задание в 5 часов дня, не помню точно когда, между 10 и 15 сентября 1943 г[ода] строить через Десну мост под 16 тонн. На правом берегу была деревня, из которой немцы были уже выбиты, там несколько домов и школа оставались целыми и мы получили задание пользоваться для строительства моста этим материалом. Ночью я должен был разломать эти здания и доставить материал сюда. Когда мы ночью приступили к работе, был слышен стук и немец начал бить автоматами, пулеметами и даже минометами. Мы временно прекращали, но до утра своей командой чел. 16, здания разломали и днем уже на лошадях скрытыми путями подвозили материал. Метрах в 50 были овраги, подносили, подходила подвода, грузили и отправляли. В 5 часов вечера начали строить мост и к 10 часам утра мост метров на 170 был закончен.

После этого пошли на кухню в расположение роты покушать. В 5 часов получаем приказ, левее от этого места строить мост под 60 тонн. Это в направлении Новгородсеверска, в 10 км от него. Там также строили подручным материалом, который был в деревне. Опять назначают меня на доставку материала. Когда мы между 12 и 15 сентября 1943 г[ода] приступили строить этот мост, часов в 12 – была бомбежка. Мы были во всем снаряжении. Была команда разбежаться в стороны. Я вижу, что все разбежались, я остался один на мосту, нашел

одну щель и остался. Здесь немец сильно бомбил, много наших убито было и ранено. Заместитель командира батальона по политчасти тамже, после окончания работы, объявил благодарности, что во время бомбежки командование вело работу. После бомбежки с воздуха немецкие самолеты летали все время у первой линии. Я приступил к работе. Никто не идет. Строить мост – это была не моя функция, я должен был подвозить материал, но материал есть, а работать некому, и я приступил к постройке моста, начал настилать настил. Козловые опоры были уже установлены. Срок был кончить к 5 часам вечера, а мы закончили мост к 3 часам.

После этого нам дают задание еще левее в 20 км, в районе деревни Шобичи, Шостенского района³⁵, Сумской области³⁶ строить мост под 60 тонн. Материал нужно было заготовить в лесу в 5 км от переправы. Нам сказали, что скоро будет наступление. Здесь начали в 10 часов вечера и на третий день к 10 часам закончили. Постройку проводили круглосуточно и // (л. 3) все время в воде. Погода все время была дождливая, все намокли, зуб на зуб не попадал. В этот момент Шостку³⁷ заняли и пришло пополнение, они знали, где спирт хранился и командир батальона взял машину и привез этот спирт. На этом спирте и держались. Привезли кухню, но подогревать негде, а холодно и так, и на этом спирте держались. Лес заранее подготовили и оттуда лошадьми доставляли и на плотках по реке. Здесь на этом участке пришлось непосредственно сваи бить и мосты на свайных опорах делали. Ни одна переправа не делалась без обстрела.

После этого мы на реке Снов³⁸ делали переправу. Там также работали и, как раз погода была дождливая, холодно. Здесь тоже строили мост. Там идет река и в с[е]редине остров и нужно было строить мост до острова и за островом мост, правда небольших размеров, метров по 70. Мы строили 70 метров* одну половину а другую 14-я саперная бригада строила.

После этого попадаем в район Сожь³⁹ делали переправу, сначала в 33 км южнее Гомеля. Мы должны были заготовить лес. Нам давался срок, когда начнется наступление подвезти лес ближе, а, когда выбьют, начать строить. Готовили лес, приехал писатель Илья Эренбург⁴⁰, хотел саперов описать, но говорит, что о танкистах, летчиках могу писать, а работы боевой у саперов не видно. Танкист пойдет, раздавит танком, а сапер все удары на себе выносит, но непосредственно не борется.

Приехал командир батальона, вызвал командиров рот, взводов, а также, рядовой и сержантский состав, чтобы рассказать как идет работа. И там пришлось сказать, что нам обидно, как саперам, удары

---

* Вписано чернилами -в.

противника мы принимаем, а непосредственно бить или уничтожить не имеешь никакой возможности, а все удары на наших плечах. На каждой переправе он нас крошит, а мы, как саперы, не можем ничего сделать. Знаем, что наша переправа имеет большое значение, ну и строишь. С ним пробыли ночь. Прихожу в 3 часа ночи обратно в батальон. А тут уже был приказ приступить нашему батальону к строительству моста южнее в 14 км от Гомеля. Там уже другой батальон заранее заготовил лес, там противника выбили и нужно строить мост. Я приезжаю утром к 5 часам. Там нужно было мост на 270 метров делать. Мы начали с левого берега, а 14 бригада 168 саперного батальона справа. Здесь был сильный обстрел. Оказывается недалеко на дереве сидел немецкий наблюдатель и все передавал, не давали возможности работать. Здесь я взялся со своей командой, там одна команда бьет сваи, другая – укладывает насад, прогон и настил. Когда немцы начали обстрел, все разбежались. Я со своей командой ни шагу, давайте полежим на плотках и мы с места не уходили. Когда во время артиллерийского налета разбежишься, после этого час времени теряешь, пока соберешься, тем более в ночное время, а некоторые лягут и засыпают, потому что несколько суток работают и, как сел, так уже дремлет и один человек всегда может уснуть и бывало до утра одного человека искали.

Я сказал своей команде:

– Ни шагу, я искать никого не буду, нужно как можно скорее мост кончить.

И я кончил раньше срока на 6 часов, и начал помогать этой 14 бригаде, они с того берега шли, сваи, насад* и прогон уклали, а настил не уклали и я приступил им помогать, потому // (л. 3 об.) что командовали⁴¹ ждало. Закончили мы 16 октября, на 16 часов раньше, а свою работу я еще на 6 часов раньше закончил. Там крутые берега и нужно было подъем делать, группа пошла на эту работу, а мы пошли помогать 14-й бригаде.

17 октября мы попали строить переправу через Днепр в районе Лоева⁴², везде, где мы строили, наши пехотинцы на правом берегу находились. Там через остров нужно было строить одну половину – я должен был строить, а за островом другую – 14-я бригада строить должна была. Мы не знали, что остров еще у немцев, наши уже переправились и батальон начинает с того берега итти⁴³, а мы отсюда. Моя задача на тот берег при помощи плотов доставить материал для первой роты. Когда прошли на тот берег, как начали из пулеметов и автоматов сыпать.

Мы думаем:

---

* Вписано чернилами -а.

– Как же так, ведь наши пехотинцы там?! Когда кое-как переправили на тот берег, нам еще в помощь взвод, и вступили в бой. Большинство немцев сдались в плен. Немцы такие не знали, что наши переправились на тот берег и, когда наши начали их с тыла бить, они сразу сдались. Человек 200 взяли в плен. Тогда я убедился, что и сапер может бить немцев.

Здесь мы под 60 тонн строили мост, это уже под тяжелые танки. Мост строили сводный и глубина там была до 7 метров в некоторых местах. У нас были резиновые лодки, потом оставляли пехотинцы лодки, плоты специальные строили, чтобы нас держали и через каждые 4 метра вбивали 15 штук свай. Прицепляемся человек 10, его несет, а ты сваи стащишь, становишь лом, лезешь наверх, лестницу на которой стоять вверху самолетом называем, площадка такая, 5 человек залезет туда и начинает бить. 270 метров, через 4 метра по 5 свай забивали. Закончили мост на 13 часов раньше установленного срока.

После этого других переправ делать не пришлось. Последняя переправа была через Днепр возле Лоева.

Дальше мы для командующего наблюдательный пункт делали, ходили потом минировать, разминировать. Мы обслуживали 65 армию, но, поскольку⁴⁴ наше командование было на передовой, мы должны были обслуживать штаб армии, землянки строить, если они в деревне стоят, то несколько дальше землянки самому главному начал[ь]ству, для остальных только щели копаешь, чтобы во время обстрела спастись.

Я ушел с передовой в районе Азарише*, это уже в феврале 1944 г[ода]. До февраля ходил в разведку, минировал, потом уже начал снег таять, уже грязь была, дороги исправляли.

В комсомол я вступил в 1934 г[оду] в г[ороде] Ялте. После 3-х месяцев пребывания в комсомоле, был избран комсоргом. У нас молодежи не было, нас прикрепили к швейной артели, там было много молодежи и я там был секретарем комитета. После того, когда комсомольская организация выросла, Райком комсомола прикрепил меня к артели «Металлист» и там же я был секретарем комсомольской организации.

// (л. 4) В армии уже, в саперной части, до июня 1943 г[ода] был комсоргом роты и членом комсомольского бюро батальона.

Перед получением задания я обходил комсомольцев, давал им наставление, как комсомолец должен вести себя, кто за кем должен на-

---

* Вписано чернилами -и-.

блюдать, у нас были люди из освобожденных областей, смотреть за ними, если растеряются, помочь им. Потом даешь отдельные задания, чтобы не было растерянности, чтобы они поддерживали, проявляли инициативу. Мне давал указание секретарь батальона, а я, в свою очередь, комсомольцам и активистам своей роты. Перед заданием созывешь комсомольское собрание. Мы, например, в 5 км от передовой. Перед выполнением задания созываешь, также после выполнения, даешь оценку, как вели себя комсомольцы во время работы, подито-живаешь⁴⁵, кто как отличился, кто как себя вел.

За время работы комсоргом я принял в комсомол человек 20. У нас мало молодежи было, большинство старички попадали, потому что тут требовались специалисты, а молодежь для разведок, минирования и т.п. В партию из комсомольцев передал человек 5. На передовых я уже парторгом был.

До армии я был членом президиума райсовета ОСО АВИАХИМА⁴⁶ и все время по осо-авиахимовской работе издил* по районам, по колхозам, одним словом был внештатным инструктором.

Илья Эренбург написал про саперов одну маленькую статью⁴⁷. Во фронтовой печати были статьи нашего командира батальона, заместителя по политчасти. Командир батальона сейчас у нас майор ПОПОВ.

В нашем батальоне присвоено звание Героя Советского Союза мне и еще одному, не помню фамилии, он был в 3-й роте. Знаю о нем, что он из Тамбовской области, лет 33–35. Он во время артиллерийского налета врага все время не отступая вел работу, несмотря на то, что его командир отделения не оставался.

Сейчас я имею переписку со своим командиром взвода, с ребятами из своего отделения, рядовым САЧКОВЫМ Вячеславом Константиновичем⁴⁸, он сам из Саратова. У нас во взводе осталось 7 человек и один я из мл[адшего] сержантского состава, все остальные из строя вышли.

К награде представил меня командир батальона майор Попов.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Комиссия по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Академии наук СССР. Раздел IV. Материалы о Героях Советского Союза. Личное дело Героя Советского Союза У.А. Абдурахманова. Л. 1–4 об.

---

* Так в тексте. Должно быть: издил.

№ 2

Стенограмма беседы с Героем Советского Союза
А.Ю. Байсултановым, 12 апреля 1943 года

// (л. 1) КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ.

СТЕНОГРАММА БЕСЕДЫ С ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
АЛИМОМ ЮСУФОВИЧЕМ БАЙСУЛТАНОВЫМ

Беседу проводил тов[арищ] Мазунин.
Стенографировала тов[арищ] Крауз.
12/IV-[19]43 г[ода]

Родился я в 1919 году в КБ[А]ССР, в Чегемском районе, в селе Яникой. Отец и мать у меня – бедняки крестьяне. В тот год, когда я родился, у нас были белые и отец ушел с красными партизанами, а мать осталась со мной в селе. Потом и она ушла в лес. Место у нас – возвышенное, но деревня стояла внизу, в долине. Как раз мать только ушла в горы, белые и заняли нашу деревню. Жила она в горах до тех пор, пока белогвардейцы оттуда не ушли. Пришел за ней отец и взял вместе со мною в деревню.

Сначала мои родители жили у деда, а потом отец построил себе маленькую хату в одну комнату. Жили мы так до тех пор, пока не организовался колхоз. Отец был членом партии до [19]34 года, вступил в партию он еще в годы Гражданской войны. Мать с [19]30 года была кандидатом в члены партии. Во время чистки партии в [19]34 году отец работал животноводом, заведовал всем животноводческим хозяйством колхоза. Решил он купить у другого колхоза баранов, которых они гнали на базар. И здесь ему случилось поспорить с председателем Облисполкома⁴⁹. И вскоре же во время чистки отца исключили из членов партии. А впоследствии оказалось, что этот самый председатель – враг народа⁵⁰. Мать до последнего время была членом партии.

Я помню, исключение отца из партии произвело на меня очень большое впечатление, я сильно горевал тогда. Во время чистки мы, ребята, стояли около окна дома, где происходило собрание. И когда прочли списки исключенных из партии и в том числе был и мой отец, я заплакал, схватил яблоко и бросил в окно. Так и ушел. Отца же исключили просто по телеграмме председателя облисполкома, с которым он не поладил.

В семье сложилась тяжелая обстановка, детей было много и труд--
(л. 2)но их было воспитывать. Когда мне минуло восемь лет, меня отец отдал работать к одному кулаку. Я там пас коров и телят. Прора-

ботал у него два года. Однажды был такой случай. Они косили сено, а я пас коров и телят, причем пасти их нужно было отдельно. Шел дождь, я пришел в кош завтракать, а в это время телята пришли к коровам и у коров молока не стало. Правда я покушал и уснул. Вот хозяйева пришли и говорят, – мы его сейчас изобьем, как следует. Но один за меня заступился. Он был как раз из нашего села и тоже у них батрачил. Он говорит – ведь он еще малый, неопытный, уснул как ребенок. А действительно было и холодно и голодно.

А потом еще раз я пас телят. Когда я пригнал их, подсчитали – видят теленка не хватает, один остался в лесу. Тут меня за это дело давай за уши драть, потом поленом дал раза два–три, сутки есть не давали. А потом уже от теленка куски только нашли.

Уходить от кулака было нельзя, так как он ничего не дал бы за работу. Вскоре пришел к нему отец и забрал меня. Я уже заплакался и сказал, что больше я здесь оставаться не могу. Отец сперва не хотел меня брать, а потом увидел, что действительно мне там тяжело и забрал. Наступила уже осень, шли мы по горам. Там были очень красивые, но непроходимые места, смотришь и видишь только лес и лес. Больше всего там росло чинар. Так по горам мы с отцом и спустились. Пробыл я в пастухах шесть лет. За работу мне дали одного барана, да и то маленького и худенького. В горах мы жили в пещерах из камней, затем в такого рода укрытиях, которые назывались дорбун⁵¹. Народу в горах было много, так как часть приходила косить сено и ночью все собирались в пещеру.

Потом отец отдал меня другому кулаку. Они косили сено, а я пас опять коров и телят. Это было уже совершенно в лесу, в тайге, где было много диких свиней; каждый день я видел лис и других зверей. Тогда у меня были собаки. Там я у них пробыл до самого сенокоса. Когда время вышло, я сказал, что ухожу. В то время как раз // (л. 3), я услышал, что организуется школа и колхозы. За эту работу они дали мне кусок сыра. Носил тогда я, помню, черкеску и башлык. В башлык⁵² я положил кусок сыра, взял палку в руки и пошел домой. Расстояние было километров 80 или 70. Я пришел домой такой радостный, что заработал кусок сыра, так как до этого первого барана я не видел, да думаю, что отец для моего успокоения сказал, что мне дали барана, а на самом деле ничего не дали. Я был в семье самый старший и тогда у нас было же шесть мальчиков и одна девочка.

Спустя некоторое время я начал ходить в школу. Мне тогда было 12 лет. Учились мы на родном языке. За один год окончил я два класса – первый и второй. Учителем у нас был мой дядя, он был членом партии, грамотный человек и учил хорошо. В школе было всего 4 класса. После того, как я проучился один год меня направили в молочный совхоз за три километра от дома учиться ведению молочного

хозяйства. Правда я учился там мало, а больше работал, сажал там огород и т.д. Пробыл я там полтора года. Приехал домой, отдохнул, а потом поехал на сенокос молочного совхоза. Совхоз был очень большой – было около 300 коров. С сенокоса я приехал в Нальчик. Так как мы были еще молоды и были неполноценной рабочей силой, нас направили в Нальчик куда-нибудь определиться. Мы приехали в Нальчик просто к одному знакомому моего соседа. Он говорит, что сейчас некуда определиться. Ребята вы молодые, работать вас послать нельзя, а учиться здесь нигде не принимают. И мы поехали опять в деревню. Проучился я в этой же школе еще год. Там было уже пять классов. В [19]32 году меня, как отличника, решили послать в пионерские лагеря на Черное море. Меня вызвали в Нальчик и должны были отсюда направить. Причем говорили, что нужно будет ехать 15 суток, наговорили всякой всячины, испугали народ. Но я все же решил ехать все равно, хоть на край света, но поеду. Мои товарищи испугались и отказались. На второй день в Нальчик приехала моя мать, чтобы взять меня домой. Куда, говорит, ты поедешь? Но я решил все равно – поеду, домой возвращаться не хотел. Взял я у матери рублей пять, и // (л. 4) она поехала домой. Я прошел уже медицинскую комиссию, но получилось в конце концов так, что нас не повезли, по каким причинам, я не знаю. А нас было человек 12.

В [19]32 году в Нальчике был организован пед[агогический] техникум. Называли его Ленгородок⁵³. Он стоял отдельно в саду, за изгородью, и нам там сказали, что мы вас можем принять учиться. 25 августа будут вступительные экзамены – приезжайте. Документы мы все сдали, отправились домой, где и пробыли до августа месяца. Так я и решил учиться на преподавателя.

Нужно сказать, что как-то в [19]29 или в [19]30 году я увидел самолет, который летел в Нальчик. Он покружился над нашим селом и улетел. Я взобрался на гору и долго смотрел с горы, куда улетел самолет. Нальчик оттуда был виден, и я увидел, что самолет полетел на Нальчик – а это было километров 12. Я все таки нашел самолет – смотрю, сидит на площадке самолет, мотор работает. Он по-видимому хотел куда-то зарулить. Близко нас не подпускали и мы стояли метров за 50 от него. Вокруг самолета стояли летчики и мне казалось, что это какие-то особые люди, что, конечно, мне никогда не быть летчиком. Когда я вернулся домой, в душе я уже был летчиком, хотя никому ничего не говорил. Правда я был уверен, что меня никогда не примут в такую школу, откуда выходят летчики. Потом еще несколько раз я видел самолеты, которые летели уже далеко от нашей деревни.

В педтехникуме я учился два года на подготовительных курсах, так как нужно было для поступления в техникум иметь семилетнее образование. Потом я перешел на первый курс и учился там до 36 го-

да. Никаких мечтаний об авиации я тогда не имел. Потом я уже видел, что многие мои друзья из педтехникума стали заниматься в аэроклубе и у меня зародилась мысль, не поступить ли туда и мне. Один раз к нам пришел инструктор из аэроклуба, лет- // (л. 5) чик, и говорит – кто имеет желание быть летчиком. А я уже тогда перешел на третий курс педтехникума, там уже мы главным образом проходили практику. Сначала я подумал, что ни тяжело ли будет учиться там и там, а потом все же дал согласие учиться в аэроклубе. И меня записали.

В первые дни, как только нас записали, мы решили, что теперь все – мы уже летчики.

Учился я в аэроклубе с большим интересом. Сначала Мы проходили теорию авиации. На техникум я стал обращать внимание уже меньше. У меня был тогда друг Депенев⁵⁴ (сейчас он танкист). Мы с ним вместе закончили теорию в [19]37 году, а также в течение лета – практику. В отпуск домой мы тогда не поехали, нас не отпустили. Кому отдых, а мы сидим на аэродроме, летаем и работаем.

В [19]37 году мы закончили аэроклуб на У-2⁵⁵.

Первый полет был у меня примерно в июне мес[яце] [19]37 г. Посадил меня инструктор и говорит – не держись ни за что, только смотри. Я посмотрел сверху – мне понравилось. Самочувствие было такое, что все-таки немного было страшновато. Но потом страх сразу прошел. И начал после этого я летать. Возили меня много. Бывали такие дни, что даже поругаешься с инструктором, но полеты были всегда на отлично.

Потом был первый самостоятельный полет и начал уже работать. Таким образом окончил я аэроклуб в декабре [19]37 г. Как раз в это время к нам приехали из авиашколы им. Сталина в Ейске представители. Практику я сдал на отлично. По теории было и отлично и хорошо и даже посредственно... Я думаю, неужели же меня не примут в школу? Комиссию прошел. Я боялся, что меня могут не принять из-за отца, так как он был исключен из партии. На мандатной комиссии я все рассказал честно, что отца исключили из-за врага народа. Там были представители из особого отдела Нальчика и они сказали, что мы это дело знаем, но очевидно, они хотели проверить мою честность – скажу я или скрою. Они сказали, что это не будет служить препятствием для моего приема в летную школу.

// (л. 6) Это было как раз в тот период, когда Сталин сказал, что сын за отца не отвечает. Сказали они мне, что вас воспитала советская власть и – все.

Впервые я тогда сел на поезд и поехал в Ейск. В Ейске я прошел опять мандатную комиссию и опять меня спросили про отца. Я опять все честно рассказал. Мне сказали, что мы пошлем запрос и, если все это так, как вы говорите, то вы будете учиться, но если не так, то уе-

дете обратно. Пока не был получен ответ, я ходил как сумасшедший, думал, что пришлют? Но прислали все документы, которые подтвердили то, что говорил я. И мне сказали, что теперь препятствий учению у вас нет. 21 декабря я был зачислен приказом в военно-морское Ейское авиационное училище имени Сталина⁵⁶ на второй курс. После карантина одели меня в морскую форму – стал я моряком. В [19]38 году я окончил училище на отлично. Закончил я на Р-5⁵⁷. Зачет у меня теперь принимал Герой Советского Союза Кондратьев⁵⁸. За то, что я окончил на отлично, меня оставили переучиваться на истребителях, т.е. перевели на следующий курс. В [19]38 году я поехал в отпуск домой. Приехал я в Нальчик в 8.00 – нас было тогда 12 человек, все из одного аэроклуба. Вылезли мы из вагона, переоделись в новую форму, ботиночки вычистили, сами почистились и пошли. Купили себе по пачке «Казбека», закурили и идем по улицам Нальчика. Это было как раз 7 ноября. Все на нас смотрят: «Моряки, появились моряки», пацаны сзади ходят – «Дядь, с какого корабля?», да еще подначивают: «Моряки с разбитого корабля». А потом девушки идут из института и читают «ученик Сталина». А у нас было на лентах написано «Училище Сталина».

Пошли мы в техникум, там было много знакомых преподавателей, они нас приняли очень хорошо, поздравили, ведь мы были их воспитанники все-таки. Потом мы пошли в ресторан, сходили в кино, // (л. 7) в театр, погуляли хорошо. Потом приехали домой, к своим родным, а я не был там уже два года. Перед отъездом в Ейск я был дома, причем отец и мать не верили в то, что я буду летчиком. Говорили, что это ты только так, делать тебе нечего вот и ходишь, лучше учился бы и стал преподавателем, зарабатывал бы 500 рублей. А у нас столько ребят и ты должен работать, а то выдумал – училище! Я говорю – подождите. Я буду летчиком, тогда не только 500, а буду тысячу зарабатывать. Так и получилось в конце концов.

Когда я приехал – просто не узнаешь*. Приехал в морской формочке, а формочка – будьте уверены! Я еще вырос, стал больше. Как я пошел, все смотрят, вот это да! Всем рты закрыл, никто ничего не мог сказать.

Месяц я жил дома. Родители куда меня не отпускали. Мать любила ходить со мной по деревне, показывать – вон какой у меня сын!

Потом вернулся обратно в Ейск и начал учиться летать на истребителях. В [19]38 году мне исполнилось 18 лет и я впервые получил право выбора в Верховный Совет. Тогда я отдал свой голос за Кавардак⁵⁹, одного тракториста.

---

* Не узнаешь *написано черными чернилами поверх зачеркнутой фразы* с ног их свалил.

В [19]39 году я окончил училище досрочно, так как начинался* *конфликт*** с Финляндией. Училище было очень хорошее, там были прекрасные инструктора и все было создано для того, чтобы учиться. Для каждого предмета были отдельные классы – теория авиации имела свой класс, моторное дело – свой. В любое время можно было приходить на консультацию к преподавателю. По русскому языку я начал заниматься еще в техникуме.

Инструктором у меня был Левин⁶⁰ – он погиб в Отечественную войну, замечательный был и техник. Начальником нашим тогда был генерал-майор Андреев⁶¹. Тоже прекрасный командир и начальник.

Выпустили нас 20 человек, выбрали тех, кто отлично летал.

21 сентября [19]39 г. сдал зачет по лётной практике. Тут же пошел, переоделся в командирскую форму. Получил звание лейтенанта. Все было оформлено и я стал летчиком-истребителем морской авиации.

22 сентября у нас был банкет, где выступал и я, сказал спасибо // (л. 8) учителям за хорошую учёбу, обещал, что оправдаю доверие советской власти.

После этого я был зачислен на Балтику. Нас туда попало 40 человек, 20 человек с истребителями «И-16»⁶² и 20 на других машинах.

Приехали мы в Ленинград, проезжали через Москву. Москву я видел в первый раз. В Ленинград мы приехали 28 сентября, пошли в ВВС в Петергофе. Нас отправили в 13 истребительный полк в Котлы⁶³. Пришли мы к командиру полка, ныне Герою Советского Союза полковнику РОМАНЕНКО⁶⁴. Там же увидел я и КОНДРАТЬЕВА. РОМАНЕНКО тогда уже имел орден Красной звезды за отличную работу. Он нам рассказал о жизни летчиков, провел большую беседу о том, как мы должны ходить, как приветствовать, рассказал о дисциплине, рассказал о материальной части. КОНДРАТЬЕВ вспомнил о зачетах в Ейске, спросил, как идут дела.

Так началась наша жизнь в полку.

5 октября я уже полетел в первый полет на Балтику. Я попал к командиру эскадрильи тогда старшему лейтенанту ЛУЧИХИНУ⁶⁵. Он меня вывез, проверил. Романенко тоже проверил и меня выпустили.

Потом началась война с белофин[н]ами⁶⁶. Все летчики выполняют боевые задания, а нас не пускают, говорят – вы еще молоды. Мы 14 дней помогали чистить пушки, пулеметы, осматривали самолеты. Потом на 15-й день пришел приказ Наркома отправить нас, молодых летчиков, в Крым. Мы поехали туда доучиваться. Попали в Евпаторию, в часть. Мы там тренировались, учились. Проучились там три месяца. Приехали обратно на Балтику и попали в 5-й полк. Правда, я

---

* Написано черными чернилами -ся поверх зачеркнутого -ась.

** Написано черными чернилами поверх зачеркнутой фразы «начиналась война».

хотел попасть обратно в 13, но меня не пустили. Командиром полка у нас здесь был майор ДУШИН⁶⁷.

11 марта [19]40 г. я уже приступил к полетам. Сказали, что теперь вы будете воевать. А воевать за родину все мы очень хотели. А то были на войне, а не воевали. Но 12 марта в 12.00 часов было объявлено, что война с Финляндией окончилась. Ну здесь у нас на- // (л. 9) строе- ние упало – только воевать собрались и вдруг все кончилось.

3 апреля [19]40 г. я поехал в отпуск. ЛУЧИХИН говорит – вам здесь делать больше нечего – поезжайте отдыхать в отпуск.

Поехал я опять к родителям. Рассказал им о войне, хотя сам и не воевал, но говорил о своих товарищах. Денег у меня было много, собрал за три месяца и отдал их матери. Тогда они почувствовали уже мою реальную помощь.

Когда я вернулся на Балтику, то попал опять в 13 полк. Там мы проходили боевую подготовку, воздушные бои.

Осенью [19]40 г. к нам пришла шифровка, чтобы 13 полк отпра- вить на Ханко⁶⁸. Там мы пробыли до мая [19]41 г.

На Ханко очень красивая природа, скалы и лес. Мы его называли «дамской ножкой», так как у него действительно была форма ноги.

В мае [19]41 г. мы перебазировались обратно в лагерь в Кёрсто- во⁶⁹. Занимались мы там боевой подготовкой – полетами.

21 июня под выходной день мы оделись и пошли в клуб, в дерев- ню, посмотрели кино, после кино начались танцы. Танцевали мы там до часу ночи, разрешил нам это начальник – майор РОЙБЕР. Сам он тоже танцевал – вообще там был почти весь состав нашего полка. Я помню, что последний наш танец был танго. Я решил, что теперь пой- ду спать. Танцевали я, РОЙБЕР, КУЗНЕЦОВ⁷⁰. Сделали два с полови- ной круга, вдруг приходит дежурный по гарнизону и объявляет трево- гу: товарищи, по всему КБФ⁷¹ объявлена боевая тревога. Сразу все бросили танцевать и потопали к себе в полк, кто попрощался со своей девушкой, а кто не успел – в общем – по самолетам.

Сидим у самолетов в полной боевой готовности до утра. Утром нам говорят – товарищи, на нас напали немцы, началась война. Я сна- чала думал, что это говорят просто так, чтобы поднять духу летчиков, чтобы провести учение по серьезному. В общем, никто у нас не повер- рил, что действительно началась война. Потом отпустили нас позав- тракать, прямо на аэродроме, а потом собрали мы чемоданчики, по- ложили бритвы, // (л. 10) зубные щетки и в – самолет. Нам дали зада- ние подготовить маршруты перебазироваться в Таллин. Тут же всем полком поднялись. Прилетели в Таллин 22 днем и тут уже мы начали сомневаться – может быть действительно объявлена война. Только сели мы на аэродроме в Таллине, приходит к нам командир нашей бригады генерал-майор ПЕТРУХИН⁷² и говорит, что объявлена война.

Он покричал на нас, что вы здесь разбросали самолеты, могут налететь, нужно рассредоточиться. Сказал, что нужно вести бараж⁷³, охранять корабли в Таллине. И здесь мы уже окончательно поверили, что началась война.

Прошло два дня, мы охраняли флот, стоящий на рейде. На второй день была объявлена тревога – пришел первый немецкий разведчик. Как начали все зенитки с кораблей стрелять, я даже подумал, куда ему бедному деваться. Но оказывается самолета не было, а была только учебная тревога.

На третий день нам приказали перелететь на Ханко – сказали, что будете воевать на Ханко. Дается нам задание на разведку, мы должны обследовать дороги у финнов, посмотреть, есть ли передвижение войск, транспорта и т.д. Пошли мы девяткой и попали мы не в тот район, куда нужно было; а пролетели и не заметили контрольного ориентира. Попали мы в порт Або⁷⁴ и выскочили на аэродром противника. Наше звено было крайне правое. Смотрим – пять финских истребителей на высоте 400 метров, только-только, видимо, начали взлетать. А у нас всего была высота 50 метров. Командир звена у нас был старший лейтенант ЕКУШЕВ⁷⁵. Мы с ходу набрали высоту и пошли на них в атаку. Вступили в бой. А остальные наши шесть самолетов развернулись и ушли обратно. А мы даже этого не заметили. ЕКУШЕВ пошел на трех один и сбил одного с правой стороны, а он с левой. Мы видим, что один самолет пикирует на нас и попал между нами. Мы сразу же развернулись и взяли его в клещи. КУЗНЕЦОВ очутился с правой стороны у него, а я – с левой и загнали финна в землю. Стреляли мы в него из пушек и из пулеметов. Но КУЗНЕЦОВА я тогда не видел, так как смотрел только на самолет против- // (л. 11) ника. Я подумал, что я один его сбил. У самых макушек деревьев я выровнял самолет из пике, развернул в противоположную сторону, в сторону Швеции, т.е. потерял ориентир и пошел. Смотрю назад, думаю, погонятся за мной или нет, так как я остался уже один. Вижу, летит какой-то самолет. Думаю, что за самолет, убавил немного газ, лечу, а сам смотрю назад. Думаю, подпущу немного, а в случае чего, снова развернусь и буду драться, погибать так погибать с треском. А потом смотрю, наш И-16, свой самолет. У меня от радости аж шлем на голове поднялся. Я совсем убавил газы и потерял половину скорости, даю ему возможность догнать меня. А это оказывается был КУЗНЕЦОВ. Он догнал меня и показывает, что ты мол не туда летишь. Я ему помахал головой, говорю, правильно. Развернулся и пошел в другом направлении. А нас перед вылетом предупредили, что обратный курс – 130⁰. Я только потом вспомнил об этом, так как сразу после первого боя как-то растерялся. Пролетели мы над Або. Стрелять в нас не стреляли, так как мы проскочили быстро на бреющем. Видели на аэродромах у них

бомбардировщики. Наконец, попали на дорогу, по которой нужно было разведать движение и ходили по ней на бреющем. Но там ничего не было. В одной деревне, ч[е]рез которую мы пролетели, мальчишки выскочили и палками в нас кидали.

По пути мы заметили красивый, выкрашенный в красный цвет, пароход. Мы набрали высоту и показали друг другу – давай постреляем? Давай. Стрельнули. И пошли дальше. В конце концов пришли домой. Уже не далеко от Ханко мы подлетели к одному островку, там стояла шхуна – это было км. 30–40 от Ханко. Мы хотели развернуться и стрелкнуть. Но с этого островка как нам дали из крупно-калиберных автоматов, так мы и ушли.

Пришли, сели и у нас горячее кончилось. А в полку нас уже не ждали, считали, что нас в живых нет. Наш командир эскадрильи пошел на командный пункт докладывать, что двоих нет, не вернулись. Летали мы более полутора часа.

Когда прилетели, выяснилось, что мы с КУЗНЕЦОВЫМ сбили вместе самолет, а Екушев сбил другой самолет. Никаких пробоев и повреждений у нас в самолетах не было. // (л. 12) Это был первый наш воздушный бой, первый сбитый самолет.

На второй или третий день нас отправили штурмовать финские торпедные катера. Прилетели мы туда шестеркой и начали штурмовать. Один заход сделали нормально. На втором заходе я стрелял по катеру, а при выводе из пике мне дали из крупно-калиберного автомата. Я подумал, что самолет горит. Попало мне в хвост, срезало половину хвоста с правой стороны и машина резко накренилась в правую сторону и так пошла с креном. Я подумал, ну значит, всё! Что вся моя деятельность на этом кончится. Думаю, посмотрю, если машина не управляется, просто свалю машину в шхуну. Потом смотрю, машина управляется. Я ее вывел из крена. Высота была 100 метров максимум. Я, как вывел машину, так и полетел на аэродром. А остальные товарищи остались штурмовать. Прилетел я еле-еле. Убавил газ, чтобы садиться, а машина падает. Я посадил ее с газом на скорости. Когда я зарулил, мне говорят, как ты только прилетел, половина стабилизатора отбита. А товарищи мне потом рассказывали, что они подумали, что я испугался и удрал. Тогда там финнам здорово досталось, несколько шхун потопили, а несколько получили повреждения. Это было уже настоящее боевое крещение.

Потом мы ходили на выполнение заданий по баражу, на разведку на залив и к финнам.

Однажды мы после боевого задания сидели на аэродроме. Здесь же были и АНТОНЕНКО⁷⁶ и БРИНЬКО⁷⁷. Смотрим, летит Юнкерс на высоте 300–400 метров. Как только сообщили, что летит противник,

они сразу же взлетели и в течение 7 минут сбили Юнкерс, самолет упал на наших глазах.

Однажды нас, меня, КУЛАШОВА⁷⁸ и КУЗНЕЦОВА вызывает майор ПЕТРУХИН и дает задание лететь в Эстонию – немцы уже заняли Перново⁷⁹. Он сказал, чтобы мы взяли с собой боекомплекты. Я взял три боекомплекта. Стал садиться на аэродром и подломал машину. Я здесь голову опус- // (л. 13) тил, ну думаю, не дадут мне теперь воевать, скажут боится воевать и т.д. А потом КУЛАШЕВ – командир звена доложил Петрухину и он сказал, ничего, все будет в порядке, садись на другую машину и летай. Я тогда уже ничего не стал думать – пересел на другую машину и пошел штурмовать. Штурмовали мы станцию Мариам: командующий 8 армией сообщает, что за штурмовку, трем летчикам – спасибо. Объявил нам благодарность, спросил наши фамилии, что были за летчики? Целуйте их. Они все знали наши фамилии и как только прилетают туда наши летчики, сейчас же нам передавались приветы: привет Байсултанову, Кузнецову и Кулашеву, обнимите их от нас.

Затем как-то к нам на аэродром приехал член правительства Эстонии. Приехал и говорит – кто первый собьёт самолёт, мы подарим ему бутылку вина, которому 145 лет. И мы обещали ему первыми сбить самолет. На второй день к нам прилетели 22 самолета противника штурмовать наш аэродром. А мы перед этим как раз взлетели, чтобы идти на задание. Нам передали, что противник налетает на аэродром. Мы начали драться и не дали им штурмовать. Они беспорядочно сбрасывали бомбы. Кузнецов и Кулашов тогда сбили Миссершмдт-110⁸⁰. Мы сообщили об этом члену эстонского правительства и он поздравил нас с победой и вручил нам торжественно эту бутылку вина. Мы сели и всем звеном ее распили.

Затем майор Петрухин дает нам такое задание: на аэродроме в Пернове сидит немецкий разведчик, а также остался наш самолет СБ⁸¹. Нужно сжечь наш самолет, а также уничтожить разведчика. Мы трое полетели и сожгли наш самолет и разведчик.

Штурмовки продолжились примерно до 25 августа. 25 августа в 10–11 часов утра – боевая тревога. Мы взлетели. Тогда был налет на наши корабли в Таллине. Я сбил в этом бою Ю-88⁸². Об этом было сообщено и, как только я прилетел домой, Романенко меня поздравляет. Это был мой первый сбитый самостоятельно самолет. 26 авг[уста]: опять был такой же налет в то же самое время. Я сбил Миссиршмидта-110. Так, что в два дня я сбил два самолёта. За штурмовки и сбитые самолёты я был представлен // (л. 14) к награде.

Мы в это время сидели на мыске возле Таллина, на небольшом [участ]ке, который заливался водой, если ветер дул с моря. Тогда мы не летали.

Таллин в это время горел. Мы ушли из Таллина 27 авг[уста]. Прилетели в Кувли, сели, а там говорят – от нас линия фронта пять км, нужно рассредоточить самолёты и т.д., а мы сказали: «Это у нас была линия фронта в 50 метрах». Неприятель тогда был в Котлах.

Тогда мы начали защищать Ленинград. Мы перебазировались уже в Низино⁸³. Там тоже шла штурмовка. В первую штурмовку я был назначен ведущим шестерки. Лететь должны были на штурм деревни Бегуницы⁸⁴ возле Капорья⁸⁵. Там стояла немецкая пехота. Тогда мне попало в мотор. Я ещё штурмовал, но чувствовал, что попало в мотор и через пять минут у меня мотор начал сдавать. Я выбрал в лесу площадку и сел. Площадка находилась на нейтральной полосе – между ними и нами. Я замаскировал самолет и начал уходить на свою территорию. Добирался я примерно сутки. Прихожу домой к своим, смотрю, они отступают. У меня сердце забилося, когда я это увидел. Все мои пять ведомых вернулись – и штурмовали мы хорошо, много побили и машин, и лошадей, и повозок, и живой силы.

Когда я увидел красноармейцев, я подхожу и спрашиваю: – Вы красные? – Да. – И я тоже красный.

А пистолет я держал на всякий случай в руке, в кармане, чтобы в случае чего не дастся в руки живым. Потом я пришел уже в Петергоф⁸⁶. Мне говорят, что ваша часть в Петергофе на аэродроме сидит. И я туда пришел. А они уже меня в живых не считают, нет, погиб. Когда я пришел, меня так радостно встретили, стали обнимать, целовать. Комиссар принес мне водки – пей, говорит. Я выпил и пошел отдыхать. Доложил о самолете, там был поврежден только винт. На другой день мы поехали на машинах, 20 человек, вооруженные все. Я был назначен командиром группы, чтобы // (л. 15) забрать и привезти самолёт. Но ничего из этого не вышло, так как, когда мы туда приехали, эта территория уже была занята немцами.

Я 4 дня отдыхал, а потом получил другую машину, тоже «И-16», и начал опять воевать.

Вели мы воздушные бои над Петергофом, над Кронштадтом⁸⁷, на бараж. А потом, когда немцы подошли к Петергофу, мы ушли в Ленинград на корпусной аэродром. На этом аэродроме я и Потапов⁸⁸ сбили Ю-88 над Урицком⁸⁹ (Лигово⁹⁰). Наши войска об этом сообщили. Так было до 6 сентября [19]41 г. Мы ходили на разведку, были штурмовки, ходили на бараж. Стояли мы уже в Левашове⁹¹.

В один прекрасный день мне говорят – тебе нужно лететь на Ханко, поведешь звено. Я, конечно, собираюсь. Я тогда уже знал, что меня наградили орденом Красного знамени, мне сообщил член военного совета КБФ, и получил я этот орден уже после вылета. Полетели мы звеном – летел ТАТАРЕНКО⁹² и еще один летчик. Нас там приняли как старых знакомых с «большой земли», стали расспрашивать, что и

как. Я рассказал, что враг у самых ворот Ленинграда, а меня прислали к вам на помощь, воевать здесь вместе с вами. Там был тогда генерал-лейтенант КАБАНОВ⁹³, он приехал на аэродром и попросил рассказать обстановку. Нам он сказал, что может быть придется потерпеть – будет и холодно и голодно. Мы сказали, что понимаем все прекрасно. Начали опять ходить на штурмовки и разведки. Так было до 2 декабря. ТАТАРЕНКО сбил там 2 самолёта. На земле у нас дежурили по два самолёта.

2 декабря по приказанию тов. Сталина Ханко был оставлен. Летели мы в Кронштадт в условиях видимости 100 метров и на высоте 50 метров. Когда командир полка полковник ИЛЬИН⁹⁴ узнал погоду, он сказал: Товарищи, метеорологические условия очень тяжелые для полета – видимость 100 метров, высота 50. Как хотите – или сжечь самолёты и сесть на корабль, или лететь? Но летчики, как один, закричали – полетим. Нас, когда провожали, поцеловали не дали нам ни одного документа, так как была большая вероятность, что мы не долетим, тем более, что и моторы были совсем изношены, кому осталось полчаса, кому – час и горячее было на пределе. А // (л. 16) расстояние было около 40 км. Летели мы вслепую час и 10 минут. [Во] время полета мы никого не потеряли, всего летело 8 самолётов, ведущим летел майор ИЛЬИН. Долетели мы до Кронштадта, лёд и высота до самой воды, кругом туман, а уже была ночь, так как мы летели часов 5–6 вечера. Видимости никакой нет. Принимали нас в прожекторах, присутствовал там сам Трибуц⁹⁵. Один лётчик, как раз тот, с которым мы летели тогда на Ханко, упал в лёд и погиб. Ещё тогда ЦОКОЛАЕВ⁹⁶ сел на вынужденную посадку. У ГОЛУБЕВА⁹⁷ не хватило масла и мотор при посадке остановился. А у меня, только я зарулил, винт остановился сам, заклинило мотор и он сгорел. Трибуц здесь нас благодарил. А через два дня собрали всех гангутцев в Кронштадте и был митинг. Выступал Трибуц, Кабанов. Кабанов сказал, что если мы там оборонялись, то здесь будем наступать. Все защитники острова Ханко были награждены.

На этом первая половина моих боевых действий заканчивается. *Зато подробно о моих полетах смотрите книгу в Управ. ВВС «Счет 56:2»**.

Золотую Звезду и Орден Ленина получил от тов. [М.И.] Калинина. У меня не было слов выразить свои чувства, но я впервые видел тов. Калинина и у меня было такое чувство, что я за него мог бы отдать жизнь.

С 12 ... [19]42 г. я был направлен в центральный госпиталь и 20 июня я пришел в НКО к полковнику Смирнову и говорю, хочу попасть в 4 гвардейский полк. Он говорит: «Сейчас оформим документы

---

* Предложение написано черными чернилами.

и поедете». Одновременно он здесь спрашивает – может быть Вы поедете переучиваться на новой материальной части? Нет, говорю, может быть вы мне предложите поехать чему-нибудь учиться? Я хочу в свой полк. Он подготовил документы и несет их на подпись к тов[арищу] Жаворонкову⁹⁸. Здесь заходит один лейтенант и говорит, что Байсултанову нужно ехать в КУНС⁹⁹. Я пошел к тов. Жаворонкову со слезами – не поеду я учиться, сейчас война, а он вытаскивает книжку «Счет* 56:2», которую я тогда увидел впервые, и говорит, я где-то вашу фамилию встречал, где описывается моя и не только моя, но и боевая работа моих товарищей.

// (л. 17) Начинает он здесь подготавливать почву и говорит, – А все же, браток, надо ехать учиться. А я говорю: – Я думал вы скажите наоборот. Он тогда спрашивает: – Ко мне всё? Я говорю: – Всё. – Ну тогда идите.

Смирнов тут же порвал все бумажки и написал мне командировочную в КУНС и меня отправили в Моздок. Туда я поехал поездом. Это было в июне мес[яце]. Я в Москве попросил разрешение у Смирнова заехать к родным. 26 июня я был дома. Меня там встретили со слезами радости. Я приехал без всякого предупреждения. В Нальчике узнали, что я приехал, приезжали оттуда ко мне. Когда я приехал, подхожу к дому, дверь закрыта, никого нет дома. Я посидел, здесь соседи пришли, смотрят, один пришел, другой, потом вся деревня собралась, спрашивают насчет войны, я тогда имел уже два ордена Красного знамени. Послали за матерью, а мать уже бежит с работы, плачет от радости, чуть в обморок не упала. Отца тогда не было дома, он находился на *выполнении*** особого задания. Я привез много денег. Сразу же купили барана. Председатель колхоза говорит: «Нужно организовать встречу». После работы все собрались, не было ни одного такого человека, который не зашёл бы ко мне. Собрались и молодые девушки, и ребята, была водка, организовали мне встречу. Сообщили и отцу, чтобы он приехал. Пробыл я там три дня. На второй день приехали ко мне из Нальчика, из райсовета Чегемского района, просили, чтобы я им рассказал насчет войны. Я им кое что рассказал, они все записали. Отец приехал перед самым отъездом в Нальчик, он уже догнал меня на лошади верхом. Он тоже со слезами меня обнял. Что ты заслужил, про тебя тут кричат все, мне даже неудобно становится, что у меня такой сын, с тобой и говорить-то страшно, все тебя знают. Когда я уезжал, я им сказал, что в случае приду к вам немцы и кто-нибудь будет немцам помогать, – не считайте тогда меня своим и не ждите никогда меня больше. А узнать об этом я все рано узнаю. Я

---

* Написано от руки черными чернилами.

** Написано от руки черными чернилами.

кровь проливаю за вас и, если вы меня подведете, тогда и мне жизнь испортите и себе. Там оставались // (л. 18) мои отец и мать, сестра, маленький брат и совсем маленькая сестрёнка. Второго брата уже призвали и он вместе с братом отца был в кавалерии в Ростове. От него получали такие письма, где он пишет, что пока не уничтожим немцев, домой не приедем. Получили письмо и от его командования – там пишут, что брат себя проявил очень хорошо, дают о нем прекрасные отзывы. Мой комиссар так же написал им обо мне из Ленинграда, в частности, когда сбили 56 немецких* самолётов.

Как приехал в КУНС начал учиться. Изучали мы там военное дело, новую тактику, проходили теоретический курс. Потом узнали насчет прорыва на Кавказе и школу оттуда убрали. Мы перелетели оттуда на самолета УТИ-4¹⁰⁰ в район Куйбышева, где и продолжали занятия. Там мы выстроили землянки и в них жили. В Куйбышеве я и узнал о присвоении мне звания Героя Советского Союза. Слух о представлении был, но я этому не верил, думал, что нет, мне не дадут. 23 окт[ября] [19]42 г[ода] был указ. Когда я увидел указ, то места себе не находил от радости и всяких переживаний. Читаю газеты и мне не верится. Думаю, неужели же так меня высоко оценили.

Занятия продолжались до конца февраля [19]43 г[ода]. 12 марта я приехал в Москву лечиться и с 20 числа нахожусь здесь в госпитале.

В апреле месяце [19]43 г. я подал заявление о приеме меня в члены партии и был принят. Сначала, после того как мы вместе с Кузнецовым сбили самолёт, я подал заявление и был принят в кандидаты в члены партии. А после трех месяц[ев] – приняли в партию.

№ 3

Стенограмма Военного Совета Краснознаменного Балтийского флота гвардии капитану 4 ГИАП ВВС КБФ А.Ю. Байсултанову, 8 ноября 1942 г.

// (л. 18)

Копия телеграммы

ГВАРДИИ КАПИТАНУ
АЛИМУ ЮСУФОВИЧУ БАЙСУЛТАНОВУ

Всей душой поздравляем вас с вступлением в семью Героев Советского Союза.

Вашей храбростью и умением истреблять поганых фрицев вы прославили летчиков-балтийцев.

---

* Написано от руки черными чернилами.

Уверены, что заслуженная награда вдохновит вас на новые богатырские подвиги. Обнимаем и крепко жмет руку балтийского орла-истребителя.

Военный Совет Краснознамённого Балтийского флота.

8/XI-[19]42 г[ода]. ТРИБУЦ, СМИРНОВ¹⁰¹, ВЕРБИЦКИЙ¹⁰²

Н. Мазунин (Подпись)

20.[0]5.[19]43*

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Комиссия по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Академии наук СССР. Раздел IV. Материалы о Героях Советского Союза. Личное дело Героя Советского Союза А.Ю. Байсултанова. Л. 1–18.

№ 4

Стенограмма беседы с Героем Советского Союза Б.М. Басановым, 18 мая 1946 года

// (л. 1.) СЕКТОР ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

с Героем Советского Союза тов. БАСАНОВЫМ
Батором Манджиевичем

Вела и записывала
беседу ЛОГИНОВА В.Л.

г[ород] Москва
18.[0]5.[19]46 г.

Гв[ардии] ст[арший] сержант. Пом[ощник] ком[андира] 2 взвода
6 роты 2-го батальона 93 гв[ардейского]
Краснознаменного Ельнинского стрелкового полка
29 гв[ардейский] краснознаменной Ельнинской дивизии 10 армии.
2-й Прибалтийский фронт.
Калмык. Член ВКП(б) с 1943 г[ода].

---

* Дата поставлена черными чернилами.

1911 г[ода] р[ождения] член ВЛКСМ с 1927–[19]39 г[одов].

Общее образ[ование] – 6 классов.

Военное образ[ование] – школа сержантского состава [в] г[ороде] Торопец. В К[расной] А[рмии] с 1941 г[ода].

До армии – председатель сельсовета.

Награды: Медаль «За боевые заслуги», медаль «За победу над Германией».

Звание Героя Сов[етского] Союза за бои под г[ородом] Опочка¹⁰³ в июле 1944 г[ода]. Указ 8 апреля 1945 г[ода].

Родился в 1911 г[оду] в селе Тебектнер Ворошиловского района Сталинградской области в семье крестьянина. Отец занимался с[ельским] х[озяйством], мать была домохозяйкой. Отец умер в 1921 г[оду] осталось нас трое: мать, брат и я.

До 1927 г[ода] я жил вместе с матерью: летом работал пастухом, зимой учился в начальной сельской школе.

В 1927 г[оду] я поступил в реорганизуемую группу, членам которой государство давало кредит, мы на него покупали с[ельско]-х[озяйственные] машины и коллективно обрабатывали землю.

В 1930 г[оду] вся группа перешла в колхоз и я вместе с ней. Работал рядовым колхозником до 1935 года, в это же время был секретарем комсомольской ячейки. В 1935 г[оду] меня послали на годичные курсы председателей сельсоветов. Курсы окончил досрочно, вернулся в колхоз 18 июня 1936 г[ода]. Меня выбрали председателем Тебектнерского сельсовета Ворошиловского района Сталинградской обл[асти]. Работал председателем до призыва в армию – августа 1941 г[ода]. В августе меня призвали и направили в Сталинград. Из Сталинградского горвоенкомата попал в Сталинградский истребительный батальон (номера не помню). С этим батальоном отступал от Днепра на восток.

В феврале 1942 г[ода] я попал в 49 Зап[адный] стрелковый полк, который находился в гор[оде] Камышин.

Из запасного полка в ноябре 1942 г[ода] был направлен в Бершедские¹⁰⁴ лагеря* Молотовской обл[асти]¹⁰⁵ в 3 Отдельный лыжный батальон 20 Отдельной лыжной бригады. Бригада стояла в ла- // (л. 2) герях на формировке. 23 января 1943 г[ода] нас направили на фронт под Старую Руссу¹⁰⁶. Попали мы в 1-ю ударную армию. 18 марта 1943 г[ода] мы приняли первые бои под Старой Руссой. В первом же бою я был тяжело ранен в голову. В госпитале пролежал 2 месяца. В мае 1943 г[ода] я был направлен в 7 гв[ардейскую] С[трелковую] Д[ивизию], в 20 гв[ардейский] с[трелковый] п[олк], который занимал** оборону под Старой Руссой.

---

* Вписано чернилами -я.

** Вписано чернилами -нимал.

В* ноябре я по болезни попал в госпиталь, а из госпиталя был направлен в феврале 1944 г[ода] в школу сержантского состава в г[ороде] Торопец.

Полтора месяца проучился, досрочно нас выпустили и отправили на фронт. Попал я в 93 гв[ардейский] краснознам[енный] Елинский с[трелковый] п[олк] 29 гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии]¹⁰⁷. Прибыл в полк в апреле 1944 г[ода], когда он вел бои за Пушкинские горы Ленинградской области. Бились мы за них долго, взять не смогли. В полку осталось мало народу и нас отвели на формирование. 10 июля 1944 г[ода] нам сообщили, что мы будем наступать.

11 июля 1944 г[ода] 30 С[трелковая] Д[ивизия] прорвала оборону немцев, а мы вошли в прорыв и начали действовать в тылу у противника. Наша дивизия стала к этому времени механизированной. За месяц до наступления нас стали тренировать, как надо действовать с машин. После выхода в тыл противника** мы быстро придвинулись на запад километров на 20. У дер[евни] Духновка¹⁰⁸ восточнее Опочки и г[орода] Идрица¹⁰⁹ наш 2 батальон получил задание разбить штаб немецкой армии, находящийся¹¹⁰ в д[еревне] Духновка.

После получения задания командир полка майор Фролов¹¹¹ собрал всех офицеров и велел довести задание до всех бойцов. Я был парторгом роты. Командир батальона майор Третьяк¹¹² вызвал всех командиров взводов, рот и парторгов и объяснил нам задачу. А мы довели ее до всех бойцов. Все бойцы довооружились, каждый брал столько боеприпасов, сколько он мог захватить. Все мы были вооружены автоматами. Я взял с собой 4 диска и 8 гранат.

После обеда, часа в 3, мы пошли цепью в наступление. Немец открыл огонь. То тут, то там падают бойцы. Продвигаться приходилось через лес. Идешь вперед, как друной¹¹³, соседа не видишь, да и не смотришь как идешь, идешь только придерживаясь своего направления. Кругом взрывы, шум, земля вздымается, ветки падают. Впереди, как костер, горит деревня Духновка. Неожиданно я выскочил на опушку леса. Передо мной на поляне метрах в 20 стоял небольшой открытый вездеход. Около вездехода стоял шофер и пытался его завести. Очередью из автомата я убил шофера. Из вездехода выскочил толстый немец в чине подполковника, держа в одной руке чемодан, в другой наган. Он не заметил, откуда я выстрелил, да меня и трудно было сразу заметить, я стоял в кустах, а он был на открытом месте. Немец бросился бежать в мою сторону. Я подпустил его ближе и очередью из автомата уложил его.

---

* Вписано чернилами.

** Вписано чернилами -а.

Взяв его чемодан и наган, я быстро отбежал и лег в канавке. Открыв чемодан я обнаружил там печати, штампы, бланки, планы и проч[ее]. Я понял, что это документы штаба и что их необходимо доставить командованию. Закрыв чемодан, я уже хотел с ними пойти навстречу [к] нашим, как из-за поворота дороги показалось 6 грузовиков, набитых всяким штабным имуществом. Я лежал в канавке у самого мостика, через который должны были проехать машины. До машин было рукой подать. Если тикать, немцы увидят и убьют, остаться у мостика – тоже увидят.

// (л. 3) Так и так – помирать надо. Решил, что пусть умру, но несколько немцев уложу. Приготовил все 8 гранат, диски и решил ждать. Когда первые машины подъехали метров на 20, я бросил гранату прямо в шофера, потом во вторую машину, потом в третью и четвертую. Машины ехали быстро и сразу скучились, поэтому гранаты очень удачно рвались. Последние две машины развернулись, отъехали и встали, а немцы из них выбежали. Немцы с машин спешили, залегли и открыли по мне огонь из автоматов и ручного пулемета.

Я отбивался из автомата. Немцы подошли ко мне настолько близко, что стали бросать в меня гранатами. А гранаты у них шипят, когда падают. Я их хватал и бросал в немцев обратно. У меня уже остался один диск, а наши все не появляются. Патроны на исходе и вдруг мощное «ура!». Наша рота пошла в атаку, окружив машины немцев и меня. Я от радости вскочил и тоже бросился на немцев. Неожиданно меня что-то ударило, как камнем в живот. Оказывается один из немцев лежал за колесом машины и следил за мной. Когда я поднялся он в меня бросил гранату. Сгоряча я ничего не понял, не понял, что меня ранило в живот. Я вскочил, а потом упал. Потом стал себя ощупывать. Ноги целы, руки целы. Только привстал, как меня ранило в правую руку разрывной пулей и рука упала. Лежа я стал искать ранение, приподнял рубашку и почувствовал, что кругом кровь, что весь живот распорот и кишки выпали наружу. Я их рукой стал придерживать. В это время ко мне подбежал командир роты ст[арший] лейтенант Кудревич¹¹⁴.

– Ну как, Басанов, ранен? Тяжело?

– Да нет, ничего.

Он стал искать бинты, но не нашел. Оторвал полу от своей рубашки и кое-как меня обвязал. В это время бойцы подвели ко мне раненого немца, который в меня бросил гранату. Я приподнялся на локоть и из нагана несколькими выстрелами прикончил его.

Командир роты дал мне в помощь ст[аршего] сержанта и велел идти¹¹⁵ в санчасть, а чемодан* под охраной наших бойцов приказал дос-

---

* Вписано чернилами -д-.

тавить в штаб полка. Когда мы вышли на дорогу, подъехал командир полка, его помощники и комбат Третьяк¹¹⁶. Командир полка, увидев меня, сказал:

– Ну, Басанов, езжай в госпиталь, а твой труд не пропадет даром.

Он уже получил чемодан и сообщение от командира роты, о том, что я захватил этот чемодан, сохранил его и, отражая атаки немцев, убил 23 немецких солдата плюс подполковника штаба и шофера.

А сколько было раненых – никто не считал. Да и до этого на моем личном счету имелось до 50 убитых немцев. Меня положили на тачанку и отправили в санчасть. В санчасти мне сделали операцию. Оттуда на самолете меня доставили в госпиталь в г[ород] Осташек¹¹⁷, а из Осташека в г[ород] Горький¹¹⁸.

В госпиталях я пробыл до 22 августа 1944 г[ода]. Из госпиталя меня направили в войска НКВД в 92 с[трелковый] п[олк], который тогда формировался в г[ороде] Дзержинске¹¹⁹ Горьковской области¹²⁰. Из Дзержинска нас направили в Западную Украину на борьбу с бандитизмом. В этом полку я убил 8 бандитов и был представлен к ордену Красной звезды. Потом 29 полк был реформирован // (л. 3 об.) в 73 полк 24 дивизии войск МВД по охране железных дорог Белоруссии. В настоящее время нахожусь в этом полку. Работаю старшиной и начальником резерва гарнизона 2-го батальона.

Домашний адрес: Алтайский край. Павловский р-н,
Павловский зерносовхоз, отделение № 1.

Басанова Харти Ермоленвна¹²¹ (мать).

Басанова Баян Оросовна (жена).

Басанов Василий Баторович (сын 7 лет).

БССР, г[ород] Гомель.

В[оинская] ч[асть] 5208. Басанов Б.М.

7.08.[19]46 г[ода]*

Логинова (Подпись)

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Комиссия по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Академии наук СССР. Раздел IV. Материалы о Героях Советского Союза. Личное дело Героя Советского Союза Б.М. Басанова. Л. 1–3 об.

---

* Дата написана синими чернилами.

-
- ¹ Так в тексте. Правильно: Абдурамановым.
- ² Так в тексте. Должно быть: Новгород-Северского.
- ³ Так в тексте. Должно быть: в Таврической губернии.
- ⁴ Так в тексте. Должно быть: Джага-Мамыш (крымско-тат. Саҫа Мамыш, Джаҫа Мамыш), современное – село Сухоречье в Симферопольском районе Республики Крым.
- ⁵ Так в тексте. Должно быть: Биюк-Онларский район.
- ⁶ Отец Узеира Абдураманова – Абдураман Хальветиев был родом из селения Татарбарын Джанкойского уезда Таврической губернии, участвовал в различных войнах, был награжден. По возвращении на родину он получил земельный надел в селении Кашик-Дегирмен (крымско-тат. Qaşıq Degirmen, Къашыкъ Дегирмен; в 1923 г. селение переименовано в Новоандреевку), под Симферополем. См.: *Велиев А.* Герои бессмертны: Крымские татары во Второй мировой войне. Т. I / Пер. с крымско-татарского Э. Велиевой. Симферополь: Крымучпедгиз, 2009.
- ⁷ В 1915 г. Абдураман Хальветиев женился на представительнице мурзацкого рода Сафие и вскоре молодая семья переехала в селение Джага-Мамыш. Вскоре у них родились дети: Узеир (1916), Лукман (1918), Зылха (1920), Васфие (1923), Эдие (1929), Шази (1934), Зубеир (1937). См.: *Усеинова Г.* Узеир Абдураманов – Герой, славный сын крымско-татарского народа // *Голос Крыма*. 2016. 8 марта (№ 14 (54)).
- ⁸ Идентифицировать не удалось.
- ⁹ Симферополь (укр. Сімферополь, крымско-тат. Акъмесджит, Aqmescit) – город в центре Крымского полуострова, на реке Салгир.
- ¹⁰ Джанкойский район (укр. Джанкойський район, крымско-тат. Sanköy gauım, Джанкой районы) – район в составе Республики Крым.
- ¹¹ ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества, низший (основной) тип профессионально-технической школы в СССР с 1920 по 1940 год.
- ¹² Кировоград (укр. Кіровоград) – современный Кропивницкий, город в центре Украины.
- ¹³ НП – наблюдательный пункт.
- ¹⁴ Орджоникидзеград – железнодорожная станция в Бежицком районе Брянска.
- ¹⁵ Ефремов – железнодорожная станция на линии Ожерелье – Елец. Расположена в городе Ефремов Тульской области.
- ¹⁶ Лунино – посёлок, административный центр Лунинского района Пензенской области России.
- ¹⁷ Сура (чуваш. Сăр, горномар. Шур, эрз. Сура лей) — большая река, правый приток Волги. Протекает по Ульяновской, Пензенской и Нижегородской областям, Мордовии, Марий Эл и Чувашии.
- ¹⁸ Прохоровка – посёлок, административный центр Прохоровского района Белгородской области России.
- ¹⁹ ДЗОТ – деревоземляная огневая точка – полевое оборонительное фортификационное сооружение, построенное из бревен, досок и земляной присыпки и вооруженное, как правило, пулеметами.
- ²⁰ Ленинск – город, административный центр Ленинского района Волгоградской области России.

- ²¹ Сталинградская область – ныне Волгоградская область России.
- ²² Чернянка – железнодорожная станция, расположенная в городе Чернянка, Белгородская область России.
- ²³ Себряково – железнодорожная станция Волгоградского региона Приволжской железной дороги, расположена в городе Михайловка Волгоградской области, Россия.
- ²⁴ Куйбышев – название города Самара в период с 1935 по 1991 год.
- ²⁵ Сталинград – название города Волгоград в период с 1925 по 1961 год.
- ²⁶ Камышин – город, административный центр Камышинского района Волгоградской области России.
- ²⁷ Клетская – железнодорожная станция, расположенная в станице Клетской Волгоградской области России.
- ²⁸ Идентифицировать не удалось.
- ²⁹ Михайловка – слобода в Железногорском районе Курской области России.
- ³⁰ Идентифицировать не удалось.
- ³¹ Севск – город, административный центр Севского района Брянской области России.
- ³² Сев – река в Курской и Брянской областях России.
- ³³ Десна (укр. Десна) – большая река, протекающая в Европейской части России и по территории Украины, левый приток Днепра.
- ³⁴ Новгород-Северский (укр. Новгород-Сіверський) – город, административный центр Новгород-Северского района Черниговской области Украины.
- ³⁵ Шосткинский район (укр. Шосткинський район) – административно-территориальное образование в Сумской области Украины.
- ³⁶ Сумская область (укр. Сумська область) – область на северо-востоке Украины.
- ³⁷ Шостка – город, административный центр Шосткинского района Сумской области Украины.
- ³⁸ Снов (укр. Снов) – река в Брянской области России и Черниговской области Украины, правый приток Десны.
- ³⁹ Река Сож – левый приток Днепра. Протекает по территории России, Белоруссии и частично по границе с Украиной.
- ⁴⁰ *Эренбург Илья Григорьевич* (1891–1961), русский писатель, поэт, публицист, журналист, переводчик с французского и испанского языков, общественный деятель, фотограф. В 1921–1940 гг. находился в эмиграции, с 1940 г. вернулся в СССР. В годы Второй мировой войны печатался в газетах «Красная звезда», «Правда», «Известия» (первая публикация после перерыва – 26 июня 1941 г.), «Труд» и других, а также для Совинформбюро и фронтовой печати. Военная публицистика Эренбурга приобрела всенародную и мировую известность. Его острые, разоблачительные статьи вызвали к совести народов, укрепляли мужество, ненависть к врагу, веру в победу.
- ⁴¹ Должно быть: командование.
- ⁴² Лоев (белор. Лоеў) – посёлок, административный центр Лоевского района Гомельской области Белоруссии.
- ⁴³ Так в тексте. Должно быть: идти.
- ⁴⁴ Так в тексте. Должно быть: поскольку.
- ⁴⁵ Так в тексте. Должно быть: подытоживаешь.

- ⁴⁶ ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 годы.
- ⁴⁷ Очевидно имеется в виду статья И.Г. Эренбурга «Чернорабочие победы», опубликованная 28 октября 1943 года. См.: *Эренбург И.Г.* Война. 1941–1945. М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004.
- ⁴⁸ *Сачков Вячеслав Константинович*, красноармеец, сапер 234 инженерно-саперного Новгород-Северского Краснознаменного батальона. Родился в 1922 г. в городе Астрахань. Призван 20.05.1941 года. Волжским РВК, Саратовской области, города Саратова, Волжского р-на. Награды: орден Отечественной войны II степени, орден Красной звезды; медаль «За боевые заслуги», медаль «За отвагу», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
- ⁴⁹ Речь идет об *Калмыкове Бетале Эдыковиче* (1893–1940), партийном и государственном деятеле Кабардино-Балкарии советского периода, жестко проводивший линию партии, участвуя в карательных экспедициях и особых тройках НКВД, и сам ставший жертвой сталинских репрессий.
- ⁵⁰ Б.Э. Калмыков был арестован 12 ноября 1938 г. по обвинению в создании в 1927 г. контрреволюционной организации в Кабардино-Балкарии и в подготовке терактов. 26 февраля 1940 года приговорен к смертной казни. 27 февраля приговор приведен в исполнение – расстрелян. Реабилитирован в 1954 г.
- ⁵¹ Дорбун (карач.-балкар.) – пещера.
- ⁵² Башлык – мужской головной убор (преимущественно у народов Кавказа), представляет из себя шерстяной капюшон с длинными концами-лопастями для обматывания вокруг шеи.
- ⁵³ Ленинский учебный городок (ЛУГ). Открыт 18 февраля 1924 г. Готовил национальные кадры специалистов для партийных, советских органов, учреждений и организаций области. В его составе имелись: школа-коммуна, совпартшкола, кооперативный техникум, педтехникум, медицинский техникум, школа ликвидации неграмотности, пионердом, ремесленно-кустарный техникум (позже – профессионально-техническая школа). В 1931 г. реорганизован в Ленинский партийный учебный городок. Ликвидирован в 1936 г.
- ⁵⁴ *Депуев Хаким Сафарович* (1912–1981), красноармеец, танкист. Первым в истории балкарского народа получил воинское звание генерал-майора бронетанковых войск.
- ⁵⁵ У-2 или По-2 – советский многоцелевой биплан, созданный под руководством Н.Н. Поликарпова в 1927 г. Один из самых массовых самолётов периода Второй мировой войны.
- ⁵⁶ Военно-морское авиационное училище им. И.В. Сталина в городе Ейске, Краснодарского края – старейшее в России учебное заведение морской авиации. Преобразовано из созданной в 1936 г. Военной школы лётчиков морской и сухопутной авиации им. И.В. Сталина.
- ⁵⁷ Р-5 – советский многоцелевой одномоторный самолёт 1930-х годов, созданный в ОКБ Поликарпова в 1928 г. Один из самых массовых самолётов-бипланов 1930-х годов в СССР.
- ⁵⁸ *Кондратьев Пётр Васильевич* (1909–1943), красноармеец, полковник, военный лётчик, Герой Советского Союза (1940). В РККА с

декабря 1929 г. Окончил Ленинградскую военно-теоретическую школу лётчиков (1933), Ейскую военно-морскую школу лётчиков. Участник советско-финляндской войны (1939–1940 гг.), во время которой помощник командира авиаполка капитан П.В. Кондратьев сделал 66 боевых вылетов, потопил вражеское судно с боеприпасами, сжёг на аэродроме 7 самолётов, уничтожил 2 паровоза, 7 автомашин. Звание Героя Советского Союза присвоено 21 апреля 1940 г. Член ВКП(б) с 1939 г. В Великой Отечественной войне (1941–1945) участвовал в обороне Ленинграда, истребительный авиаполк под его командованием за 5 месяцев провёл 389 воздушных боёв, уничтожил 105 вражеских самолётов, 55 танков. Приказом по КБФ №: 113/п командир 5-го авиаполка 61-й авиабригады КБФ майор Кондратьев награжден орденом Красного Знамени за то, что в период с 22 июня по 1 октября 1941 г. полком было сделано 4500 вылетов, сбито 75 самолетов противника, уничтожено 54 танка и до 1000 солдат и офицеров противника. Приказом по КБФ №: 32 от 25.03.1943 года гвардии полковник Кондратьев награжден орденом Красного Знамени за успешное руководство частями дивизии и содействие по успешному разгрому фашистов южнее Ладожского озера при прорыве блокады Ленинграда. Командир 61-й авиабригады КБФ гвардии полковник Кондратьев погиб 1 июня 1943 г. в бою над Финским заливом.

⁵⁹ Очевидно, речь идет о *Ковардак Прасковье Ивановне* (1913–2000) – Герое Социалистического Труда, трактористке совхоза имени В.И. Ленина Ленинского района Московской области, одной из зачинателей стахановского движения в сельском хозяйстве. 12 декабря 1937 г. П.И. Ковардак избиралась от Ейского избирательного округа, на территории которого в то время обучался А.Ю. Байсултанов, в Верховный Совет СССР. См.: Ковардак Прасковья Ивановна, трактористка-орденоносец, сейчас слушатель сельхоз-академии им. Тимирязева, зарегистрирована кандидатом в депутаты Совета Союза по Ейскому избирательному округу. Краснодар: [б. и.], 1937; список депутатов, избранных в Верховный Совет Союза ССР // Восточно-Сибирская правда. 1937. 16 дек. (№ 291).

⁶⁰ Идентифицировать не удалось.

⁶¹ *Андреев Александр Харитонович* (1903–1970), советский военачальник, генерал-лейтенант. С июля 1938 г. – начальник Военно-морского авиационного училища им. И.В. Сталина, в городе Ейск. С 4 июня 1940 г. – генерал-майор авиации. С мая 1942 г. – заместитель командующего ВВС ВМФ, с декабря того же года – командующий ВВС Северного флота. С 22 января 1944 г. – генерал-лейтенант авиации. Под его руководством с 17 июня по 4 июля 1944 нанесены четыре мощных удара (100–130 самолетами в каждом) по порту Киркенес, который был основным разгрузочным пунктом прибывавших из Германии военных грузов и портом погрузки руды, вывозимой в Германию; осенью 1944 умело руководил боевыми действиями ВВС в Петсамо-Киркенесской операции

⁶² И-16 (ЦКБ-12) «истребитель шестнадцатый» (прозвище: ишак) – советский одномоторный истребитель-моноплан 1930-х годов, созданный в Опытном конструкторском бюро Н. Поликарпова. Один из первых в мире серийных истребителей-монопланов с убирающимся в полёте шасси. Самолёт имел

преимущественно деревянную конструкцию и фанерную обшивку. Выпускался в СССР и был основным истребителем ВВС РККА вплоть до начала 1942 г.

⁶³ Котлы (водск. Kattila, ижор. Kettele, фин. Kattila) – деревня в Котельском сельском поселении Кингисеппского района Ленинградской области.

⁶⁴ *Романенко Иван Георгиевич* (1908–1994) – красноармеец, военный летчик, генерал-лейтенант Советской Армии, Герой Советского Союза (1940). В РККА с 1930 г. В 1933 г. он окончил Одесскую военную авиационную школу лётчиков, в 1934 г. – Качинскую военную авиационную школу лётчиков. В 1938 г. награжден орденом Красной Звезды за успехи в учебно-боевой подготовке. Участвовал в боях советско-финляндской войны, будучи командиром 13-го истребительного авиаполка 61-й истребительной авиабригады ВВС Балтийского флота. 25 декабря 1939 г. в воздушном бою самолёт Романенко был подбит и получил серьёзные повреждения, однако лётчику удалось довести его до своего аэродрома. За время войны он совершил около 20 боевых вылетов, лично сбил финский самолёт и уничтожил 5 огневых точек противника. В 1940 г. награжден орденом Ленина. Участвовал в боях Великой Отечественной и советско-японской войнах. На фронте с 22.06.1941 г. по 14.02.1942 г. Указом Президиума ВС СССР от 03.11.1944 г. командир 39-го авиаполка ВВС ТОФ полковник Романенко награжден медалью «За боевые заслуги» за 14 лет выслуги в ВС СССР. Приказом по КБФ № 103 от 31.05.1945 г. бывший командир 61-й истребительной авиационной бригады КБФ полковник Романенко награжден орденом Красного Знамени за умелое руководство 13 иап с 22.06.1941 по 1.09.1941 г. и руководство 61-й ист. авиабригадой до 1.03.1942 года и совершение в этот период 56 самолетовылетов. В 1944 году награжден медалью «За оборону Ленинграда». Приказом ТОФ № 526 от 21.09.1945 г. командир 7-й истребительной авиационной дивизии ТОФ полковник Романенко награжден орденом Красного Знамени за организацию руководства боевыми действиями частей авиадивизии, прикрытие Главной базы флота и прикрытие конвоев Владивосток–Юки–Расин–Сэйсин. Указом Президиума ВС СССР от 10.11.1945 г. командир 7-й истребительной авиационной дивизии ТОФ полковник Романенко награжден орденом Красной Звезды за умелое руководство летными частями авиадивизии. После их окончания продолжал службу в Советской Армии. В 1950 г. Романенко окончил Военную академию Генерального штаба. В ноябре 1970 г. в звании генерал-лейтенанта он был уволен в запас. В 1985 г. был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

⁶⁵ *Лучихин Александр Яковлевич* (1911–1963) – красноармеец, военный летчик, майор. В 1932–1933 гг. – курсант Военной школы морских летчиков в городе Ейске. С декабря 1933 г. по январь 1936 г. – пилот, старший летчик войсковой части № 2040 (город Н-Петергоф). В январе–декабре 1936 г. – слушатель 2-й Краснознаменной школы командиров звеньев (город Борисоглебск). С декабря 1936 г. по январь 1940 г. – командир звена, командир эскадрильи в частях ВВС РККА (станция Котлы Ленинградской области). В январе–июле 1940 г. – командир эскадрильи в частях ВВС Балтийского флота. С июля 1940 г. по май 1942 г. – командир

13-й отдельной Краснознаменной истребительной авиационной эскадрильи ВВС Балтийского флота.

⁶⁶ Имеется в виду Зимняя война между Финляндией и Советским Союзом 1939–1940 гг.

⁶⁷ *Душин Алексей Захарович* (1907–1976) – красноармеец, военный летчик, генерал-майор авиации. С сентября 1929 г. в рядах Красной Армии. С июля 1929 г. А.З. Душин проходил службу в артиллерийском полку 30-й стрелковой дивизии, был красноармейцем, курсантом полковой школы. В мае 1930 г. направлен на учёбу в 7-ю военную школу лётчиков в город Сталинград, по окончании которой с декабря 1932 г. остался в этой школе в должности инструктора-лётчика. С декабря 1933 г. А.З. Душин был командиром авиазвена, а с июля 1934 г. – начальником парашютно-десантной службы 32-й отдельной истребительной авиаэскадрильи, которая была переведена в Приморский край для усиления ВВС Тихоокеанского Флота. С ноября 1939 г. был командиром 5-го истребительного авиационного полка ВВС КБФ, в этой должности участвовал в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. В июне 1941 г. за большую аварийность в полку снят с должности и переведен на должность заместителя командира 9-го истребительного авиационного полка ВВС Черноморского флота. Полк в составе ВВС ЧФ прикрывал города Николаев и Очаков от налётов авиации противника. В августе 1941 г. временно исполнял обязанности командира авиационной группы, руководил прикрытием морских коммуникаций Севастополя, Одессы. В дальнейшем А.З. Душин участвовал в нанесении ударов по авиации противника на аэродромах в Крыму. С мая 1942 г. А.З. Душин был командиром 62-й авиационной бригады, с июля 1943 г., уже в звании подполковника, 4-го истребительного авиационного полка. В октябре 1943 г. полковник А.З. Душин назначен на впервые учреждённую тогда должность заместителя командующего ВВС Краснознамённого Черноморского Флота по противовоздушной обороне. Он организовывал ПВО военно-морских баз флота, борьбу с разведывательной и бомбардировочной авиацией противника, взаимодействие всех средств ПВО. С октября 1944 г. – слушатель КУОС по ВВС и ПВО при Военно-Морской академии им. К.Е. Ворошилова, по окончании которых в апреле 1945 г. был назначен командиром 21-го корпуса ПВО ТОФ. Участвовал в советско-японской войне 1945 г. После войны А.З. Душин продолжал командовать этим же корпусом ПВО. С июня 1947 года – начальник ПВО Черноморского флота. С декабря 1948 г. учился на авиационном факультете Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова, по окончании которой в декабре 1950 г. был назначен заместителем начальника Управления ПВО ВМС по истребительной авиации. С апреля 1953 г. – помощник начальника ПВО ВМС по истребительной авиации. С декабря 1953 г. – командующий ПВО, он же заместитель командующего 4-м военно-морским флотом. С августа 1955 г. генерал-майор авиации А.З. Душин – в запасе.

⁶⁸ Ханко (фин. Nanko, швед. Hangö, ранее по-русски Гангут) – самый южный город Финляндии. Расположен на южной оконечности полуострова Ханко и с трёх сторон окружён морем.

⁶⁹ Кёрстово – деревня в Кингисеппском районе Ленинградской области.

⁷⁰ *Кузнецов Анатолий Иванович* (1914–1943) – красноармеец, военный летчик, штурман 4-го гвардейского истребительного авиационного полка 61-й истребительной авиационной бригады ВВС КБФ, гвардии капитан, Герой Советского Союза (1943). В военно-морском флоте с 1936 г. В 1938 г. окончил Ейское военно-морское авиационное училище имени товарища Сталина. В ноябре 1938 г. был направлен в Военно-Воздушные силы Краснознаменного Балтийского флота. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 гг. 21 апреля 1940 г. за мужество и героизм, проявленные в боях белофиннами был награжден орденом Красного Знамени. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Участник обороны полуострова Ханко, обороны Таллина. В октябре 1941 г. получил контузию при аварийной посадке подбитого самолета. Проходил лечение в Военно-морском госпитале. Штурман 4-го гвардейского истребительного авиационного полка (61-я истребительная авиационная бригада, ВВС Балтийского флота) гвардии капитан Анатолий Кузнецов совершил 270 боевых вылетов, участвовал в 60 воздушных боях и в 57 штурмовых ударах, сбил 8 самолётов в воздухе, один уничтожил на земле. 19 января 1943 г., при выполнении задания по корректировке огня артиллерии, погиб в результате прямого попадания снаряда зенитной артиллерии противника. Его самолёт И-16 упал восточнее деревни Мустолово (ныне не существует, район массива Ново-Анненский-Медное Кировского района Ленинградской области), на левом берегу речки Мойка. Награждён орденом Ленина (22.02.1943 г., посмертно), 3 орденами Красного Знамени.

⁷¹ КБФ (Краснознаменный Балтийский флот) – оперативно-стратегическое объединение ВМФ в вооружённых силах СССР в период Второй мировой войны.

⁷² *Петрухин Николай Трофимович* (1907–1988), красноармеец, летчик-истребитель, генерал-лейтенант авиации. В РККА с 1930 г. Окончил 7-ю Сталинградскую военную школу лётчиков в 1933 году, затем полугодовые курсы командиров звеньев. В звании лейтенанта командовал звеном в 118-й истребительной авиационной эскадрильи Московского военного округа. С октября 1936 г. по 3 июня 1937 г. участвовал в Гражданской войне в Испании. За боевые действия в небе Испании, Н.Г. Петрухин был награждён двумя орденами Красного Знамени (2.01.1937 и 4.07.1937). В середине 1939 г. ему было присвоено звание полковника, а ещё чуть позже – звание комбрига. В должности заместителя командующего ВВС Балтийского флота и одновременно командира специальной авиабригады, участвовал в советско-финляндской войне. Награждён орденами: Ленина (21.04.1940), Красной Звезды (7.02.1940). 4 июня 1940 г. ему было присвоено звание генерал-майора авиации. В том же году был назначен командиром 10-й смешанной авиационной бригадой, части которой размещались в районе Таллина и полуострова Ханко. Участвовал в Великой Отечественной войне с июня 1941 г. Некоторое время продолжал командовать своей 10-й САБ, которая успешно выполняла боевые задачи на Балтике и отражала воздушные налеты на Ленинград. С февраля по июнь 1942 г. командовал 61-й САБ КБФ, с июля 1942 г. был командиром Особой авиагруппы РКК. Дважды, сначала с июля по сентябрь 1943, а потом с июня по декабрь 1944 г. был командиром 6-й

ИАД Северного флота, обеспечивающей защиту морских коммуникаций и проводку конвоев, следовавших из Англии в северные порты СССР. За отличия в боях руководимая Н.Т. Петрухиным дивизия получила почётные наименования «Печенгская» и «Киркенесская» и была награждена орденом Нахимова 2-й степени. В декабре 1944 г. был назначен начальником ПВО Северного флота, в этой должности встретил Победу. За боевые отличия награждён орденом Красного Знамени (23.10.1942), медалями «За боевые заслуги» (3.11.1944), «За оборону Советского Заполярья» (5.12.1944), «За победу над Германией» (9.05.1945). После окончания войны продолжал служить на высоких командных постах. По декабрь 1947 г. был начальником ПВО Северного флота. После окончания в декабре 1949 г. Высшей военной академии и до июня 1958 г. – командующим ПВО Тихоокеанского флота, заместитель командующего Дальневосточной армией ПВО. С июля 1958 г. генерал-лейтенант Н.Т. Петрухин – командующий Северной армией ПВО, заместитель командующего войсками Северного военного округа. В декабре 1961 г. Н.Т. Петрухин был назначен заместителем начальника Военной командной академии ПВО, а в мае 1965 г. – помощником представителя Главного командования Объединённых Вооружённых Сил в Болгарской Народной армии. В августе 1968 г. вышел в отставку в звании генерал-лейтенанта авиации.

⁷³ Баражировать – (от фр. *barrage* – заграждение), для самолетов-истребителей – патрулирование по определённом маршруту, охранение от авиации противника военных или других важных объектов.

⁷⁴ Або (швед. *Åbo*), современное Турку (фин. *Turku*) – город и порт, расположенный на юго-западе Финляндии у впадения реки Аурайоки в Архипелаговое море. Административный центр провинции Варсинайс-Суоми.

⁷⁵ Очевидно речь идет о Б.В. Якушеве. *Якушев Борис Васильевич* (1916–1992), красноармеец, военный летчик, В 1935–1938 гг. – курсант авиационного училища морских летчиков в городе Ейске. По окончании училища Б.В. Якушев был направлен в ВВС Краснознаменного Балтийского флота под Ленинград, в Петергоф. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 гг. С июня 1941 г. – Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С 16.09.1940 г. старший летчик, с 19.06.1941 г. пилот 2-й авиаэскадрильи 71-го иап. Осенью 1941 г. в 12-й коаэ. С 04.03.1942 г. летчик-инструктор, старший лейтенант (1942), с 09.06.1942 г. пилот, командир звена 71-го иап. С 13.01.1943 г. в 11-м иап: командир авиаэскадрильи, капитан. Затем 11-й полк истребителей, располагавшийся на аэродроме Выстов, прикрывал порт Кабона. С 03.11.1943 г. заместитель командира 71-го иап. С 22.06.1944 г. в 3-м гвардейском иап: командир звена, с 26.11.1944 г. заместитель командира авиаэскадрильи. Награжден орденами Красного Знамени (1940, 1941, 1944, 1945), медалью «За боевые заслуги» (1945). После войны продолжил службу в ВВС ВМФ, майор (1949). Военный летчик 2 класса (1950). После окончания ВОЛТК с 1952 г. офицер по наведению ПУиН. В 1955 г. вышел в отставку. С 1959 по 1965 год – начальник Зарайской пожарной команды.

⁷⁶ *Антоненко Алексей Касьянович* (1911–1941), красноармеец, летчик-истребитель, капитан, Герой Советского Союза (1940).

- ⁷⁷ *Бринько Пётр Антонович* (1915–1941), красноармеец, летчик-истребитель, капитан, Герой Советского Союза (1941).
- ⁷⁸ *Кулашов Василий Кузьмич* (1918–1941), красноармеец, летчик-истребитель, лейтенант. В РККА с 16.12.1937 г. Окончил Ейское военноморское авиационное училище, лейтенант (22.11.38). С 17.02.1939 г. младший летчик 2-й аз 13-го иап, командир звена 2-й авиаэскадрильи, с 31.01.1940 г. командир звена 1-й авиаэскадрильи. Участник советско-финляндской войны. С 08.07.1940 г. начальник штаба, с 15.11.1940 г. командир звена, с 14.06.1941 года заместитель командира авиаэскадрильи, с 20.08.1941 г. и.д. командира 2-й аз 13-го иап. 08.10.1941 г. при сопровождении ПР-5 с Комендантского аэродрома на аэродром Н. Ладога не вернулся с задания два И-16 из 13-го иап. Самолет Кулашова упал в районе Ст. Ладоги. Самолет разбит, летчик погиб. Награжден орденами Ленина (1941), Красного Знамени (1940).
- ⁷⁹ Пернов – современный Пярну (эст. Pärnu) – портовый город на юго-западе Эстонии.
- ⁸⁰ Мессершмитт Вf.110 «Zerstörer» (нем. – разрушитель, уничтожитель) – двухмоторный тяжелый истребитель на службе Люфтваффе во время Второй мировой войны. Из-за неспособности использования по прямому назначению был перекавалифицирован в истребитель-бомбардировщик и ночной истребитель.
- ⁸¹ СБ (АНТ-40) – советский скоростной фронтовой бомбардировщик 1930-х годов и периода Второй мировой войны. Самый массовый серийный самолёт разработки конструкторского бюро А.Н. Туполева.
- ⁸² Юнкерс Ju 88 – многоцелевой самолёт люфтваффе времен Второй мировой войны. Один из самых универсальных самолётов войны: использовался как бомбардировщик, скоростной бомбардировщик, разведчик, торпедоносец, ночной истребитель и как часть летающей бомбы в проекте Mistel.
- ⁸³ Низино – деревня в Ломоносовском районе Ленинградской области. В период Второй мировой войны Низино оказалось на линии огня в самом центре военных действий. С 1 августа 1941 г. по 31 декабря 1943 г. деревня находилась в оккупации. В книге Героя Советского Союза И.А. Каберова «В прицеле свастика» имелось достаточно подробное описание аэродрома: он находился в 5–7 км южнее Петергофа, и севернее деревни Гостилицы. См.: *Каберов И.А.* В прицеле свастика. Л.: Воениздат, 1975.
- ⁸⁴ Бегуницы (фин. Pekunitsa) – деревня в Волосовском районе Ленинградской области.
- ⁸⁵ Копорье – село в Ломоносовском районе Ленинградской области, расположенное в 12 км к югу от Копорской губы Финского залива.
- ⁸⁶ Петергоф (от нем. Peterhof – «двор Петра», с 1944 по 1997 – Петродворец) – город, внутригородское муниципальное образование в составе Петродворцового района города федерального значения Санкт-Петербурга.
- ⁸⁷ Кронштадт (от нем. Krone – «корона» и Stadt – «город») – город-порт, расположенный на острове Котлин и прилегающих к нему более мелких островах Финского залива и дамбе. Является единственным населённым пунктом (городом) Кронштадтского района города Санкт-Петербурга.
- ⁸⁸ *Потанов Василий Дмитриевич* (1922–?) – красноармеец, военный летчик, подполковник. В РККА с 15.11.1940 г. В 1941 г. окончил Ейское

военно-морское авиационное училище и служил в нем летчиком-инструктором (1942), старшиной (1942). С 13.01.1943 г. в 4 гиап: пилот 3 авиаэскадрильи, младший лейтенант (1943), с 04.08.1943 г. командир звена, с 03.11.1943 г. заместитель командира авиаэскадрильи, лейтенант. В 1944 году окончил Высшую объединенную школу воздушного боя ВВС КА, старший лейтенант (12.06.44). Капитан (1945) с 10.02.1945 г., заместитель командира авиаэскадрильи 4 гиап. Воевал на именном самолете с надписью «От летчиков ТОФ». После войны продолжил службу в авиации ВМФ. Служил на командных и штабных должностях на ТОФ и ДКБФ. Майор (1951), военный летчик 2 класса (1953), подполковник (1956). С 10.12.1959 года ответственный дежурный по КП 24 гиад ВВС КБФ. Награжден орденами Красного Знамени (1943, 1944), Красной Звезды (1943), медалями.

⁸⁹ Урицк – город в составе Красносельского района Ленинградской области. 19 сентября 1941 г. город Урицк был оккупирован германскими войсками. Освобожден 20 января 1944 г. силами 109-й стрелковой дивизии и частью сил 79-го укрепрайона 42-й армии Ленинградского фронта в ходе Красносельско-Ропшинской операции.

⁹⁰ Лигово – исторический район на юго-западе Санкт-Петербурга (Красносельский район). В 1941 г. деревня Лигово (в начале Красносельского шоссе) осталась под контролем Красной Армии.

⁹¹ Левашово (фин. Levassova) – посёлок в России, внутригородское муниципальное образование в составе Выборгского района города Санкт-Петербурга.

⁹² *Татаренко Дмитрий Митрофанович* (1921–1995) – красноармеец, военный летчик, генерал-майор, Герой Советского Союза (1943). В Красной Армии с ноября 1939 г. В 1940 г. окончил Военную школу лётчиков и летнабов морской и сухопутной авиации имени И.В. Сталина в городе Ейске Краснодарского края. С ноября 1940 г. – младший лётчик 5-го истребительного авиационного полка 61-й истребительной авиационной бригады ВВС Балтийского флота. С сентября 1941 г. – лётчик 13-го истребительного авиаполка и 13-й отдельной авиационной эскадрильи. С февраля 1942 г. – заместитель командира эскадрильи в 11-м истребительном авиаполку. С октября 1942 г. – заместитель командира эскадрильи в 57-м штурмовом авиаполку. С января 1943 г. – заместитель командира, а с марта 1943 г. – командир истребительной авиационной эскадрильи 3-го гвардейского истребительного авиаполка на Балтике. Оборонял Прибалтику, с сентября по ноябрь 1942 г. защищал небо военно-морской базы Ханко (там сбил 2 самолёта врага лично и 21 раз штурмовал наземные финские войска), затем оборонял небо Ленинграда и прикрывал перевозки по «Дороге жизни» на Ладожском озере. Командир эскадрильи 3-го гвардейского истребительного авиационного полка (61-я авиационная бригада, ВВС Краснознамённого Балтийского флота) гвардии капитан Дмитрий Татаренко к марту 1943 г. совершил 550 боевых вылетов, в 102 воздушных боях сбил лично 14 самолётов противника и 8 в группе. В 1943 г. был тяжело ранен. С сентября 1943 г. – начальник службы воздушной стрельбы и воздушного боя Управления ВВС Балтийского флота. С ноября 1944 г. – помощник командира 4-го истребительного авиаполка на Балтике, воевал в этой должности до января 1945 г., когда

был направлен на учёбу. После войны отважный лётчик-истребитель продолжал службу в ВВС СССР в том же авиаполку. В июле 1945 г. он окончил Высшие офицерские курсы ВВС ВМФ, вернулся в 4-й истребительный авиаполк на ту же должность, с мая 1946 г. – помощник командира этого полка по лётной подготовке и воздушному бою. С апреля 1947 г. – помощник командира этого полка по лётной подготовке и воздушному бою 39-го истребительного авиационного полка. С ноября 1947 г. – заместитель командира и одновременно инструктор-лётчик по технике пилотирования и теории полёта 42-го истребительного авиаполка, с декабря 1947 г. – на тех же должностях в 41-м истребительном авиаполку (до сентября 1950 г., когда убыл в академию). В октябре 1953 г. окончил Военно-морскую академию. С ноября 1953 года – командир 24-го истребительного авиаполка ВВС 8-го ВМФ (Балтика). С сентября 1955 г. – заместитель командира 152-й истребительной авиадивизии ВВС Балтийского флота. С февраля 1957 г. – командир 216-й истребительной авиационной дивизией (10-я отдельная армия ПВО страны, город Архангельск). В сентябре 1960 – июне 1962 г. учился в Военной академии Генерального штаба, затем вернулся на должность командира дивизии, переименованной к тому времени в 23-ю дивизию ПВО. С 1967 г. генерал-майор авиации Д.М. Татаренко – в запасе.

⁹³ *Кабанов Сергей Иванович* (1901–1973), советский военачальник, генерал-лейтенант береговой службы (1941), генерал-лейтенант артиллерии (1952). В Красной Армии добровольцем с августа 1919 г., курсант Первых советских артиллерийских курсов в Петрограде. Участник Гражданской войны. В составе Сводной дивизии курсантов с сентября 1920 г. по февраль 1921 г. воевал на Южном фронте против войск генерала П.Н. Врангеля. После окончания боевых действия с марта 1921 года учился в 3-й Петроградской школе полевой тяжёлой артиллерии, по окончании с сентября 1923 г. служил командиром взвода, башни и артиллерийской батареи в 1-м артиллерийском полку Кронштадской крепости. С января 1926 г. командовал батареей в 1-м артиллерийском дивизионе 3-й артиллерийской бригады. С октября 1927 г. по октябрь 1928 г. обучался на Специальных курсах комсостава ВМС РККА (класс береговой обороны). К 1931 г. Кабанов стал командовать башенной 203-мм батареей на форте «Красноармейский». В июне 1933 г. Кабанов был назначен командиром 31-го артиллерийского дивизиона Ижорского укрепленного района Краснознамённого Балтийского флота. С мая 1934 г. – комендант форта «Красная Горка», а с мая 1936 г. – командир 1-го железнодорожного артиллерийского дивизиона Ижорского укрепленного района КБФ. В декабре 1937 г. переведен на должность помощника коменданта артиллерии Ижорского укрепленного района, а в марте 1938 г. назначен комендантом Южного укрепленного района КБФ. С мая 1939 г. – начальник тыла и помощник командующего Краснознамённым Балтийским флотом по тылу, с октября – комендант береговой обороны Балтийского района. Осенью 1939 г., находясь на должности начальника тыла КБФ, С.И. Кабанов находился в командировке в Эстонию в связи с развертыванием там инфраструктуры КБФ. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 гг. В июне 1940 г. ему было присвоено воинское звание генерал-майора береговой службы. После окончания в марте 1941 г. Курсов

усовершенствования высшего начальствующего состава при Военно-морской академии им. К.Е. Ворошилова был назначен командиром военно-морской базой на полуострове Ханко. В начале Великой Отечественной войны генерал-майор береговой службы С.И. Кабанов возглавил оборону гарнизона полуострова Ханко. Одновременно с обороной ВМБ руководил обороной острова Осмусаар у берегов Эстонии. В крайне сложной обстановке с 27 октября по 3 декабря была проведена успешная эвакуация гарнизона Ханко в Ленинград. В сентябре 1941 г. ему присвоено воинское звание генерал-лейтенанта береговой службы. С декабря 1941 г. – командующий войсками внутренней обороны Ленинграда и начальник его гарнизона. Возглавил работу по возведению оборонительных сооружений в черте города и дельте р. Нева. В июле 1942 г. назначен командующим Северным оборонительным районом Северного флота, надёжно прикрывшим от врага главную базу флота Полярный, Мурманск и Кольский залив. С сентября 1943 г. – начальник береговой обороны и комендант главной базы Тихоокеанского флота (ТОФ). С апреля 1944 г. – начальник Управления береговой обороны ТОФ. Участник Советско-японской войны 1945 г. С 20 августа 1945 г. – командующий Южным морским оборонительным районом. Участвовал в освобождении Северной Кореи. Руководил высадкой десанта в порт Сейсин и военно-морскую базу и крепость Гензен (Вонсан). После войны продолжал служить в прежней должности. С июня 1946 г. – начальник береговой обороны Юго-Балтийского флота, с февраля 1947 г. – начальник тыла 4-го военно-морского флота (бывшего Юго-Балтийского). В феврале 1949 г. уволен в отставку по болезни. В сентябре 1951 г. вновь определен в кадры ВМС и в октябре назначен командиром военно-морской базы Порккала-Удд Краснознамённого Балтийского флота. В мае 1952 г. переаттестован с присвоением воинского звания «генерал-лейтенант артиллерии». С апреля 1956 г. в отставке.

⁹⁴ *Ильин Александр Васильевич* (1910–1954), советский военный летчик, полковник. В Красной Армии с июня 1932 г. Окончил 3-ю Оренбургскую военную авиационную школу лётчиков и лётчиков-наблюдателей в 1935 г. В звании лейтенанта командовал звеном в 142-й истребительной авиационной бригаде Белорусского военного округа. С 20 августа 1937 г. по 8 апреля 1938 г. участвовал в гражданской войне в Испании. После возвращения на родину, 29 августа 1938 г. получил звание капитана. Будучи командиром 4-й ОИАЭ, с 25 декабря 1939 г. по 13 марта 1940 г. участвовал в советско-финляндской войне. С мая 1940 г. был помощником командира, а с июня 1941 г. – заместителем командира 13-го иап ВВС КБФ. С 22 июня 1941 г. участвовал в Великой Отечественной войне. Летая на истребителе И-16, вёл бои над Прибалтикой. Командуя сводной группой полка из 2-х эскадрилий, с июня по декабрь 1941 г. участвовал в обороне полуострова Ханко. Затем, в прежней должности заместителя командира 13-го иап (с января 1942 г. 4-й Гвардейской иап ВВС КБФ), защищал Ленинград. 7 февраля 1942 г. ему было присвоено звание майора. 30 сентября 1942 г. в воздушном бою с Me-109 из JG 54 «Grunherz» в районе Невской Дубровки был сбит и тяжело ранен. После выздоровления продолжал воевать. С марта 1943 г. по конец войны был инспектором по технике пилотирования 61-й иад (позже была

переименована в 3-ю иад, а в июле 1943 г. в 1-ю гвардейскую иад ВВС КБФ). После окончания войны продолжал службу в морской авиации. 24 ноября 1946 г. ему присвоили звание подполковника. В 1948 г. окончил Высшие офицерские курсы. 5 марта 1953 г. стал полковником.

⁹⁵ *Трибуц Владимир Филиппович* (1900–1977) – советский военачальник, командующий Балтийским флотом (1939–1947), адмирал (1943), доктор исторических наук (1972). С 1918 г. служил в Волжско-Каспийской военной флотилии (Астрахань), участвовал в Энзелийской операции 1920 г. на эсминце «Деятельный». В 1922 г. стал слушателем Военно-морского училища. В 1924 г. курсантом ходил в плавание из Кронштадта в Архангельск. В 1925 г. проходил практику на линкоре «Парижская Коммуна», а в 1927 г. Трибуц стал вахтенным начальником на том корабле. С 1929 по 1932 г. учился в Военно-морской академии, по окончании которой служил старпомом на линкоре «Марат». С 1934 по 1936 г. служил командиром на эсминце «Яков Свердлов». С 1936 года начальник отдела боевой подготовки при штабе Балтийского флота. С февраля 1938 г. – начальник штаба Балтийского флота. В апреле 1939 г. был назначен командующим флотом. 28 января 1940 г. присвоено очередное воинское звание флагман 1-го ранга, 4 июня 1940 г. переехал в вице-адмиралы. В начальный период Великой Отечественной войны руководил флотом, который содействовал сухопутным войскам на приморских направлениях, в обороне Таллина, Ханко, Моонзундского архипелага, нарушал коммуникации противника в Балтийском море. Возглавлял в августе 1941 г. трагический переход сил флота из Таллина в Кронштадт и Ленинград, в октябре–декабре 1941 г. руководил эвакуацией гарнизона военно-морской базы Ханко. Принимал участие в организации и осуществлении обороны Ленинграда на всех её этапах (1941–1943), взаимодействуя с сухопутными войсками в операциях, проводившихся Красной Армией. На флоте по его инициативе были созданы группы морской артиллерии, которые совместно с артиллерией Ленинградского фронта наносили мощные ответные удары и уничтожали наиболее активные вражеские батареи. В 1943–1944 гг. участвовал в разработке и проведении операций по прорыву блокады и разгрому противника в районе Ленинграда, а также в Выборгской, Сви́рско-Петрозаводской наступательных операциях, в ходе которых содействовал войскам Ленинградского и Карельского фронтов огнём кораблей и береговой артиллерии, высадкой морских тактических десантов, действиями морской авиации. В дальнейшем руководил силами флота в десантной операции по овладению островами Моонзундского архипелага, по оказанию содействия приморским флангам в наступательных операциях в Прибалтике, Восточной Пруссии и Восточной Померании. С марта 1946 г. до мая 1947 г. командовал 8-м ВМФ (СБФ). Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва (1946–1950). С 28 мая 1947 г. – заместитель главнокомандующего войсками Дальнего Востока по военно-морским силам. В июне 1948 г. отозван в Москву. В сентябре 1948 – январе 1949 г. – начальник Управления военного военно-морских учебных заведений и старший морской начальник в Ленинграде. В марте 1949 г. – декабре 1951 г. – начальник Гидрографического управления ВМФ СССР. В июне–сентябре 1948 и январе–марте 1949 г. оставался в распоряжении главнокома. С января

1952 г. перешёл на должность начальника кафедры и факультета Военной академии Генштаба им. К.Е. Ворошилова. Сначала – начальник кафедры надводных кораблей, с августа 1953 г. – начальник кафедры тактики высших соединений, с декабря 1953 по июль 1956 г. – начальник военно-морского факультета. С июля 1956 по август 1957 г. – начальник группы исследования оперативно-тактических проблем Главного штаба ВМФ. До февраля 1961 г. – адмирал-инспектор инспекции ВМФ Главной инспекции МО СССР. После выхода в отставку в 1961 г. руководил сектором Всесоюзного института научной и технической информации (ВИНИТИ). Находясь в отставке, занимался историей советского флота. Подготовил свыше 200 публикаций, в том числе 4 книги. По совокупности научных трудов в 1970 г. ему присуждена учёная степень доктора исторических наук.

⁹⁶ *Цоколаев Геннадий Дмитриевич* (1916–1976) – советский военный летчик, Герой Советского Союза, подполковник. В 1936 г. был призван в армию. Окончил Ейское военно-морское авиационное училище морских лётчиков. В 1939 г. участвовал в войне с белофиннами. С июня 1941 г. принимал участие в боевых сражениях в составе 13-го истребительного авиационного полка ВВС Балтийского фронта. Позднее был командиром 4-го гвардейского истребительного авиационного полка 61-й авиационной бригады ВВС Балтийского фронта. В апреле 1942 г. совершил 62 разведывательных вылета, 57 штурма противника, сбил 6 самолётов лично и 11 – в составе группы, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. Всего за годы войны Г.Д. Цоколаев совершил 510 боевых вылетов, сбил лично 23 самолёта и потопил 8 катеров противника. В 1944 г. окончил Высшие офицерские курсы при Военно-морской академии. С 1958 г. вышел в запас.

⁹⁷ *Голубев Василий Фёдорович* (1912–2001) – советский военный летчик, Герой Советского Союза (1942), генерал-лейтенант авиации (1966), кандидат военных наук. В 1933–1935 гг. добровольцем служил в Красной Армии. Окончил Ейское военно-морское авиационное училище. По окончании училища он получил направление на Краснознамённый Балтийский флот. Начал службу в 13-й отдельной авиационной эскадрилье. Первый боевой вылет совершил 22 июня 1941 г. К августу имел более 100 боевых вылетов. В начале октября Голубев в числе шести пилотов был откомандирован на полуостров Ханко для обороны флота и Кронштадта от налётов финской и немецкой авиации. В октябре 1941 г. перевёлся в 13-й истребительный авиационный полк, впоследствии – 4-й Гвиап. В составе этого полка прошёл всю войну до последнего дня, от рядового лётчика до командира полка. Голубев – один из наиболее результативных летчиков-истребителей ВВС КБФ. В январе 1942 года Василия Голубева назначили командиром 3-й эскадрильи. С этого момента он мог претворять в жизнь собственные тактические идеи. 12 марта 1942 г. в одиночку на самолёте И-16 провёл бой против пары немецких истребителей Messerschmitt Bf.109. В коротком бою оба немца были сбиты. В начале 1943 г. полк начал получать новые самолёты Ла-5. Тем не менее, в полку оставались 6 самолётов И-16, на которых иногда вылетали на разведку. В декабре 1942 г. эскадра истребителей люфтваффе Jagdgeschwader 54 получила на вооружение самолёты Fw-190A4. В январе 1943 г. В.Ф. Голубев, совершая

вылет на И-16, сбил два Fw-190А4 из JG54. Всего за время войны В.Ф. Голубев совершил 589 боевых вылетов и сбил 39 вражеских самолётов лично и 12 в группе. После войны он продолжил службу, освоив в воздухе целый ряд реактивных машин. В 1951 г. он окончил командный факультет Военно-Морской академии. Затем назначен командиром 122-й истребительной авиационной Печенгской дивизии ВВС Северного флота, где прослужил до января 1957 г. В июне 1960 г. назначен первым заместителем командующего 14-й отдельной армией ПВО, в октябре 1966 г. – генерал-инспектором ПВО инспекции по ПВО стран Варшавского договора Управления ГК войсками ПВО страны, с мая 1967 г. – генерал-инспектором ПВО инспекции по вопросам ПВО дружественных стран Управления ГК войсками ПВО страны. С августа 1968 г. – старший советник ПВО Египта. С 1971 г. В.Ф. Голубев – старший преподаватель Военной академии Генерального штаба. Уволился в запас в 1976 г.

⁹⁸ Идентифицировать не удалось.

⁹⁹ КУНС – курсы усовершенствования начальствующего состава ВВС Красной Армии. С марта 1940 года располагались в городе Момино.

¹⁰⁰ УТИ-4 – советский учебно-тренировочный самолет. Для подготовки летчиков на истребителе Второй мировой войны И-16 необходим был соответствующий самолет. Им стал советский учебно-тренировочный истребитель УТИ-4, на которых пилоты проходили обучение даже после окончания войны – 1946 г. Кроме того, на базе УТИ-4 был создан боевой вариант – самолет УТИ-4Б тип 15, который по многим характеристикам превосходил исходный И-16.

¹⁰¹ *Смирнов Николай Константинович* (1902–1973) – советский военный деятель, член Военного совета Балтийского флота, вице-адмирал (1944). В РККФ с 1923 г. Окончил Военно-политическую школу имени Ф. Энгельса в 1924 году. С 1924 по 1936 г. служил на кораблях и в частях Балтийского флота, был политбойцом, политическим лектором, начальником клуба, секретарём партийной организации, инструктором политического отдела бригады заграждения и траления, военкомом минного заградителя «25 октября». Окончил Военно-политическую академию имени Н.Г. Толмачёва в 1933 году. В 1934–1936 годах комиссар дивизиона торпедных катеров. Поступил в институт адъюнктов Института красной профессуры в сентябре 1936 г. и окончил в сентябре 1938 г. В 1938–1939 гг. инструктор, инспектор, заведующий отделом и заместитель начальника Главного политического управления ВМС РККА. С 1940 по 1941 г. член Военного совета Северного флота, затем начальник Курсов усовершенствования политического состава ВМФ, заместитель командующего по политической части морской обороны Ленинграда и Северного района (Озёрного района). В период советско-германской войны, с июля 1941 по 1945 г., член Военного совета Балтийского флота. Участвовал в подготовке и проведении военных операций флота. С июля 1945 г. в запасе. В сентябре 1945 г. был избран секретарём Пензенского городского комитета ВКП(б), являлся таковым до апреля 1949 г. Освобождён от работы, исключён из рядов коммунистической партии по «Ленинградскому делу» в сентябре 1949 г. Рабочий, бригадир, диспетчер завода подъёмно-транспортного оборудования в Ленинграде с сентября 1949 до сентября 1953 г., реабилитирован. Секретарь Лужского городского

комитета КПСС с марта 1954 по март 1955 г., председатель Лужского городского исполнительного комитета по январь 1957 г. Директор кожгалантерейной фабрики в Ленинграде до мая 1960 г., после чего на пенсии.

¹⁰² *Вербицкий Михаил Константинович* – советский военный летчик, командир звена 118-го отдельного разведывательного авиационного полка ВВС Северного флота, капитан, Герой Советского Союза (1944). В Военно-Морском Флоте с 1935 г. (по комсомольскому набору). В 1937 г. окончил Ейское военно-морское авиационное училище имени И.В. Сталина. С 1937 г. службу проходил на Краснознаменном Балтийском флоте. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 гг. С ноября 1940 г. служил в 73-м бомбардировочном авиационном полку ВВС Балтийского флота, с середины июня 1941 г. – командир звена в нём. С октября 1941 по март 1942 г. – командир звена в родном Ейском военно-морском авиационном училище, эвакуированном в город Моздок. Затем продолжил службу командиром звена в 28-м бомбардировочно-пикировочном авиационном полку Особой морской авиагруппы Ставки Верховного Главнокомандования. Принимал участие в боевых действиях на Волховском фронте. В конце июня 1942 г. в составе полка убыл на Северный флот. С ноября 1942 г. воевал в составе 28-й отдельной разведывательной эскадрильи ВВС Северного флота. С марта 1943 г. воевал в составе 118-го отдельного разведывательного авиополка ВВС Северного флота, командир звена. В январе 1944 г. принял командование эскадрилей в своем полку. 4 марта 1944 г. М.К. Вербицкий не вернулся с боевого задания на разведку коммуникаций в Баренцевом море.

¹⁰³ Опочка – город, административный центр Опочецкого района Псковской области России.

¹⁰⁴ Так в тексте. Должно быть: Бершетские лагеря.

¹⁰⁵ Современный Пермский край Российской Федерации.

¹⁰⁶ Старая Русса – город в Новгородской области России. В период Второй мировой войны, с 9 августа 1941 г. по 18 февраля 1944 г., Старая Русса была оккупирована немецкими войсками. Город находился недалеко от линии фронта и подвергся сильным разрушениям. Советские войска неоднократно пытались безуспешно овладеть Старой Руссой ещё к 23 февраля 1942 г. Позже была так же неуспешная Старорусская операция в марте 1943 г. и в августе 1943 г. 18 февраля 1944 г. Старая Русса была освобождена войсками 1-й Ударной армии 2-го Прибалтийского фронта в ходе Старорусско-Новоржевской наступательной операции.

¹⁰⁷ 29-я гвардейская стрелковая Ельнинская Краснознаменная ордена Суворова дивизия – воинское формирование РККА. Сформирована 24 мая 1942 г. путём преобразования из 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии. В действующей армии с 24 мая 1942 г. по 9 мая 1945 г. Весной 1943 г. принимала участие в Ржевско-Вяземской операции, в ходе которой части дивизии освободили Гжатск (06.03.1943 г.). В ходе Ельнинско-Дорогобужской операции приняла участие в освобождении Ельни (30.08.1943 г.), после чего наступала в направлении на Оршу. С февраля 1944 г. наступала в направлении Пушкинских Гор, форсировала реку Великая, с 18.04.1944 г. перешла к обороне на плацдарме по правому берегу реки Сороть. В июне 1944 г. была фактически превращена в

моторизованную дивизию, все её стрелковые полки и специальные подразделения были посажены на машины. Дивизии придали танковый полк, насчитывавший 50 единиц МК-3. Конский состав и гужевого транспорт из частей изъяли. Дивизия в дальнейшем действовала в качестве подвижной группы армии. Приняла участие в Режицко-Двинской наступательной операции, в ходе которой освободила Опочку (15.07.1944 г.). С 25 декабря 1942 г. по 12 августа 1944 г. командовал дивизией генерал-майор Андрей Трофимович Стученко. Командир батальона 93-го гвардейского стрелкового полка, гвардии майор Иван Моисеевич Третьяк и командир пулемётного отделения 93-го гвардейского стрелкового полка, гвардии старший сержант Александр Иванович Дятлов, впоследствии, в 1945 г., были удостоены звания героя Советского Союза. 23.07.1944 г. дивизия приняла участие в освобождении города Лудза, позднее городов Резекне и Даугавпилса. Приняла участие в Мадонской операции, Рижской операции, первой прорвав оборону противника и наступая вдоль шоссе Кекава – Рига. Приняла участие в освобождении Риги, 16.10.1944 г. выбив из неё последние подразделения врага. В 1945 г. вела бои с Курляндской группировкой противника и даже была окружена, но вышла из окружения. В том же году на базе 29-й гвардейской стрелковой дивизии сформирована 36-я гвардейская механизированная Ельнинская Краснознаменная ордена Суворова дивизия – Ленинградский военный округ, Таллин. С 1957 г. – 144-я гвардейская мотострелковая дивизия.

¹⁰⁸ Так в тексте. Должно быть: Духново. Духново – деревня в Опочечском районе Псковской области Российской Федерации. В июле 1944 года в Духново располагался штаб 42-го пехотного полка 19-й дивизии СС (нем. SS, сокр. от нем. Schutzstaffel – «отряды охраны»). 11 июля 1944 года советские подразделения вступили в бой с противником, располагавшимся в здании штаба. Один из участников этой битвы Б.М. Басанов получил звание Героя Советского Союза.

¹⁰⁹ Идрица – посёлок городского типа в Себежском районе Псковской области России.

¹¹⁰ Должно быть: находящейся.

¹¹¹ Идентифицировать не удалось.

¹¹² *Третьяк Иван Моисеевич* (1923–2007) – советский военачальник, генерал армии (1976). Заместитель министра обороны СССР (1986–1991), Главнокомандующий Войсками ПВО СССР (1987–1991). Герой Советского Союза (1945). Герой Социалистического Труда (1982). Член ЦК КПСС (1976–1990). В Красную Армию был призван в 1939 году. В 1941 г. окончил Астраханское стрелково-пулемётное училище. На фронтах Великой Отечественной войны с декабря 1941 г. Участвовал в боях на Западном и 2-м Прибалтийском фронтах, командовал ротой, был заместителем командира, а с июля 1943 г. – командиром стрелкового батальона. В 21 год командовал 93-м гвардейским стрелковым полком. Особо отличился при форсировании реки Великая и при освобождении города Опочка Псковской области. Участвовал в разгроме Курляндской группировки немецких войск. В 1964–1967 гг. – командующий 4-й армией Закавказского военного округа. В 1967–1976 гг. – командующий войсками Белорусского военного округа, в 1976 г. отказался от предложенного

министром обороны назначения его заместителем по тылу. В 1976–1984 г. – командующий войсками Дальневосточного военного округа. В 1983 г. отдал приказ уничтожить пассажирский «Боинг 747» южнокорейской авиакомпании Korean Air, который отклонился от курса. В результате инцидента погибли 246 пассажиров и 23 члена экипажа. С 19 июня 1984 по 11 июля 1986 г. – главнокомандующий войсками Дальнего Востока. С 12 июля 1986 по 11 июня 1987 г. – заместитель министра обороны СССР – главный инспектор МО СССР. С 11 июня 1987 по 31 августа 1991 г. – заместитель министра обороны СССР – главнокомандующий Войсками противовоздушной обороны. Снят с должности 31 августа 1991 г. сразу после событий ГКЧП в августе 1991 г. Кандидат в члены ЦК КПСС (1971–1976), член ЦК КПСС (1976–1990). С 1991 г. – в отставке.

¹¹³ Должно быть: дурной.

¹¹⁴ Идентифицировать не удалось.

¹¹⁵ Должно быть: идти.

¹¹⁶ Идентифицировать не удалось.

¹¹⁷ Так в тексте. Должно быть: Осташков. Осташков – город, административный центр Осташковского городского округа Тверской области России.

¹¹⁸ Современный Нижний Новгород (с 1932 по 1990 г. – Горький), административный центр Нижегородской области России.

¹¹⁹ Дзержинск – город в Нижегородской области России.

¹²⁰ Современная Нижегородская область – субъект Российской Федерации. Административный центр – Нижний Новгород.

¹²¹ Так в тексте.

Литература

Велиев, А. Герои бессмертны [Текст]: Крымские татары во Второй мировой войне. Т. 1 / Перевод с крымско-татарского Э. Велиевой. Симферополь: Крымчпедгиз, 2009. 329 с.

Каберов, И.А. В прицеле – свастика [Текст]. Л.: Воениздат, 1976. 320 с.

Список депутатов, избранных в Верховный Совет Союза ССР // Восточно-Сибирская правда. (№ 291). 1937. 16 дек. Кавардак Просковья Ивановна, тракторист-орденоносец, сейчас слушатель сельхоз-академии им. Темиряева, зарегистрирована кандидатом в депутаты Совета Союза по Ейскому избирательному округу [Текст]. Краснодар, [Б.и.]. 1939. 12 с.

Усеинова, Г. Узейр Абдураманов – Герой, славный сын крымско-татарского народа [Текст] // Голос Крыма. 2016. 8 марта (№ 14 (54)).

Эренбург, И.Г. Война 1941–1945 [Текст]. М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ. 2004. 796 с.

Мордва и Российское государство: особенности этнокультурного контакта¹

Мордва была среди первых и наиболее активных партнеров славян по цивилизационному взаимодействию в Восточной Европе. Процесс инкорпорирования мордвы в состав Российского государства занял несколько столетий. Свое начало он берет в X–XI вв., когда западные мордовские племена стали платить дань русским князьям. Этот народ представлял собой необходимый элемент международной политики. За привлечение его предводителей в союзы велась борьба между царями и ханами, князьями и эмирами. При этом самостоятельное развитие мордовских племен не прекращалось из-за их формальной подчиненности тому или иному монарху. В отдельные периоды складывались предпосылки для формирования собственных раннегосударственных структур мордвы. Этот край принадлежал к фронтальной контактной зоне Среднего Поволжья. Здесь на протяжении столетий происходил цивилизационный обмен между финнами, славянами и тюрками. В XVII–XIX вв. мордва оказалась втянутой в экономические и социальные перемены, развернувшиеся в России.

Ключевые слова: мордва; Среднее Поволжье; фронтир; вхождение в состав России; цивилизация.

V.V. Trepavlov

THE MORDVINIANS AND THE RUSSIAN STATE: PECULIARITIES OF A CULTURAL CONTACT

The Mordva was among the first and most active partners of the Slavic civilizational cooperation in the Eastern Europe. The process of incorporating the Mordovians in the Russian state took several centuries. It takes its origin in the 10th–11th centuries, when western Mordovian tribes began to pay tribute to Russian princes. This nation was a necessary element of international politics. For the involvement of its leaders in the allies a struggle waged between kings and khans, princes and emirs. Meanwhile the independent development of the Mordovian tribes did not stop because of their formal subordination to one or another monarch. In certain periods there were preconditions for the formation of Mordovian own early state structures. This land belonged to a frontier contact zone of the Middle Volga region. A civilizational exchange between the Finns, Slavs and Turks took place here for centuries. In the 16th–19th centuries the Mordva was embroiled in economic and social changes unfolding in Russia.

Key words: Mordovians; Middle Volga region; frontier; incorporation into Russian; civilization.

Разнообразные источники отразили долгий и сложный процесс взаимодействия славянского и финно-угорского населения на Восточно-Европейской равнине. Этническое и политическое развитие этого огромного региона проходило таким образом, что соседство и чересполосное расселение славян и финноязычных народов, их обоюдные социальные и культурные заимствования стали долговременными цивилизационными факторами.

С самых первых десятилетий своего существования Русь являлась полиэтничным государством. (Известно, что решение о приглашении Рюрика на княжение принимали, наряду со словенами и кривичами, предводители угро-финских народов чуди и мери). Проблема степени этого взаимного влияния давно изучается в научной литературе, но, к сожалению, почти не находит отражения в историческом образовании и, соответственно, в историческом сознании современных россиян.

Среди первых и наиболее активных партнеров славян по этому цивилизационному взаимодействию была мордва. Критерии пребывания какой-либо группы населения в составе государства очень нечетки для эпохи раннего средневековья. Но в любом случае выплата дани и тогда, и позже являлась одним из главных показателей подданства. При этом следует заметить, что многозначный термин «дань» в летописях означал всю совокупность податей и налогов, а не сводился к выплатам завоевателям от побежденных. Подобно мордве, на начальном этапе формирования Древнерусского государства такую дань выплачивали Киеву и славянские племена (радимичи, вятичи и др.). Не случайно в науке существует взгляд на это государство при первых Рюриковичах как на федерацию автономных племенных княжений.

Даже отсутствие упоминаний о другом важнейшем признаке подданства в средние века – инвеституре мордовских правителей со стороны русских князей – не опровергает факта нахождения части мордвы в составе Древней Руси.

Пожалуй, уже тогда начинала складываться главная закономерность «национальной политики», присущей впоследствии Московскому государству и Российской империи (хотя и не всегда последовательной) – а именно: **постепенность** интеграции присоединенных народов и регионов в общегосударственную структуру. Первоначально на новых территориях традиционный социальный уклад оставался в неприкосновенности. Центральные власти в течение долгого времени довольствовались регулярной выплатой необременительных податей, привлечением местных ополчений при локальных военных кампаниях и признанием сюзеренитета верховного государя. Лишь впоследствии (как правило, с увеличением русского населения и исходя

из нужд экономического развития) начиналось законодательное изменение этих норм отношений.

Очевидно, именно такой статус имела мордва в Древнерусском государстве. Об этом свидетельствуют сведения о выплате ею дани в княжескую казну². Процесс постепенного «врастания» мордовских земель в государственную структуру был долгим и сложным. С одной стороны, развернулась так называемая народная колонизация, т.е. стихийное и мирное переселение русских крестьян. Раскопки свидетельствуют, что первые славянские поселенцы появились в этих краях в конце I тыс. н.э.³ С другой стороны, проводилась государственная организованная политика по закреплению новых территорий: военные походы, строительство крепостей, централизованное налогообложение и т.д. Именно в этом русле нужно рассматривать основание Владимирским князем Юрием Всеволодовичем в 1221 г. Нижнего Новгорода на месте мордовского поселения. Точно такими же способами происходило расширение российских границ в других направлениях.

Вместе с тем следует оговорить, что названные факты русско-мордовского взаимодействия касались лишь части древней мордвы, ее самых западных, т.е. ближайших к Руси племен. Большинство же мордовского населения не вступало в данные отношения с киевскими, суздальскими и прочими русскими князьями. Некоторые племена попали в зависимость от Хазарского каганата и затем от Волжской Булгарии, но были и мордовские объединения, сохранявшие независимость (об этом может свидетельствовать упоминание в X в. Константином Багрянородным «Мордии» в одном ряду с самостоятельными владениями: «Росией», Хазарией, Булгарией и Аланией⁴).

Это разграничение необходимо учитывать и в отношении периода после монгольского нашествия. Западные мордовские земли продолжали находиться в составе русских княжеств – в XIV в. это великие княжества Рязанское, Суздальско-Нижегородское и Владимирское. Однако основной этнический массив мордвы оказался тогда в подчинении Золотой Орды. Впоследствии значительная часть народа пребывала под властью казанских ханов.

В 1520 г. казанская знать направила крымскому хану Мухаммед-Гирею I послание с просьбой прислать в Казань на царствование его сына или брата. В пересказе этой грамоты, содержащейся в письме Мухаммед-Гирея польскому королю, мордва упоминается следующим образом: «А мы маемъ Отецкихъ детии двадцать тысяч, а с Черемеши а зъ Мордовою и числа нетъ, а вси мы – ваши хлопя»⁵. Из других источников известно о гораздо более широком этническом составе населения ханства. Кроме двух названных финно-угорских этносов – черемисов (марийцев) и мордвы, в него входили также чуваша, башкиры и удмурты (вотяки). Однако лишь черемисы и мордва оказались

удостоенными упоминания наряду с татарской элитой – «отецкими детьми». Впрочем, допускаю, что в данном случае названия народов могли иметь и этносословное значение (поскольку этнонимы выполняли также функцию соционимов). И тогда под именем «черемешей» могли скрываться не только собственно марийцы, но и вотяки (с чувашами?).

Черемисы населяли обе стороны Средней Волги – Горную и Луговую, т.е. соответственно право- и левобережную. Те, что жили на Горной стороне, находились в гораздо большей зависимости от казанских властей и были теснее вовлечены в политическую и экономическую систему ханства, по сравнению со своими «луговыми» соплеменниками⁶. Очевидно, именно они названы в цитированной грамоте, причем вместе с мордвой – тоже обитателями Горной стороны. Именно (западные) черемисы чаще других народов упоминаются в источниках в качестве соратников татар в военных кампаниях.

Марийские ополченцы зарекомендовали себя искусными воинами, что отразилось в устойчивых представлениях об этом народе. С. Герберштейн, собравший сведения о соседях Московского государства в основном от русских собеседников, отразил в своих «Записках» эту их репутацию: «...Они весьма опытные лучники, причем лука никогда не выпускают из рук; они находят в нем такое удовольствие, что даже не дают есть сыновьям, если те предварительно не пронзят стрелой назначенную цель»⁷.

Впрочем, ниже австриец в качестве «напарников» черемисов называет не мордву (как в ханской грамоте 1520 г.), а чувашей. Воинство Казанского ханства он характеризует как «преимущественно пехотинцев, среди которых черемисы и чувашы – весьма искусные стрелки»⁸.

Однако его отзыв о мордве так же лестен – правда, о той ее части, которая находилась в подчинении Москвы. По словам Герберштейна, «это очень сильные люди... почти все они пехотинцы, отличаются длинными луками и опытностью в стрельбе»⁹. Надо полагать, что и те мордвинцы, что пребывали в казанском подданстве, также являлись «пехотинцами», обладали не менее длинными луками и были не менее опытными стрелками.

Полагаю, что упоминание мордовских и черемисских соратников татар в послании Мухаммед-Гирею было продиктовано использованием позитивного стереотипа, отменной воинской репутацией этих народов в окрестных странах – не только в Московии, но, возможно, и в Крыму. Указание же на их бесчисленность («и числа нет») должно было служить дополнительным привлекательным (для крымцев) нюансом в характеристике военной мощи ханства как союзника Гиреев. Можно полагать, что заверения казанцев о готовности выставить на

стороне Мухаммед-Гирея два тумена отборного войска и многолюдное ополчение послужили для него одним из стимулов откликнуться на их прошение об отправлении в Казань царевича-Гирея.

Но имеются также сведения о русско-мордовском сотрудничестве в ходе «Казанской войны» царя Ивана IV. Во время решающего похода на татарскую столицу перед московскими отрядами шли мордовские проводники. Показательно, что мотив помощи русскому войску очень распространен в фольклоре финно-угорских народов Поволжья. Марийцы рассказывали, что именно они подсказали «белому царю» идею подрыва казанских стен, а мордва ставила себе в заслугу то, что местные крестьяне вывели к Казани царские отряды, заблудившиеся в дремучих лесах¹⁰.

Мы не можем расценивать народы, оказавшиеся в данном регионе на пограничье между сильными средневековыми державами просто как «буферную зону»¹¹ – молчаливых свидетелей или терпеливых жертв экспансии то одного, то другого соседнего государства. Положение мордвы в качестве такого «буфера» предполагало бы участие покорного субъекта исторических событий, но не самостоятельного объекта истории¹². Однако мордва представляла собой необходимый элемент международной политики, и за привлечение ее предводителей в союзники велась борьба между царями и ханами, князьями и эмирами. При этом самостоятельное развитие мордовских племен вовсе не прекращалось из-за формальной подчиненности тому или иному монарху. На мордовских землях происходили сложные, пока не вполне исследованные процессы социального развития. Очевидно, в отдельные периоды складывались предпосылки для формирования собственных раннегосударственных структур.

В современной историографии применяется понятие «контактная зона» (которое, впрочем, все более вытесняется термином «фронт-тир»). Оно обозначает территорию, на которой происходил долговременный и плодотворный контакт различных народов и культур. Полагаю, что Мордовский край принадлежал именно к такой контактной зоне Среднего Поволжья. Здесь на протяжении столетий шел своеобразный цивилизационный обмен между финнами, славянами и тюрками.

В конце XIV – XV в., в результате распада Ордынской державы и одновременного усиления Москвы, мордва все больше втягивалась в сферу ее влияния. К Московскому государству были присоединены Рязанское и Нижегородское княжества. Некоторые историки именно с событиями той эпохи склонны связывать «добровольное вхождение мордвы в состав Руси»; в 1985 г. официально отмечалось 500-летие этого события. Есть сторонники датировки вхождения 1551 г. («Свияжская присяга»).

Такое разнообразие мнений говорит о том, что процесс инкорпорирования мордовского народа в состав Русского государства оказался очень длительным и занял несколько столетий. Свое начало он берет, несомненно, в X–XI вв. Получается, что мордва – это едва ли не единственный неславянский народ с сохранившимся этническим именем, который находится в составе Российского государства на протяжении столь длительного периода. Однако события тысячелетней давности могут рассматриваться лишь как **начало** вхождения мордвы в состав России, которое завершилось в XVI в.

Одной из обязанностей мордовских подданных Москвы было участие в военных кампаниях. Источники зафиксировали присутствие мордвы в составе русских ратей уже в Ливонской войне¹³. Переселенцы из здешних краев направлялись правительством для службы по обороне южных степных границ, на засечных чертах¹⁴. Впрочем, здесь не только действовала государственная повинность, но и сказывались собственные интересы мордовского населения, страдавшего от набегов кочевников. В эрзянских (мордовских) исторических песнях рассказывается о жизни пленных в ногайских кочевьях. Мужчины в основном занимались выпасом скота, а женщины ногаи брали в жены¹⁵.

В течение 1990–2000-х годов в российской исторической науке произошел кардинальный пересмотр множества проблем отечественной истории. Один из принципиальных вопросов – трактовка присоединения народов и территорий к России, выстраивание отношений между ними и центральным правительством. Ушел в прошлое апологетический подход, ученые стали учитывать как добровольные, так и насильственные формы присоединения. Не замалчиваются и конфликтные аспекты межэтнических отношений. История показывает, что чаще всего трения возникали по земельным и религиозным поводам.

В Среднем Поволжье происходила раздача земель помещикам и церкви. Территория расселения мордвы постепенно покрывалась сетью поместных владений. Возводились усадьбы, разбивались сады, распахивались поля... Вместе с «барским» дворянским жизнеустройством в край проникала европейская культура. Среди наиболее известных землевладельцев здешних мест – выдающийся полководец фельдмаршал П.А. Румянцев-Задунайский и адмирал Ф.Ф. Ушаков, который окончил свои дни в 1817 г. в своем имении в селе Алексеевка Темниковского уезда (теперь это Темниковский район Мордовии).

В XVII в. построенные на мордовской территории монастыри стали еще и центрами православного миссионерства. Политика государства в отношении нехристианских подданных периодически менялась: от кампаний по массовому крещению до провозглашения терпимости и признания права на исповедование традиционных верований. Через такие изменения прошел и Мордовский край. При первых

царях-Романовых здесь были случаи насильственной христианизации язычников, но в основном церковь действовала убеждением и проповедью. Разительным подтверждением успеха этой деятельности может служить судьба знаменитого церковного реформатора XVII в., патриарха Никона, который родился на территории нынешней Нижегородской области. Распространено мнение (впрочем, не бесспорное) о его этнической принадлежности к мордве-эрзе. Однако окончательно православие утвердилось здесь только в XIX в.

Принятие новой религии не привело к уничтожению этнического, культурного своеобразия мордовского народа. Он сохранил свои вековые устои, привычный образ жизни, адаптировавшись к жизни в пределах России. Принятие православия помогало его сближению с русскими новоселами, которые перебирались на жительство в Мордовский край. В XVIII в. путешественники отмечали, что русские деревни ставились так, чтобы не утеснять коренных жителей в пользовании землями и угодьями: «Деревни разных народов стояли рассеянно, вероятно, так, как они мало-помалу появились... Согласие этих различных жителей достойно удивления. Они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни за какие-либо дела, и каждый класс (здесь: народ. – *B.T.*) имеет чаще вражду между собою, чем с другими» (И.П. Фальк)¹⁶.

Вообще немусульманские народы Среднего Поволжья тесно интегрировались в сферу российской государственности и православной культуры. Признаки российской идентичности у них проявлялись довольно рано. Этому способствовал льготный административный и налоговый режим (народная молва приписывала его установление царской благодарности мордве за помощь в завоевании Казани¹⁷). Дж. Горсей, описывая Смуту начала XVII в., отмечал, что польские интервенты столкнулись с противодействием нерусских народностей: «Эти инородцы долго находились под властью русских царей, которые обходились с ними лучше, нежели со всеми другими нациями; и теперь, лишенные привычного хорошего обращения и притесняемые поляками, они возненавидели их, что и послужило им и русским на пользу. Они поднялись в огромном числе, вооружились, напали на поляков... расхищали их имущество и убивали»¹⁸. Мордва не только участвовала в снаряжении Второго Ополчения для освобождения Москвы, когда по призыву К. Минина по деревням шел сбор денег, хлеба и меда. Мордовские ратники отразили большой ногайский набег в тыл Ополчению, а впоследствии участвовали в боях с поляками и мятежными казаками¹⁹.

Сближению с русскими и осознанию себя жителями одного государства помогала и общая историческая судьба народов. Дело не только в общих испытаниях в годы смут и войн. Мордва оказалась

втянутой в экономические и социальные перемены, развернувшиеся в стране в XVII–XIX вв. Так же, как и русские крестьяне, мордвы страдали от аграрного переселения и так же стремились избежать казенного и помещичьего гнета. Зачастую это толкало тех и других на дальние переезды в поисках лучшей доли. Многочисленные представители мордовского народа приняли участие в переселенческом движении Сибирь и на Дальний Восток, в Казахстан и Туркестан.

Миграции мордвы, ее расселение на новых территориях подробно исследованы в работах В.А. Юрченкова. В частности, он приводит такой показательный факт: в перечисленных дальних регионах мордовские переселенцы воспринимались местными жителями как проводники политики центральных властей, как выходцы из центральных областей России – и в целом как русские люди²⁰. Но это говорит не об обрусении мордвы, а о ее культурном, психологическом сближении с русскими – своими близкими соседями, вместе с которыми она участвовала в создании многонационального государства. По выражению того же автора, мордва в тот период стала «имперским народом»²¹, т.е. народом, полностью интегрированным в Российскую империю и распространившимся на ее пространстве за локальные пределы своего первоначального ареала расселения.

Существует точка зрения о том, что Россия представляет собой особую, так называемую локальную цивилизацию, отличную от западной, мусульманской, китайской и т.д. Определенные основания для такого мнения есть²². Но даже те, кто причисляют нашу страну к западному цивилизационному пространству, признают, что у нее есть существенная особенность: с давних пор в пределах одного государства сосуществует множество народов – носителей самых разных исторических традиций, культур, языков, религий. История мордовского народа, его многовековое пребывание в одном государстве с русским народом показывает, как давно и насколько прочно многонациональность закрепились в российской истории.

---

¹ В основе статьи – доклад, прочитанный 12 октября 2012 г. на научной конференции «Тысяча лет вместе. 1000-летие единения мордовского народа с народами России» в Московской областной библиотеке им. Н.К. Крупской (г. Королев Московской обл.).

² Полное собрание русских летописей. Т. IX. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 5; Т. XVIII. М.: Знак, 2007. С. 5; Т. XXV. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 339.

³ Юрченков В.А. Начертание мордовской истории. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. С. 57.

- ⁴ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. С. 157; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Знак, 2004. С. 352.
- ⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr 7 (1506–1539). Parengė I. Ilariene, L. Karalius, D. Antanavičius. Vilnius: Mosklo ir enciklopedijų leidykla, 2011. P. 389.
- ⁶ *Бахтин А.Г.* Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т, 2012. С. 164–175.
- ⁷ *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 164.
- ⁸ Там же. С. 170.
- ⁹ Там же. С. 134.
- ¹⁰ *Ефимова М.Ф.* История в песнях. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. С. 43; Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания / Сост. В.А. Аккорин. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1991. С. 165, 244; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10: Легенды, предания, былички / Сост., пер., предисл., коммент. Л.В. Седовой. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. С. 209; *Четкарев К.А.* Марийское предание об Акпарсе (из истории покорения Казани Иваном Грозным) // Тр. Марийского НИИ языка, литературы и истории. Вып. VII. Йошкар-Ола, 1955. С. 63–68; *Ширяева П.Г.* Новые фольклорные материалы о марийско-русских взаимоотношениях в период присоединения Поволжья к России // Марийская литература, искусство и народное творчество / Ред. К.К. Васин, М.А. Георгина. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1966. С. 155.
- ¹¹ См., например: *Напольских В.В., Чураков В.С.* Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Приуралья к началу XIII в. // История татар с древнейших времен. Т. III. Улус. Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 470; Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века: «Круглый стол» в Институте российской истории РАН 14 ноября 2002 г. / Под ред. А.Н. Сахарова, В.В. Трепавлова. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. С. 10.
- ¹² *Сахаров А.Н.* История Мордовии в современном прочтении // История и историки: историогр. вестник. 2013–2014 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2015. С. 317.
- ¹³ См.: *Пенской В.В.* Начало Ливонской войны: набег русских войск в Ливонию зимой 1558 года // Научные известия Белгородского государственного университета. 2012. № 13 (132), вып. 23. С. 88.
- ¹⁴ История Мордовии с древнейших времен до середины XIX века / Под ред. Н.М. Арсентьева, В.А. Юрченкова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. С. 101; *Заварюхин Н.В.* Очерки по истории мордовского края периода феодализма. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. С. 28.
- ¹⁵ См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 9: Мордовские народные песни Заволжья и Сибири / Сост., комм., указ. И.С. Сибиряка (Позяева). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. С. 86–105.
- ¹⁶ Цит. по: Очерки истории Удмуртской АССР. Т. I / Гл. ред. И.П. Емельянов. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. С. 83.

- ¹⁷ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10. С. 209.
- ¹⁸ *Горсей Дж.* Сокращенный рассказ, или Мемориал путешествий // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / Подгот. текстов, вступ. ст. и комм. Ю.А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1986. С. 224.
- ¹⁹ *Заварюхин Н.В.* Указ. соч. С. 29; Очерки истории Мордовской АССР. Т. I / Под ред. В.Н. Бочкарева и др. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1955. С. 97–100.
- ²⁰ *Юрченков В.А.* Начертание мордовской истории. С. 291.
- ²¹ *Юрченков В.А.* Мордовская история: Курс лекций. Саранск: Константин Шапкарин, 2014. С. 140.
- ²² См.: Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.: Наука, 2003.

Литература

- Бахтин, А.Г.* Марийский край в XIII–XVI веках [Текст]: очерки по истории. Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т, 2012. 660 с.
- Герберштейн, С.* Записки о Московии [Текст] / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
- Горсей, Дж.* Сокращенный рассказ, или Мемориал путешествий [Текст] // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / Подгот. текстов, вступ. ст. и комм. Ю.А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1986. С. 151–224.
- Ефимова, М.Ф.* История в песнях [Текст]. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. 125 с.
- Заварюхин, Н.В.* Очерки по истории мордовского края периода феодализма [Текст]. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. 296 с.
- История Мордовии с древнейших времен до середины XIX века [Текст] / Под ред. Н.М. Арсентьева, В.А. Юрченкова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. 344 с.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей [Текст]. Текст, перевод, комментарий / Ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. 496 с.
- Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания [Текст] / Сост. В.А. Акцорин. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1991. 287 с.
- Напольских, В.В.* Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Приуралья к началу XIII в. [Текст] / В.В. Напольских, В.С. Чураков // История татар с древнейших времен. Т. III: Улус. Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 470–477.
- Очерки истории Мордовской АССР [Текст]. Т. I / Под ред. В.Н. Бочкарева и др. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1955. 576 с.
- Очерки истории Удмуртской АССР [Текст]. Т. I / Гл. ред. И.П. Емельянов. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. 288 с.
- Пенской, В.В.* Начало Ливонской войны: набег русских войск в Ливонию зимой 1558 года [Текст] // Научные известия Белгородского государственного университета. 2012. № 13 (132), вып. 23. С. 82–88.

- Петрухин, В.Я.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье [Текст] / В.Я. Петрухин, Д.С. Раевский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Знак, 2004. 416 с.
- Полное собрание русских летописей [Текст]. Т. IX: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
- Полное собрание русских летописей [Текст]. Т. XVIII: Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.
- Полное собрание русских летописей [Текст]. Т. XXV: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 463 с.
- Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века [Текст]: «Круглый стол» в Институте российской истории РАН 14 ноября 2002 г. / Под ред. А.Н. Сахарова, В.В. Трепавлова. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. 81 с.
- Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. [Текст] / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.: Наука, 2003. 378 с.
- Сахаров, А.Н.* История Мордовии в современном прочтении [Текст] // История и историки: историогр. вестник. 2013–2014 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2015. С. 313–325.
- Устно-поэтическое творчество мордовского народа [Текст]. Т. 9: Мордовские народные песни Заволжья и Сибири / Сост., комм., указ. И.С. Сибиряка (Позяева). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. 352 с.
- Устно-поэтическое творчество мордовского народа [Текст]. Т. 10: Легенды, предания, былички / Сост., пер., предисл., коммент. Л.В. Седовой. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. 256 с.
- Четкарев, К.А.* Марийское предание об Акпарсе [Текст]: (из истории покорения Казани Иваном Грозным) // Тр. Марийского НИИ языка, литературы и истории. Вып. VII. Йошкар-Ола, 1955. С. 151–172.
- Ширяева, П.Г.* Новые фольклорные материалы о марийско-русских взаимоотношениях в период присоединения Поволжья к России [Текст] // Марийская литература, искусство и народное творчество / Ред. К.К. Васин, М.А. Георгина. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1966. С. 152–161.
- Юрченков, В.А.* Мордовская история [Текст]: Курс лекций. Саранск: Константин Шапкарин, 2014. 276 с.
- Юрченков, В.А.* Начертание мордовской истории [Текст]. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. 612 с.
- Lietuvos Metrika [Текст]. Knyga Nr 7 (1506–1539). Parengė I. Ilariene, L. Karalius, D. Antanavičius. Vilnius: Mosklo ir enciklopedijų leidykla, 2011. 1041 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аманжолова (Киселева) Дина Ахметжановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН amanzholova19@mail.ru

Асылбеков Малик-Айдар Хантемирович (1929-2015), академик Национальной АН Республики Казахстан (2003), заслуженный деятель науки Казахстана (1998)

Ахмадуллин Салават Зямилович, научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН salahmad@mail.ru

Ганич Анастасия Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки МГУ windy_moon@mail.ru

Гагагова Людмила Султановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН lgochshtat@mail.ru

Дроздов Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН k-drosdow@yandex.ru

Идрисов Юсуп Магомедович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства markes06@mail.ru

Каяев Ильяс Абдулмеджидович, старший преподаватель кафедры истории Российского государственного университета сервиса и туризма (филиал в Махачкале) shahmardan@mail.ru

Котюкова Татьяна Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН kotyukova@mail.ru

Марчуков Андрей Владиславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН marchukov@mail.ru

Рахаев Джамал Якубович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН jamal_rv@mail.ru

Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН trepavlov@yandex.ru

Федосова Эльмира Петровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН narodyiri@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3

К юбилею Центра

<i>К.С. Дроздов.</i> «...Эти 20–25 человек должны состоять из генералов и офицеров исторической науки...»: Отдел общих проблем истории народов СССР в 1969–1971 гг.	4
<i>Э.П. Федосова.</i> Из истории Центра истории народов России и межэтнических отношений	31

Исследования и документы

<i>Д.А. Аманжолова.</i> «...Все-таки я думаю, Вы на это письмо что-нибудь и ответите...»: Обращения крестьян Казахстана во власть, 1925–1926 гг.	43
<i>М.Х. Асылбеков.</i> Вклад академика А.М. Панкратовой в историческую науку Казахстана	71
<i>С.З. Ахмадуллин.</i> Мурад Рамзи о средневековой истории башкир (фрагмент перевода «Талфик ал-ахбар»...)	86
<i>А.А. Ганич, Дж.Я. Рахаев.</i> А.Р. Церетели в интеллектуальной культуре пореформенной Грузии	104
<i>Л.С. Гагагова.</i> Периферийный сепаратизм и революция 1917 г.: причина или следствие? (случай Кавказа)	149
<i>Ю.М. Идрисов.</i> Тюмень на Тереке: от ордынского улуса к кавказскому княжеству	182
<i>И.А. Каяев.</i> К вопросу о термине «хъириб-шамхал/крым-шамхал»	193
<i>Т.В. Котюкова.</i> Денежное обращение в Русском Туркестане и Бухарском эмирате: Справка А.А. Семенова «По вопросу о современном обращении персидских кранов в Средней Азии»	220
<i>А.В. Марчуков.</i> Украина глазами российского «освободительного» движения: истоки коллективного стереотипа	259
<i>Дж.Я. Рахаев.</i> Неудобные герои Второй мировой войны: Стенограммы бесед с Героями Советского Союза – представителями депортированных народов (У.А. Абдурамановым, А.Ю. Байсултановым, Б.Т. Басановым) Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР	280
<i>В.В. Трепавлов.</i> Мордва и Российское государство: особенности этнокультурного контакта	330
Сведения об авторах	341

Научное издание

**ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
И ДОКУМЕНТАХ**

Выпуск 8

*Утверждено Ученым советом
Института российской истории РАН*

Редактор: Л.С. Новоселова-Чурсина
Компьютерная верстка Л.П. Андриановой

Подписано к печати 05.06.18. Заказ № .
Формат 60×84/16. Гарнитура NewtonГТ
21,5 п.л. 20,94 уч.-изд.л.
Тираж 300 экз.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19